Булат Рафиков

В ожидании конца света

Булат Рафиков

В ожидании конца света

УФА
«КИТАП»
1996

ББК 84 Баш
Р 26

Перевод с башкирского Марселя ГАФУРОВА

Рафиков Б. З.

Р 26 **В ожидании конца света:** Роман: Перевод с башк. М. Гафурова. — Уфа: Китап, 1996 — 320 с.

ISBN 5-295-01561-0

Роман посвящен борьбе башкирского народа против татаро-монгольского нашествия в первой половине XIII века. Особый интерес вызывают образы батыра Бушман-бея, мальчика Гильметдина — будущего эмира Египта, венгерского монаха Юлиана и поэта Кул Гали.

Р $\frac{4702110100-26}{М\ 121(03)-96}$ 61—96 **ББК 84 Баш**

ISBN 5-295-01561-0

Нередко, когда я сижу за письменным столом, задумавшись над чистым листом бумаги, вдруг заставляет меня встрепенуться донесшееся откуда-то из дальней дали конское ржание. И тут же в царившую в душе тишину врывается гулкий топот— это сердце мое топочет, сердце, словно обернувшееся яростным скакуном.

Куда мчит меня стремительный аргамак в желтизне рассвета? В глубь времени, к предкам моим, в круговерть давно минувших дел и событий.

На сей раз, похоже, умчал он меня очень далеко, намного дальше, чем случалось прежде...

Автор

Часть первая

ВСАДНИКИ ГОДА ОВЦЫ

1

В предвечерний час, — усталое солнце уже скатывалось к своей ночной обители, — на холм, круто обрывающийся у моря, взлетела ватага всадников, было их с десяток. Успокаивая взмыленных, готовых, казалось, с разлету ринуться в морскую пучину коней, они закружились на месте, огляделись. Внизу, у кромки воды, было пустынно; дальше, на гребнях волн, катились белые барашки, среди них покачивалось судно, не то приближаясь, не то, напротив, отдаляясь от берега.

Предводитель всадников, узколицый старик в красном бешмете и легком лисьем малахае, торопливо спешился и, подойдя к обрыву, приставил ко лбу руку с висевшей на запястье плеткой. На судне будто этого только и ждали — трепыхнулся на мачте белой бабочкой и напрягся парус, затем — второй, третий...

Ясное дело, судно отплывало, иначе не подняли бы парусов.

— Они! Уходят! — прохрипел предводитель всадников и рванул из сагайдака лук, но не успел установить стрелу

на тетиве — одии из его спутников, дюжий и, на первый взгляд, медлительиый мужчииа, почтительно троиул его руку.

— Бесполезио, Азиай-турэ *! Не смеши людей. Да и не оии это, может быть...

— Но ведь, Гильмаи-батыр, тот грек направил нас имеиио сюда!

— Зиать бы еще, что у этой лисы на уме!..

— Я ему поверил, крепко поверил!..

Эти двое были из далекого башкирского племеии Юрматы. Привела их иа берег моря беда.

Раиией весиой татаро-монгольский отряд, промышлявший грабежом в Кипчакской степи, завернул иа башкирские земли, дошел до юрматынских кочевий у крутого изгиба Ак-Идели **. Пришлось поубавить его прыть силой оружия. Загиаиные в гориую теснину охотники до чужого добра перед лицом смертн вспомнили о заключенном еще при самом Чиигиз-хаие мириом соглашеиии с башкирами ***. Выставили крикуиов, предложили прекратить кровопролитие, пропустить отряд к Майкы-бею, послу их великого кагана. Башкирам ие присуща кровожадиость, да и вкоиец портить отиошения с татарами было бы иеразумно — согласились.

Посол Майкы-бей жил в ставке хана Акташа иа горе Тура-тау. Вот туда, на север, и направился было татаро-моигольский отряд, но опять совершил злодеяиие — разорил встретившиеся иа пути летиие стояики юрматыиццев, похватал молодых женщин, детей н, путая след, ушел иа закат солица. А погоия кииулась в противоположную староиу. Пока выясиилась ошибка, прошло иемало времеии. Послали гоицов к Майкы-бею — он от всего отнекался: «Не зиаю, ие видел, ие слышал».

Как быть? Кое-кто советовал смириться, стисиув зубы, с горькими потерями, забыть о необходимости отмщеиия. Но такого рода советы были отвергиуты по двум причииам.

Во первых, в числе захвачеиных иалетчиками жеищин и детей оказались молодая жеиа предводителя племеии Таймаса и его сыи-последыш Гильметдин. (Хотя башкиры не утратили еще почтеиия к своим старым богам, уже не первое их поколение поклонялось также пророку Мухам-

* Турэ — лнцо, облеченное властью.

** Ак-Идель (Агидель) — река Белая.

*** Согласно запнскам венгерского монаха Юлнана, башкиры 14 лет (1223—1237 гг.) не покорялнсь татаро-монголам, сохранялн независимость.

меду, и вошло в обычай давать детям такие вот чужестранные — арабские и персидские — имена.) Впрочем, дело тут не столько в том, что отец Гильметдина возглавлял племя, сколько в самом мальчике. Он родился с печатью Тенгри * на левой лопатке. Родимое пятно дало старейшинам основание предсказать ребенку судьбу башкорта **, объявить его надеждой племени и передать на воспитание кан-бабе ***.

Во-вторых, вскоре разнеслась по кочевьям весть, что налетчики где-то в верховьях Кук-Идели **** продали пленных в рабство, что какой-то торговец увез мальчиков дальше на запад. По совету старейшин в погоню за этим торговцем отправился сам кан-баба Азнай-бей.

Все лето провели Азнай-бей и его спутники в пути. Сколько дорог изъездили, сколько рек пересекли, пока напали на след! Юрматынцам к седлу не привыкать, не боятся они натереть мозоли на ягодицах, но и тот торговец был сметлив и проворен. Догнали его караван на стоянке у переправы через Большую Идель *****, напротив горы Сары-тау ******. Дали отдохнуть коням, приготовились к схватке и кинулись на караванщиков в вечерних сумерках, да не повезло. Охранников в караване оказалось больше, чем нападавших, и были они хорошо вооружены — меткими стрелами повыпололи егетов Азнай-бея. Только четверо остались целы, остальные были убиты или ранены. Пришлось юрматынцам, подобрав убитых, отступить.

Пока совещались, как быть дальше, совсем стемнело. Похоронили погибших при свете костров. Раненых Азнай-бей решил отправить в обратный путь под охраной двух уцелевших егетов. Сам он о возвращении в племя без отмеченного богом воспитанника и других детей помыслить не мог. Остался при нем лишь Гильман-батыр, сильнейший и опытнейший из его спутников.

---

* Тенгри — верховный языческий бог (Солнце).

** Баш-корт — «матерый волк» — глава племени, рода или руководитель, входивший в высший совет племени. Существует мнение, что отсюда — и этноним «башкорт» (башкир), давший имя народу.

*** Кан-баба — лицо, совершающее мусульманский обряд обрезания. Здесь — попечитель нравственных устоев и обычаев племени. И после принятия ислама у башкир эта, по сути жреческая, функция долго еще сохранялась.

**** Кук-Идель — река Дема.

***** Большая Идель — Волга.

****** Сары-Тау — Желтая гора, давшая название городу Саратову.

На рассвете торговец, погрузив свонх людей, коней н верблюдов на соединеиные настнламн лодкн, отплыл к другому берегу велнкой рекн. Короче говоря, плененные детн были упущеиы. Увидев на реке лодки, Азнай-бей не схватился, как сегодня, за лук, а молча указал рукоятью плетки вверх по течению: поскачем туда! Они слышалн, что где-то там у Большой Иделн летует кнпчакский бей Бушмаи.

Имя Бушман-бея известно в башкирскнх кочевьях всем, а юрматынский кан-баба не раз встречался с ним и мог бы рассказать о нем немало ннтересного.

Кто из кипчакских ханов могуществеинеи всех? Конечно, Котян. Вместе с тем хитер ои и вероломен. В памятном году Лошади (1222), когда вонны Чнигиз-хаиа, ведомые Субудаем и Джебэ, вырвавшись из тесиии Кавказа, хлынули двумя лавинамн иа равиииу и иависла опасность иад Дештн-Кнпчаком *, Котян вступнл в обороннтельный союз с алаиами, но в решающнй час предал союзннков. Субудай, умеющий, еслн иадо, нсточать из уст своих мед, прислал ему письмо: мы, мол, с вамн один народ, люди одного корня, аланы для нас чужие; коль договоримся не прнчннять урона друг другу — получите столько, сколько душа желает, золота и зиатиых одежд, оставьте аланов нам... Оставнли. А татаро-монголы, разгромнв алаиов, тут же обрушились на кнпчаков. Вместо обещанных мешков с золотом получил хан Котян по зубам. Пришлось ему спасаться бегством, кляня ковариого Субудая и теряя, что нмел. Гонца за гонцом посылал хан к зятю своему галицкому князю Мастнслябу (Мстнславу) по прозвнщу Удатному — проснл помощн.

А каким боком все это касается Бушман-бея? Хорошо зиает Азнай-турэ, что Бушмаи ходил в ту пору под рукой хана Котяна.

Мастисляб Удатный поннмал: тесть его прав, татары, разбив кипчаков, набросятся иа урусов. Поэтому предложил он созвать князей в Куябу ** на совет, вместе подумать, как оборонnться от врага. Да киязья урусов жнли недружио, ие все приехалн. Может быть, кое-кого удержалн дома и разосланные Субудаем пнсьма. «Мы прншлн, чтобы наказать преступников-кнпчаков, земли ваши нам не нужны», — вот что, говорят, напнсал одноглазый багатур Чиигиз-хаиа князьям урусов. Коли так, решили иные нз ннх, стонт ли заступаться за поганого Котяна? Пусть вон зять за него заступнтся.

* **Дешти-Кипчак** — то же, что Кипчакская степь.

** **Куяба** — Киев.

Все же съехавшиеся в Куябу князья договорились выступить против общего врага вместе с кипчаками. Завидев их войско, татары обратились в бегство. Бежали двенадцать дней, до реки Калки, бежали, хитро заманивая урусов в ловушку, и порубили большинство из них, а пленных князей уложили на землю, придавили досками и на этом помосте устроили победный пир. Котян в разгар битвы смазал пятки, Бушман же со своими егетами сражался до последней возможности, но сумел избежать плена. Вот после этого, не простив хану вероломства, бей разошелся с ним. В связи с этим же верные Бушману кипчаки оказались на берегах Яика и Сакмары, по соседству с башкирами.

Субудай-багатур с Джебэ-нойоном, а также Тохучар-нойон, догнавший их с повелением великого кагана вернуться назад, повернули коней на восход солнца. Их тумены * пошли по неразграбленным еще землям и понесли немалый урон в схватках с булгарскими засадами. В башкирских владениях поднялся против них союз семи племен. Башкиры применили главную свою военную хитрость — встретили врагов в распадке меж горами, притягивающими железо. Татаро-монголы, пораженные тем, что их меткие прежде стрелы с железными наконечниками тут отклонялись, улетали в сторону от цели, отступили в страхе. Говорят, Субудай велел своим шаманам обратиться к богам за разъяснением столь странного обстоятельства. Главный его шаман, погадав на бараньей лопатке, объявил, что с таким загадочным народом лучше не ссориться.

Так ли в точности все было, нет ли, но Субудай, будто бы убоявшись вернуться к Чингиз-хану без войска, встретился с башкирскими сардарами ** и договорился жить с ними в мире, обменявшись послами. При этом свирепый багатур сладкоречиво улещал собеседников и тем, что сам он, де, тоже тюрок из кровно-родственного башкирам племени Урянхой. Башкирам же и без того был желателен мир, а не кровопролитие.

Вскоре на башкирскую землю почти одновременно ступили татаро-монгольский посол Майкы-бей и предводитель отколовшихся от хана Котяна кипчаков Бушман-бей. Шел год Овцы (1223), и посол старался убедить башкир, что татаро-монголы смирны и безвредны, как овцы. Бушман, напротив, твердил, что нет народа коварней, чем они,

* Тумен — войсковое соединение, насчитывавшее 10 тысяч воинов.
** Сардар — военачальник.

что эти страшные люди могут напасть в любой час, и призывал готовиться к отпору.

Спустя шесть лет — то был год Быка (1229) — Майкы-бей иеожидаино исчез, чем вызвал тревогу и догадку о скором нашествии татаро-моигольского войска. Обеспокоенный Бушман-бей съездил иа переговоры с булгарами. Вернувшись, выбрал место для встречи врага у впадения Ори в Яик. Соблюдая великую предосторожиость, выкопали там миожество скрытых ям, устроили всякого рода западни.

Азнай-бей сам был свидетелем того, что затем произошло. Завлекли татаро-монгольскую коииицу в ловушку, нещадио разили растерявшихся врагов и стрелами, и копьями, и саблями. Вот там Азиай-бей и увидел впервые Бушмана, избранного главным сардаром объединенного войска.

Ай-бай, сколько полегло тогда народу! Посчитали потом, сравиили — татаро-монгольских трупов оказалось больше, иамного больше. Были, наверио, и такие, кто спасся бегством, ио два их тумеиа устлали мертвыми телами берега Ори, и вода в реке покрасиела от человеческой крови.

Врезались тогда в память Азная слова, брошенные Бушмаиом. К ногам сардара положили отсеченную голову монголо-тысяцкого, а он зло отпиииул ее: «Я тебе не хан Котяи, чтобы при одиом лишь твоем виде спину показывать!». Поздней, сблизившись с Бушмаиом и услышав от него о битве на Калке, Азнай понял, почему кипчак сказал так. От Бушмаи-бея же услышал, что татаро-моиголы возле устья Ори потерпели первое серьезиое поражеиие и не забудут об этом — будут мстить.

Спустя примерио месяц после сражения на Ори пропавший было Майкы-бей объявился сиова. Разговаривал ои иагло, обвииил башкир в нарушеиии договора, требовал возместить нанесенный татаро-моиголам ущерб, поймать и выдать им Бушман-бея, грозил в случае невыполнения этих требоваиий жестокой карой. Главы племеи, посовещавшись, согласились откупиться коиями и другим скотом, а насчет Бушман-бея сказали твердо: мы кровных своих братьев ие предаем! Майкы-бей вконец распалился, повел себя так, будто не посол он, а баскак, будто не татаро-монголы, а башкиры, булгары и кипчаки были разбиты в том сражении. Но что поделаешь, было у посла иа кого опереться: до Хорезма — не так далеко, а там иабрал силу молодой хаи Батый, Чингизов виук, сын убитого загадочным образом Джучи-хана. И Батый, и

поднятый после смерти Чингиз-хана на белой кошме почета каган Угедей мечтают кинуть под копыта своих коней весь мир, и туменам их, говорили, нет числа.

Обострившиеся донельзя отношения с послом немного разрядил тот же Бушман. Он неожиданно вошел в юрту, где Майкы-бей злобился на юрматынских старейшин, и, опустившись на кошму, положил перед собой плетку, что значило: хочу слово сказать.

— Кто это? Кто его позвал? — изумленно вскинулся Майкы-бей.

— Я такой же незваный гость, как ты, — усмехнулся вошедший. — Тюрок, кипчак Бушман-бей. Ты тоже считаешь себя тюрком, но назвать тебя братом я не могу, потому что ты продал душу Иблису *, служишь разбойникам...

— Что?! Да за оскорбление посла великого хана!.. — Майкы-бей захлебнулся собственным криком.

Старейшины встревоженно загомонили — мол, не надо ссориться, следует уважать почтенное собрание. Два телохранителя, стоявшие за послом, схватились за рукояти сабель. Бушман-бей, качнувшись назад, приоткрыл дверной полог: взгляните... Напротив входа в юрту, приставив стрелы к тетивам луков, полукругом стояла конная сотня его егетов.

В юрте наступила тишина.

— Я не жажду крови, — продолжил свою речь Бушман-бей. — Но пришел сюда с воинами, зная, что ты, Майкы-бей, отравлен ядом коварства. А сказать я должен вот что: откочевываю из этих мест. Не беспокой юрматынцев, требуя выдать меня. Коль причинишь им зло — прилечу быстрей птицы и не успокоюсь, пока не набью твой распоротый живот землей...

Майкы-бей подскочил, как ужаленный. Третий его телохранитель, стоявший молчком у входа, рванул из ножен саблю. Но Бушман-бей, должно быть, краем глаза следил за ним — в мгновение ока перехватил руку татарина, обезоружил и отшвырнул его от себя.

— Смотрите, вы, чужеземные собаки! И вы, юрматынцы, смотрите! Эта сабля — монгольская, а эту, мою, выковал башкорт. — Резким ударом предводитель кипчаков перерубил монгольскую саблю. — Как лозу, крошили мы на Ори такие кочерёжки вместе с их хозяевами. Не забывай об этом, толстобрюхий!

Круто повернувшись, Бушман-бей вышел из юрты.

* Иблис — дьявол, олицетворение злых сил.

Не сказать, чтобы Майкы-бей после этого заметно изменился — собаку не отучишь лаять. Но не мог уже он обвинять башкир в укрытии на своей земле врага татаро-монголов, а при сложившихся обстоятельствах и это было немаловажно...

Потерпев неудачу у Сары-тау, кан-баба отыскал стоянку Бушман-бея с мыслью попросить у него подмогу и вновь кинуться за караваном. Но Бушман-бей не отпустил его сразу же, причину объяснил так:

— Единственное место, куда могут направиться люди, за которыми вы гонитесь, — Таманторган *. В Су-даге ** невольничий рынок побольше, но туда они не пойдут — крымские дороги опасны, кишат лихими людьми. Вы утомлены, отдохните. Мать Гильметдина — дочь кипчака, значит, выручить мальчика — и наш долг. Дам вам самых проворных своих егетов. Успеете, догоните караван...

В словах Бушман-бея звучала дружеская забота о восстановлении сил усталых путников, но, кажется, не в меньшей мере хотелось ему порасспросить их, узнать, что нового у башкир. Его искренний интерес к жизни юрматынцев глубоко тронул Азнай-бея, развязал язык. Рассказал он, что племя по-прежнему зимует в долинах Зая и Шешмы, а весной возвращается к излуке Ак-Идели, летует в окрестностях Тура-тау, Шаке-тау и Куш-тау. Только вот в последнее время, сокрушенно заметил кан-баба, частенько вспыхивают ссоры из-за пастбищ. Издалека, со стороны Алтая, прикочевали племена Табын, Катай и Кузян. Майкы-бей, сам табынец, держит их сторону...

Это сообщение особо заинтересовало Бушман-бея.

— Вот каким путем татарские собаки лишают вас земель и вод! — воскликнул он и, помолчав в раздумье, посоветовал: — А вы против них же это и оберните. Смотрите на прикочевавших не как на врагов, а как на кровных родичей, и сила ваша умножится. Язык у вас один, обычаи одинаковы. Во всяком случае, не татаро-монголы же, а пострадавшие от них, из-за них покинули свои кочевья. Коль поклоняются не Аллаху, а Тенгри, что ж! Разве сами вы раньше были не той же веры?..

— Так, так, — покивал головой Азнай-бей.

— Последняя большая новость, наверно, еще не дошла до кочевий юрматынцев, а если и дошла, тебя там уже не было, — продолжал Бушман-бей. — На курултае в Каракоруме сыновья и внуки Чингиз-хана договорились ис-

* Таманторган — Тамань.
** Су-даг — «вода и гора» — Судак.

полнить главный его завет, двинуться в поход до Последнего моря. Заплывший жиром хитрец Котян зол на меня, однако же прислал гонца, предупредил об этом. Есть у него в татарском стане свои глаза и уши. Думаю, не лукавит. Ищет союзников.

— А где это Последнее море, в какую сторону они пойдут?

— На магриб *. Прямой путь туда — через Дешти-Кипчак.

— Но это же... — Взволнованный юрматынец не сразу подобрал нужные слова. — Не перекочевать ли тебе, бей, к Ак-Идели? Они же тебя... — Завершая мысль, Азнай-бей наискось рассек ладонью воздух.

— Знаю. Пощады не жду. Но кто может поручиться, что всепожирающий пал не опалит и башкирские земли? Ты скажешь: есть у вас соглашение с татарами. Только ведь верить их слову...

— Выходит, неспроста завернул к нам тот отряд, — сделал вывод Азнай-бей, поразмыслив.

— Затея Субудая. Так он приучает свою молодь к кровопролитию. Может, надеялся и что-нибудь про Дорогу Кунгур-буги ** выведать — ведь, еще возвращаясь с Калки, выпытывал вашу тайну. Ну и, заодно, — добыча...

— Мы им руки подкоротили, да потеряли все же Гильметдина с матерью!..

— Насчет матери забудь, ее, скорей всего, отправили в Хорезм. А от Гильметдина не отступайся!

Не отступился Азнай-бей. С десятком кипчакских егетов, которых дал ему Бушман, добрался-таки до Таманторгана. И вот стоит он на берегу моря. Перед ним скользит по волнам, удаляясь, судно. И не догнать его. Лишь для крылатого тулпара море — не препятствие, а под юрматынцами — обыкновенные кони, не наделил их Всевышний крыльями. Что остается теперь всадникам, кроме как кусать в досаде губы? Ну, надо же — три месяца бесполезной скачки, все старания пошли прахом!

А может быть, прав Гильман-батыр? Почему Гильметдина должны были увезти именно на этом судне? Надо обшарить весь берег, надо опять расспросить того грека. Скорей, скорей!

Азнай-бей вложил лук в сагайдак, легко вскочил на коня.

* Магриб (араб.) — запад.

** Дорога Кунгур-буги — тайный путь башкир по хребтам Южного Урала. Существует легенда, согласно которой путь этот открыл человек, искавший пропавшую корову по кличке Кунгур-буга.

2

Утром они уже побывали у городских причалов, разглядывали рыбаков, согнанных на берег разбушевавшимся ветром, и лодки, лежавшие вверх днищами на песке. Степняки, не знающие морского дела, они все же понимали, что невольников перевозят за море на судах покрупней, чем эти рыбацкие посудины. Егеты-кипчаки, выяснив, что маленькие юрматынцы были доставлены в Таманторган и перепроданы хозяину какого-то судна, посоветовали Азнай-бею порасспросить знакомого им грека, державшего в городе заезжий двор с харчевней.

— За деньги он самого Иблиса отыщет, — заверил унбаши * Беркут.

Азнай-бей не пожалел золотую монету, даже две, и грек, вроде, говорил правду. По его словам, что-то вспугнуло работорговца, спешно угнал он невольников из города. В ту же сторону ушло судно, а там можно пристать к берегу в одном-единственном месте.

Помчались в указанное греком место, надеялись перехватить... Опоздали!.. От этой мысли холодело сердце Азнай-бея, когда возвращались в город, оглядывая береговую полосу. Но гляди — не гляди, что было теперь толку! Кругом — пусто! Лишь неподалеку от причалов один из егетов воскликнул:

— Смотрите! Они испугались бури, приплыли обратно!

Вскинулись поникшие головы. Там, куда егет указал плеткой, торчали мачты большого судна. Кипчаки заторопили коней, но Гильман-батыр придержал их, посоветовав:

— Не надо спешить, насторожим их. Теперь никуда не денутся.

Азнай-бей подтвердил его слова кивком.

Повели коней неспешным шагом — будто бы просто так едут. Разглядывая судно издали, делились наблюдениями:

— Люди сходят на берег...

— А вон с другого конца что-то сгружают. Бочки, большие бочки...

— Детей не видно...

— Рабов они, наверно, внизу, в погребе своем держат...

— Удастся ли захватить такой корабль? Ай-хай!..

В душе Азнай-бея столкнулись противоречивые чувства. Егетов у него, чтобы напасть на такое судно, явно не хватает. Не нанять ли склоняющихся тут без дела отчаян-

---

* Унбаши — десятник, командир первичного звена в войске.

ных людей? Найдутся, иаверно, среди иих такие, кто готов ради хорошего угощения рнскнуть головой. Только вот не лежит к ним сердце, доверяться им опасио. А может, при виде золотых монет разгорятся глаза у самого работорговца? Тогда вериут онн Гильметдина без кровопролития — и айда в степь! И об остальных детях Азиай-бей, коиечно, не забудет, ио прежде всего — Гильметдин!.. А если торговец и разговаривать не захочет? Сабля иадежней деиег. Да жаль, мало у бея егетов, ах, мало! Или уж опять посоветоваться с тем греком?..

— Высокий корабль, ие запрыгиешь иа иего!

— Нужны лодки и веревки с крючьями.

— А они — топором по веревке или тебе по шее!

— Смотрите, привязывают корабль к берегу!

— Зиачит, не собираются уходить. Буря усиливается.

— Бэй *! Да это же не тот корабль. Совсем другой!..

И впрямь — другой. С близкого расстояния все это увидели.

Придержав коней, всадиики уже нз простого любопытства разглядывали людей, сошедших иа берег и теперь иаправлявшихся в город. Который нз иих хозяии судна? Ои, как представлялось, должеи был важио шагать впереди всех. Одиако гурьбу эту возглавляли четыре босяка. Шли оии, перекинув сапоги через плечо. Их серые долгополые, ниже колен, одеяиия были перехвачены в поясе пеньковыми веревками, а головы иичем ие прнкрыты. А-а, башлыки, пришитые к одеяииям, оказывается, откинуты у иих за спину. Шагали босяки, сплетя пальцы рук на животах и шевеля губами, — вроде как нашептывали молитву.

— Поглядите-ка иа иих — иастоящие страхилы!

— Это — неверные, иасара **. Видите, на шеях у них висят зиаки вроде куриных лапок.

— Ну и пугала! Показать в иашем кочевье, так все со страху разбегутся.

— Ладно уж, не смейтесь над убогнми! Будто мало оборваицев у иас в племени Юрматы!.. — миролюбиво сказал Гнльмаи-батыр.

Босяки вдруг остаиовились, о чем-то быстро переговорили меж собой, и одии из иих, выступив вперед, перекрестился, затем размашисто перекрестил всадников. Это очеиь ие понравилось Азиай-бею.

---

* Бэй! — возглас, выражающий удивление.

** Насара — христиане.

— Астагафирулла *! Иблис! — вскричал он и ожег коня плеткой.

Остальные, еще не до конца сообразив, в чем дело, поскакали за ним.

— Эй, не юрматынцы ли вы? — послышалось вслед.

Никто не ответил. Общаться с человеком иной веры, хотя бы даже издали переговариваться с ним — значит, осквернить свою душу, совершить грех. Сзади кричали еще что-то, но всадники неслись вскачь в сторону города, следуя за Азнай-беем.

Немного погодя Гильман-батыр поравнялся с кан-бабой.

— Куда мы едем?

— К тому греку...

Азнай-бей взглядом дал понять, что Гильман-батыр должен ехать, чуть отстав от предводителя, но тот продолжал скакать рядом.

— У тебя есть еще что сказать?

— Да, турэ. О тех странных людях...

— Ну-ну...

— Один из них крикнул: «Мы — унгары **!»

— Слуги Иблиса — вот кто они!

— И еще донеслось до меня: «Дьярмат-Юрматы! Дьярмат-Юрматы!» — кричали они. Ты не обратил внимания, турэ?

— Что только не придумает Иблис, чтобы сбить правоверного с истинного пути! Упаси, Аллах!..

* * *

Те четверо тоже по-своему оценивали, осмысливали эту встречу.

— Может быть, ты, брат Юлиан, ошибся, может быть, в речи этих дикарей тебе лишь послышалось слово «Юрматы»? — спросил один из них. — Когда очень хочется увидеть или услышать что-то, может и показаться, и послышаться...

— Нет, — возразил Юлиан, самый молодой из них. — Я отчетливо услышал слова: «...у нас в племени Юрматы». Да и старик, ускакавший первым, так схож с нашими стариками-дьярматинцами!

---

* Астагафирулла! (араб.) — прости, господи! Возглас, выражающий удивление и растерянность.

** Унгар — венгр.

— Если ты прав, если мы видели людей из племени Юрматы, остается лишь возрадоваться: это приближает нас к цели. Но по словам брата Отто, он на много дней пути удалился от моря и все же не дошел до древней Унгарии, а только разузнал, в какой она стороне. Я хочу сказать, возможно ли, чтобы юрматынцы появились здесь?

— Почему невозможно? Мы-то сами вон из какой дали добрались... Одно непонятно: отчего они кинулись прочь от нас и не остановились? Не поняли, кто мы? Или испугались — не видели прежде «псов господних»?

— Пожалуй, последнее. Выходит, мы первые, кто вступит в схватку с Дьяволом среди юрматынцев.

— Но сначала надо еще достичь древней Унгарии, исполнить волю великого магистра и короля, — уточнил брат Юлиан.

Это были монахи-доминиканцы. Чтобы стали понятными их облик и разговор, кинем взгляд в предшествующие годы истории.

Листая страницы всемирной летописи, можно подумать, что в начале XIII века Иблис, он же — Дьявол, Князь тьмы, Сатана, вдруг принялся бесчинствовать, особо досаждая католическому миру. Для объединения сил в борьбе с ним проповедник по имени Франциск основал в Италии в 1207 году от рождения Христова братство, или орден, увековечивший имя своего основателя. Надо полагать, под натиском францисканцев Дьявол чесанул на восток через земли, населенные православными христианами и мусульманами, и вновь оказался среди язычников в монгольской степи, в верховьях Онона — местах, уже хорошо ему знакомых. В 1206 году, в тот день, когда удачливый нукер Темучин был поднят на белом войлоке почета и принял имя «Чингиз-хан», коварный князь с коровьими копытами и хвостом, конечно же, участвовал в торжестве и даже, судя по всему, назначил свирепого монгола своим заместителем. До этого Темучин уже оказал ему услугу, разгромив войско властителя караитов * Ван-хана, принявшего католическую веру. Теперь они сговорились предпринять поход на западные страны и расстались, условившись, что Дьявол, пока Чингиз-хан накует побольше наконечников для стрел и подкормит коней, вернется в Европу, снова попытается посеять среди благочестивых католиков ересь и смуту.

Но и запад, надо сказать, не дремал. В 1215 году ис-

---

* Караиты — одно из сильнейших в то время племен Центральной Азии.

панский монах Доминик создал для противостояния Дьяволу еще один ордеи. Число его последователей быстро умножалось, — во всех странах, признававших духовную власть Ватикаиа, оии объединились в братства, избрали руководителей — великих магистров.

Весть о том, что татаро-моигольские тумеиы, круша все иа своем пути, домчались до берегов Диепра, откуда до граииц католического мира было рукой подать, ужасиула папу римского. Придя в себя и собравшись с мыслями, папа в 1232 году передал свою тайную полицию — святую инквизицию в ведение названых выше орденов. Фраицискаицы и домииикаицы были возведены в раиг «псов господних», дабы выиюхивать, выискивать и выметать с лица земли врагов католической церкви, слуг Дьявола.

Как раз в эти годы юиоша-дьярматинец, принявший при пострижеиии в моиахи имя «Юлиаи», и оказался в ряду тех, иад кем развевалось зиамя с изображеииями собачьей головы и метлы. Но есть основаиия думать, что в моиастырь привела его ие столько глубокая религиозность, сколько иеодолимая тяга к зианиям. Молодой любозиательиый монах проявил усердие в переписке богословских сочинений и по своей охоте осваивал иноземные языки, благодаря чему был утверждеи помощииком моиастырского библиотекаря — брата Рихарда.

А за иесколько лет до этого брат Рихард среди стариииых рукописей обиаружил текст на телячьей коже, из которого следовало, что существует или, по крайней мере, существовала иа свете еще одна Великая Уигария, что когда-то семь вождей увели оттуда свои племеиа и заселили долину Дуиая. О иаходке сообщили магистру ордеиа и королю уигаров. Сообщение заиитересовало их. По их поручеиию иесколько моиахов отправились на восток с целью отыскать родииу своих предков, обратить оставшихся там соплемеиииков в добропорядочных христиаи и подданных короля Белы Четвертого. Оии, простраиствовав более трех лет, ие достигли цели и повериули обратио. Лишь одии из них, брат Отто, проникиув под видом купца далее всех, встретил иа берегу многоводиой реки людей, говоривших на знакомом ему языке, и узиал, в каком направлении нужно искать древиюю Унгарию, а точнее — страиу башкортов, где обитает родствеиное Дьярмату племя Юрматы.

Тем временем в Эстергоме, королевской столице унгаров, отиошеиие к этому путешествию резко измеиилось. Старинный свиток из телячьей кожи приказано было уп-

рятать как можно дальше и никому не показывать. Брата Отто, дабы не рассказывал о том, что видел и слышал в пути, отправили неведомо куда.

Седовласый библиотекарь, поведав об этом Юлиану с глазу на глаз, поверг молодого монаха в недоумение. Отчего даже упоминание о своей древней родине в обители не допускается? Попробуй заговорить о ней с братьями-монахами — в лучшем случае высмеют, в худшем — обвинят в ереси и поспешат донести на тебя кому следует. Ну, их-то еще можно понять: большинство обитателей монастыря — люди грубые, невежественные. Им ненавистны те, кто умней их, кто наделен чувствительным сердцем и богатым воображением. Живи, как они, ни о чем не думая, ешь, пей, не упускай при случае встретившуюся на пути женщину, грабь, пытай, убивай, — тогда ты для них истинный брат. Да, этих можно понять. Но как понять короля, его окружение, церковных иерархов? Почему они решили предать прошлое забвению, ради чего наложили запрет на невинный текст? Хотят сказать: ниоткуда мы не пришли, земля эта извечно наша? Опасаются, что кто-то, прознав о свитке из телячьей кожи, оспорит право унгаров жить на Дунае? Или боятся, что подданные короля вдруг подадутся на родину предков?

Странно все это, очень странно! Брата Отто объявили лжецом — вот до чего дошло дело. В правдивости и его свидетельств, и сообщения древнего автора у Юлиана не было ни малейшего сомнения. Рассуждал он так: наши живущие на востоке родичи называют себя башкортами, а лет сто назад это слово было еще привычно и на берегах Дуная. В монастырском хранилище рукописей можно ознакомиться с записками арабских путешественников Масуди и Гарнати. Говоря о жителях Паннонии * они не раз упоминают «баджгирдов». И, наконец, в селении, где родился и вырос Юлиан, старики поныне втолковывают молодым: «Мы — башкорты, наши предки пришли сюда, последовав за унгарами, но часть нашего племени Дьярмат, по-старинному — Юрматы, и часть унгаров остались в той стороне, где восходит солнце».

От стариков слышал Юлиан предания о далеких синих горах и прозрачных реках с такой вкусной водой, какой больше нигде не сыскать; от них перенял чарующие напевы, которые кажутся ему неугомонными птахами, свившими гнезда в его душе. Птахи щебечут наперебой, переклика-

* Паннония — провинция Римской империи, в которую входила и часть территории современной Венгрии.

ются, как в утрением лесу; порой, примолкнув, слушают, как поет-заливается одна из них, ио вскоре все присоединяются к ией, и тогда от ликующего многоголосия сердцу стаиовится тесио в груди.

Удивительио — до прихода Юлиаиа в моиастырь птахи в его душе молчали. Подали голоса, когда вступил он в таинственный для большиинства людей мир рукописей. Воистиину, постижение неведомого есть приближеиие к Богу. Что это так, он особеино ясио почувствовал, тайком развериув свиток из телячьей кожи. Как взволиовалась его душа, в какие выси вознеслась! «Господи, благодарю за ииспослаииую мие радость, ие лишай меия и впредь твоей безграиичиой милости!» — взмолился Юлиан со слезами иа глазах.

Оставаясь в библиотеке иаедиие, Юлиаи виовь и виовь брал в руки потемиевший от времени свиток. Даже просто подержать его в руке было приятио. Свиток навевал мысли о прошлом и иеясные мечтаиия. Юлиану грезились сииие горы и прозрачные реки с такой вкусиой водой, какой больше нигде иет. Птахи в его душе ие щадили звоиких своих голосов. Ои потерял осторожность. Монах, послаиный настоятелем обители за братом Рихардом, углядел в руках Юлиана запрещенный свиток и поспешил обратио с доносом.

Представ перед настоятелем, Юлиан ии лукавить, ни оправдываться не стал — призиался, что да, прочитал это послание из прошлого и размышлял о прочитанном. Участвовавшему в допросе брату Рихарду не оставалось ничего другого, как сокрушеиио покачивать головой.

— Я вижу, ты поверил этой сказке! — Настоятель из-под сивых бровей кольнул Юлиаиа взглядом выцветших глаз. — Нет ли в душе твоей сомнеиия в святости церкви Христовой и главы ее — папы римского, иаместиика Божьего иа земле? В мыслях своих ты связал уигаров с безбожиыми язычииками, усомнился в том, что мы — возлюблениый Иисусом Христом народ. Понимаешь ли ты, что впал в тяжкий грех?

Грозиые вопросы задал настоятель, страшные слова произиес — в них отсвечивалось пламя костров иинквизиции. У Юлиаиа ослабли колени. Он облизнул пересохшие вдруг губы.

— Я не подумал об этом, святой отец...

Кажется, жалкий вид молодого моиаха смягчил сердце настоятеля моиастыря.

— Даю тебе время подумать! — сказал ои и, обер-

нувшись к брату Рихарду, пояснил: — Налагаю строгую епитимью...

Семь дней и семь ночей, получая лишь черный хлеб и воду, Юлиан должен был отмаливать свой грех и благодарить всевышнего за проявленное святым отцом милосердие — не на костер все же отправил. Монастырский карцер — темная, холодная келья — оказался местом, где поневоле задумаешься. Творя молитвы, Юлиан думал, что мог на допросе дать основательный ответ, напомнив святому отцу о долге католика умножать число сторонников своей церкви. С этой точки зрения, мысли о соплеменниках, погрязших в язычестве, оправдываются благой целью вывести заблудших на путь истинной веры. Разве не достигается эта цель даже с помощью оружия? Монахи оружия не носят, ставя вервие, которым опоясаны, превыше мечей, но еще большей силой обладает слово сокровенное, и Юлиан готов нести его во славу Божью хоть на край света...

Должно быть, дошли искренние молитвы и праведные мысли до престола небесного и путями незримыми возвратились на землю. Во всяком случае, так объяснил себе Юлиан неожиданный поворот в своей судьбе. На пятый день наказания его вдруг извлекли из каменного мешка, велели быстренько привести себя в порядок и повели к настоятелю монастыря, а там оказался и сам великий магистр ордена.

Человек с бледным властным лицом и пронзительным взглядом, вопреки молве о его жестокосердии, заговорил мягко, даже ласково. Сын мой, спросил великий магистр, что ты думаешь о путешествии брата Отто? Видя растерянность Юлиана, поставил вопрос по-другому: готов ли ты отправиться с нашего благословения в далекий путь в ту же сторону? Дождавшись согласного кивка, продолжал: надо отправиться без промедления, пользуясь теплым временем года, ибо в тех краях зимой бывает столь холодно, что люди не рискуют выходить из своих жилищ, путника вместе с конем может засыпать снегом. По словам хана куманов * Котяна... Тут великий магистр словно бы запнулся, помолчал, поглядывая то на настоятеля обители, то на молодого монаха, и свернул на другое: короче говоря, тебя, сын мой, будут сопровождать двое, нет трое братьев-монахов. Все, что увидите и услышите в пути, ты должен хорошо запомнить. Вернувшись, напишешь подробный отчет. Главная цель — отыскать древнюю Ун-

* Кипчаков русские называли половцами, на Западе — куманами.

гарию, дабы принять обитающих там сородичей наших под крыло святой католической церкви. Аминь!

Милость господня безгранична: молодой монах и ахнуть не успел, как тяжкий его грех обернулся благим делом. Если бы мысли об этом не завладели Юлианом полностью, он, возможно, не пропустил бы мимо ушей упомянутое великим магистром имя хана Котяна. Впрочем, имя повелителя куманов ничего ему не объяснило бы. Между тем, предстоящее путешествие было связано как раз с приездом хана в Эстергом, встречей его с королем и сообщенными им новостями. Из королевского дворца и поспешил великий магистр в монастырь. Юлиан не знал об этом. Не знал и о том, что его спутникам поручается нечто иное, а именно: выведать, так ли велика угроза с востока, как утверждает хан Котян. И хорошо, что не знал: главная цель, хотя бы в его душе, оставалась ничем не запятнанной.

Последователям святого Доминика собраться в дорогу— минутное дело, провизией мешки им не набивать, питаются в пути тем, что Бог пошлет. Отказавшись во имя Всевышнего от личного богатства, нищенство они почитали за счастье. Не удивительно, что людям, не испытавшим такого «счастья», монахи представлялись существами странными, выглядели в их глазах пугалами.

Нет особой нужды подробно рассказывать, как Юлиан и его спутники добирались до Константинополя, как нашли судно, отплывшее в сторону Кипчакской степи, и что пережили, качаясь в течение тридцати трех суток на волнах беспокойного моря. Для нас сейчас существенней то обстоятельство, что в Таманторгане монахи опять набрели на ускакавших от них юрматынцев. Объяснение тут простое: в городишке был всего один постоялый двор, и все странники в поисках пристанища стучались в конце концов в одну и ту же дверь.

Договариваясь с хозяином-греком о ночлеге, Юлиан углядел во дворе на привязи еще не остывших после скачки коней и заволновался.

— Гостей у тебя сегодня, гляжу, много. Из степи? — спросил он будто бы из обыкновенного любопытства.

— Оттуда. Ездят тут, морочат людям голову! — махнул рукой грек, но, почувствовав, что не удовлетворил монаха ответом, добавил: — Сын их вождя, что ли, угодил в руки татар, те продали его в рабство. Вот и прискакали эти черт-те откуда выручать мальчишку.

— И что же?..

— Опоздали. Такие дела тихо надо делать, а эти дикари

наехали с шумом-гамом, насторожили купцов. Хозяин судна принял товар в сторонке от города и ушел в море. Что ему буря! Знает, где можно укрыться от ветра. Переждет бурю — и домой!

— А откуда судно-то?

— Из Египта. Тамошний султан, вишь, мальчишек скупает, мамелюков из них растит. Воина ведь сподручней натаскивать с малых лет, верно?

— Верно, пожалуй... Скажи, а с их хозяином, — монах кивнул в сторону коней, — я смогу переговорить?

— Что ты, что ты! — Грек словно бы в испуге даже отшатнулся от монаха. — И не помышляй!.. Говорю же — дикие они. Наполовину язычники, наполовину мусульмане. Человек другой веры, в особенности христианин, для них — чисто враг. Сунут нож меж ребер — и прощай бренный мир! Зарежут — глазом не моргнут.

— Тебя ведь не зарезали...

— Я им нужен, только поэтому, — засмеялся грек. — А какая нужда у тебя к нему? Может, я, что надо, передам?..

— Нужда моя посредников не любит. Да и заплатить за услугу нечем — мошна пуста, — засмеялся в свою очередь Юлиан, взявшись обеими руками за вервие, которым был опоясан, отчего смех его показался греку зловещим. Опояска «пса господня» может и удавкой стать, движение монаха таило в себе грозный намек. Грек слегка побледнел. Взглянул внимательно на сидевших на голой земле спутников Юлиана и, решив, что тянуть тянучку с этими людьми опасно, кивнул: идемте!

Устроив монахов в одной из лучших комнат, поспешил к Азиай-бею.

— Господин, там, — грек ткнул пальцем в потолок, — переночуют четыре странника. Как только пришли, начали расспрашивать про вас. Подозрительные люди...

— Нас больше, — сухо отозвался бей. — Аллах обережет нас.

— Они тоже уповают на Бога. Только ведь чей Бог сильней... — принялся рассуждать грек, выставив вперед черную с проседью бороду. — Прости, ты, господин мой, не знаешь, сколь коварно и беспощадно братство святого Доминика. Я — знаю...

— Что им нужно от нас? — поставил вопрос ребром Азиай-бей, не любивший многословия.

— Не ведаю. Расспрашивали, откуда вы, кто такие, — вот и все. Но неспроста расспрашивали. По-моему, му-

сульмане, да и мы, православные христиане, — слуги Дьявола...

— Аллах обережет нас, — повторил Азнай-бей. — И сон у моих егетов чуткий, вполглаза спят. Можешь довести до своих постояльцев.

Старик казался невозмутимым, а все же, наверное, обеспокоился. Да греку что! Для него главное — чтоб двор не пустовал, чтоб каждый сбитый из досок лежак приносил доход. Деньги свои он зарабатывает, можно сказать, в поте лица. А если и плутует, если старается всякими хитроумными способами вызнать о своих гостях как можно больше, так это в само его ремесло и натуру заложено. Плутуя, он рискует, но выуженное в разговорах знание может обернуться добавочным барышом и оправдать риск. Разве не перекочевали в его тайную кожаную суму две золотые монеты после того, как шопотом сообщил он этому невежественному степняку, где египетское судно примет «товар»? Ну и темен же старик! Даже того не понимает, что, разменяв золото на серебро, потратился бы меньше. Или уж золотым монетам у него счету нет?

Озабоченный этим вопросом, лукавый грек поднялся на второй этаж к монахам. У него было правило, хоть и с дрожью в сердце, доводить свои опасные затеи до конца. Спросив для начала, что принести на ужин, припугнул последователей Доминика:

— Будьте осторожны! Этим головорезам из степи не нравится ваше соседство. Как бы не надумали чего... Может, пободрствуете поочередно или как там — смотрите сами...

Грек ради пущей убедительности даже потрогал дверной запор — мол, надежен ли. Однако чрезмерную его услужливость Юлиан оценил верно.

— Что-то смахиваешь ты, хозяин, на наблудившего кота, — усмехнулся монах. — Ну-ка, выкладывай, что ты там намяукал нехристям о нас?

— Упаси Бог, чтоб я... — заюлил грек. — Я только... только спросил и у них, что подать на ужин.

— Врешь! Мусульмане из рук иноверца пищу не примут, ты это знаешь. Вон они сами на костре мясо жарят.

За окном метались отсветы пламени. И впрямь егеты-кипчаки, разведя посреди двора костер, готовили себе ужин.

Грек не растерялся.

— Ах, безбожники! — закричал он. — На таком ветру! Спалят ведь мне все, спалят!..

И, метнувшись в дверь, чуть не кубарем скатился по лестнице.

Во дворе поднялся шум-гам. Глянув в окно, Юлиан увидел: степняки взмахивали плетками, оттесняя грека от костра. Возле них появился давешний, похожий на дьярматинца старик, резким окриком прекратил шум.

Нет, не ошибся Юлиан на берегу моря, не ослышался — в самом деле прозвучало там слово «юрматы». Похоже, птица удачи вот-вот опустится ему на плечо. Почуяв это, радостно защебетали певчие птахи, свившие гнезда в его душе.

3

Азнай-бей, поджав под себя ноги, сидит в узенькой комнате ночлежки. Перед ним на постланной вместо скатерти тряпице стоят бурдючок с кумысом, деревянная плошка для питья и глиняная миска с жареным мясом. Только не до еды бею: устал и бесконечные мысли гнетут. Покатал во рту кусочек заплесневевшего корота *, отхлебнул чуток кумыса, а к мясу и не притронулся. Гильман-батыр, добровольно взявший на себя обязанности служки, заглянул в комнату, хотел, увидев кан-бабу в таком вот состоянии, что-то сказать, но сдержался, ушел, ничего не сказав, во двор, к кипчакам. Вскоре вернулся, засветил свечу.

Не по душе это бею, не нравится, что батыр ходит в прислужниках. Но нет рядом с ним другого юрматынца, а кипчаки могут счесть прислуживание унизительным для себя делом.

Стар уже бей. Может быть, поэтому все время думает о грядущем, старается представить себе будущее племени Юрматы. Чтобы выжить в этом мире, сохранить место в ряду других племен, оно должно непрерывно омолаживаться, обновлять и наращивать свою силу. Но как бы не превратились все юрматынские батыры вроде Гильмана в слуг — народ в племени убывает. Вот и нынче вместе с Гильметдином потеряли еще нескольких мальчиков и молодых, способных порадовать юрту младенческим криком женщин. То ли времена такие настали, то ли сами юрматынцы впали в беспечность, перестали дорожить друг другом. Или уж эти татаро-монголы порождены для сокрушения мира и всеобщей погибели?..

* Корот — кислая творожная масса, высушенная для долгого хранения.

Ветер, с утра вспенивший поверхность моря, к вечеру еще более усилился. Он свистит, прорываясь в комнату через невидимые щели и щелочки, а Азнай-бею слышится в этом свисте многоголосый детский плач. То плачут в трюме пляшущего на волнах судна маленькие юрматынцы. Судно это не вернулось, а давешнее, приставшее к причалу, как выяснилось, приплыло из города Константинополя. Теперь у кан-бабы уже нет сомнений: долгие его хлопоты завершились неудачей, надеяться больше не на что, пришло время отправиться, понурив голову, в обратный путь. Он бы и отправился немедленно, не остался ночевать в этой вонючей каменной норе, но и люди, и кони утомлены до крайности.

Бею вдруг вспомнились встреченные у пристани люди в странных одеяниях, говорящие на понятном ему языке, и то, что сказал о них хозяин постоялого двора. Кто они? Какая нужда привела их сюда? Откуда знают, что есть на свете племя Юрматы? Один из них будто бы крикнул: «Мы — унгары». Бей сам не слышал, Гильман-батыр сказал ему об этом. Давеча вгорячах бей не обратил внимания на сообщение батыра, а теперь вот задумался над ним.

Поныне в долине Ак-Идели нет-нет да вспомнят, что когда-то, давным-давно, у склонов Урала жили, общаясь с юрматынцами, племена унгаров, что ушли они потом на заход солнца, и последовала за ними одна ветвь племени Юрматы, а некоторая часть унгаров предпочла остаться и рассеялась среди башкортов. Дед Азнай-бея, передавший ему тайные знания и звание кан-бабы, говоря о родовых отличиях юрматынцев, не раз напоминал: «Есть среди нас и необычные люди — с синими глазами и рыжими волосами. Они — от унгарского корня». Живуч оказался тот корень. Подолгу не дает он знать о себе, вроде и нет его, пропал, а другой раз глянешь — и на тебе: бегает у юрты синеглазый медноволосый ребенок. У отца же с матерью волосы чернее ночи, глаза — карие... Что из этого следует? А вот что: где-то, возможно, жив и корень ушедших с унгарами башкир, и нет ничего удивительного, если там сохранили память о племени Юрматы.

В душе Азнай-бея шевельнулось желание порасспросить тех, называемых монахами, странников. Интересно же! И плохо ли, коль выяснится, что в неведомом краю живут его соплеменники, даже кровные родичи — чувство родства ему не чуждо. Кто знает, может, придется по крайней нужде просить у них помощи, а то и прислониться к ним, искать спасение в тех краях. Весть о потерянных когда-то и вновь обретенных родичах порадовала бы юрматынцев,

поубавила их печали... Но Азнай-бей лишь подумал об этом, а с места не сдвинулся. Перед мысленным его взором возникли висящие на шеях монахов кресты — поганые «куриные лапы», при виде которых истинный мусульманин вынужден отплевываться. Как он мог хоть на миг забыть об этом? Да разве же вправе кан-баба племени осквернить себя общением с кафырами *! Не то страшит Азнай-бея, что кто-нибудь, допустим, сообщит о непотребстве юрматынским акхакалам ** — скверна в собственной душе страшна.

И еще об одном забыл кан-баба — старость, видно, подводит. Не о себе — о племени он должен печься прежде всего. «Даже сидя на мягкой подушке, вытяни шею и оглядись: не грозит ли племени какая-нибудь опасность — коварство, месть, порча», — говаривал ему дед. А он, свернув шею бдительности, собрался распахнуться перед врагами своей веры. Вместо того, чтобы задаться вопросом: постой-ка, чего ради они к тебе липнут? Вот ведь и грек этот крючконосый пришел с предостережением. А если он был искренен? Ответил ему похвальбой: егетов, мол, у меня много, да что проку в словах, не подкрепленных действием!..

Неторопким караваном тянулись друг за другом мысли старика, и вдруг одна из них, прытко свернув в сторону, натолкнулась на давно уж открытую Азнай-беем истину: душа человеческая — не сундук с сокровищами, не терпит замков.

Замкнутая душа впадает в убожество и способна породить лишь убожество и скуку. Деды-прадеды, поклонявшиеся лучистому Тенгри, жили открыто и весело, общаясь, как с живыми существами, и с собственноручными рисунками и письменами на камне, и с добрыми духами земли и воды, и с душами предков, обретшими облик птиц, зверей, деревьев. Пели, как хотелось, плясали, как плясалось, садились, не колеблясь, сотрапезничать с иноплеменными соседями. Конечно, и тогда были какие-то запреты, без запретов не обойтись, но слишком уж много их стало после принятия ислама. Поклоняться земле и воде, почитать зверя и птицу — грех. Древние изображения и знаки — дело рук Иблиса, увидев их, немедленно уничтожь, восславляя Аллаха. Встретив чужака, не принадлежащего к Мухаммедовой пастве, убей его или обрати в раба...

Умный был человек дед Азнай-бея, земля ему пухом!

* Кафыр — иноверец, христианин.
** Акхакал (аксакал) — букв. седобородый, старейшина.

Готовя внука иа свое место кан-бабы, рассказывал он о былых временах и обычаях, а свое отиошенне к иим умалчивал: пусть наследиик сам поразмышляет, сопоставит услышаниое с тем, что ему известно, и сделает выводы. Это правило деда Азиай-бей усвоил крепко, следует иевысказаиному завету, иаставляя своих юиых подопечных. Дед исполнял установленный Кораиом обряд, и в то же время имеиио с его благословення камии с древиими изображеннями и зиаками и другие святыни племени былн укрыты от горящих глаз дервншей, считающих себя мюридами Пророка.

Нынешний мир Азнай-бею представляется в виде двух огромных жерновов. Одии жериов — ислам, другой — вероучеине пророка Гайсы, то есть Иисуса Хрнста. При таком положенни вещей вертеть шеей, слншком часто оглядываясь иазад, н миогомудрствовать опасио, того и ждн — окажешься зернышком меж двух мельиичиых камней. Лучше быть частью одного из иих. Потому-то — беспокоясь ие столько о себе, сколько о благополучнн племени — отставляет каи-баба в стороиу размышлеиия вроде сегодняшних и печется о том, чтобы его соплемеиииики стали твердыми последователями пресветлого пророка Мухаммеда. Неспроста же прежиие патриархи согласились принять новую веру — иашли в ией какне-то преимущества...

Да, лучше быть частью жериова. Но вот что еще прнходит в голову: не разобьют ли его вдребезги, ие разиесут ли всю эту «мельиицу» собравшиеся двиинуться к Последнему морю моиголы и татары? Или сами оии со всеми своими богами будут размолоты?

Предпочтительио второе. Сколько горя прнчинил юрматынцам одни лншь их отряд, а еслн иахлыиут все скопом?.. «Ах, Гильметдии!» — загоревал опять Азнай-бей, восстаиавлнвая в памяти отчетлнвый образ своего воспитаиника, подвижиого, смышлеиого мальчика. Гнльметдин, Гнльметдин, будущий баш-корт, надежда племеии!.. Азнайбей склонялся над инм, когда мальчнк лежал еще в колыбелн, сам жалеючи совершнл обрезанне, ие доверив это инкому другому, сам первый раз посадил любимца на коия... Когтит сердце каи-бабы тоска, потеряй родного сына — кажется, было бы легче. Тяжко нн с чем отправляться назад, тяжко будет отчнтываться перед старейшнами племени...

Кто-то осторожио подошел снаружи к дверн. Рука бея как бы сама потянулась к внсевшему на поясе ножу. Бей выпрямился, подал голос:

— Гнльмаи-батыр?

— Я! — Батыр вошел в комнату. — Ну и чуткий же ты, турэ! Другой бы не услышал...

— Как раз хотел позвать тебя. Садись. — Бей указал место напротив себя.

Батыр, опустившись на колени, примостился на краешке потертой кошмы, положил рядом боевую дубинку, с которой не расставался ни днем ни ночью.

— Сядь поудобней. А то — будто слуга!

— Есть разговор? — спросил батыр, придвинувшись ближе, вздохнул огорченно: — К еде, гляжу, так и не притронулся...

— Успеется. Сижу вот, думаю о возвращении к своим. С какими глазами предстанем перед ними?

— Да, тяжело тебе будет.

— А тебе?

— Я отправляюсь дальше. Искать мальчиков.

— Субханалла *! Что я слышу!? — воскликнул бей и надолго умолк, вперив в соплеменника удивленно-вопрошающий взгляд. «Не пошутил ли ты? Когда это пришло тебе в голову? И кто даст тебе благословение на такое путешествие?» — слышалось в молчании.

Батыр выдержал взгляд бея, глаз не отвел. И, кашлянув в кулак, нарушил затянувшееся молчание. Напомнил, что он, Гильман, связан близким родством с предводителем племени Таймасом, стало быть, найти Гильметдина — его кровный долг. Затем, задавая вопросы, сам же и отвечал на них. Ждут кан-бабу в племени? Ждут. Там он нужнее. Могут соплеменники обойтись без одного из своих батыров? Могут. Пусть турэ простит невольное напоминание: кто из них двоих моложе? Он, Гильман. Молодость и нерастраченные еще силы позволяют ему отправиться в долгое странствие по чужим землям. Возможно, чтобы пересечь море, он наймется на тяжелую работу на каком-нибудь судне. И не только возможно — придется, так дело ускорится. Он не теряет надежды отыскать мальчиков. Кому Всевышний дал душу, тому и путь укажет...

Пока батыр доказывал свою правоту, бей вытянул из-за пазухи кисет с деньгами, высыпал монеты на тряпицу, послужившую скатеркой, одну за другой перебрал золотые кружочки, словно бы взвешивая их на ладони, ссыпал обратно и сунул кисет Гильману в руку.

— Держи! Не к лицу знатному юрматынскому батыру продавать самого себя.

— А как же ты?..

---

* Субханалла! — возглас, выражающий крайнее удивление.

— Мой путь короче. И Бушман-бей поможет, при надобности сменю у него коней... За тебя душа будет болеть. По возможности посылай вести о себе с идущими в нашу сторону караванщиками.

Жизнь, пока не прервет ее ангел смерти Газраил, при любых обстоятельствах оставляет место надежде. Решение батыра в конце концов воодушевило Азнай-бея. Увлекшись беседой, они не услышали, как к двери подошел еще один человек. Он стоял, не решаясь войти и невольно вслушиваясь в доносившиеся изнутри голоса.

Это был монах Юлиан. Не давала ему покоя возможность сегодня же объясниться с нежданно встретившимися братьями по крови, которых не чаял отыскать так скоро. Он старался успокоиться, решив потерпеть до утра, ибо утро вечера мудреней; лег, пытался заснуть, но сон не шел. Спутники Юлиана, последовав его примеру, тут же засопели, засвистели носами, что твои соловьи, а у него сна — ни в одном глазу. Он тихонечко поднялся, вышел во двор. Там утолившие голод егеты сидели у догорающего костра, о чем-то негромко переговаривались. Оружие свое каждый держал под рукой. Может, сами чего-то опасались — мало ли что грозит им в чужом городе, может, так им приказали. Старика-предводителя среди них не было, он, конечно, ночует под крышей странноприимного заведения, а эти якобы охраняют его.

Найти комнату, где устроился старик, не составило бы большого труда, но задача эта совсем упростилась, когда сидевший у костра богатырского телосложения мужчина поднялся и направился прямиком к одной из дверей. Немного погодя Юлиан подошел к той же двери и, пока стоял в нерешительности, выяснилось, что одного из находящихся в комнате зовут Азнай-беем, другого — Гильман-батыром, что озабочены они поиском похищенных кем-то и оказавшихся в неволе детей. Сердце Юлиана вдруг защемило от жалости к маленьким мученикам, ему захотелось немедленно войти в комнату, высказать сочувствие беседующим там, присоединиться к их разговору, — он потянул дверь на себя. Может быть, прежде чем явиться незваным гостем, следовало снять с пояса и повесить на шею вервие в знак того, что пришел он с миром и доверяет свою жизнь незнакомым людям, или, по меньшей мере, спрятать за пазуху крест, вызывающий у мусульман озлобление, но это не пришло ему в голову. Впрочем, и не могло прийти — последователь святого Доминика не только не спрячет, а напротив, повидней выставит символ страданий

Сына Божия и, даже просто здороваясь, восславит его — таков закон ордена.

— Слава Иисусу Христу!

— Иблис!

Старик поднял руки к лицу и зашевелил губами, творя молитву, а что предпримет второй — Юлиан не успел сообразить, молниеносным ударом дубинки был сбит с ног. Гильман-батыр тут же навалился на него и сдавил горло сильными пальцами, как клещами.

— Не убивай! Свяжи его!..

Возможно, короткая схватка этим бы и завершилась, не окажись поблизости хозяин постоялого двора — он шастал по ночлежке, должно быть, затеяв какую-нибудь каверзу или вынюхивая чужие тайны.

Тут не лишне будет объяснить, чего ради лукавый грек пугал своих постояльцев, настораживал их друг против друга. Хотел, чтобы они за ножи взялись? Э, нет! Резня, смертоубийства ему никакой выгоды не сулили, а вот некоторая обеспокоенность постояльцев — да. Обеспокоенный человек — он ведь становится как бы щедрей, скорей раскроет кошелек, сам отдаст вам деньги, лишь бы избавиться от тягостного чувства. Грек давно это заметил, и наводить тень на ясный день даже в тех случаях, когда выгадать вроде бы и невозможно, стало у него привычкой.

Так вот, оказавшись поблизости, сунулся он на шум и устроил переполох.

— Караул! Убивают! — завопил грек, выскочил во двор и заметался с криком меж домом и воротами.

Егеты-кипчаки повскакивали с мест, кинулись к комнате своего предводителя. Скатившиеся было со второго этажа монахи, столкнувшись с ними, повернули обратно— и кричали сверху, то ли угрожая нехристям, то ли окликая своего исчезнувшего товарища. Захлопали двери, бестолково забегали остальные обитатели ночлежки, сшибаясь в темноте, бранясь и усиливая шум-гам. Встревоженные переполохом в доме, заржали во дворе кони, залаяли собаки.

Похоже было — на постоялом дворе началось светопреставление. Однако из домов, толпившихся в некотором отдалении от этого заведения, никто на помощь греку не спешил — такая уж, видно, была к нему любовь. Кое-кто, надо думать, стоял, затаившись, за своими воротами, вслушивался в крики, поглядывал в щелочки и удивлялся, видя, как на постоялом дворе понемногу светлело, а потом

как-то вдруг взвнхрился огонь раздуваемого снльным ветром пожара.

Из распахнувшихся ворот вылетели озаренные пламенем всадники. Один, два, три... с десяток всадннков. Промелькнули н растворились в ночи.

Это Азнай-бей спасал себя и своих спутнннков, уносясь прочь от облюбованного Иблисом места. В степн онн остановятся, погомонят немного и продолжат свой путь по бескрайней равнине. Лншь Гнльман-батыр, попрощавшись, отделится от них н снова направится к берегу моря.

«Такова твоя судьба, все предрешено», — сказано в Коране.

4

Каждый кулем *, прнблнжавший к юрматынским кочевьям, уснлнвал терзання Азнай-бея, добавлял ему седины. Сначало тянуло его назад, к причалам Таманторгана. Конь уносил его все дальше в степь, а мысли возвращали к берегу моря, и представлялось бею, будто хватают там, окружнв, Гильман-батыра и казнят, обвиннв в поджоге постоялого двора. Тревожился бей: как бы не случилась с батыром беда — и тревога породила невесть сколько жуткнх виденнй. Ха-а-ай, до чего же неладно вышло в ночлежке! Мало было стычки с монахом, так еще пожар! Свеча, что лн, опрокинулась в какой-нибудь комнате илн егеты-кнпчаки красного петуха подпустилн? С них станется, жечь этот народ умеет...

Хотя бродягн разные, в особенности нз христиан, в такого рода делах тоже не теряются. Созоруют и на других свалят. Не мы, скажут, вон те, басурмане, внновны... А он, старый мерин, прощаясь с Гнльман-батыром, н не подумал об этом. Что верно,то верно: юрматынец задним умом крепок. Теперь думай — не думай, а Гильман-батыр— там. Хорошо бы — на судне каком-нибудь устроился. Да не оставит его Аллах без покровительства!

Для кипчаков юрматынский кан-баба — гость Бушманбея. Заботиться о хорошем настроении гостя — дело их чести. С прнблнженнем к родным юртам, где предстояло отчитаться перед своим беем, дело это становилось все более важным, даже — единственно важным. А лицо старого турэ мрачнело н мрачнело, н не похоже было, чтобы

* Кулем — расстояние одного перехода прн перекочевке, примерно 6 километров.

прояснилось. Лишь изредка, когда сидит в седле, глянет он по сторонам и снова, закрыв глаза, погружается в думы. Подкрепляясь при остановках, егеты подкладывают ему лучшие куски мяса, а он и не замечает. Можно бы подумать, что занедужил, так ведь взлетает на коня или соскакивает на землю легко, как молодой. Ладно, там, в Таманторгане, он цели своей не достиг, но цел же и невредим, возвращается в свою страну — чего еще надо?

Что хорошо, что плохо в жизни — молодость оценивает по-своему, мерки у нее иные, чем у стариков. Есть у тебя конь, есть лук за спиной и стрелы в колчане, так ты и довольнешенек. А если вдобавок рядом — друзья-приятели!.. Захочешь — затеешь состязание, ловкость свою покажешь, сбив кружившего над головой коршуна. А коль подстрелишь сайгака на жаркое, а еще лучше — собьешь его, нагнав, с ног ударом плетки, — нет человека счастливей тебя! Ты — победитель! Бывает, нападет тоска по близким, по крутобровым подружкам, но и тоску можно приглушить все той же скачкой с гиком-криком или веселыми рассказами да сказками у ночного костра под перемигивание любопытных гурий, разглядывающих тебя с небес сияющими глазами. Только вот гость — и не подумает присоединиться к забавам и веселым разговорам егетов. Старость обезобразила его неулыбчивое лицо; кабы не густая посеребренная борода и вспыхивающий временами повелительный взгляд, можно бы принять его за шурале * и в страхе кинуться прочь. Скорей бы избавиться от него, передав Бушман-бею!

В один из дней, когда у егетов готово было сложиться совсем уж нелестное мнение о старике, он вдруг ожил. Еще не доезжая до Большой Идели, у неторопливой безымянной речушки путники наши увидели перекочевывавшее на заход солнца племя. Остановились, понаблюдали издали. Странным показалось им это племя: скота у него было немало, однако и скот погоняли, и охранную службу несли одни лишь женщины. Все — вооруженные. А в окруженных ими повозках на высоченных колесах лежали мужчины. Только мужчины.

Азнай-бей, а вслед за ним и его спутники тронули коней, подъехали поближе, но женщины предупреждающе закричали:

— Поворачивайте обратно! Убирайтесь отсюда!

Остановились. Самый горластый из кипчаков унбаши Беркут выехал, посмеиваясь, чуть вперед.

* Шурале — мифическое существо, лесовик, будто бы способный защекотать человека до смерти.

— Не бойтесь! Мы просто так... Хотим узнать, почему возите своих мужчин в повозках. Не умеют, что ли, в седле сидеть?

— С чего это — не умеют? — Ответ послышался оттуда, откуда не ждали, — сзади. Ответил, стараясь говорить басом, тонкоголосый подросток. Он выглянул, держа наготове лук со стрелой, из-за дерева.

Кипчаки дружно засмеялись.

— Что вам тут нужно? Зачем смеетесь над юным батыром?

Из-за другого дерева показался еще один воин. Голос у него был тоже тонок, но уже по причине, надо полагать, старости.

Кипчаки опять было засмеялись, но Азнай-бей рыкнул на них, и они умолкли.

— Я — Азнай-бей из племени Юрматы. А спутники мои — егеты Бушман-бея, предводителя кипчаков. Мы возвращаемся к своим после долгого странствования. Зла на вас не держим! — возвестил Азнай-бей та́к, чтобы услышали и впереди, и сзади.

— Юрматынцев мы не знаем. А с кипчаками имели дело. Коварный, бессердечный народ! — прокричал в ответ старик с той стороны. И знак, что ли, какой успел подать — за его спиной в уреме раздался многоголосый воинственный клич. Оттуда по-двое, по-трое вылетели вооруженные всадники. Были это подростки, верней, мальчишки, а все же не до смеха стало кипчакам. Они тоже схватились за оружие, и только крик Азнай-бея предотвратил кровопролитие.

— Не губи свою молодь, турэ! Подумай о завтрашнем дне племени! — воззвал он. — Коль не хотите принять нас, мы повернемся и уедем!

Да, перебить ватагу ребятишек, еще не отличающих серьезное дело от игры, бывалым воинам-кипчакам ничего не стоило. Лишь кивни Азнай-бей, выражая согласие, — помахали бы саблями, и сколько неразумных голов полетело, сколько разрубленных надвое тел попадало бы на землю! И тот старик, видно, понял это, дал своим петушкам знак отступить в урему и чужакам махнул рукой — уезжайте!

Переправляясь вброд через речку, егеты перешептывались, обвиняли Азнай-бея в малодушии, а сам он громко бранил того старика:

— Вот безмозглый! Не иначе, как клюнул его в темячко стервятник! Погнал детишек под сабли!..

Уже порядком отъехав от речки, услышали сзади то-

пот. Погоня? Оказалось, их догоняют всего две женщины. Они взмахивали платками.

— Постойте! Выслушайте нас! Наш турэ зовет вас в гости!..

— Дошло-таки! Опомнился! — проворчал Азнай-бей.

Тем не менее приглашение принял.

Мир после ссоры особенно приятен. Дружественные отношения установились быстро — помогла обоюдная искренность. Глава племени не стал ходить вокруг да около, сразу же откровенно объяснил неприветливость соплеменников тем, что оказались они в тяжелом положении. Как только сели лицом к лицу в спешно поставленной дорожной юрте, принялся изливать душу.

— Предками нашими сказано: хоть кровью харкаешь — врагу это не показывай. Но ты, вижу, не враг нам, — говорил он, потчуя гостя кумысом. — Чувствую: сердце твое готово стать гнездовьем для моих слов. Наши острые стрелы отказались лететь в вас — это добрый знак...

Лишь в той стороне, где восходит солнце, так расцвечивают свою речь, отметил про себя Азнай-бей. А еще раньше заметил, как хозяин юрты плеснул из плошки кумыс в затемненный уголок, стараясь, чтобы гость это не увидел. Должно быть, он из тех, кто поклоняется деревянным истуканам либо огню, но скрытно, — хлебнул, выходит, горя из-за своей веры, предположил юрматынец.

Собеседника его звали Куслюк-беком, а племя называлось — Меркет. И сам предводитель, и остальные меркетинцы считают себя потомками великого Коркота *. Оставшиеся в живых старики хорошо помнят время, когда три племени — Три Меркета — жили, объединившись, за горами Алтая, у берегов быстроструйной Селенги. Были они многолюдны. Некоторые события того времени остались и в памяти Куслюк-бека. Он уже почти дорос до высоты тележной оси, когда предводитель Трех Меркетов Токтай-бей отказался стать «саблей и кнутом» монгольского хана Чингиза. Ссора обернулась войной. Выродок Юхи ** и Иблиса, ненасытный дракон — вот что можно сказать об этом самом Чингизе. Разбив войско Токтай-бека, он принялся пожирать детей меркетинцев. Мальчиков, говорили, пожирал сам, девочек отдавал своим ублюдкам. Детей ставили к оси повозки, кто ростом выше — кидали в пасть чудовища. Его, Куслюк-бека, тоже примерили и отшвырнули, он оказался ниже...

* Коркот — легендарный праотец тюрков.

** Юха — мифическое существо в облике змеи (дракона) — олицетворение зла.

Уцелевшие меркетинцы побежали через горы Алтая на закат солнца. Но попробуй спастись бегством от дракона! Он догонял и пожирал, догонял и пожирал... Теперь вот уже сколько лет Куслюк-беку, а племя все бежит, все скитается по белому свету — нет у него родины, негде укорениться...

Куслюк-бек, прервав рассказ, замычал, будто от нестерпимой боли, закачался из стороны в сторону. Казалось даже, что вот-вот в его глазах блеснут слезы. Азнай-бей проглотил подкативший к горлу комок, спросил:

— Есть еще меркетинцы, кроме вас? У тебя, я вижу, народу немного...

С трудом удалось собрать в кучу спасшихся от Чингизовой мести. Когда дошли до Большой Идели, мужчин в племени было под тысячу. Куда направлялись? К хану, будь он проклят, Котяну. Надеялись на его помощь, на милосердие. Пять лет, правда, прожили в мирном соседстве с кипчаками, притеснений с их стороны не было, пока не побывали у Котяна гонцы от драконова внука, такого же дракона Батыя. «Ты принял под свое крыло наших врагов, не боишься возмездия?» — спросили гонцы. Котян решил показать, как тверда его рука и насколько он уважает повелителя монголов и татар, будто мог оградить себя этим от их нового нашествия. Сказал бы меркетинцам: «Уходите!» — так нет, приказал кипчакам напасть на них. Два дня и две ночи шла резня. Вон они, оставшиеся в живых воины-меркетинцы, — лежат в повозках. Всех, кто может стоять на ногах или хотя бы сидеть, пришлось вооружить. Как бы кипчаки не догнали, не напали опять. Звери, звери!..

Всей душой сочувствуя попавшим в беду меркетинцам, Азнай-бей порадовался, что нет в юрте его спутников: не стерпели бы, услышав полные ненависти к кипчакам слова, невесть что натворили бы. Дабы повернуть разговор на другое, бей задал давно висевший на кончике языка вопрос:

— Куда же теперь путь держите?

— Некогда было подумать об этом. Единственная забота — уцелеть — пригнала нас сюда. Но пора отдышаться, оглядеться... А что гость нам посоветует?

В воображении Азнай-бея мелькнуло: юрты меркетинцев стоят на берегах Ак-Идели, Ашкадара, Уршака... Да, он посоветовал бы им направиться в юрматынские владения. И не только из жалости к людям, гонимым, подобно перекати-полю, неведомо куда. Мысли кан-бабы обращены прежде всего к своим соплеменникам. Он прикинул,

какую пользу могут нзвлечь юрматынцы, приютив это придавленное горем, нзмученное ударамн судьбы племя. Ну, надеяться на поддержку в защнте от врагов пока ие приходнтся, мужчии у иих, считай, нет. Но время — что текучая вода. И не заметишь, как мокроносые «воины» Куслюк-бека подрастут, превратятся в настоящих воинов. Не менее важно, что у него много молодых овдовевших женщин. Желающне еще раз пожеинхаться, поставнть юрту для второй, а то и третьей жеиы среди юрматыицев найдутся. Освежать кровь племени, заботнться о здоровом потомстве — разве это не один нз главных канонов, которые канбаба должен помнить всегда и всюду? Соблазнительно, очень даже соблазнительно! Однако Азнай-бей не вправе позвать кого-либо во владения юрматынцев без согласия на то совета старейшнн. Вернувшись домой, он встретится с предводнтелем племени Таймасом. Таймас, коль сочтет предложенное достойным обсуждения, соберет старейшнн. Но время, время будет потеряно! И может случиться, что от племенн Меркет ии едииой живой души уже не останется. Ха-а-ай, какне времена настали!..

— Я еду сейчас к Бушман-бею, — начал Азнай-бей, издалека подступаясь к ответу, уйти от которого не мог. — Он кипчак, но отошел от хана Котяна, совсем иной он кипчак. Мон нукеры — его егеты. Если бы ты повел племя в ту сторону...

— А Бушман-бей примет нас?

— Примет. Хотя бы до тех пор, пока я ие доеду до своих н не пршлю тебе весть. Может быть, обретете роднну на юрматынской земле...

Порой, чтобы человек выпрямнлся, достаточно доброго слова. Обращенный на гостя взгляд Куслюк-бека посветлел, морщнны на лбу разгладнлнсь. Но много старанй еще предстояло прнложнть, чтобы, говоря на его манер, брошенное в сердце семя надежды превратнлось в цветок радостн. Иначе может ведь из того же семени вырасти колючнй куст обиды. Добро пожнет сеятель нли зло — завнсит от этого.

Долголетннй собственный опыт и заветы деда предостерегалн Азнай-бея от нзлншней доверчнвости. Нельзя сразу же доверяться кому бы то нн было, тем более незнакомцу — можешь иепоправимо ошнбнться. Но ни в поступках, ни в словах хозяина юрты не чувствовалнсь какне-либо скрытые намерения, затаенное коварство. Одиим лишь озабочен был Куслюк-бек — спасти остаткн племени, и этой озабоченностью просвечивался насквозь. «Помыслы его чнсты, грех не помочь такому человеку», —

нашептывал ангел, спустившийся на плечо Азнай-бея. Юрматынец еще раз пытливо посмотрел на собеседника и поразился: перед ним сидел не старик, каким предводитель меркетинцев предстал при первой встрече, а мужчина средних лет.

Как преображает человека надежда!

Азнай-бей не выдержал, воскликнул:

— А ты, бек, оказывается, намного моложе меня!

— Так ведь я уже давеча показал это, выпустив против вас свое безусое войско, — вздохнул Куслюк. — Никогда не забуду твоих слов: «Не губи свою молодь, турэ!»

Азнай-бей намеревался в тот же день продолжить свой путь, но какое-то предчувствие заставило его поддаться уговорам Куслюка. Егеты-кипчаки рады были задержаться, их заинтересовала возможность поразвлечься. Меркетинцы тоже и душой и телом жаждали отдыха.

С заходом солнца на поляне, где племя встало урдугой — лагерем, готовым к круговой обороне, разожгли большой костер, и молодежь, взявшись за руки, пошла вокруг него, затеяла игры. «Точь в точь как у нас», — отметил Азнай-бей. Посмотреть на игры собралось почти все племя, и турэ были здесь же. Игра с перепрыгиванием через огонь была известна и юрматынцам. Круг взявшихся за руки означал единство, выбитые условиями игры из круга должны были «очиститься» в пламени костра.

Вот тут-то кипчакским егетам и представилась возможность показать свою удаль. Со стороны меркетинцев состязаться с ними, по сути, было некому: одни полегли на поле боя, другие, оставшиеся в живых, стонали в повозках, а вставшим в круг вместо них ребятишкам еще расти и расти. Правда, девушки-меркетинки, в особенности одна из них, по имени Былбыл *, прыгали, как серны.

Вскоре игра свелась к состязанию между Беркутом и Былбыл.

— Эй, Беркут, если победишь, Былбыл — твоя! — подзадоривали егета.

— Не спешите! Что еще отец скажет... — усмехнулся Куслюк-бек. Оказалось, Былбыл — его дочь.

Но не суждено было людям досмотреть состязание до конца. Женщины, стоявшие в дозоре, известили: на той стороне речки появилось конное войско. Огни немедленно погасили, лагерь торопливо изготовился к бою. «Кипчаки! Арман хана Котяна догнали!» — в ужасе шептали меркетинцы. Гости попали в неловкое положение: их могли за-

* Былбыл — соловушка.

подозрить в том, что навели врагов на племя они. Кыслюкбек куда-то ушел и не возвращался. Не до гостей ему, пусть сами о себе позаботятся, у него своих забот хватает,— так можио было истолковать это. Азнай-бей посовещался со своими спутниками, и двоих из иих, самых проворных, отправил во главе с Беркутом к речке.

Неведомое войско еще не переправилось иа этот берег. Опасалось, видимо, ночного столкиовения иа незнакомой местности. И иа той, и иа этой стороне воцарилась иастороженная тишииа. Только коиь иногда заржет или послышится, как кто-то куда-то пробежит. Люди съежились, будто старались стать поменьше, понезаметиеи, сердца замерли в предчувствии беды. И вдруг заставил всех вздрогнуть раздавшийся у речки крик. Кто кричит? На том берегу или этом?

Азнай-бей, узнав голос, громко сказал в темноту:

— Бек, это Беркут... Предупреди своих, ие подстрелили бы его иенароком.

— Советует, как напасть на нас? — язвительио спросил кто-то.

— Кто это тут суется?! — рассердился Азиай-бей. — Я разговариваю с беком! Беркута послал я — известить, что меркетинцев принял под свое крыло Бушман-бей. Имя Бушмаи-бея известио всему Дешти-Кипчаку.

— Поверят ли?..

— Поверят. Беркута в степи тоже знают. Лишь бы ие оказалось войско татарским...

Тот берег пока молчал. А Беркут орал во все горло, сообщая, кто он, кто его родичи, в каких схватках ему довелось участвовать. Наконец, затаившие дыхаиие меркетинцы услышали и отклик. Пошла словесиая перепалка через речку. Беркута смеиил его товарищ, затем — второй. Назвав себя, оии подтвердили: да, племя Меркет взято под защиту ие знающим страха Бушман-беем. В голосах, доносившихся из-за речки, злости поубавилось.

— Слава Аллаху, не татарские собаки! — возблагодарил иебеса Азиай-бей, проведя ладонями по щекам.

Перекличка продолжалась до утра, превратившись под конец в расспросы об общих зиакомых, о житье-бытье.

В итоге с восходом солнца меркетинцы сиялись с места, армаи хаиа Котяиа, вскочившие в седла, проводили их хмурыми взглядами. Грозиое имя Бушмаи-бея связало им руки.

От иочиого ора Беркут и оба его товарища охрипли.

— Придется вам иекоторое время обходиться без голоса, зато сколько иароду уберегли, ие пролив ни капли

крови! — похвалил их Азнай-бей. — Вот какая сила у слова! Нередко оио острей стрелы, сильней огия, запомните это.

До полудня ехали в толпе меркетиицев, приноравливаясь к медленному движению их повозок и скота. Азнай-бей словио забыл о том, что шаг у коия более спорый, чем у коровы и овцы. Впрочем, его егетам это пришлось по душе: кто в молодости ие рад случаю покрасоваться перед девушками, чувствуя себя батыром, только что одержавшим победу! Опасность осталась позади, можио было и шуточками перекииуться, попересмешиичать.

Азиай-бей с Куслюк-беком ехали бок о бок. Обдумывали, куда и как двигаться племеии дальше. Лишь высказав вроде бы все свои соображения на этот счет, гость потеребил поводья и коснулся плеткой ребер коия.

Простились, и сразу же Азнай-беем овладело иетерпение. Предстоящий путь казался ему теперь бескоиечио долгим, а бег коня недостаточно быстрым. Нетерпение бея передалось и его спутникам, все заторопились: скорей, скорей! Остаиавливались в полиочь, чтобы покормить коией и немиого сосиуть, а с рассветом — снова в седла. Будто гоицы с очеиь спешиой вестью. Скорей, скорей!

Но иа Большой Идели сиова случилась задержка. К переправе было ие подступиться. Какое-то племя перебиралось через великую реку, устремляясь иа запад, в те самые края, которые отторгли меркетиицев. В сравиеиии с Меркетом племя это выглядело миоголюдиым и сильным. Только успевших переправиться иа этот берег егетов было примерио две сотни. Судя по всему, оии иедавио пережили жаркую схватку: у кого рука в лубках, у кого иа голове окровавленная повязка. А на том, далеком, берегу дымило множество костров, ветер порой доносил оттуда стук топоров, — ясное дело, ладят плоты.

Пожалуй, не стоило соваться к этим невесть откуда явившимся и, иадо думать, обозлеными жизиеииыми иевзгодами людям: еще иакииутся и раскромсают на куски, даже имени ие спросив. Да и иадежды иа зиакомого лодочиика, на его помощь было мало, ои либо сбежал, либо перевозит нежданых гостей. Придя к этой мысли, наши путиики объехали место стороной, отправившись искать другую переправу. Только на следующий день, уже под вечер, иаехали иа рыбаков, с трудом добились их согласия перевезти и, наконец, ступили иа левый — свой — берег.

— Степь растревожена, как разворошеный муравей-

ник, — бормотал себе под иос Азиай-бей. — Неспроста это, хай, иеспроста! Ныиешний год Овцы оседлал коней...

Эти же слова — первое, что юрматыиский кан-баба сказал Бушмаи-бею, когда снова встретился с иим. Достославный предводитель кипчаков стоял у кузиицы. Усмехнувшись в ответ, ои кивиул в сторону кузнецов, подковывавших коией.

— А это, думаешь, спроста?

И без того иемиогословиый кипчак, кажется, стал еще скупей иа слова. Ои тут же распорядился, чтоб для Азнай-бея поставили отдельиую юрту и как бы сказал этим: вижу, тебя постигла иеудача, о причиие спрошу потом, сперва отдохии. Нагиулся, поднял из кучи иовеиьких подков одиу, взвесил иа ладоии. Поясиил:

— Для боевой коииицы... В страиах Магриба воииы подковывают своих коией такими. У иих коиское копыто страшией любой дубиики. Чем мы хуже?

Подкова отличалась от обычиых удлииеииыми острыми шипами. Азиай-бей в сомиеиии покачал головой:

— Ай-хай, не помешают ли бегу коия?

— Пусть! Зато удирать иа таком коие иесподручио. Я ведь, бей, собираюсь крепко постоять за свою землю...

Помолчав, Бушмаи-бей сообщил что ждет сегодия еще одиого гостя и будет рад участию Азиай-бея в разговоре с иим.

— Из каких краев гость?

— Из Великого Булгара. Посол.

5

Ох, и возрадовался же Иблис той ветреиой ночью, когда в Тамаиторгане сгорел постоялый двор. Примчавшись на пожарище, получил истиииое удовольствие. Чего только не выделывал на радостях: то спляшет на груде пышущих жаром углей; то, ущипиув, заставит вздрогиуть грека, иеподвижно сидящего иа камие с прижатой к груди кожаной сумой; то захохочет, показав язык монаху Юлиану, едва ие угоревшему в дыму до смерти и оттащениому на прохладиую травку, чтобы поскорей оклемался. Не забывал Иблис и об остальиых моиахах, кидал горстями и взвихривал около иих золу, мешая сосредоточиться иа молитве. Забавлялся, окаянный, таким вот образом до самого утра. Утром, притомившись или испугавшись солиечного света, исчез в известиом лишь ему самому иаправлеиии.

Тут и несчастный грек живо поднялся с места. Первым делом, сходил куда-то, спрятал суму с деиьгами и начал

ковыряться у закопченных каменных стен, освободившихся от тяжести деревянных частей строения. Временами он прерывал это занятие и, посыпая голову пеплом, громко проклинал дикарей-степняков вкупе с бездомными собаками папы римского. Пронзительный голос грека и помог Юлиану окончательно прийти в себя. Он открыл глаза, сел. Спутники Юлиана забыли о молитве, поспешили к очухавшемуся товарищу, ткнулись возле него на колени и, отдав должное милосердию Божьему, обратились к сугубо мирским вопросам бытия.

— Можешь подняться? Или полежишь еще?

— Нас дорога ждет.

— Ее сперва найти надо.

— Грека расспросим.

— Не до нас ему, и разговаривать не станет...

— Как бы еще не побежал к правителю города! Может обвинить нас в поджоге.

— Вот это нам ни к чему. Надо все же поговорить с ним...

Подозвали грека, а он, будто бы не понимая, чего от него хотят братья-доминиканцы, продолжал кричать о своем горе, царапал себе лицо, пытался вырвать бороду. Неожиданно успокоившись, заявил, что может указать любую дорогу во Вселенной, однако за плату, только за плату. Он должен восстановить свое заведение, обойдется это недешево. Нужны деньги, много денег... И снова — причитания, жалобы, обращенные к небесам.

— Ладно, попричитай, пока не надоест, — сказал Юлиан, поднявшись на ноги. — Мы сходим в город. К нашему возвращению припомни, куда надо идти, чтобы добраться до страны башкортов, а еще лучше — до Великой Унгарии...

Монахи направились к центру города. Когда они порядком уже отошли, грек прокричал вслед:

— Увидите тех разбойников — скажите: пусть заплатят за мой дом! Они и дорогу знают!

— Увидим — скажем, — отозвался Юлиан и добавил потише, для своих спутников: — Они, наверно, давно уж в степи. Ищи ветра в поле!

Юлиан не сомневался в том, что юрматынцы им здесь больше не встретятся. Решили поискать людей, верующих в Христа, или таких, кто не отшатывается от христиан, порасспросить их. Кого-нибудь все равно отыщут — на базаре или у причалов, не сегодня, так завтра. «Псам господним» терпения не занимать. Начать надо с базара, там, глядишь, и перекусить удастся...

...Гильман-батыр провел эту ночь у берега моря, затаившись на всякий случай в густых тростниковых зарослях. Невесть сколько дум успел передумать, пока лежал, прижавшись к теплому боку коня. Он и до этого понимал, что берет на себя очень сложную задачу, но лишь поразмышляв в одиночестве, осознал, сколь трудно ее решить. Не приходило ему в голову спросить себя, так ли уж это важно — найти и вернуть в племя маленького Гильметдина: истинный батыр не расслабит свою душу, подвергнув сомнению решение старейшин племени. Единственная его забота — как исполнить волю аккакалов, каким путем достичь цели, До сих пор его помощниками были быстрый конь, еще более быстрая стрела, острая сабля и грозная дубина. А теперь? Возьмут ли на судно с конем? А если придется наняться гребцом? Постой, постой, у него же есть золотые монеты! Может, хватит, чтобы заплатить и за себя, и за коня? У кого бы спросить? Хозяин постоялого двора, наверно, знает, да только после пожара... И те кафыры могут там встретиться, разве лишь один из них, связанный, сдох...

Веки отяжелели, будто гири к ним подвесили. Гильман-батыр решил соснуть чуток — и не почувствовал, как солнце взошло, проспал. С расстройства забыл об осторожности — тут же вскочил в седло и выехал из тростников. Куда поедет, он еще и сам не знал, лишь проверил, в порядке ли оружие, на месте ли спрятанный за пазухой кисет с деньгами, и дал волю коню, направившемуся к городу. А конь-то ведь тоже живая душа, потянулся к своим собратьям, тащившим по пыльной дороге скрипучие повозки; изредка обоз обгоняли всадники, спешившие в ту же сторону, в город.

Прежде Тамантарган был военной крепостью, и никто не мог въехать в него или выехать так свободно, как теперь. У всех ворот стояли стражники и сборщики пошлины. В последние годы, в особенности после того, как ушли русичи и крепость несколько раз перешла из рук в руки, порядка в ней не стало. Земляной вал осыпался, осел, высокий острожный частокол местами повалился, толстые, окованные железом ворота из-за ненадобности теперь всегда открыты. Правитель города, проснувшись утром, наверно, не ведает, кому сегодня придется служить — византийскому кесарю или кипчакскому хану. И тот и другой требуют платить дань, до остального им дела нет. Правитель и сам уж на все махнул рукой, большей частью озабочен своим хозяйством. Спорные вопросы люди разрешают, кто как может: кто горлом берет, кто пра-

воту свою кулаком доказывает. Лишь в случаях, когда поднимается слишком уж большой шум, идут по старому обычаю к правителю. А он заставляет долго ждать и гневается: надо переодеться, надо доводы спорящих сторон выслушать — хлопотно!

Правда, нет-нет, да вспомнит вдруг правитель, кто он такой, облачится в воинские одежды и при оружии на боевом коне выедет на городскую улицу. Впереди — глашатай с барабаном, сзади — пятнадцать-двадцать вооруженных всадников. Торжественный выезд правителя означает: казна города пуста. Стоявшие раскрытыми настежь ворота закрываются, к ним приставляются стражники. На базаре и у причалов начинается выяснение величины доходов от купли-продажи с изъятием причитающейся казне доли, чаще всего с надбавкой в пользу изымающего. Шум, гвалт, мольбы, проклятия, посверкивание сабель. Поскольку жители города защищают интересы своей казны, правитель даже с небольшим своим войском берет верх над приезжими торговцами. Владельцы судов и степняки, пригнавшие на продажу скот, клянутся, что к этому разбойнику, в это чертово (или Иблисово) логово они больше — ни ногой. Однако, спустя некоторое время, появляются опять. Куда же денешься, нет поблизости другого торгового города.

Гильман-батыр о существовании в Таманторгане таких порядков и о том, что правитель как раз в этот день взялся похлопотать ради пополнения казны, конечно, не знал. Увидев, как стражники обшаривают повозки и гоняются за убегающими от них людьми, он мог повернуть назад. Но не повернул. Захотелось узнать, с чего суматошится народ. Один из обозников, к которому Гильман-батыр обратился с вопросом, закричал на него сердито:

— Ты что — ослеп? Сам не видишь? Грабят же! Задаешь дурацкие вопросы вместо того, чтобы проучить разбойников! И зачем только ты понавешал на себя эти игрушки при такой глупости?!.

— А почему, коль вы умные, не защищаетесь? Вас же больше! Вот вас-то и можно назвать глупцами...

— Какой с нас спрос, когда даже ты, воин, со страху трясешься! Мы всего-навсего торговые люди.

— Я трясусь?! Да я сейчас... Эхе-хе-е-ей! — кинул клич Гильман-батыр. — Ну-ка, выворачивайте оглобли! И доски вон от забора годятся!.. Намнем бока разбойникам!

— Эй, кто там горло дерет? Взять смутьяна! Вытряхнуть из него душу!

— Попробуйте!.. — Гильман-батыр вскинул саблю и

рыкнул на торговцев: — Ну, что застыли?! Бейте разбойников!

Двое из верхоконных армаев правителя, угрожающе выставив копья, приближались к нему, а берущихся за оглобли не было видно; толпившийся вокруг народ торопливо, даже угодливо расступался перед всадниками. «Бог мой, а я-то, неразумный, посчитал их за людей, пожалел...» — подумал Гильман-батыр и в досаде кинул саблю в ножны, но тут же опять выдвинул, готовый мгновенно выхватить ее. Угадав его намерения, армаи один за другим метнули копья. Гильман-батыр пропустил их мимо, припав к шее коня, успел одновременно выдернуть из сагайдака лук, наставить на тетиву и выпустить стрелу. Пока пронзенный ею армай падал, тетива снова натянулась, но выпустил вторую стрелу или нет — батыр не запомнил. От удара в затылок потерял сознание и... очнулся в какой-то вонючей яме.

Первое, о чем он подумал: кто ударил, никто же сзади не угрожал? А-а, должно быть, тот обозник, с которым он заговорил... Все же вывернул по его совету оглоблю, да и...

Безмерно униженный человеческой подлостью, Гильман-батыр заплакал от жалости к самому себе. Вдобавок ко всему он был раздет догола, даже какой-нибудь тряпицы, чтобы прикрыть стыдное место, не осталось. Может, подумали, что он мертв?

Но армаи знали, что он жив, явились вскоре, вытащили его из ямы, прикрутили заведенные за спину руки к толстой палке и погнали, как есть, голого, к базару. А там приковали цепью к столбу, и только тогда Гильман-батыр понял: он превратился в товар, выставлен для продажи в рабство. Полуденное солнце сияло в зените. Вчера в это время в седле он чувствовал себя вольным, как волен парящий в небе беркут, да что — вчера, еще сегодня утром... А сейчас... Нет, так не может быть, это ему, наверно, снится, надо проснуться! Он дернулся всем телом, забился; ударившись разбитым затылком о столб, впал в полубеспамятное состояние, в бред, и кричал в бреду.

Крик этот и привлек внимание Юлиана, заставил его остановиться — иначе монах спокойно прошел бы мимо. Узнал степняка, который вчера едва не лишил его жизни. В порыве гнева Юлиан поднял с земли увесистый камень, но пригасил свою ярость, вспомнив, что этот человек знает дорогу к юрматынцам. Попытка — не пытка, может, сначала удастся расспросить его. С этой мыслью, все еще держа камень в руке, Юлиан приблизился к столбу с при-

кованным к нему невольником. Два стражника, игравшие тут же в кости, вскочили, нацелили на монаха копья.

— Катись отсюда!

— Или купи его и делай тогда с ним, что хочешь!

Монах отступил на шаг, сунул камень в карман.

— Вчера он чуть не убил меня!

— Ха! Чуть не убил! Сегодня он затеял смуту против самого правителя города и отправил двоих на тот свет!

— Купи, монах, раб — что надо! Пощупай-ка его руки — может на руках тебя носить. Недорого просим.

— Как же это вы такого смутьяна не искромсали?

— От трупа — никакой пользы. Получим за него деньги для казны, а там пусть сдохнет!

— Ну, берешь? Нет, так убирайся!

Спутники Юлиана были заняты ловлей слухов или побирались где-то в другом месте, без них препираться со стражниками он остерегся, отошел. Не удалось-таки расспросить, сам все испортил, дурень, ругнул он себя. Теперь стражники не подпустят его к Гильману (вспомнилось услышанное вчера имя). Батыр... Интересно, а где остальные? Где старый турэ, похожий на дьярматинца, — Азнай-бей? Наверняка и они в городе, раз один из них попал в беду. Тут пришла Юлиану в голову неожиданная мысль: кабы встретиться с ними да договориться, сообща не так уж трудно было бы выручить этого бедолагу. А почему он-то, Юлиан, должен выручать? Ну... человек ведь все же. Хоть и заблудший, хоть и мусульманин, не коварные намерения привели его в эти края — о племени своем печется, детей хочет спасти. Такие люди вправе жить вольно. Вдобавок, он — юрматынец, может оказаться одним из разыскиваемых им, Юлианом, родичей. Вырвать Гильман-батыра из рук стражников — значит, прямиком отправиться к юрматынцам, стать для них дорогим гостем. И кто знает, может быть, Гильман первым склонится к истинной вере паствы Христовой.

Такое вот направление приняли мысли Юлиана и сложились в некий замысел. Он приблизился к стражникам.

— Эй, я сейчас найду и приведу к вам богатого покупателя! Никому другому пока не продавайте!

— Давай, да поживей! Только на плату от нас не рассчитывай!

— Покупатель сам вознаградит меня. Вас тоже не обидит, — обнадежил Юлиан стражников и, кинув на Гильмана многозначительный взгляд, поспешил к своим товарищам.

Те, весьма довольные собой, сидели на траве в сторонке от базарной толчеи, трапезовали, разложив на тряпице что бог послал. Встретили Юлиана шутками.

— О-о, брат Юлиан, похоже, что-то выведал!

— Учуял, что мы сели за пиршественный стол!

— Хорошо попросит, так и его пригласим...

Юлиан, не ожидая приглашения, «сел за стол», то есть опустился на колени и, давясь первым попавшимся под руку куском — это был кусок сухой пресной лепешки — принялся объяснять, кто и что сейчас должен сделать.

— Ты, — кивнул он в сторону одного из спутников, — отыщешь хозяина судна, на котором мы приплыли. Ему нужны гребцы. Пусть быстренько придет сюда. А вы вдвоем отыщите вчерашних степняков и тоже приведите сюда. Я покручусь возле тех двух стражников, буду зубы им заговаривать...

— Постой, начни сначала! Тебе что — велено было найти гребцов?

— А кто сказал, что эти степняки тут?

— Какие стражники? Зачем им зубы заговаривать?

Пришлось, начав сначала, объяснить, что одного из вчерашних юрматынцев, Гильман-батыра, собираются продать в рабство; что он приехал сюда по следам похищенных юрматынских мальчиков, намеревался продолжить поиск, да угодил в какую-то заваруху, но это так, к слову, главное — он может указать дорогу к своим соплеменникам, а потому надо его выручить; что для этого надо найти его спутников и хозяина судна, тогда появляются две возможности: либо отбить Гильмана прямо здесь, либо подождать, пока хозяин судна поведет его к причалу...

Но спутники Юлиана подошли к делу иначе.

— Не к лицу нам на кого-то надеяться, когда сами можем с этим справиться!

— Верно! Зачем искать этих нехристей, время терять?

— Ты ведь сказал — стражников всего двое?

— Пусть помнят «псов господних»! Коль будет провожатый, нам в этом городе делать нечего...

Погалдели сначала, потом, поостыв, посовещались, как обмануть или скрутить стражников, куда увести Гильмана, где скрыться. Люди-то ведь они дошлые, бывалые, всякого навидались, скитаясь по белому свету, набили руку в такого рода делах. Слушал Юлиан своих товарищей, слушал и уверовал в успех. Заторопил их. Поднялись, решительно двинулись, творя на ходу молитвы, к месту, отведенному для торговли скотом и рабами.

Шагавший впереди Юлиан еще издали заметил, что у столба, к которому был прикован Гильман, столпился народ. Обратил на это внимание спутников. И шаги сразу замедлились, решимость, подталкивавшая монахов, словно бы вдруг обессилела.

— Вроде нашелся покупатель...

— Может, кто из юрматынцев?..

Нет, человек, купивший Гильман-батыра, ничуть не походил на юрматынца. И не грек это был, не румиец, обличие его не было знакомо монахам, осторожно приблизившимся к торжищу. Среди собравшегося здесь народа преобладали вооруженные люди — должно быть, охранники богатого покупателя и городские арман. Остальные — просто зеваки, пришедшие поглазеть, как кузнец прилаживает к ногам раба позвякивающие кандалы. Зрелище доставляло им удовольствие, они подавали кузнецу шутливые советы, смеялись.

Юлиан потянул за рукав одного из зевак.

— Во имя Отца и Сына!.. Не скажешь ли, любезный, кто этот знатный господин, купивший силача?

— Как, ты не знаешь высокочтимого Туран-бая, владельца кораблей и караван-сараев?! — удивился хозяин рукава.

— Он здесь живет?

— Нет, место его жительства — город Итиль. Он приехал напомнить, что с востока грозит нам новое нашествие монголов и татар. Туран-бай набирает собственное войско, для этого покупает рабов, нанимает и вольных людей. Можешь и ты стать воином, коль тебя тяготит монашество...

— Последователи святого Доминика и так беспрерывно борются с Дьяволом,— рассерженно ответил Юлиан, притронувшись к вервию, заменявшему и пояс, и оружие. Его собеседник, христианин, может быть, даже католик, значение жеста понял и быстренько отошел от монаха.

Тем временем кузнец закончил свое дело. Кнут надсмотрщика поставил Гильмана на ноги. А он, то ли осознанно, то ли обезумев от ярости, принялся кричать, требуя вернуть ему одежду, коня, оружие. Крик рассмешил Туран-бая, сидевшего в седле, толстый его живот заколыхался. Толпа тоже развеселилась.

— А не нужна ли ему еще и корона падишаха? — блеснул остроумием Туран-бай, обращаясь к своим подручным.

Какая-то сила подтолкнула Юлиана, он, поработав локтями, пробился к богатею.

— Таксир *, я знаю этого человека. Он — уважаемый батыр племени Юрматы!

— Юрматы? — Сообщение, кажется, заинтересовало Туран-бая. — Я слышал, юрматынцы — неплохие воины. Но при чем тут ты?

— Я думаю, не приличествует тебе оставлять его нагим.

— А ты не думаешь, что, сунув нос не в свое дело, нахватаешься плетей?

Туран-бай даже тронул коня, угрожающе надвинулся на Юлиана, но увидев, что к нему, расталкивая толпу, спешат еще несколько монахов, натянул поводья.

— Э-э, да вас тут — целая свора! Удивительно: поклоняющиеся пророку Гайсе защищают мусульманина!.. — Тут Туран-бай неожиданно обернулся к своим: — Прикройте чем-нибудь стыд этой твари!

— Прошу еще об одном, таксир! — У Юлиана, как говорится, аппетит разыгрался. — Позволь расспросить угодившего в оковы батыра о дороге в его страну.

— Нет! Недосуг мне ждать, — отрезал Туран-бай, но все же, смилостивившись, указал рукоятью плетки на север. — Там его страна. Выйдешь на Большую Идель и — вверх по течению в ту сторону, где сияет Тимер казык **. Только не пропустят тебя туда.

— Пропустят! — сказал Юлиан.

Разговор этот дошел, кажется, и до слуха Гильмана. Его, прикрыв наготу подвязанным в виде передничка лоскутом облезлой овчины, уже подвели к повозке. Обернувшись, он порывался что-то сказать, но попытку пресекли ударом по губам. Кровоточил и разбитый нос.

Туран-бай, видно, и в самом деле спешил. Вот нового его раба схватили, кинули, как куль, в повозку. Туран-бай, подгоняя коня каблуками, порысил с базара, телохранители поспешили за ним, следом покатила и окруженная охранниками повозка. Сквозь цокот копыт и тарахтенье колес прорвался голос Гильмана:

— Ищи кипчаков Бушман-бея!.. Сообщи обо мне!..

— Сообщу! — отозвался Юлиан. В глазах монаха блеснули слезы — слезы жалости к еще одному несчастному в жестоком, полном бед мире.

Один из зевак, привлеченных на торжище интересным, на их взгляд, зрелищем, толкнул локтем соседа:

* Таксир (араб.) — вежливое обращение — преимущественно к лицам духовного звания.

** Тимер казык — букв. Железный кол, — Полярная звезда.

— Гляди-ка, желтогривый плачет! По мамкиной титьке соскучился, ха-ха-ха!

Жалость к рабу считалась среди этих людей постыдной, больше того — она была опасна для сердобольного, что сразу же подтвердилось насмешливыми возгласами:

— Распустил нюни, как баба! Будто полюбовника его увезли...

— А может, он — не он, а впрямь баба? Давай разденем, поглядим!..

Внимание толпы перекинулось на Юлиана, и никто не смог бы в этот момент сказать, чем все кончится. Начни он перепалку — глядишь, и до потасовки дошло бы дело, а то и до столкновения религиозных общин: ведь зубоскалы, пройдясь по несуразной, по их мнению, одежде монаха, задели и его веру. Всякое могло случиться в этом городе, на стыке христианского мира с мирами мусульман и огнепоклонников. Короче говоря, в этом вертепе, в этом бесовском гнезде даже «псам господним» лучше всего было поджать хвосты, иначе... Вот это самое «иначе» и вынудило братьев-доминиканцев прорвать, взявшись за руки, кольцо недоброжелателей. Прорвали, впрочем, довольно легко, потому что случайно сбившиеся в свору люди, если они еще не успели опьянеть от запаха крови, теряются перед силой сплоченности.

Без толку прослонявшись до конца дня по городу, на ночь монахи устроились на окраинной улице. К счастью, встретился им гостеприимный и щедрый рыбак, пригласил к себе. Правда, в его избенке едва хватало места ему самому с женой и детишками. Гости переночевали под навесом, где рыбак хранил сети. Наевшись досыта ухи, посовещались, что делать дальше. Повеселились, вспомнив о приказе магистра ордена изо дня в день записывать свои наблюдения.

— Разве что записать: сегодня весь день пинали воздух...

— И добавить: издали увидели юрматынца!

— Погодите скалить зубы! — осадил братьев-монахов самый старший из них — Герард. — Мы ведь услышали сегодня кое-что, что можно записать.

— Ну-ка, ну-ка!..

— Не забывайте, зачем приехал сюда Туран. Напомнить, что монголы и татары готовятся к нападению. Не так ли нам сказали? Так! Люди вроде юрматынского батыра нужны Турану для усиления его войска. Значит, не пустые эти слова.

— Э, кто только в этом мире не нападал и кто только не защищался!

— Так-то оно так, но эти монголы-татары — страшная сила. Разве вам не случалось слышать о них?

Брат Герард, прокашлявшись, принялся рассказывать, что слышал о походах Чингиз-хана. И тишина под рыбацким навесом словно бы огласилась топотом тысяч и тысяч коней, устрашающим ревом пригнувшихся к их гривам всадников, сабельным звоном, ударами стенобитных орудий и грохотом падающих крепостных стен, криками, стонами, голосами плачущих в ужасе детей, а воздух наполнился запахом крови и гари. Рассказ брата Герарда породил безответные вопросы. Если эти дьявольские полчища снова стронутся с места, что тогда? Кто сможет их остановить? А главное — успеют ли они, братья-доминиканцы, достичь своей цели и вернуться домой? До берегов Дуная татаро-монголы, конечно, не дойдут — никто из четверых в этом не сомневался.

— Утром отправимся дальше, — сказал Юлиан, как бы подытоживая разговор. — Хорошо бы пристать к каравану, идущему в город Итиль. Теперь мы и сами представляем, куда примерно должны идти, а все-таки надежней следовать за караванщиками.

— Пусть будет так. Да поможет нам Бог! — отозвался, чуть помедлив, брат Герард.

Вот что заметил Юлиан: хотя в этой четверке он вроде бы главный, спутники соглашаются с его решениями лишь после того, как согласно кивнет брат Герард. Из этого Юлиан вывел: сопровождающие его братья-монахи связаны меж собой какой-то тайной, ему, Юлиану, неизвестной.

Если бы он знал о приезде хана Котяна в Эстергом, встрече его с королем Белой Четвертым и последовавших затем событиях, то знал бы и о том, что поиск древней родины унгаров — не единственная цель путешествия, что основная задача брата Герарда заключается вовсе не в этом.

Впрочем, даже в окружении короля не все знали, о чем шла речь при встрече его с ханом в присутствии одного лишь толмача. Бела Четвертый сообщил приближенным только то, что счел нужным сообщить. Когда приглашенные собрались в тронном зале, король сначала привычно посетовал на ссоры между магнатами и знатью помельче, на попытки вассалов пренебречь властью суверена, затем напомнил о необходимости единения христиан и обратился к событиям на Востоке.

— Хан Котян прибыл к нам, чтобы предупредить о грозящей нам опасности, — говорил король, обводя тяжелым взглядом собравшихся в зале. — Хан уверяет, что монголы и татары скоро двинутся в новый поход. Разгромив силы Дешти-Кипчака, они обрушатся на Великую Унгарию. Так, по словам хана, решено на совете в Каракоруме...

— Куманы никогда не отличались мужеством, хан же Котян — в особенности, — прервал короля герцог Кальман.

Кальман — хорват. Хотя и сам он, и его страна подвластны унгарской короне, герцог всячески старается показать себя равным Беле Четвертому. Король не любит его, вынужденно терпит рядом с собой, понимая, что без поддержки Кальмана не сможет противостоять остальным своим вассалам. Вот и сейчас не выразил открыто недовольства нарушением этикета, но высказал мысль, прямо противоположную утверждению герцога:

— Если даже такой храбрый народ, как куманы, обеспокоен, значит, опасность действительно велика. Хан Котян ищет спасения под нашим крылом, просит допустить его со всем народом на наши земли, даже согласен принять нашу веру. Дело, как видите, дошло до того, что куманы готовы покинуть свои бескрайние пастбища. Хан намерен вернуться туда, когда нашествие будет отражено совместными усилиями...

Не успел король добавить, что благодаря такому стечению обстоятельств Великая Унгария может обрести неоглядные пространства Дешти-Кипчака, — опять подал голос герцог Кальман:

— Ловок хан. Навоняет тут, изгадит долину Дуная коровьим навозом, вытопчет все — и уберется обратно. Да уберется ли еще, коль приведет за собой монголов и татар?

Папский легат, прикидывавший, какие выгоды сулит церкви сообщенная королем новость, сердито свел брови: не понравилась ему грубость герцога, — но, блюдя свое достоинство, в спор с заносчивым хорватом не вступил, обратился к Беле Четвертому:

— Меж вашим королевством и Куманией лежат русские княжества. Почему хан не поехал туда?

— Потому что там нет ему доверия! — ответил вместо короля неугомонный герцог Кальман. — Русские князья однажды уже выступили против татаро-монголов вместе с куманами и погибли, а хан Котян жив. Секрет его спа-

сения известен... Пусть куманский епископ * о нем заботится!

У короля желваки на щеках задвигались.

— Хан Котян предпочел приехать именно к нам, — заговорил он, не глядя на герцога. — И не с пустыми руками. Не следует забывать, что за спиной хана — сорок тысяч всадников. — Бела Четвертый сложил мясистые руки на груди, посидел, покачиваясь, словно бы поклевывая приближенных крючковатым с горбинкой носом, и неожиданно повернул разговор в другую сторону: — Давно известно, что монголы нацеливались и на нас, но не дотянулись. Теперь пришло время наследников Чингиз-хана — они жаждут крови, и опасность теперь приблизилась к нам, главные их силы собраны в Хорезмском царстве, разоряют пока что окрестные земли. Хан Котян не стал бы попусту утруждать себя, он уверен: новое нашествие монголов и татар неизбежно. Но когда они двинутся, какими силами? Нам необходимо выяснить это заранее и затем следить за их продвижением... — И тут король удивил всех вопросом: — Нет ли у нас охотников снова поискать оставшихся на востоке родичей?

— Есть, кажется, один, — отозвался магистр ордена доминиканцев, имея в виду молодого монаха, о проступке которого сообщил ему настоятель монастыря.

Вот с этого разговора в тронном зале королевского дворца и началась история странствий Юлиана, там определили его задачи. Но магистр по зрелом размышлении решил возложить на Юлиана лишь одну из них — дойти до прежней родины унгаров. Пусть молодой монах безоглядно рвется вперед, пусть отыщет путь и проникнет как можно дальше на восток, а нужду короля удовлетворят поднаторевшиеся в такого рода делах «псы господни».

Право же, не лишен был магистр здравого смысла.

...Рядом бьется о берег неутомимое море, шум прибоя убаюкивает четверых путешественников.

6

— Почтенный, наш турэ просит тебя пожаловать в белую юрту...

Голос пробивается в сознание Азнай-бея сквозь заслоны сна. Стоило душевному напряжению чут-чуть ослабнуть,

* Куманский епископ — духовный глава католиков-кипчаков, живших на территории современной Румынии и Молдовы.

как натруженное в седле тело потребовало отдыха. Бей намеревался лишь немного полежать, а оказалось — порядком поспал. Когда он прилег, солнце стояло еще довольно высоко, а теперь уже собиралось закатиться за черту горизонта. Звон молотков у кузницы умолк. Зато заливались лаем собаки: значит, на яйляу — летнем становище кипчаков — появились сторонние люди. Должно быть, булгары приехали.

— Почтенный, наш турэ...

— Скажи ему: сейчас приду. Лишь совершу омовение.

Азнай-бей оглядел свой наряд и поморщился: перед знатным гостем не предстают в столь заношенной, затрепанной одежде. Но хурджин с запасной одеждой утерян, не уберегли, не до того было. Да что хурджин!.. Пришла тут бею в голову мысль, расстроившая его вконец. Вправе вопрос: а проявлял ли он в этом странствии мудрость, соответствующую высокому положению кан-бабы? Вправе ли был жертвовать жизнями егетов во цвете лет хотя бы и ради будущей опоры племени? Вот о чем надо думать, а он, подобно сказочной старухе, пожравшей собственных детей, печалится о своем наряде!

Нет-нет, он не мог поступать иначе, прочь сомнения! Любое племя, любой род, чтобы сохранить себя, обязаны, не считаясь с потерями, печься прежде всего о юной поросли. Именно эта обязанность поныне гонит Азнай-бея по бескрайней земле, и если в Таманторгане постигла его неудача, так, наверно, потому, что судьбу не переспоришь.

Совесть бея чиста, это сейчас — главное. То есть юрматынский кан-баба может и должен сидеть лицом к лицу с людьми в знатных одеждах, не испытывая стеснения, должен говорить от имени своего племени, исходя из его интересов, — не забывай, бей, что от этого долга никто тебя не освобождал! Рядом с булгарским послом и ты — посол!

Так подбадривал Азнай-бея сам же Азнай-бей, шагая к белой юрте предводителя кипчаков. Однако мысли противоположного порядка все еще подтачивали его уверенность, и это не осталось незамеченным в юрте, куда он вошел. Когда поздоровались и, восславляя Аллаха, погладили бороды, гость, сидевший на почетном месте, начал разговор с извинения.

— Прости, уважаемый Азнай-турэ, в том, что прервали твой отдых, повинен я. Услышав о твоем присутствии здесь, я взволновался, и ты, надеюсь, сменишь гнев на милость, узнав, с каким нетерпением и радостью ждал я встречи с тобой. Я тоже с дороги, но забота превращает мягкую

подушку в колючего ежа. С седла — на переговоры, затем — снова в седло, так ныне живу...

— Так послу и должно жить, тем более, если его повелитель не терпит сонливых, — хмуро ответил Азнай-бей, восприняв услышанное как колкость, нацеленную в него.

Посол весело засмеялся.

— Не сердись, турэ! Давай не будем искать в словах друг друга злой умысел. Душа моя распахнута перед тобой, как ворота — перед дорогим гостем. Что касается строгого повелителя, так это — одна лишь моя честь. Она повелела мне побывать у Баян-батыра, Яку-батыра и направила сюда, к Бушман-бею.

— Разве в Великом Булгаре нет теперь эмира? — прикинулся удивленным Азнай-бей.

Посол уклонился от прямого ответа.

— Я считаю себя послом своего народа и веду переговоры с батырами, ибо они надежней властителей, умеют превыше всего ставить судьбу родины.

— Но ведь есть, наверно, и хорошие властители. Был, к примеру, Прекрасный Юсуф...

— Ты вспомнил «Киссаи * Юсуфа»? — В разговор вступил молчавший до сих пор Бушман-бей, и в голосе его послышалось глубокое удовлетворение. — Рад сообщить тебе, бей: перед тобой сидит знаменитый учитель народов и великий поэт, подаривший миру чудесный дастан о Юсуфе!

— Кулгали, сам себя назначивший послом, — шутливо поклонился поэт и добродушным смешком слегка принизил, приземлил высокие титулы, прозвучавшие из уст Бушман-бея. — Мудрым и справедливым властителем Юсуф предстал в моем воображении, — продолжал он, посерьезнев. — Я пытался придать столь же благородные черты и двенадцати его сыновьям, возведя их на вершину власти в двенадцати странах, но в подлинной жизни нет подобных примеров. Правителям, которых я знаю или о которых слышал, дороги лишь они сами, ради собственного благополучия они готовы предать свою страну и лизать, — простите мне, уважаемые, грубое слово! — задницы щенкам Чингизхана. Когда татаро-монголы разоряли Хорезм, я был мугаллимом, учителем, в Ургенче — видел...

Поэма о Прекрасном Юсуфе дошла и до юрматынцев. Один из йырау — сказителей, — побывав в городе Буляре, запомнил ее от начала до конца и распевал при стечении народа на летних празднествах. Кан-баба поручил ему купить за любую цену и саму книгу. Каждому, кто владеет

* Киссаи (араб.) — история чьей-либо жизни, сказание о герое.

искусством чтения, известно: книги — творения пророков. Постой-ка, значит, и Кулгали—пророк? Выходит так. Да-да, не из обычных он смертных. Вон какой у него высокий лоб, а взгляд какой, и как он себя держит, как говорит! Прямо-таки завораживает — попробуй устоять против него!..

Задумавшись об этом, Азнай-бей едва не прослушал начало рассказа Кулгали о падении Ургенча, а рассказать, кажется, попросил его Бушман-бей.

— Я, как уже сказал, был учителем в Ургенче, — начал негромко поэт. — Отец мой, Мирхажи, состоял имамом в городе Кашане, благодаря ему я стал шакирдом в столице Хорезма. Усвоив уроки многих знаменитых тогда ученых мужей, начал учительствовать сам. Как раз в ту пору далеко на востоке сгустились черные тучи беды. Дошли до Ургенча вести о разгроме Китайского и Тунгутского царств, о разорении уйгуров и других народов. У хорезм-шаха Мухаммеда была еще возможность подготовиться к защите своего государства, надо было лишь озаботиться судьбой страны, набраться решимости, сплотить разрозненные силы народа. Раскрой он пошире заплывшие жиром глаза — увидел бы, что опасна прежде всего грызня меж беками и беями, и пресек ее. Но шах, напротив, натравливал подданных друг на друга, дабы, ослабив их, укрепиться самому. Благосклонно выслушивал только льстецов, умные советы отвергал: как можно, чтобы кто-нибудь оказался мудрей, чем сам он, шах! Отсюда — и отчуждение истинного сардара Тимер-Малика, и нелюбовь к старшему сыну бесстрашному Джелалетдину...

Кулгали говорит о хорезмшахе, а слушателям его ясно, что поэт имеет в виду и булгарского эмира. Ха-а-ай, умен посол! Наводит на нужные ему мысли, не высказывая их прямо. Вот он рассказывает о том, как сбежал хорезмшах в Персию, кинув страну на произвол судьбы, и защита ее легла на плечи тех же Тимер-Малика с Джелалетдином, а ты думаешь о Баяне, Яку, вспоминаешь имена других батыров. Слушая поэта, будто видишь собственными глазами небывалый хашар * — пригнанные завоевателями из других городов пленники — их тысячи — засыпают заполненный водою ров вокруг Ургенча; летят из метательных орудий каменные глыбы, рушат высокие, казавшиеся неприступными крепостные стены, гибнут защитники этих стен, а лжесултан Гумер-Тегин, чтобы спасти себя, открывает ворота, впускает врагов в крепость, и жители Урген-

* Хашар — совместная безвозмездная работа, помочь, толока.

ча отчаянно бьются с ними возле своих домов; по улицам ручьями бежит кровь... Такое может произойти и в наших краях, если допустим, если не объедииимся для отражеиия нашествия кровожадных орд, — вот что вытекало из рассказа поэта.

Помолчали. Азнай-бей почувствовал: теперь его очередь говорить. Прочистил, кашлянув, горло и поведал о печальиой участи встреченных в пути меркетиицев. Извинился за то что, не нспроснв разрешения у хозяина, посоветовал Куслюк-беку направиться сюда.

Бушман-бей усмехнулся.

— Я уже слышал об этом от Беркута. И хотел даже наказать его, чтобы неповадио было ему впредь самовольствовать. Но теперь, после беседы с высокочтнмым поэтом, передумал.

— Куслюк-бек лишь отдохнет около тебя, а затем, иадеюсь, найдет себе место на юрматынской земле. Но, возможио, одиа девушка из его племени, дочь самого бека, останется здесь...

— Да-да, и об этом я знаю, и тоже надеюсь: сыграем свадьбу. Но здесь или на Урале — решим позже.

— Выходнт, такснр, ты принял мой совет?

— Что же остается делать, коль два мудреца дают мне однн и тот же совет? — Бушман-бей улыбнулся, глянув на поэта.

— Да, я посоветовал бею укрыть народ в горах Урала, — подтвердил Кулгали. — Это едииствеиное место, где можно уберечь женщнн и детей. Во-первых, потому, что татары, прикрываясь соглашением, навязаниым башкирам Субудаем, уже ведут себя на башкирской земле так, будто истинные хозяева — они. Следовательно, не станут — дай-то Аллах! — эту землю завоевывать. Во-вторых, конное войско боится гор. В-третьих, наследников Чингиз-хаиа маият прежде всего большие города, потому что там можно сразу захватнть немалые богатства и миого пленников. Исходя из этих соображений, я и дал совет, и, думаю, я прав.

— Надо увлечь туда всех кипчаков, чей клич — «туксуба» *, — загорелся Бушман-бей.

— Что же тогда получится? Моиголы и татары пройдут, не встретнв никакого сопротнвлення? — удивился Азнай-бей.

Его собеседники перегляиулись, будто советуясь: кто ответит?

* «Туксуба» — боевой клич миогих кипчакских родов, само это слово указывает на то, что первоначальио использовали его как клич девять объединившихся родов.

— Пусть не зовут меня Бушманом, если я не скрещу свою саблю с саблей врага! Позорная слава труса не коснется мои седин! И я, и мои егеты готовы сегодня же вскочить на коней!.. — начал Бушман-бей, все более распаляясь.

Он с трудом сдерживал вспыхнувшую вдруг ярость. Кулгали поспешил ему на помощь.

— Мы с беем уже многое обговорили и пришли к мнению, что самая главная наша забота — сберечь людей. Напомню: когда Прекрасного Юсуфа решили продать повелителю Египта, его поставили на чашу весов, а на другую чашу было навалено невесть сколько золота, но Юсуф все это богатство перевесил. Человек дороже всего. Поэтому мы хотим отвести народ в сторону от татаро-монгольской лавины. Однако этого мало. Надо постараться, чтобы и лавина свернула в сторону от намеченного для нее пути. Схватка неизбежна, но место схватки должны выбрать мы, а не враг, вот в чем мудрость. — Останавливая взгляд то на одном, то на другом бее, Кулгали продолжал: — А самая большая глупость — действовать порознь. Одинокий батыр, хоть обладай он достоинствами Искандера Двурогого*, перед ожидаемой лавиной — не более, чем листок, сорванный ветром с дерева. Я знаю силу татаро-монголов. Надо объединяться!

Бушман-бей, уже успокоившийся, пошутил, обращаясь к юрматынскому кан-бабе:

— Высокочтимый посол хочет, чтобы я знал, как Прекрасный Юсуф, семьдесят два языка. Кроме кипчаков, булгар, башкортов, он намерен вовлечь в союз и урусов, и мокшу, и многих прочих. Но поладят ли под единым знаменем мусульманин, христианин и язычник?

— Это необходимо, иначе нельзя!

— Ай-хай! — усомнился Азнай-бей и принялся рассказывать о диковинной встрече в Таманторгане, о том, что этих встретившихся им случайно людей, назвавшихся унгарами, интересовало племя Юрматы, и о том, как один из них перекрестил его, Азнай-бея, со спутниками, а потом, войдя к нему в комнату, восславил своего Бога. На последнем Азнай-бей сделал особый упор, дабы собеседники убедились, что он сказал «ай-хай» не без основания.

Бушман-бей молча покачал головой, а Кулгали, тоже покачав головой, задумчиво произнес:

— Может быть, он так приветствовал тебя? Каждый в этом мире живет по канонам своей веры, следует обы-

* Искандер Двурогий — Александр Македонский.

чаям своего народа и думать не думает, что это может кому-то показаться странным... А почему их интересовало твое племя?

— Так мы же и разговаривать с ними не стали. Подпусти-ка нечестивого близко, когда он даже издали норовит перечеркнуть тебя сложенными пальцами!

— Жаль... Жаль — не поговорили. Человек человека зря не окликнет. Допустим, они ищут вас, чтобы завязать дружбу. Или напомнить о родстве. Ведь когда-то унгары жили рядом с башкортами...

— Мы знаем: с ними ушла часть юрматынцев. Неужто и они поклоняются теперь Гайсе?! — воскликнул Азнай-бей.

Кулгали разговаривал с ним уважительно, как принято разговаривать со старшим по возрасту, но порой бей удивлял поэта прямо-таки детской наивностью. Борода — седа, лицо — в паутине морщин, а суждения... Коль юрматынцы поклоняются пророку Мухаммеду, то и унгары, выходит, должны поклоняться ему же! Впрочем, разве один Азнай-бей так думает? Мусульманин считает правой свою веру, христианин свою, и оба смотрят на иноверца отчужденно, если не враждебно.

Люди разобщены множеством предрассудков, плохо знают друг друга, отсюда — непонимание, недоверие... Кстати, сам он, поэт и ученый Кулгали, — много ли он знает о своих собеседниках, об Азнай-бее, к примеру, и его племени? Мало, очень мало. Ему, конечно, известно, что юрматынцы с давних времен кочуют в предгорьях Урала, но исконные они башкорты или пришлое племя — ему неведомо. Интересный народ башкорты тем интересный, что смешивает и растворяет в себе примкнувшие к нему племена. Потому он и крепнет, вон даже монголы и татары ныне с ним считаются, держат при нем посла, Майкы-бея, а послов обычно держат при тех, кого признают равными себе.

Не нравится все это Великому Булгару, ох как не нравится! Да и попробуй-ка остаться бесстрастным, когда рядом сплачиваются, становятся самостоятельной силой племена, которые еще недавно ты считал своими. Великий Булгар, держа копье острием на запад, проглядел то, что происходило у него за спиной — в долинах Ак-Идели, Кук-Идели, Янка.. Теперь предпринял бы там что-нибудь, да присутствие того же Майкы-бея сдерживает. Татаро-монголам дай только повод! Правда, кое-кто благодушествует: мол, однажды они пришли и ушли, тем дело и кончилось. Но Кулгали понимает: то был лишь пробный набег, надол-

го вперед рассчитанная хитрость. Ныне они готовы к походу до «Последнего моря» и, если не получат отпора, — это и будет конец света.

Кулгали дважды добивался встречи с эмиром, чтобы высказать свои соображения на этот счет. Первый раз — сразу после возвращения из Хорезма, когда поэма о Прекрасном Юсуфе еще не была написана. Вышел из дворца униженным. Дальше главного везира не пробился, а тот хоть бы взглянул на него, — сидел на мягких подушках, перебирая четки, слушал вполуха. Ответ был таков: наш могущественный повелитель, сабля-зульфокар * мусульманского мира, в твоих пустых советах не нуждается. Второй раз пошел во дворец эмира в этом году. Главный везир, уже другой, почти повторил те же самые слова, добавив, правда, что прочитал «Киссаи Юсуфа» и видит в поэме дерзкое стремление поучать падишахов. Неодобрительное замечание везира, уязвив душу поэта, вместе с тем подтолкнула его к мысли, что искать силы для отпора врагу нужно не в роскошных дворцах, а в обычных домах и юртах. Мысль эта воодушевила его, пожалуй, не меньше, чем работа над поэмой, а желание тут же взяться за дело — кто же, кроме него, возьмется?! — направило к батырам Баяну и Яку. И если к ним он явился самозванным послом, то после встреч с ними мог уже вести переговоры от имени народа — пусть не всего, а какой-то его части. Баян-батыр через специального гонца заранее известил Бушман-бея о том, что к нему едет посол, и снарядил свиту для поэта, как для настоящего посла.

Кулгали никогда не испытывал желания попасть в число тех, кто окружает трон. Пожелай, так ума для этого у него хватило бы. Но благодаря отцу и мудрым наставникам засияло для него путеводной звездой слово «эдемият» («гуманизм»), впервые прозвучавшее из уст несравненного Фирдоуси. В каменные дворцы свет его звезды не проникает, там человек унижен, там царит жестокость.

Идя второй раз во дворец эмира, Кулгали увидел, как на дворцовой площади обезглавили осужденного, и зрелище смерти вновь потрясло его. Описывая страдания, выпавшие на долю Прекрасного Юсуфа, он надеялся, что мир извлечет из этого урок, услышит его призыв к состраданию, и жестокости на земле станет меньше. Но вот странность: люди, слушая его поэму, плачут, даже эмир, говорят, прослезился, нет, наверно, человека, который не

* Зульфокар — букв. «рассекающая позвонки», так именовали легендарную саблю арабского халифа Али.

проклииал бы злодеев, а обратишься к делам и поступкам — в иих все то же злодейство, хоть бы капля доброты прибавилась! Видно, не скоро всходят семена, посеянные поэтом. Надо, значит, что-то делать, пока они не взошли, использовать другие возможности достижения той же цели.

Мысли Кулгали возвращаются к опасности, грозящей с востока, к иеобходимости объединиться для защиты от татаро-монголов — этого, воистину, исчадия зла. Почему пал Хорезм? Потому, что ослабили его распри в верхнем слое общества, и еще потому, что черный люд, не имея оружия и вождей, можно сказать, остался на беду свою в стороне от схватки. Шахиншаху и в голову ие приходило опереться на простолюдинов, даже на истинных батыров из их числа. А люди духовного звания сложили руки, объявив Чингиз-хана бичом божьим, — сопротивление, дескать, бесполезно. Запамятовали священнослужители — вдруг и почти все враз — слова Пророка: «Будь предприимчив — вознагражу».

Чтобы Великий Булгар и соседние народы не утонули в собственной крови, чтобы спасти города и яйляу от разорения или хотя бы уменьшить нависшую над ними опасность, и предпринимает Кулгали все, что в его силах. В лице Бушман-бея и юрматынского кан-бабы он нашел единомышленников. Найдутся и другие.

Продолжая беседу в белой юрте, вновь и вновь вспоминал поэт об унгарах, встретившихся Азнай-бею. Поговорить бы с ними, узнать, когда они намереваются вериуться назад, ие смогут ли передать своему королю письмо. В письме Кулгали от имени булгар, кипчаков и башкортов попросил бы его подумать о совместиом противостоянии татаро-монголам, — далека отсюда Великая Унгария, а все же и она в общих интересах, может быть, сумеет прислать подмогу, когда здесь возникнет необходимость в ией. Но где теперь отыщешь этих унгаров? Э-эх, дал промашку юрматынец!..

— Твои люди ие собираются опять в Тамаиторгаи? — обернулся Кулгали к хозяину юрты.

— Нет. Надобности такой пока нет. Ты же, почтенный, сам посоветовал мне снарядить послов к урусам — ломаю голову над этим.

Мысли Азнай-бея, оказалось, заняты теми же унгарами.

— Может быть, они и впрямь хотели иаправиться к иам? — подумал он вслух. — Найдут ли дорогу?

— Найдут, коль намерение у них твердое, — почти отмахнулся от него Бушман-бей. — Да-а... Придется мне и с Котяном поякшаться. Есть у него свои глаза и уши и в

Каракоруме, и в Хорезме. Пока не выясним, когда тронутся татары, куда пойдут, от моих послов пользы будет мало. Урусы первым делом спросят об этом...

— Резонно, — согласился Кулгали.

Высокая звезда замигала над отдушиной в куполе юрты, безмолвный слуга внес зажженную свечу. Долго длилась беседа, о многом переговорили собеседники, многое для себя прояснили, во многом пришли к согласию. Не раз были помянуты в разговоре и юрматынцы. Сколько воинов они могут выставить? Чем сумеют помочь меркетинцам и тем кипчакам, что перекочуют на их землю, — хотя бы на первых порах?.. Вопрос следовал за вопросом. Кулгали расспрашивал Азнай-бея, как относятся юрматынцы к возделыванию хлеба, с кем ведут торговлю, а потом и о себе еще немного рассказал.

— Мой род — из племени Айли, издревле обитавшего в долинах Сулмана * и Ая. Те мои соплеменники, что осели у Сулмана, именуются теперь булярцами, а живущие на берегах Ая считают себя башкортами. Так что и я не чужой для башкортов, сказал поэт и, окончательно покорив этим Азнай-бея, предложил ему продолжить путь на родину через Буляр — вместе ехать веселей да и безопасней, а там еще спутники найдутся.

Предложение пришлось Азнай-бею по душе.

— Когда таксир намерен тронуться в обратный путь?

— Сразу после утренней молитвы.

— Я пошлю с вами моих егетов, — объявил Бушман-бей. — Проводят почтенного кан-бабу до конца его пути, заодно узнают решение юрматынских старейшин насчет меркетинцев.

— Хуп! — одобрил Кулгали. — Очень хорошо!

7

Город Итиль был расположен у Большой Идели неподалеку от тех мест, где величественная река перед впадением в Хазарское море делится на множество протоков. Второе название города — Хазарторган — свидетельствует, что какое-то время им владели хазары. Теперь такого народа нет. Частью хазары были истреблены в беспрерывных войнах, другая часть исчезла, как соль в воде, в родственном по языку кипчакском мире. В связи с этим город вновь стал Итилем. История, может быть, решила таким вот об-

* Сулман — древнее башкирское название реки Камы.

разом напомнить ныне живущим, что и могущественные народы не вечны, что до хазар обитали тут гунны и город основал их столь же храбрый, сколь и злой вождь Атилла.

Впрочем, у Гильман-батыра поначалу не то что поинтересоваться историей, а даже выяснить, куда он попал, возможности не было. Да и какое человеку дело до судеб неведомых народов, когда собственная жизнь висит на волоске! Уже в пути Гильману стало ясно: придется ему покуда забыть, что он батыр, как-то приспособиться к своему нынешнему положению. Иного выхода не было — кнутом и древками копий вбивали в его сознание эту истину, голод и жажда вынуждали принять ее. Сперва, дабы пеший невольник не задерживал движения свободных всадников, его везли в повозке, оказывая насмешливо-издевательские знаки внимания: ударов и тычков вперемежку с веселыми шуточками досталось ему порядком. И у него самого упрямства хватило надолго, все выказывал непокорство, выкрикивал разные требования. В одном из них он все же добился успеха: вдобавок к овчинному передничку дали ему драный бешмет и даже освободили руки на время, пока просунул их в рукава.

На следующий день его присоединили к толпе других рабов и погнали дальше пешком. Охранники сменились, эти вроде как и разговаривать не умели — знай щелкали кнутами. Вскоре Гильман, уже умолкнув, старался шагать в середине толпы. Превращение знатного батыра в одного из многих несчастных вдруг пригасило полыхавшую в его душе ярость и стыд, и главной его заботой стало — не оказаться в толпе крайним, держаться подальше от жгучих ременных кнутов. Правда, когда охранники нет-нет да кидали рабам что-нибудь из съестного, державшиеся посередке могли остаться ни с чем, и бурдюк с водой мог обойти их стороной, — тут уж опять надо было изловчиться, не упустить свое.

Хотя неволя успела притомить Гильмана, была еще в нем немеряная сила, а потому, протиснувшись однажды в середину толпы, места своего он никому не уступал; тех, кто норовил перехватить его долю, награждал такими пинками, что повторить попытку уже мало кто решался. Пробовали расспросить его, кто такой, — он отмалчивался. Постоянная настороженность — он и при остановках на ночь спал, как говорится, вполглаза — и эта отчужденность от всех выделяли его среди собратьев по несчастью, и нелепым своим нарядом он тоже выделялся. Он был одинок в толпе, но в конце концов одиночество его было наруше-

но — обычное при перегоне рабов происшествие подкинуло ему товарища.

В пути присоединили к ним еще одного раба, с виду совсем никудышного. Судя по седине и морщинам, был он уже в годах, а фигурой — цыпленок какой-то, исхудал, иссох до крайности. Уже потом, в Итиле, выяснилось, что он — армянин, светлая голова, искусный мастер по строительной части, потому и купил его Туран-бай. Ну, а пока этот хилый раб еле плелся, и в погасших его глазах читалось полное равнодушие и к собственной участи, и ко всему на свете. Он сразу же начал отставать от остальных, его подторопили кнутом, он побежал трусцой, а вскоре опять отстал, и опять охранник хлестнул его. Но кнут может лишь ненадолго подбодрить изможденного человека, а сил не прибавляет. На сей раз несчастный плюхнулся на дорогу и пронзительно прокричал что-то на своем языке. Скорей всего, крикнул: «Убейте меня, убейте и оставьте тут!» Во всяком случае, так понял его Гильман. Толпа остановилась. Воспользовавшись этим, Гильман пробился к лежащему на дороге, присел возле него.

— Схватись за мои плечи, быстренько схватись!

А тот по-башкирски, конечно, ни слова не знал, ничего не понял. Хорошо, что стоявшие поблизости невольники угадали намерение силача и живо вскинули призывавшего смерть раба ему на загорбок. Теперь толпа сама раздвинулась, пропуская Гильмана на место, и тут же сомкнулась, отгородила его от охранников. Впрочем, охранники отнеслись к случившемуся благосклонно: убить раба им труда не составило бы, но убив, они причинили бы хозяину убыток, так-то лучше, пусть этот тронутый несет его на себе, коль охота напала...

После этого отношение к Гильману изменилось: охранники стали кормить его отдельно, ослабевшие невольники жались к нему. До Итиля шагали еще три дня, и все это время батыр тащил на загорбке обессилевшего раба. В городе невольников загнали в длинное каменное строение, темный, без окон, сарай, и только тут выяснилось, что живую ношу Гильмана зовут Геворгом, что он — христианин. Углядев, как армянин перекрестился, плюнул Гильман с досады и ушел в другой конец сарая.

Геворг сам пришел к нему, пристроился рядом. Другие уже привыкли видеть их вместе, и кто-то даже пошутил, что это — не два человека, а одно двуглавое существо. Горечь в душе Гильмана понемногу рассосалась. К тому, что он молится и поглаживает щеки, следуя мусульманским установлениям, армянин отнесся спокойно, взглядом своим

словно бы говорил: так и должно быть. В общем-то никого тут не волновало особо, кто какому богу молится, ибо чин у всех был один — раб, он всех уравнивал. Понял Гильман, что вдвоем хотя бы даже добывать съестное будет проще. Необходимость на каждом шагу отстаивать право на жизнь побуждала соединить силу его рук с силой ума Геворга. А армянин оказался человеком и умным, и понятливым, и памятливым. Он быстро схватывал башкирские слова, тут же повторял их на своем языке, и чем дальше, тем легче становилось им общаться. Гильман в свою очередь запоминал армянские слова, но безбожно коверкал их, даже имя «Геворг» выговаривать точно так и не научился, получалось у него — «Гяур».

Неволя и голод постепенно расслаивала обитателей каменной темницы, превращая одних в хищников и низводя других до состояния безропотных овец. При таких обстоятельствах готовность помочь друг другу, поделиться последним стала для Гильмана с Геворгом главной жизненной опорой. Не отталкивали они от себя и тех, кто потянулся к ним, и как-то само собой вышло, что эти двое оказались устроителями справедливого — по возможности, конечно,— порядка в невольничьей обители. В связи с этим начались стычки с хищниками, дело доходило до драк. Случалось, Гильман один вступал в схватку в тремя-четырьмя нарушителями справедливости — его сторонники не обладали ни достаточной силой, ни бойцовским духом, потому-то к нему и прибились, что были слабы.

— Как дальше быть? Не на кого мне опереться, — пожаловался он Геворгу.

— Из меня воин не получится, — ответил армянин, медленно подбирая слова. — Научи вон молодых драться...

— А что!.. — загорелся юрматынец.

Геворг до пленения возводил церкви и дворцы, имел дело с множеством строителей, умел ладить с людьми, поэтому и в осуществлении своего предложения принял деятельное участие. Он-то и подбирал учеников для батыра, уговаривал, объяснял, даже покрикивал на колеблющихся. Наконец, сказал Гильману:

— Можно начинать.

Гильман по своей части тоже был дока: и подростков у себя в племени к воинскому искусству приобщал, и егетов в состязаниях, а то и в схватках с врагами испытывал. Опыт ему и здесь помогал, но надо было остерегаться чужих глаз. Воспользовались кустарником меж своей обителью и внешней стеной. Только и туда ходить гурьбой было опасно, пришлось заниматься с каждым из учеников

в отдельности. Обучать обычиым приемам боя мешали кандалы. Гильман придумал хитрый прием, превращавший кандальные цепи в оружие.

Дело это раскрылось в самом его разгаре, кто-то из недругов донес на Гильмана, доиос дошел до Туран-бая. В полиочь охранники выволокли Гильмаиа иа улицу и погнали к центру города: живей, живей, скотина! Пригнали к большому двухэтажиому дому, а там — бегом, бегом вверх по лестиице, втолкнули в просторную, освещенную сальными свечами комнату, сопроводив толчок в спину пинком в подколеиный сгиб: на колени, раб, перед тобой — наш хозяин!

Гильман все же устоял, на колени не опустился. Туран-бай, сидевший на подушке, согнув одну и вытянув другую ногу, усмехнулся.

— Ладно, пусть стоит, раз хочет стоять, — кинул он своим. — Я помню его, говорили — батыр какого-то племени. Кажется, племени Юрматы? — Вопрос был обращен к самому невольнику.

Гильман гордо выпрямился.

— Да, я — батыр племени Юрматы!

— Что ж ты, коль батыр, стыд свой лишь моим лоскутом прикрываешь? Зима ведь вот-вот наступит, — засмеялся Туран-бай и уже со злостью в голосе продолжал: — Ну, говори прямо, что ты там затеял. Бунт против меня?

— Нет, турэ, готовлю воинов для тебя. Скоро тебе понадобится войско, большое войско, — и глазом не моргиув, ответил юрматыиец.

— Вот как? Но разве я поручил тебе готовить войско?

— Всякое дело делается лучше, когда за него берутся по своей охоте.

— Хороший ответ!.. Ты присядь-ка, присядь! Может, не откажешься закусить, промочить горло? Потрапезничаем вдвоем, а? — Слова Тураи-бая смахивали на издевку, ио слуги тут же расстелили перед иим скатерть, поставили блюда с какими-то изыскаиными яствами, серебряиый кувшин с кумысом и два изумрудных кубка. Подчиииввшись приглашающему жесту хозяииа, Гильман опустился иа край пушистого ковра. — Подберите для батыра одежду поприличней! — распорядился Туран-бай. — Человек ради меня старается, а мы... Ты верио сказал, — обратился ои вновь к Гильману, — мне иужно сильиое, обучеииое войско. Но найдутся ли среди рабов такие, кого можно превратить в воииов?

— Если подкормить и обучить... Все ведь мужчииы. И никто не хочет вечно ходить в кандалах.

— Вместе с тем известно, что рабы, заполучив оружие, обращали его прежде всего против своего хозяина.

— Да, это так. Но сейчас иное положение. Для всех нас главный враг — татарин. И многое в войске будет зависеть от унбашей...

Видя, что Туран-бай слушает заинтересованно, Гильман держался все раскованней, временами ему казалось даже, что между ним и хозяином нет разницы, что они — равные собеседники. Забывшись, он попытался сесть поудобней, но звякнула цепь, напомнила, кто он. Под висячими усами Туран-бая мелькнула усмешка. Он продолжал расспросы и завершил разговор так:

— Сегодня я возьму на душу два явных греха. По досусу следует сурово наказать тебя, дабы все рабы увидели, к чему приводят тайные намерения. Но я убедился, что ты — истинный батыр, умными мыслями ты смягчил мое сердце, и я заколебался. Это первый грех. Я мог бы отпустить тебя, получив выкуп от твоего племени, — так велит обычай, но я нарушу его, не отпущу. Это второй грех. Ты мне нужен. Продолжишь начатое...

— Кандалы мешают.

— С тебя их снимут. Остальные потерпят. Впрочем, руки надо, наверно, высвободить у всех...

Неожиданно вскочив с места, Туран-бай велел увести юрматынца. Мысль, что ли, какая-то его расстроила — даже не кивнул на прощанье и насчет одежды не вспомнил.

Несколько дней после этой встречи Гильман ждал, что Туран-бай снова призовет его и подчинит всех рабов ему. В ожидании занимался со своими учениками кое-как, обеспокоившемуся Георгу сказал:

— Скоро со всех снимут кандалы, тогда уж возьмемся по-настоящему.

Вышло все не так, как ему представлялось. Холодным осенним утром невольников выгнали во двор, построили и объявили: раб по имени Гильман провинился перед хозяином, за что будет наказан. Несколько охранников тут же набросились на Гильмана, повалили ничком на землю, один сел ему на ноги, другой на вытянутые вперед руки, третий рывком содрал с него полуистлевший бешмет, набедренная повязка тоже отлетела в сторону, и голую спину батыра с двух сторон ожгли кнутами. Били недолго, но и того, что досталось, хватило, чтобы Гильман перестал что-либо соображать. Между тем послышались удары молотка о наковаленку, кузнец сбивал с него оковы. Когда сбил, Гильмана поставили на ноги, кто-то чем-то смазал

ему спину, отчего иссеченная кожа иестерпимо заиыла. Одии из охраиииков кинул к его иогам сверток.

— Быстро одевайся! Хозяин ждет...

Задыхаясь не столько, может быть, от боли, сколько от негодования, Гильмаи тупо уставился иа сверток.

Раздался окрик:

— Эй, что рты разииули? Помогите ему одеться!

Помогли.

Таким вот образом юрматынский батыр обрел не только новые рубцы на теле, ио и рубаху, штаны, шубу, шапку. Только обувки в свертке ие оказалось. Одежда приглушила обиду, но отсутствие обувки вызвало в душе Гильмана горечь даже большую, иежели позорное наказание. Хитер Тураи-бай, все продумал, все предусмотрел: если юрматынец решится на побег, босиком далеко не убежит. Но ведь зима близится, как же пережить ее, как сохранить здоровье босому?

На сей раз Гильмана ие гиали к хозяину, как той ночью, — на коия посадили. А Тураи-бай разговаривал с ним, стоя на высоком крыльце своего дома. Сперва с обычной усмешкой спросил, не перестарались ли его егеты с наказаиием, затем высокомерио сообщил, что приказал расковать всех рабов — Гильман сегодня же должеи приступить к обучению их воинскому делу.

— Можешь в досужее время свободно выходить в город. Коль понадобится сообщить мне что-иибудь, передашь вот через Ирмека, — Туран-бай указал на молоденького еще, но свирепого с виду егета. — Остальное объяснит он.

На том разговор и кончился, Тураи-бай повериулся и ушел в дом.

«Ну и лиса! — удивленно думал о нем Гильман, возвращаясь в сопровождении Ирмека в свой каменный сарай. — Нарушил обещание, велел исхлестать меня — зачем? Чтоб я помнил свое место? О Аллах, неужто и я так обращался со своими слугами?!» Вслед за слугами вспомнились ему жена, дети, все близкие. Предстали перед глазами зеленые окрестности Тура-тау, долины Селеука... И иапала на него такая тоска, что и спина заныла сильней, и все тело как-то вдруг ослабло, почувствовал он немочь и испугался: не заболел ли? Еще свалится и не поднимется больше...

Не свалился. С рабов сняли оковы, и радостные лица товарищей подействовали иа него целительно, а потом нахлынули заботы, связанные с подготовкой войска, — для тоски, для угрюмых дум времеии просто не оставалось.

После первого сиегопада в городе иачался переполох:

— Татары идут!

На другом берегу еще не схваченной льдом Большой Идели появились татаро-монгольские разъезды, темные фигурки всадников четко вырисовывались на побеленной снегом земле. Горожане всполошились, увидев собственными глазами тех, о ком давно уж шли разноречивые толки. Некоторые кочевые роды, вставшие на зимовку возле Итиля, спешно снялись с места и ушли неведомо куда, другие, напротив, устремились из степи в город. Установление хотя бы мало-мальского порядка в этом встревоженном муравейнике зависело от Туран-бая, — что ни говори, подлинным хозяином Итиля был он. В один из дней стало известно, что Туран-бай осмотрел городские укрепления, а Ирмек огласил фарман * об использовании рабов в строительных работах. До Гильмана было доведено, что за исполнение или неисполнение повеления в первую голову спросят с него. Гильман воспринял это с чувством удовлетворения, ибо привычка верховодить, начальствовать впитывалась в его кровь с детства, и готов уже был горячо взяться за возложенное на него новое дело, однако Геворг, лучше разбиравшийся в городских защитных сооружениях, несколько остудил его пыл.

— Укрепления Итиля запущенны, — сказал он. — Татарское войско одним прыжком преодолеет их. И не такие крепости пали перед ними в Китае, Хорезме, Армении...

— Что же ты, умная голова, предлагаешь? Ждать сложа руки?

— Кое-что, конечно, можно сделать. В зависимости от того, когда татары нападут на город. Если, скажем, зимой — можно те же укрепления облить водой, на ледяной вал ни конному, ни пешему не взобраться...

— Они тебя загодя известят, жди! — посмеялся Гильман.

— Серьезный сардар должен сам все вызнать! — ответил Геворг и продолжил свою мысль: — А чтобы подготовить укрепления к весне или лету, нужно очень много народу. Надеяться лишь на тех, кто в этом сарае, — смешно!

— Где я много-то возьму? — Гильман уже чувствовал себя ответственным за оборону Итиля.

— Почему — ты? Об этом пусть вон толстопузый позаботится. Татары же к его богатству рвутся. А нам что Туран, что татары — все равно.

Но для Гильмана не все было равно, потому что возвращение в круг свободных людей он уже связал в своих

* Фарман — указ, повеление.

надеждах со службой Туран-баю. К тому же и неволя у татаро-монголов представлялась ему более страшной, — не забывал батыр о похищенных детях и не мог простить пришельцам с востока это злодеяние.

В тот же день он с Ирмеком погнали рабов на земляные работы. Было холодно, кое-как прикрытые всяким тряпьем, обрывками шкур и рогожками люди мерзли. Из-за нехватки лопат и тачек половина из них стояла, дело подвигалось еле-еле. К Гильману, сидевшему на коне, приблизился дрожащий от холода Геворг.

— Скажи там... Если не хотят, чтобы мы все перемерли, пусть дадут одежду... И нужен лес, камни нужны. Копаться так — пользы не будет!

— И сам вижу, — согласился Гильман. Он был одет, но бос, и его тоже пробирала дрожь.

К ним подъехал с несколькими охранниками Ирмек.

— Что этому дохляку нужно?

— Он — строитель, крепости строил, — объяснил Гильман. — Знает, как укрепляют города.

— Интере-е-есно! — протянул Ирмек. — Ну-ка, поучи и нас!

Его свирепый вид и грозный голос не испугали Геворга, почти слово в слово армянин повторил то, что сказал Гильману. Ирмек раз-другой приподнял плетку, но не ударил. Никак не выразив своего отношения к услышанному, отъехал в сторону.

Все же об этом разговоре он сообщил хозяину. На следующий день рабам раздали одежду, к укреплениям начали подвозить бревна, камни, и народу прибавилось — люди Туран-бая прочесали улицы, согнали на земляной оборонительный вал бездомных бродяг, нищих, даже дервишей. И еще одна новость: Геворга назначили помощником Гильмана. Не дурак этот Туран-бай, понимает, кто на что способен, решил про себя Гильман. Только Ирмек по-прежнему называл армянина не иначе, как дохляком.

Две толпы, хотя обе работали под неусыпным надзором, не смешивались. Городской сброд смотрел на рабов свысока — мы, мол, свободные люди. Зная это, Гильман к ним не наведывался, если выдавалось свободное время, сидел неподвижно в седле, погрузившись в бесконечные думы. А Геворг, увлекшись строительством, сновал и тут, и там.

Однажды, когда они вернулись в свой холодный сарай, Геворг придвинулся к зарывшемуся в солому Гильману и спросил негромко:

— Твое племя называется Юрматы?

— Да. Разве я тебе не говорил? — удивился Гильман.

— Может, н говорнл, да я забыл. Так вот, коль ты из племенн Юрматы, однн монах передает тебе привет. Говорит, соплемеиник твой. Только ведь ты мусульмаиин, а ои католик...

— Наверно, тот унгар! — Гильман даже прнподнялся.— Что еще он говорил?

— Не до разговоров же там! Повндаться бы, сказал, надо.

— Зиачнт, дальше Итиля нм ие удалось пройти. А я думал — доберутся, на худой конец, до кнпчаков Бушмаибея... Надо повидаться с иимн, надо! Только где и как?

— Придется тебе предстать перед моиахом. Ои-то сам не сможет, а ты у иас теперь — большой начальннк.

— Все шутишь, Гяур! Дождешься — вмажу тебе!

— А что значит «вмажу»? Первый раз слышу это слово.

— Как вмажу, так узиаешь. И ие будешь шутить, когда не до шуток.

— Ладно, ие серднсь. Тебе же в самом деле проще устроить встречу. Надо, так потом можешь даже забрать его к себе.

...Юлнаи с Герардом в это время спалн, прижавшнсь друг к другу, на окранне города в иаскоро сооруженном шалаше. Еслн другие, неожидаино попав иа тяжелые работы, поносялн самыми последннмн словамн Тураи-бая и его людей, этн двое, напротнв, возблагодарнлн судьбу: теперь было у ннх, где укрыться от проннзывающего до костей ветра, и худо-бедио, а все-таки их кормнлн. Жнзнь у иих до того, как угоднли в руки Турановых ловцов, была хуже собачьей. С трудом добравшнсь до Итнля, онн застряли в этом немнлосердном городе. Двнжеине судов по реке прекратнлось ранее обычного — говорили, нз-за появлеиия татаро-монгольских разъездов. Отправнться дальше пешком по безлюдным просторам, не зная дороги, в преддверни знмы моиахн не решилнсь. Вдобавок, брат Герард увлекся расспросамн иасчет татаро-моигольского войска, вынскнвал беженцев из Хорезмскнх пределов. Когда иа протнвоположиом берегу появилнсь коиные разъезды, братья-доминиканцы ходнлн смотреть иа ннх вчетвером. В городе началась паннка, миожнлось чнсло горожан, видевшнх спасеине в бегстве на заход солнца. Вот тогда-то и приоткрылись главиая цель путешествня н истиииая роль брата Герарда.

— Я отправлю свонх людей в обратиый путь, — объявил он Юлнаиу. — До моря — до Понта Эвскииского — онн дойдут с беженцами и, если ие устроятся на какое-ннбудь

судно, продолжат путь по суше — есть, оказывается, оттуда прямая дорога на Эстергом.

— Святая Марня! — воскликнул Юлнан. — У тебя есть свои людн?

— Все мы, все четверо — люди ордена, — поправился Герард. — Все подвластны воле великого магистра. Он ждет вестей от нас. Двое, вот онн, должны как можно скорей доставить донесенне о здешней обстановке, о прнблнженни татаро-монголов.

— А мы?

— Вернемся после того, как отыщем родниу предков.

Так, разделившись, оии остались вдвоем. Тогда-то, как теперь кажется Юлиану, и иачалось настоящее испытаине голодом и холодом. Чужой город, чуждая вера, чуждые обычаи. Чуть ошнбешься, сделаешь что-то по-своему, по привычке — того и гляди угодишь в беду. Вечером иапросншься под чью-ннбудь крышу — утром тебя уже гонят прочь. Наняться на какую-либо работу невозможно — ие знают монахн ремесла, кроме попрашайничества. И к рыбакам пробовали прнбнться, и к ворам — нн тем, ни другим ие угоднлн, были избиты чуть ие до смертн. Оставалось утешаться только мыслью, что тяжкое нспытание инспослано им Всевышиим.

В последиее время жнли онн в пещерке, вырытой в крутом глнинстом обрыве. В тот день, когда в городе начались облавы, брат Герард ушел иа базар в иадежде добыть съестное. Обеспокоенный долгим его отсутствнем Юлнан к вечеру покинул свое убежище н возле базара угоднл в руки стражников. В кучке бродяг, к которой его присоединнлн, был и Герард. Он уже успел кое-что разузнать.

— Погонят укреплять городские стеиы, — сообщил ои спутнику. — Мы вроде как в плен попалн, задо будут кормнть. А что нам до весиы еще надо?!

— Погодн радоваться! Плен тоже не мед!

— Я не радуюсь, но в нашем положеннн...

В самом деле, жнзнь иашнх путешественнников вроде бы стала в сравиеини с прежией сиосиой, хотя первые дни и иочи прншлось провестн под открытым иебом, попеременно греясь у костра. Прнказ поставить шалашн еще более приободрил их. «Слава Иисусу Христу, ие обошел милостью нас, ннчтожных!» — шептали онн посиневшнмн губамн. А увидев издали Гильмаи-батыра, н вовсе забыли о своих невзгодах.

Правду сказать, сильно злилнсь унгары на юрматыицев за странное их поведение в Таманторгане, за отказ даже

словом перемолвиться. Вначале, вспомная о них, переговаривались удивленно: «Слыханное ли дело, чтобы человек от человека так шарахался!» — «Так ведь нехристи они, в каждом бес сидит, оттого и пугает их святой крест». Потом суждения стали резче: «Преступники они, родичей не хотят признать! Из-за них мы такие муки терпим!» Перепадало и Юлиану: не сумел наладить отношения. И что он мог сказать в ответ на правду? Случалось, и сам он клял свою мечту о синих горах и светлоструйных реках, певчих птах, свивших гнезда в его душе, клял.

Но вот, разогнув на миг спину и глянув в сторону копошившихся на земляном валу рабов, увидел Юлиан чуть в стороне от охранников всадника, в котором узнал Гильман-батыра, и Герарду на него взглядом указал, и оба обрадовались, вся их злость, все проклятия вдруг улетучились. Если б можно было, тут же бросили бы лопаты и побежали к юрматынцу, обняли его, наговорили невесть сколько ласковых слов. Но попробуй побеги! Замордуют охранники — и ора от них уже наслушались, и побоев насмотрелись. Может, к рабам они даже снисходительней, ибо рабы — достояние Туран-бая, их должно беречь, как берегут скот. При всем при этом не очень понятно, верней, совсем непонятно положение Гильман-батыра — его ведь Туран-бай тоже купил, а он, в отличие от других, сидит сложа руки на коне, тепло одет, только почему-то бос. Что за притча?

Юлиан рискнул обратиться к чернявому подвижному человечку, распорядителю их работ.

— Мы — просто рабы, он — дважды раб, важная птица, — ответил чернявый. — Как это, спрашиваешь, понимать? Кто как хочет, так и понимает...

А сам, поблескивая белками большущих глаз, улыбался. Веселый, общительный оказался человек. Быстро согласился устроить встречу с Гильманом. И устроил, да еще как!

Случилось это на следующий день. Гильман тихонечко едет на коне, чернявый идет впереди, тычет руками туда-сюда, размахивает ими, указывает на кучи земли — якобы разъясняет, что к чему. Охранники, видя старания суетливого человечка, что то шутливо ему советуют и смеются, чернявый с Гильманом, угождая им, тоже смеются. Поравнявшись с монахами, чернявый предупредил их взглядом, чтобы продолжали работу, а юрматынец придержал коня.

— Здорово, старые знакомцы! — поприветствовал он

негромко и вздохнул: — И вы, оказывается, тут... На ночь вас поведут в зиндан *, там поговорим...

И отъехал — унгары ни слова не успели сказать.

А вечером сам Ирмек, которого не только невольники, но и охранники боялись, привел монахов в каменный сарай, где ночевали рабы. Юлиана с Герардом это изумило: сам главный охранник! Но все объяснилось просто. Гильман сумел внушить Ирмеку мысль, что монахов этих, унгаров, следует выделить, поговорить с ними. Кто знает, как обернется судьба, — может быть, придется искать спасения от татаро-монголов на берегах далекого Дуная, поэтому не мешает завести знакомство с людьми из тех краев, заранее, как говорится, постелить соломку...

Ирмек мысль эту воспринял заинтересованно, но сведя монахов с Гильманом, пробыл возле них недолго — положение не позволяло. Сказал только: «Коль желаете, можете жить тут вместе», — и ушел. А утром прислал монахам кое-что из одежды. Неугомонный Геворг тут же нашел объяснение подарку:

— Правители сами не верят, что удержат город. Мы там копошимся, а они собираются смазать пятки. Надо глядеть в оба!..

Но мы забежали немного вперед, вернемся к встрече унгаров с юрматынцем. Не сразу они преодолели отчужденность, чувствовали себя стесненно, боялись сказать что-нибудь не так, разговор завязывался несколько натужно, как это бывает даже при встрече родственников, давно не видевших друг друга. «Значит, только двое вас теперь...» — «Да уж, так вышло...» — «А почему это вы вдруг отправились искать юрматынцев?» — «Наверно, каждому интересно увидеть родину своих предков». — «Пожалуй... Я бы тоже не отказался побывать в местах, где живет теперь ушедшая часть племени». — «Приглашаем заранее! Дорогу теперь разузнаем...» Примерно так складывалась беседа. Впрочем, она была лишь дополнением к тому, что говорили их заблестевшие от радости глаза. Взгляд ведь порой выразительней слов, взглядом не солжешь, не смутишь невзначай собеседника упоминанием чуждого ему бога и в то же время без утайки выскажешь самое сокровенное. Вот и эти три пары глаз вели безмолвный разговор, и светилась в них очищенная страданием, искренняя благодарность судьбе за состоявшуюся наконец встречу.

— Ну, теперь вы вместе! Теперь все будете решать сообща, — сказал проницательный Геворг.

* Зиндан — тюрьма, темница.

И обретшнм друг друга соплеменинкам казалось, что так оно н будет.

8

Год Овцы, соответствовавший 1235 году по хрнстиаискому летонсчислению, словио бы старался оправдать свое назваиие смнрениым нравом, знма установилась довольно мягкая: лишь изредка взыграет шаловливым ягненком бураи да тут же и уляжется отдыхать иа иссохшую осенью траву. И морозы особо не свирепствовали, Большая Идель то н дело ломала н уиоснла к морю тоикий лед, пытавшийся лечь мостом меж ее берегамн. Трудно сказать, какне чувства в связи с этим обуревали татар, временамн появлявшнхся на том берегу, а вот жнтелн Итнля определеино радовались: беда, иадвигавшаяся на город, отсрочилась.

— Похоже, благополучио дожнвем до весиы, а, Гнльман-батыр? — начал разговор Геворг. — Пора уже подумать об этом.

Гнльман пожал плечамн.

— Весна так н так придет, что тут думать-то?

У костерка, тлевшего в углу камениого сарая, вместе с ннмн сиделн и Юлнан с Герардом. Уигары, перегляиувшись меж собой, уставилнсь на Геворга: мы, мол, намек твой поняли, продолжай. Но армянин с продолженнем не спешнл, иаломал веточек, подкинул в огонь н заговорил вроде бы совсем о другом:

— Говорят, вчера ночью Туран-бая навестнлн три всадника. Хвосты у коней — обледенелые, одежда у всадников — тоже...

— Дурни, видать. В такое время в воду нырять! — хмыкнул Гильман.

— Меия это тоже удивляет. Очень иужио, зиачит, было.

— С того берега! Татары! — сказал Герард, нисколько не сомиеваясь.

— По одежде-то, говорят, вроде бы кипчакн. Только мало разве на службе у хана Батыя кнпчаков!..

Сндевший неподвижно, будто изваянный, Гнльман нагнулся.

— Может, уговарнвать прнехали? На стороиу Батыя хотят склоннть?

— Да и склонят! Пообещают не трогать его добро. Туран-бай не дурак, чтобы воевать, когда можио постоять в сторонке. Он не царь, не правитель даже, просто богач,

один из подданных хана Котяна. Ну да ладно, пусть он о себе сам позаботится, — махнул рукой Геворг. — Только и мы не должны дремать...

— Ну-ка, ну-ка, что ты придумал? — Гильман сел поудобней, приготовившись слушать.

— Батый, наверно, дождется весны, подкормит коней и лишь после этого двинется. Такой у них обычай. Мы должны вырваться отсюда чуть раньше. А вырвемся при условии, что под твоей рукой будет войско. Не обязательно большое. Чем больше людей, тем больше бестолковщины. Так вот, вырвемся и полетим на мою родину...

— Постой! — прервал армянина Юлиан. — Разве Гильман-батыр не вернется с нами на юрматынскую землю?

— Он еще не достиг своей цели, не отыскал отмеченного богом мальчика — надежду племени. Вам найдем другого провожатого, — затараторил Геворг, не давая Гильману возможности раскрыть рот.

Послушал его батыр, послушал и кивнул в знак согласия. Унгары опять переглянулись.

— Разве в такое опасное время батыру не надлежит быть со своим народом? — спросил Герард.

— Э, на то пошло, так намерения у Гильман-батыра позначительней, с заглядом, я бы сказал, далеко вперед. Захватчики придут и в конце концов уйдут, вот тогда особенно нужны будут предводители, способные повести народ дальше, — ответил монаху Геворг, не оставляя места для возражений. — Ну, что вы головы повесили? Сказал же я — найдем вам провожатого!

Все помолчали, задумавшись. Герард положил руку на плечо своего молодого спутника.

— А не загостились ли мы тут, брат Юлиан? Не поторопиться ли нам?..

Тут уж Гильман, большей частью хранивший молчание, заволновался:

— Послушайте-ка!.. Зачем спешить? В такой одежонке, вдвоем... У зимы срок долгий... Коль уж вам не терпится, я попробую узнать у Ирмека, не отправится ли кто в сторону Урала. И сам помозгую...

Такие разговоры, повторяясь чуть ли не каждый вечер, подточили установившееся было в четверке единство. Монахи хмурились и уже не засиживались у костерка, а поскорее укладывались спать. Разговоры им наскучили. Не заинтересовались они и тем, что Гильман снова, теперь уже не таясь, начал обучать рабов приемам боя. Смотреть со стороны смотрели, но участия не принимали и не впа-

дали в азарт, свойственный всякому живому человеку, не вскрикнвали одобрительио при ловком исполненин прнема, ие подавали советов, как другие зрнтелн. Хоть крыша обвалнсь — они, казалось, не шелохнутся, лишь нзредка перешепнутся о чем-то и —лежат, молчат.

— Обиделнсь, — беспоконлся Гильмаи.

— Возможно, — соглашался Геворг. — Но примн во вннманне н то, что людн перед дальней дорогой по обычаю дают телу отдых, набнраются снл.

— Ладно, если так...

Онн шепталнсь наособнцу, было н у инх, что обсуднть. Загорелнсь мыслью превратнть толпу рабов в войско, но то в одно упрутся, то в другое. Вначале большннство рабов заартачнлось — мол, н без того выматываются за день, как собакн. Прншлось поманнть нх возможностью вырваться такнм путем на свободу. Допустнлн иеосторожность, забылн, что есть средн ннх доносчнкн. Теперь с подозрнтельных не спускают глаз, да ведь доносчнк может найти лазейку, щелочку какую-ннбудь там, где ты ее не вкднщь. Второе, что сндит занозой в сердце, — нет оружня. Упражиялнсь с дубннкой н арканом, но с однмм этнм протнв стрел н копнй не попрешь.

Ладио еще — вспомннл Гнльмаи о праще. Голь, как говорнтся, иа выдумку хитра. Распустил конец аркана, свнл веревочку с утолщеннем посереднне. Вещица легонькая, можно в кармане, за пазухой или под поясом штанов упрятать, а выпущенный из иее камень даже коня с ног собьет. В тот же вечер почти весь знндаи заиялся изготовлеинем нехитрого прнспособлення. Праща в прежнне времена была на вооружеиии воииов едва ли ие во всех страиах, тысячн жнзней оиа оборвала, подростки и поиые пользуются ею, состязаясь в меткостн, так что дело это особых хлопот ие доставнло.

На следующнй день рабы вернулнсь с работы, прнхватнв гладкие, удобные для метання нз пращей камнн, н почтн тут же прншлось нспытать их в деле.

Те, кого мы назвали хищииками, еще не отступнлнсь от надежды установнть свою власть иад остальнымн рабами, помыкать ими. Не добившись успеха с первой попытки, они прнтихли, забнлись в свой угол, молча следнлн оттуда за сторонннкамн Гильмаиа. Правда, самые оголтелые из них не упускали случая отобрать что-нибудь у слабого, обндеть, еще более уннзить уииженного, но расплачивались за это кровью из расквашеных носов — тяжелый кулак Гильмана настигал обндчика. На земляных

работах хищннкн тоже старалнсь держаться кучно, но и тут Гильман не оставлял их в покое, расставлял подальше друг от друга, усиливая тем самым ненависть к себе. Эта внутренняя, тихая пока что война должна была в конце концов завершиться яростной схваткой илн еще чем-нибудь в таком же роде.

Вскоре после того, как рабы вернулись с камнями для пращей, было замечено, что хищники тихонько, по одному выскальзывают во двор н не возвращаются. Сказали об этом Геворгу, он, почуяв недоброе, велел схватить еще оставшихся в сарае — может быть, для отвода глаз — мерзавцев. Одного из них подтащили и поставили на коленн перед Гильманом.

— Хочешь остаться в живых — говори, что задумали!

Тот молчал. Гильман, недолго думая, приказал:

— Поставьте его на горячие угли!

Ставить не понадобилось, тварь эта, придя в ужас, заговорила — путано, торопливо, только успевай слушать. И вот что выяснилн с его слов: хнщннкн сочннили донос — якобы в зиндане приготовились к побегу. Донос доведен до Туран-бая. Названо время—сегодня ночью. Значит, вот-вот должны нагряиуть охранники. А зачем эти подонки выскользнули во двор? Так было задумано: разыграют попытку к бегству, вина ляжет на Гнльмана н его помощников.

Времени разбираться в тонкостях коварного замысла не было. По приказу Гильмана рабы высыпалн во двор и обрушнли на притаившихся у внешней стены заговорщиков смертоносный град нз пращей. Мало кто нз ннх остался цел и невредим — больше оказалось убнтых н раненых. Все произошло, что называется, в мгновенне ока. Ходившие за стеной охранники никакого шума не услышали либо прикннулись, будто не слышат. Во всяком случае, Гильману пришлось побарабанить по воротам, чтобы вызвать начальника охраны.

— Эй, кто там? Что стряслось?

— Я — Гильман. Сообщи Туран-баю: только что кучка рабов попыталась совершнть побег. Попытку пресекли.

— Жертвы есть?

— Есть убнтые.

— Пусть лежат там, где убиты. С оставшихся в живых не спускай глаз, — прнказал начальннк охраны и ушел.

До утра рабов оставили в покое. Утром в зиндаи прибыл сам Туран-бай. Ни о чем не спросил, лишь посмотрел

на лежавших у стены мертвецов и, обернувшись к Гильману, сказал:

— Ты, оказывается, хитрей Иблиса.

Взгляд бая остановился на монахах.

— Вижу среди вас людей из Великой Унгарии. Не должно гостям жить тут. Доставишь их в мой дом!

Последнее относилось уже к Ирмеку. Тот кивнул торопливо и шепнул что-то стоявшему рядом охраннику. «Коней для унгаров велел привести,—догадался Гильман.— Кажется, дела у них пошли на лад. А что ждет меня?»

Он чувствовал: Тураи-бай не ограничится тем, что сравнил его с Иблисом. И в самом деле, направляясь к воротам, хозяин кинул ему:

— Ты мне заплатишь за убитых рабов!

Гильман не понял, что это — угроза или понуждение служить еще усердней.

Раздалась команда построиться. Повели на работу. У входа в каменный сарай остались лишь Юлиан с Герардом. Гильману они показались понурыми, а Геворг высказал противоположное мнение. Видели они унгаров последний раз. Потом гадали и так, и эдак, куда они подевались. Поскольку в последующие дни Ирмек тоже не появлялся, решили, что их знакомцы уехали из города в сопровождении свирепого охранника. Куда? Ясное дело, вверх по Большой Идели, в долину Сулмана, где зимуют юрматынцы.

У Гильмана больно сжалось сердце: а когда наступит его черед? Когда встречный ветерок обрадует его знакомым запахом разнотравья и сквозь синюю дымку проступят знакомые очертания милых с малолетства гор? Когда увидит он родных и близких? Может, напрасно он отказывался от возвращения с унгарами? Неудобно перед Юлианом и Герардом, они вон какие дали одолели в поисках твоей родины, а ты вместо того, чтобы повести их к своей юрте... Э, зачем попусту терзаться, не было ведь такой возможности, вздохнул батыр. Не забывай, Гильман, ты— раб. Если Тураи-бай сделал рабам послабление, так потому лишь, что уверен: не сбегут отсюда, не смогут, с одной стороны — непреодолимая сейчас река, с другой — неоглядная безлюдная степь, попробуй среди зимы найти в степи дорогу и пищу! А сам он не отпустил бы, определенно сказал, что и на выкуп не польстится, стало быть, жди терпеливо весны, готовь людей, помня долг свой перед племенем и детей, увезенных в далекий Египет. Они, должно быть, живы-здоровы, Геворг говорит, что мальчиков, которым предстоит стать мамелюками, там пуще глаз бере-

тут, а Геворгу все известно, голова у него всякой всячиной битком набита.

Так размышлял Гильман, а тем временем монахи, сопровождаемые егетами во главе с Ирмеком, уже порядком отдалились от Итиля. У Юлиана тоже сердце ныло оттого, что вот едут они в страну башкортов, к юрматынцам без Гильмана. Правда, замолвили они за него слово в разговоре с Туран-баем — мол, батыр прямую дорогу знает. Туран-бай, усмехнувшись, кивнул на Ирмека: он тоже знает, проводит вас до нужного ему места, передаст в надежные руки — не пропадете... Услышав, что провожатый повернет обратно с полпути, Юлиан было заколебался: стоит ли трогаться с ним, вдруг там обещанных надежных людей не окажется или окажутся они ненадежными? Но Герард настроился твердо: тут и думать нечего, надо ехать, когда еще такой случай представится снова! Его, понятно, подгоняло желание узнать как можно больше о здешних народах, о татаро-монголах и, вернувшись поскорей в Эстергом, отчитаться перед великим магистром. Юлиан, уже подпавший под влияние Герарда, признавший в душе его старшинство, и на сей раз подчинился ему.

С запозданием пришла в голову Юлиана мысль, что надо было разговаривать с Туран-баем понахальней, что ли. Этот хитрец обласкал их неспроста — если придется ему спасаться от надвигающейся беды бегством, то судьба может закинуть его в Великую Унгарию. Вот и нужно было сказать ему: коль хочешь, чтобы мы до прихода татар под Итиль успели вернуться в свою страну и сообщить о твоем благонравии королю с великим магистром, отпусти с нами Гильмана. Можно было даже пообещать, что его люди и богатство, которое он сумеет прихватить с собой, будут защищены в Унгарии могуществом ордена доминиканцев. Не додумался вовремя. Теперь остается утешать себя лишь возможностью передать юрматынцам привет от их батыра.

Но и для этого надо еще добраться до страны башкортов. Святая Мария, как извилист и долог путь! И как пустынно вокруг! Сколько дней уже едут, а человеческого жилья не видели. Только одинокий всадник помаячит иногда в отдалении и куда-то исчезнет. То ли путник случайный, то ли дозорный...

Доехали до места, где Большая Идель была скована льдом и, перебравшись на другой берег, круто повернули на восток. Уж не к татарам ли направляется Ирмек, заволновался Юлиан. Поделился тревогой с Герардом, тот ответил словами древней мудрости: что бы ни случилось —

все к лучшему. Дай-то Бог, сказал Юлиан, но оттого, что не ведали они, куда и по какому делу едет Ирмек, на душе было все-таки неспокойно. Да и Ирмек, до сих пор беспечно напевавший, забеспокоился, то и дело собирал своих в кружок, о чем-то совещался с ними и менял направление движения. В этих краях лежал глубокий снег, особенно в ложбинах и балках, приходилось временами спешиваться и прокладывать след самим, иначе кони не шли.

День проходил за днем, и люди, и кони устали, припасы, взятые в Итиле, кончились, — можно было теперь уповать лишь на удачную охоту. Голодные, обессилевшие, добрались в конце концов до широкой реки (до Яика, как потом выяснилось) и вздохнули облегченно. В густой уреме, тянувшейся вдоль реки, водилась, слава Богу, всякая живность,—наследили в ней и лоси, и кабаны, и зайцы. К таким угодьям и человек жмется. Предположение это к вечеру подтвердилось — увидели довольно-таки большое зимнее становище. Заторопили коней, предвкушая ночевку в тепле, но путь преградили вооруженные всадники: не приближайтесь к становищу, в объезд, в объезд поезжайте! Это были кипчаки. Сперва никаких объяснений они и слышать не хотели, но после того, как выехавший вперед Ирмек несколько раз повторил, что он и его спутники заблудились в степи и злых намерений не имеют, дозорные, смягчившись, принялись допрашивать, кто он, кто, куда и зачем с ним едет. Долго допрашивали, всем душу вымотали. Продрогший Юлиан молился мысленно, просил Всевышнего вложить в этих людей милосердие и, занятый молитвой, не вслушивался в объяснения Ирмека.

— Слышишь? — обернулся Герард к Юлиану. — Говорит — отправился в путь, чтобы разыскать сородичей. — И добавил многозначительно: — Татары, говорит, их куда-то угнали...

Юлиан, мечтавший поскорей попасть в тепло, и на слова Герарда не обратил внимания.

Кипчаки, наконец, прониклись сочувствием, разрешили переночевать в становище. Выяснилась и причина их настороженности: неспокойно тут, то татарский разъезд наскочит, то занявшиеся разбоем соседи набегут, не стало порядка в степи, люди потеряли совесть — только с оружием в руках и разберешься, кто тебе друг, кто враг...

Развели спутников по юртам. И вот тут сила привычки крепко подвела монахов. Один из дозорных привел их к просторной юрте своего отца, старика по имени Ахмет, и

сам старик с приветлнвым лицом вышел навстречу, и все бы хорошо, да Юлиан перед тем, как шагнуть в жилище, перекрестился. Старика будто по лицу хлестнули:

— Кого ты привел?! — заорал он на сына. — Решил осквернить отцовский порог?

Сын пытался объяснить, что люди эти, едущие к башкортам, проделали очень долгий путь и вконец измучены, но старик от всего отмахнулся.

— Нет в моей юрте места для неверных! — отрезал он.— Коль тебе жаль их, отведи в хлев, к овцам!

То, что старик назвал хлевом, оказалось сооружением из камыша для укрытия объягнившихся маток, а вернее сказать — для обмана глаз: в бесчисленные щели сквозил ветер, по углам лежал снег. Монахи походили среди заметавшихся в испуге овец, сгребли остатки сена себе на подстилку. Вскоре сын хозяина принес им по сухой лепешке и посоветовал:

— Ложитесь, взяв в объятия ягнят. Так мы спасаемся от холода, когда выгоняем овец в степь на тебеневку. Надежней огня...

Это был и намек, чтоб костер не вздумали зажечь. Монахи промолчали.

— За конями вашими я присмотрел. Не беспокойтесь!

Ответа опять не последовало.

— Меня зовут Мухаметом. Жена у меня — из племени Юрматы...

— Юрматы?! — вскинулся Юлиан. — Мы ведь к юрматынцам едем... если доедем...

— Человека надежда ведет, — сказал неопределенно Мухамет и вышел из хлева.

— Утешил! — проворчал вслед Юлиан. — За конями он присмотрел! Ты о людях сначала позаботься!

— А ты, прежде чем перекреститься, думай! — взъярился Герард. — Вроде ведь давно уж договорились! Еще до Итиля.

— Не хочу я прикидываться ни мусульманином, ни язычником. Грех это!

— Вот и терпи, коли так!

— Христос терпел и нам велел. Господь испытывает нас...

— Дурак сам напрашивается на испытания!

Поспорили, поссорились, а все же пришлось лечь, прижавшись друг к другу — спина к спине. И по ягненку прижали к груди, но никак не могли согреться. Измаялись за ночь: только заснут — холод тут же будит.

Утром прибежал запыхавшийся Мухамет.

— Вставайте! Ирмек со своими уехал, оставив вас!

Очумевшие от холода и урывочного сна монахи не знали, что и сказать.

— Скачите следом! Кони ваши оседланы!

— А куда Ирмек уехал? — выдавил из себя Юлиан.

— В Итиль, наверно. Куда же еще?

— Незачем нам за ним гнаться. Мы же сказали вчера...

— Да, нам — в другую сторону.

— Уй-бай, и зачем только я связался с этими проклятыми кафырами! Что мне с ними теперь делать? Убьет меня отец, убьет! — запричитал Мухамет, колотя себя кулаком по голове. — Кому вы тут нужны? Уезжайте! Старики все равно прогонят вас из становища.

— Погоди, — попытался успокоить его Герард. — Туран-бай велел Ирмеку передать нас в надежные руки. Он, наверно, договорился с вашим предводителем.

— Не знаю, не знаю!..

— А ты поди узнай! — Юлиан решил повести разговор в жестком тоне. — Нас не безделье привело сюда. Мы — послы короля Великой Унгарии Белы Четвертого! Послы неприкосновенны! Напомни об этом своему отцу и другим старикам скажи...

— Оборванец ты, а не посол! Вдобавок в мальчишку на побегушках превратить меня собрался! Видывал я настоящих послов... Короче, убирайтесь подобру-поздорову, а то... — Мухамет схватил прислоненные к стене вилы, нацелил на монахов. Те схватились за свои вервии, напряглись, как луки с натянутыми тетивами.

Повторим: вервие в руках последователя святого Доминика — сильное оружие. И, возможно, случилась бы короткая яростная схватка, если бы не вбежала вдруг в хлев молодая женщина, оказавшаяся женой Мухамета. Она вцепилась в рукав мужа.

— Ты что это надумал, а? У тебя что — своей головы нет? Я же тебе сказала: они — мои гости!

— Не вмешивайся, жена! Пропади с моих глаз!

— Вы посмотрите-ка, как он расхрабрился! Поставь вилы на место! Если я сказала, что они — мои гости, так... В моем племени...

— Плевал я на твое племя!

— Ах, вот как?! — Женщина надвинула шапку на лоб, застегнула распахнутую шубу. — Мне ведь недолго собрать своих людей, забрать свое добро, свой скот и вернуться к отцу! Чем терпеть обиды в вашей пустыне!..

— Хе, испугала! Кто тебя отпустит?

— Старейшины рода! Ссориться с моим племенем они не захотят. Так что оставайтесь тут со своими вшивыми женами и двумя-тремя облезлыми верблюдами!

— Уймись, Ишбика!..

Ишбика, презрительно фыркнув, повернулась и ушла.

С характером женщина, силу за собой чувствует, видно, приданое у нее было богатое, оттого и разговаривает так смело, подумал Юлиан, слушая перепалку между мужем и женой.

Мухамет в досаде швырнул вилы в угол и выбежал вслед за Ишбикой.

— Видал, какие женщины у наших юрматынцев? И красивая, и смелая! — загордился Юлиан.

— Как бы этот черт не убил твою красавицу! — отозвался Герард. — Айда-ка выйдем...

Вышли из хлева и остановились в растерянности. Густо, крупными хлопьями валил снег. Ничего вокруг не разглядишь. Лишь постояв немного, различили среди сугробов облепленную снегом юрту, в которую вчера не попали из-за оплошности Юлиана. Оттуда доносился голос Ишбики, перебиваемый мужскими голосами — то ли ругали ее, то ли увещевали.

Топтаться под открытым небом не было смысла — монахи вернулись в хлев. Теперь, при свете дня, под крышей обнаружился сеновал. Герард, чтобы согреться, слазил туда, раздал овцам корм. Юлиан, отыскав деревянную лопату, предложил:

— Давай накидаем к стенам снегу. И сами разогреемся, и тут теплей станет.

Работа, если берешься за нее с охотой, увлекает, облегчает душу и зажигает свечу надежды. У монахов вскоре настроение приподнялось, проснулось желание поговорить, посмеяться. Когда Мухамет снова заявился к ним, они уже были в состоянии встретить его шуткой.

— Эй, хозяин, давай еще работу — чтоб до седьмого пота!

Мухамет старался выглядеть суровым, но губы, помимо его воли, растянулись в улыбке.

— Сперва надо угостить вас за то, что уже сделали. Я думал — овцы стоят голодные... Слуги-то с отарой в степи, на тебеневке, тут мы с Ишбикой одни остались... Вы это... маленько приведите себя в порядок, отряхнитесь, что ли... Старейшины рода решили встретиться, поговорить с вами. Отец сходил посоветоваться, так ему сказали.

Уже уходя, он обернулся, добавил:

— Ирмек, видать, все же разъяснил, что к чему. Так что приготовьтесь и ждите...

Едва ушел Мухамет — появилась Ишбика. Может быть, даже где-то поблизости стояла, пока муж был тут.

— Давеча, разгорячившись, я и поздороваться не успела, — заговорила она смущенно. — Если их немного не потрясешь, так... Вы и вправду к юрматынцам едете, да? Ох, и мне бы повидать своих! Соскучилась... Как сказали про вас — обрадовалась. Об унгарах я слышала. Отец мой, Азнай-бей — кан-баба племени. Он часто говорил: такой-то — унгарского корня...

— Так мы же знаем Азнай-бея, встречались, — заулыбался Юлиан.

— Да что вы! — женщина в удивлении хлопнула себя по бедрам. — Где?

Выслушав ответ и как бы решив окончательно убедиться в достоверности услышанного, Ишбика спросила:

— Кто еще из наших был при отце?

— Гильман-батыр. Сейчас он — в Итиле...

Перебивая и дополняя друг друга, монахи рассказали, что знали о батыре. Им хотелось установить доверительные отношения с этой женщиной, поэтому о неприятностях, возникших при встречах с юрматынцами, они умолчали, и вышло, что встречи те были по-родственному теплые.

— Выходит, вы лучше меня знаете, что нового в племени, — сделала вывод Ишбика. — Ладно, еще порасспрошу вас потом...

Со стороны юрты донеслись мужские голоса. Должно быть, старейшины решили собраться у Ахмета.

9

Осмыслим рассказанное.

Предоставив перу передышку, я окидываю мысленным взглядом путь, проделанный моими героями—Азнай-беем с Гильман-батыром, Юлианом с Герардом, — и диву даюсь. Что вело их через множество опасностей и препятствий, что побудило обречь тело свое и душу на муки? Есть тут чему удивляться. Еще не умея так звонко, как мы, произносить слова «во имя Родины», «на благо родного народа», не имея порой даже приблизительного представления, где какие реки текут и какие крепости на них стоят, одни кидаются невесть куда спасать похищенных детишек, другие отправляются к черту на кулички, чтобы взглянуть на

землю предков, повидаться с далекими — и по расстоянию, и по времени — родичами. И дорого же платили люди за свое сумасбродство!

А совсем рядом многоглавое, наводящее ужас чудовище готовилось накинуться на них. Они слышали, как чудовище точит зубы, но не теряли голову со страху. Чувствовали, что жизнь все равно возьмет верх над смертью? Может быть, светлые умы, освещавшие пространства между Волгой и Уралом, такие, как великий Кулгали, и отважные предводители вроде Бушман-бея укрепляли их дух? Или постоянная необходимость отстаивать независимость и собственное достоинство повелела им не сгибать колени перед небывалой угрозой, нависшей над миром?

Они понимали, что не устоят врозь перед чудовищем, именуемым Батый-ханом, и стремились к объединению. Осуществить свои намерения им не удалось, но, кажется, нет в этом чьей-либо личной вины, а если и есть — чуть позже мы попытаемся выяснить, велика ли она.

Уже само стремление к сплочению в тогдашних условиях, вызванное чувством любви к родной земле, достойно вечного восхищения. Города и селения, возникшие на пепелищах, сказания и песни, завещанные веками, и наша сегодняшняя явь — все порождено этим глубоким, заботливым чувством. Не будем забывать об этом!

...Но пока что косяки монгольских коней бродят по степи у восточных пределов Дешти-Кипчака, добывая корм из-под снега. То тут, то там виднеются шатры и юрты, образующие круг, посредине которого на длинном шесте у белой юрты трепещет бунчук одного из Чингизовых внуков. Много их набралось — мелких ханов. Каждый из них мечтал стать подобным деду каганом, однако все они, как настороженные охотники, не спускают глаз с главной ставки, чтобы не упустить момент, когда Батый Саин, то есть Батый Непобедимый, выйдя из своего шатра, укажет рукоятью плетки на заход солнца. Ибо Батыю повезло больше, чем другим, — на великом курултае он провозглашен верховным сардаром предстоящего похода. Именно его приказ поднимет на ноги обитателей мелких ставок, приведет в движение огромное войско и, как говаривал сам Чингиз-хан, кинет царство за царством под копыта монгольских коней.

Но пока что кони не оседланы — тебенюют в степи, их хозяева точат сабли, оперяют стрелы, наполняют глиняные снаряды горючей смесью, а души свои — вожделением и коварством. Китайские и тунгутские мастера налажива-

ют метательные орудия — катапульты. Престарелый Субудай сидит неподвижно в своем шатре, погрузившись в бесконечные думы, и единственный его глаз обшаривает изрезанные реками пространства, по которым предстоит промчаться монголам. Интересно, видит ли он наших героев? Нет, наверно. Для него не существуют отдельные люди и даже народы, он думает о безликой массе, обозначаемой словом «враги».

Мир, расчлененный надвое, грозное время... Люди, отставьте в сторону свои мелочные ссоры и склоки!

Часть вторая

ОГНИ, ЗАЖЖЕННЫЕ ПЛЕМЕНЕМ

1

Большинство юрматынских аулов в том году откочевало на зиму в долины Зая и Шешмы, но аул Азнай-бея, впервые оторвавшись от племени, остался там же, где летовал. Кан-баба сам выбрал для зимовки урочище Нэтэзе, удобное, во-первых, тем, что оно защищено горою от северных ветров, а во-вторых — близостью Ак-Идели и Нугуша: река зимой, можно сказать, — готовый санный путь. Азнаю надо было поддерживать постоянную связь и с племенем Бурзян, и с укоренившимися на берегах Большого Ика кипчаками и усергаицами. Вдобавок легла на него забота о меркетинцах. Прежде всего из-за меркетинцев и остался он зимовать в этом урочище.

В начале черной осени вернулся кан-баба из странствия, черным вестником вернулся. Загоревало все племя — не удалось выручить похищенных и проданных в рабство детей. Еще раз оплакали погибших в пути егетов, да и решение Гильман-батыра отправиться куда-то за Каф-тау опечалило: во многих сказках Каф-тау — хребет Кавказский — предстает краем света, дальше — мир неведомый, загадочный, страшный.

Старейшины на собрании совета племени, слушая рассказ кан-бабы, покачивали головами — то ли в осуждение, то ли просто от удивления. Сообщение о печальной участи меркетинцев пропустили мимо ушей. Тогда Азнай поставил вопрос прямо: примем беженцев или нет? Никто и бровью не повел, никто не ответил — заговорили о том, что запоздали с откочевкой, о хлопотах, связанных с предстоящей зимовкой, заговорили.

Кан-баба тоже озаботился откочевкой, велел своим собираться в дорогу. Зимний холод позлей, чем холодок, повеявший в его отношениях со старейшинами, зима ие щадит ни людей, ии скотииу, а будут все живы-здоровы — остальное иаладится. Так думал Азиай, одновременно терзая себя безответиыми вопросами. Чем он прогневал старейшии? Была ли у иего хоть малейшая возможность спасти малышей? Или совет поставил ему в вину то, что Гильман-батыр ие вернулся с иим? А может, старейшииы молчанием своим хотели сказать: долго без тебя обходились и в дальиейшем обойдемся? Дай только людям хоть чуточку усомниться в твоей иеобходимости — тут же отвернутся... Ладно, и это как-иибудь утрясется, пытался успокоить себя бей.

Прошло три дня. Некоторые аулы тронулись в путь, отправились к местам зимовки. Под вечер к Азнай-бею прискакал гонец с вызовом в летиюю ставку хана Акташа. Новость эта привела его в растеряииость даже большую, чем неприятиое собраиие старейшин. Обычио к этому времени хан уже перебирался в зимиюю ставку. К тому же в последние годы ои в дела юрматынцев почти не вмешивался. Да, была пора, когда Акташ порыкивал с вершииы Тура-тау иа все окрестные племеиа. Войска хаи имел тогда побольше, и эмир булгарский, за чью полу ои держался, к иему благоволил. В жилах-то Акташа тоже булгарская кровь течет, пришел он с теми, кто умножал паству пророка Мухаммеда, отлучая башкир от Тенгри, сам себе трон соорудил, ханом себя объявил. Из кожи вои лез, пытаясь прибрать к рукам и юрматыицев, и другие племеиа. Не вышло. Ну и попрыгал же ои, услышав, что семь племен договариваются о добровольиом союзе, пометался, стараясь вызнать, где тайно съедутся иа курултай их предводители! После того, как башкорты заключили при посредничестве Субудая соглашение о мирных отношениях с татаро-моиголами и прибыл Майкы-бей, их посол, Акташ притих. Теперь Майкы-бей чувствует себя баскаком, а Акташ по сути дела — его холуй, потому, иаверно, и остается поныне в хаиах...

Едва уехал гоиец Акташа — прискакал другой, от главы племеии Таймас-бея, с приказом покруче: прибыть иемедлеино! Все вдруг вспомиили об Азнае. Ои оседлал коня и, помолясь, порысил к Таймасу.

— Акташу поиадобился Гильман-батыр, — сразу объяснил причииу обоих вызовов Таймас. — Скажешь: должеи был догиать, да что-то, видио, задержало в пути. Майкы-

бей сейчас где-то в Хорезме. Отъезжая, приказал Акташу собрать войско. Сам, мол, Батый Сани так повелел. А войску нужен сардар. Вот и заинтересовались Гильманом. Объяснять, где он, не стоит. — В темных глазах предводителя племени замелькали веселые искорки. — Пусть ждут. Чем дольше будут ждать, тем лучше. У Батыя и без того войско слишком большое...

Как всякий могучего телосложения человек, Таймас-бей казался добродушным и простоватым, но внешность часто обманчива, — природа не обделила предводителя племени ни умом, ни хитростью. Вот ведь — не упустил случая насолить Акташу, а значит — и монголам, сохраняя невинное выражение лица. Азнай-бей, может, сам до этого и не додумался бы.

— Теперь о меркетинцах, — продолжал Таймас. Все же не пропустил сообщение кан-бабы мимо ушей, запомнил, оказывается. — Завтра утром все аулы тронутся в путь. А ты остаешься. Зазимуешь тут. Для чужих ушей — ждешь Гильмана. Ты пригласил меркетинцев — тебе и встречать их: поможешь устроиться. Ни Акташ, ни Майкы, понятно, не должны знать об этом, дойдет до них — лишние хлопоты наживем, сам ты сказал, что монголы ненавидят меркетинцев. А помочь бедолагам надо... Ты говорил о человеке, с которым встретился у Бушман-бея, как его...

— Кулгали по имени, бей по званию.

— Да-да, вспомнил. Умные мысли он высказал. Может, войско Батыя не тронет нас, пройдет, дай-то Аллах, стороной. Во всяком случае, в горы не сунется. Постараемся спасти как можно больше народу...

— Понял тебя, таксир. Значит, я могу отправить егетов Бушман-бея обратно, подтвердив приглашение.

— Да. И привет от меня пусть передадут Бушману.

После разговора с Таймасом Азнай-бей, сопровождаемый своим нукером, поскакал в сторону Тура-тау. Ночь провел в седле и все-таки едва не опоздал: ханская ставка уже приготовилась к переезду. Ревели навьюченные верблюды, суетились люди. Казалось, никому нет дела до приезжих, друг на друга-то вроде внимания не обращали. Хана, спустив с горы на носилках, усаживали в повозку. Одряхлел Акташ, и по ровному месту ходит — спотыкается, а все живет на макушке горы в деревянном доме, гордо именуемом дворцом. Раскатать бы дворец по бревнышку и снова собрать внизу, так нет, хану обязательно надо сидеть высоко, показывая этим свое величие, ну и

заодно оберегая себя от злого умысла. Опасается хан лиходеев и правильно, коль подумать, опасается.

— Эй, иди сюда, да поживей! Хан ждет.

Азнай-бей спешился, передал поводья нукеру и, приблизившись к повозке, поприветствовал хана легким наклоном головы. Ему подавали знаки, чтобы опустился на колени, — он сделал вид, будто не замечает этих знаков.

Акташ уперся в бея бессильным взглядом выцветших глаз. Задребезжал, как треснувший таз, старческий голос:

— Постой-ка, кто ты такой?

Один из приближенных склонился к ханскому уху, пошептал, должно быть, объясняя, кто предстал пред светлыми его очами.

— А-а, это ты пропадал где-то без моего разрешения? Куда, к кому ездил? — задребезжал опять таз. — Козни против меня строишь? Да я тебя!.. Я тебя!..

Прикинув, что дело может кончиться худо — наказанием плетьми запахло, Азнай-бей, дабы избежать позора, приготовился было объяснить, чего ради совершил долгое путешествие, но хан и рта раскрыть ему не дал, все кричал и, захлебнувшись собственным криком, закашлялся. Приближенные засуетились, забегали, пересадили старца поудобней, дали ему что-то выпить. Пользуясь суматохой, Азнай-бей тихонечко отступил к своему коню, запрыгал на одной ноге, второпях не попадая другой в стремя, и тут повозка с ханом, тарахтя, покатила мимо него. Бей, наконец, вскинув тело в седло, припал лицом к шее коня и затрясся. Со стороны могло показаться, что юрматынец, устрашенный ханским гневом, плачет, а он скрыл лицо, не в силах удержаться от смеха. Вот ведь кому хочется нагнать на нас страху, чтоб мы с трепетом в сердце смотрели ему в рот; обеими ногами уже в могиле, а все норовит грозно топнуть, думал бей, смеясь. Тем не менее, был он рад, что крикливый старикашка так быстро отвязался от него.

Азнай-бей и себя чувствовал глубоким стариком, но не выжившим, к счастью, из ума, — не потерял сообразительности и, как говорится, мешок хитростей был при нем. Как обернулось дело у Тура-тау — никому, кроме Таймаса, он не рассказал, напротив, старался напустить вокруг этой поездки побольше туману: если кто-либо спрашивал, зачем вызвал хан, Азнай, придав лицу загадочное выражение, обращал взгляд к небесам или еще как-нибудь, намеками, подводил любопытствующего к мысли, что получил от хана весьма важное тайное поручение. Он нарочно объез-

дил соседние аулы, благословлял их и желал всего доброго перед трудной перекочевкой и ронял при этом как бы ненароком, что сам он вынужден зазимовать тут, а почему — сказать не может, не волен. Пусть люди как хотят так и думают, пусть решат, что он исполняет ханскую волю. Молва разнесет «догадку», уважения к кан-бабе она вряд ли прибавит, зато охотников совать нос в его дела явно поубавится.

Не только другим, но и самому себе Азнай-бей не смог бы толком объяснить, отчего он выбрал для зимовки урочище Нэтэзе. Разве мало среди отрогов Урала мест, где и от студеных ветров можно укрыться, и санные пути по речкам нетрудно проложить? Уже потом, когда предзимние заботы немного схлынули, бея осенило: Кунгак-тау его притянул! Унгары и юрматынцы перед тем, как отправились далеко на запад, собрались как раз у подножья этой горы, последний раз старейшины посовещались и выпили прощальную чашу кумыса на ее вершине. Если верно, что странники, встретившиеся в Таманторгане, ищут родину своих предков, то поиск непременно должен привести их к Кунгяк-тау. Не вытекает ли из этого, что кан-баба, решая, где зазимовать, подсознательно выбрал место возможной встречи с монахами из Великой Унгарии?

По возвращении из странствия, отчитываясь перед собранием старейшин, сообщение о встречах с унгарами он приберегал напоследок, но почувствовав холодное к себе отношение собрания, вовсе ничего о них не сказал. И правильно сделал, думает он теперь, могли ведь и это поставить ему в вину, тогда авторитет кан-бабы пострадал бы сильней. А он, хоть и смеялся над ханом Акташем, не хочет, несмотря на старость, отстраняться от общеплеменных дел, замыслов на будущее у него еще предостаточно, уйти из этого мира, не исполнив их, было бы, на его взгляд, просто неприлично. Ну, а унгары — пусть они остаются пока его секретом, понадобится, так секрет он раскроет, больше того — тех монахов, коль дойдут до юрматынской земли, встретит приветливо, ибо на своей земле можно, даже должно оказать гостеприимство людям любой веры.

Аул на зимовку встал в обычном порядке: посредине — просторная теплая юрта кан-бабы, вокруг нее — юрты помельче, предназначенные для его жен и сыновей, а также землянки для слуг, этот центр окружила своими юртами близкая и дальняя его родня, наконец, по внешнему кругу поставили жилища нукеры, мастеровые люди и пастухи.

В самом тихом, безветренном месте огородили загоны для овец, для дойного скота; для будущего приплода соорудили укрытия, утепленные связками камыша. Надо было еще заготовить как можно больше дров, запасти сколько-нибудь сена, накосив хотя бы увядшей травы, подвезти все это, сложить. У всех в ауле дел было по горло. Дружная работа, общие хлопоты приглушали тревожное чувство, вызванное оторванностью от племени, не оставляли времени для судов-пересудов и нытья.

Азнай-бей старался поспеть повсюду, следил, все ли ладно делается. Объехал он и места, заранее выбранные пастухами для тебеневки. За удивлявшей всех неугомонностью бея таилось нетерпеливое ожидание. Остановившись на какой-нибудь возвышенности, он подолгу смотрел вдаль и вздыхал или ворчал себе под нос: нет их и нет. Ждал кан-баба меркетинцев и кипчаков Бушман-бея, на них ворчал: неужто не понимают, что надо им тут устроиться, пока снег не выпал? Зима не заставит себя ждать, как они, уже были дни, когда в воздухе белые мухи кружились.

Вот и сегодня, прикидывая, где снегу поменьше ляжет и скоту легче будет добывать корм, Азнай-бей неотступно думал о тех, кого ждал. Хорошо, если сбудутся надежды на то, что татаро-монгольские тумены пройдут далеко от этих мест. И если беженцы, пока есть возможность, успеют зажечь здесь свои очаги. Иначе — могут угодить под сотрясающие землю копыта...

Тянулись вереницей, цепляясь друг за дружку, беспокойные мысли, и вдруг вытянули совершенно неожиданную, ужаснувшую Азнай-бея: раз он надеется, что эти места враг не потопчет, почему позволил племени откочевать отсюда? Ведь наследники Чингиз-хана нацелились на богатства Великого Булгара, стороной его не обойдут. Это известно тебе и всем предводителям родов, всем старейшинам племени известно! И тем не менее юрматынцы направились как раз туда, где предстоят главные битвы. Да что же это, кошка, что ли, разум у всех слизнула?!

Тебя не послушались бы, попробовал оправдаться перед самим собой Азнай-бей, но тут же осадил себя: пусть бы не послушались — все равно надо было предостеречь, ты — кан-баба, на то и поставлен, чтобы оберегать цепочку жизни в племени. И в случае перекочевки ты должен был кинуть в души соплеменников семена осторожности, бдительности!

Кан-бабе ясно представилось скуластое лицо предводи-

теля племени, вспомнились его слова: «Я увожу народ подальше от глаз Майкы-бея, чтобы наши егеты не угодили в татаро-монгольское войско». Так-то оно так, уважаемый Таймас-бей, но не потребует ли наших егетов в свое войско повелитель булгар? Ха-ай, нелегкая же это задача — остаться в стороне от яростной сшибки разделенных враждой миров!

Тут Азнай-бей осознал, что его конь топчется на месте. Оказывается, предавшись бесконечным думам, он и не заметил, как натянул поводья. В двух шагах остановилась и его свита — несколько молодых мужчин и гурьба подростков, которым до всего есть дело. Люди ждали, что скажет бей, — неспроста же придержал коня. Ну, коли так, вот вам распоряжение:

— Траву тут, особенно на склонах, поберегите. Зима долга...

— Поняли, турэ.

— Неплохо бы там вон, в уреме, поставить десяток стогов.

— Поставим, турэ, лишь бы снег не выпал.

— Надо успеть до снега! Не забывайте, что и к охоте вот-вот приступим...

Юрматынцы так же, как и все соседние племена, знаменуют начало зимы многолюдной охотой. Это древний обычай. Не только ради мяса и шкур выходят всем аулом на охоту, но и для того, чтобы отогнать зверье от места зимовки. Медведей, залегших в берлогах, пока не беспокоят — их очередь наступит поближе к весне. Волков, лисиц, а также лосей, косуль, добывающих корм там же, где пасется и тебенюет домашний скот, частью выбивают, частью отпугивают. Начало охоты — долгожданное событие, большой праздник, позволяющий и ловкостью на людях блеснуть, и гостей из окрестных, а то и далеких становищ пригласить, и дружбу укрепить, и поссорившихся помирить. С приближением зимы все начинают исподволь готовиться к этому празднику. Более всех волнуется молодежь. Впрочем, охотничья страсть у нее в крови в любое время года. Вон подростки из свиты кан-бабы делают вид, будто почтительно внимают разговору взрослых, а глазами так и зыркают по сторонам, высматривая какую-нибудь зверушку или дичь. И высмотрели-таки.

— Лиса!..

— Где, где?

— Да вон по краю балки скачет! Ушла, вниз ушла!..

Азнай-бей покосился на расшумевшихся подростков,

хотел было побранить их за несдержанность, но передумал, махнул, улыбнувшись, рукой в сторону балки:

— А ну-ка, кто сумеет догнать ее и достать дубинкой?

Этим сорванцам только разреши! Трое тут же помчались преследовать рыжую. Бей немного полюбовался ладными фигурами пригнувшихся к конским холкам парнишек, вздохнул о чем-то, может быть, себя таким же вспомнил и потянул повод, поворачивая коня в обратную дорогу. Недосуг было ему, не то время, чтобы наблюдать, как развлекаются юнцы. Нукеры и пастухи последовали за ним. Но не успели они далеко отъехать — донесшиеся сзади крики заставили всех разом оглянуться и натянуть поводья.

Аб-ба, это когда же трое кинувшихся за лисой превратились в четверых? Четверо всадников мчались по краю балки попарно, причем, одна пара преследовала другую, стреляя на скаку из луков; преследуемые изредка оборачивались и тоже натягивали луки... Похоже, два безусых охотника погнались не за лисой, а за невесть откуда взявшимися чужаками. А где третий?.. О Аллах, один из юнцов вылетел из седла, пораженный стрелой чужака!..

Земля должна была дрогнуть от гневного вскрика Азнай-бея, но голос у него вдруг пропал, горло укупорил жесткий комок. Ладно еще на повелительный жест его хватило — нукеры сами сообразили, что надо делать: разделившись, рванули вперед с таким расчетом, чтобы взять чужаков в клещи, не упустить...

Велев пастухам осмотреть балку, Азнай-бей направился к коню, стоявшему возле выбитого из седла хозяина. Подросток лежал на блеклой траве навзничь, из левого его плеча торчал оперенный конец стрелы. Слава Всевышнему, от такой раны люди не умирают, нужно лишь умелое лечение. Бей спрыгнул с седла, склонился над раненым. Он был без сознания, но сознание потерял, должно быть, сильно ударившись при падении. Надо, пока не пришел в себя, выдернуть стрелу и перевязать рану.

Наконечник стрелы оказался с зазубринами, выдрал кусочки мяса и кожи. Подросток слабо вскрикнул. Ничего, ничего, теперь уже не страшно... Кан-баба набрал в ладонь земли, смочил ее слюной, размял и наложил на рану, чтобы остановить кровотечение, обвязал ее, достав из-под шапки платок, которым утирал пот. Остальным он займется в становище.

Азнай-бей выпрямился, посмотрел по сторонам. Нукеров не видно, да оно и понятно: те злодеи, конечно, пустились наутек, не так-то просто их схватить. Пастухи приб-

лижались к нему с подростком, положенным поперек седла. Еще одно несчастье! Надо же ни с того ни с сего случиться такому в тихий солнечный день!

— Жив, нет?

Пастухи слов его издали не расслышали, но догадались, о чем он спросил, и в ответ еще ниже опустили головы. Бея будто под коленки сзади ударили, он обессиленно сел на землю и закрыл лицо руками. Что за проклятый год выпал на долю племени Юрматы! Мало того, что татары похитили Гильметдина со сверстниками, еще это... Год Овцы называется, а овца-то, вышло, злей дракона! И к обоим случаям причастен кан-баба. Может, Аллах говорит ему этим: стар ты уже, пора о загробной жизни думать, передай дела земные молодым! Или наказан Азнай за то, что посмеялся над старческой немощью хана Акташа?

— Турэ, вот что еще мы там нашли...

Это была женская шапка, сшитая из лисьего меха. Не она ли давеча мелькнула над краем балки, не ее ли подростки приняли за живую лису? В шапке застряла стрела.

— Я же им велел дубинкой... А они за лук схватились, неслухи! — бормотал Азнай-бей, пытаясь подняться на ослабевшие ноги. Пришлось дать знак пастухам, чтобы помогли.

Бей пощупал запястье снятого с седла парнишки и, убедившись, что тот мертв, встал рядом с ним на колени, прочел заупокойную молитву.

— Изрублю на куски и скормлю собакам! — пообещал он в ярости, заранее решив участь чужаков, убивших юного юрматынца. — Пусть только схватят их!..

Пастухи, забрав мертвое тело и раненого, отправились в становище. Азнай-бей остался ждать нукеров. Вскоре из кустов, росших на краю балки, выехал третий из подростков. Увидев кан-бабу, он тут же спешился, повел коня в поводу и остановился в отдалении. Я виноват, я испугался и спрятался, но поймите меня и простите, взывал он всем своим видом. Сердце старика дрогнуло от жалости: эх ты, петушок осенний, еще не ведаешь ты, сколько неожиданных ударов нанесет жизнь, поэтому сегодняшнее представляется тебе чуть ли не концом света, но ты попереживай, попереживай, осознай как следует свою вину, это полезно!..

Выждав некоторое время, чтобы чувства, обуревавшие подростка, запомнились покрепче, Азнай-бей поманил его пальцем: подойди ближе!

— Эти чужаки... там есть и женщина?

— Да, турэ. Но мы не знали...

— Значит, лиса вдруг взяла да и обернулась женской шапкой, а? Кто из вас первым ослушался меня — схватился за лук?

Подросток молчал, упершись взглядом в землю.

— Не слышу ответа!

— Не помню, турэ...

— Ладно, будем считать, что ты проявил благородство. Не валишь, говорю, вину на товарищей. Похвально! Только шапку впредь с лисой не путай!..

Этот день, кажется, задался целью вновь и вновь ошарашивать Азнай-бея неожиданностями. Увидев возвращающихся нукеров, он почувствовал, что жизнь подкидывает ему еще один хитроумно завязанный узелок. Настичь-то чужаков нукеры настигли, но вместо того, чтобы тащить злодеев, заарканив, ехали, как бы по-дружески сопровождая их. И «осенний петушок» обратил на это внимание. Он перевел с подъезжающих на кан-бабу вопрошающий взгляд: разве с плененными обращаются как с гостями? А те едут себе как ни в чем не бывало!

Правда, выражая почтение к кан-бабе, шагах в двадцати от него все, в том числе и чужаки — егет с девушкой — спешились. Девушка подхватила егета под руку, он с трудом ступал на правую ногу — видно, ранен. У девушки лицо измазано кровью, волосы слиплись на лбу.

Азнай-бей кинул нукерам шапку, которую держал в руке.

— Наденьте на нее! Мусульманке не надлежит ходить среди мужчин простоволосой — грех!

— Спасибо, Азнай-турэ! — отозвалась девушка.

Голос ее показался бею знакомым. Он вгляделся в пленных и, внутренне вздрогнув от догадки, приказал:

— Подведите их поближе!

Приказ живо выполнили. Перед ним предстали Беркут и Былбыл. Их забрызганная кровью одежда и попытки улыбнуться, превозмогая страдание, полоснули по сердцу Азнай-бея.

— Бог мой, почему ты не указал им путь, не прибавил сил, чтобы скрылись и спаслись? Я же приговорил их к смерти! — прошептал бей. Он не мог произнести это громко, не мог перед своими выказать мягкотелость.

Он довольно долго молчал, приводя в порядок ошалело заметавшиеся мысли. Люди, стоявшие перед ним, тоже молчали, ожидая, что он скажет. Лишь кони пофыркивали и постукивали копытами по затвердевшей в погожие

дни предзимья почве, — они тоже, казалось, чувствовали, что вот-вот что-то должно произойти, и беспокоились.

— Человек Бушман-бея! — подчеркнуто сурово заговорил кан-баба, глядя на Беркута. — Ты причинил моему роду зло, какое может причинить только враг. Лишен жизни безгрешный отрок. Еще один — покалечен. По извечному закону степи ты подлежишь немедленной казни!.. — Тут Былбыл шагнула вперед, намереваясь что-то сказать, Азнай-бей прикрикнул на нее, одновременно дав понять, что узнал их обоих: — Дочь Куслюк-бея, стой на месте и молчи! Смерть за смерть! Это справедливое требование... — Руки нукеров легли на рукояти сабель. А кан-баба продолжал: — Однако Беркут — гонец прославленного кипчакского предводителя Бушмана, он прибыл с вестью, которую я давно жду. Кроме того, он — мой гость! — Былбыл приподняла поникшую было голову, Беркут облизнул пересохшие губы, нукеры вроде бы облегченно вздохнули. — Следовательно, пока он не исполнит то, что ему поручено, и пока я не окажу должное гостеприимство, мы не можем предать его смерти. Я сказал все.

— Я тоже стреляла! — крикнула девушка.

— Меркетинские девушки стреляют метко, я знаю это, Былбыл. Но там, где есть мужчина, за все отвечает он, — сказал Азнай-бей и дал знак садиться на коней.

2

Только на первый взгляд жизнь представляется цепочкой случайностей, а на самом деле... Если бы татары не похитили юрматынских женщин и детей и в числе тех, кого постигло несчастье, не оказался мальчик, помеченный печатью Тенгри, разве Азнай-бей совершил бы путешествие, в котором познакомился с Беркутом и Былбыл? Вряд ли. А при ином стечении обстоятельств дороги молодого кипчака и меркетинки могли и не сойтись. Вспоминаются юрматынскому кан-бабе вечерние огни в стане меркетинцев, игры молодых, состязание в прыжках через костер. От искорок того костра воспламенилась любовь Беркута и Былбыл...

Измаянный бессонницей, вышел Азнай-бей из душной юрты, сидит, погрузившись в думы, под холодно поблескивающими звездами. Мысли, мысли... Дай им волю, взбрыкнут и разбегутся, как стригунки на весеннем лугу. И каждая поведет себя так, как ей заблагорассудится. Одна, скажем, начнет докапываться до корней бытия и обнаружит,

что существует-таки то, что именуется судьбой. Другая установит, что все мы, дети Адамовы, где бы ни жили, связаны меж собой незримыми нитями, кто-то, подергивая эти нити, правит нами, а потому происходящее в нашей жизни, даже самые неожиданные события — вовсе не случайны. Отсюда недалеко до вывода: поступки наши, порождающие дружбу ли, вражду ли, от нас не зависят, ибо причины их — в этой вот всеобщей повязанности...

Нет уж, лучше не давать волю мыслям-стригункам — могут потоптать законы степи, и нарушится порядок, исчезнет опора совести и согласия меж людьми. Нельзя пренебрегать законами. Вот он, Азнай-бей, повинуясь им, еще до того, как увидел Беркута, приговорил его к казни. Но те же законы позволили отложить исполнение приговора. Люди в становище восприняли решение бея как должное, и родственники убитого парнишки пока что воздерживаются от кровной мести. Беркут жив, залечивает рану. Выздоровев, он съездит к Бушман-бею — да, да, простится с близкими и вернется готовым лечь в могилу, иначе юрматынцы станут кровными врагами кипчаков. Таковы законы степи. А Былбыл? Ей придется вернуться в отцовскую юрту.

Свадьбу они сыграли совсем недавно, пить бы им да пить из чаши радости, а выпало лишь пригубить... Меркетинцы, дойдя до владений Бушман-бея, остановились, чтобы набраться сил, и два племени поспешили воспользоваться возможностью породниться. Впрочем, слово «поспешили» здесь неуместно, для разумного дела любой срок — в самый раз. Когда меркетинцы снова тронулись в путь, направляясь к юрматынским кочевьям, Бушман-бей послал Беркута к тестю указывать дорогу, а своих переселенцев решил отправить позже, да что-то их надолго задержало. Коль начало зимы дохнет многоснежными буранами, пожалуй, не тронутся с места до весны. А вдруг тем временем нагрянут татаро-монголы? Думает ли об этом Бушман?

Разрезав небосвод огненной чертой, упала звезда. Азнай-бей поднял лицо к небу и услышал высоко над головой гомон диких гусей, летящих в теплые края. Может быть, их встревожил яркий след угасшей звезды. Человеческая жизнь коротка, как ее полет, подумал старик. Только одни уходят из этого мира тихо, незаметно, а другие гаснут отпылав, и живые в таких случаях гомонят и плачут.

Размышляя об упавшей звезде, Азнай-бей подспудно

думал о Беркуте: сопоставимы ли они? Судя по имени, мать с отцом предрекали ему большие дела, орлиную зоркость и смелость. Да и во всем его облике, в душевном складе, повадках есть нечто от орла. Вот ведь — с верховья Иргиза прилетел с молодой женой, на много дней опередив медленно движущееся племя, — для того прилетел, чтобы доставить привет от Куслюк-бека и заранее осмотреть места, где предстоит укорениться меркетинцам. Правда, долго им пришлось искать аул Азнай-бея, уже надежду найти теряли — и вдруг нападение воинствующих юнцов. В случившемся повинна прежде всего безалаберность подростков. Кто-то из них, увидев незнакомых всадников, вошел в раж, выхватил лук из сагайдака, двое других последовали его примеру. Но и Беркута оправдать невозможно: уклониться бы ему как-нибудь от столкновения — нет, ввязался в перестрелку с глупцами. Зрелый мужчина при подобных обстоятельствах должен выставлять вперед не чувство, а разум. Забвение этого правила оборачивается трупами...

Азнай-бей плотней прикрыл колени полами тулупа, сшитого из волчьих шкур, сунул кисти рук в рукава. На ногах у него — валенки. Однако холод все равно добирается до тела, находит лазейки. Даже летней ночью в эти часы бывает холодно, а теперь — тем более. Скоро реки покроются льдом. Снега еще нет, но бесснежный, черный холод злее зимнего, старческие суставы особенно чувствительны к нему. Раз уж не спится, сидеть бы старому бею в юрте, греться у огня, подкинув дров в чувал — сложенную из камней печку, да тянет его под открытое небо. Остудит голову — и мысли проясняются, все вроде бы становится на свои места, все решения, принятые за последние дни, представляются верными. Он отправил своих егетов навстречу Куслюк-беку, наказав не говорить пока, в каком положении оказался его зять, и это решение кажется вполне обоснованным: человеку в пути и так нелегко.

Самое сильное желание бея в эти дни — не присутствовать на казни Беркута. Даже представить себе, как это будет происходить, страшно. По законам степи ни одна капля его крови не должна пролиться, он будет повешен либо ему сломают хребет, сгибая до тех пор, пока пятки не коснутся плеч. Есть еще обычай ударять приговоренного ягодицами по земной тверди — это жесточайшая казнь. У человека разрываются внутренности, и он умирает долго, в невыразимых муках. Казнить так Беркута Азнай-бей не позволит — в пути до Таманторгана и обратно он успел

сблизиться с молодым кипчаком, полюбить его. В том-то и беда: нежные чувства ослабляют волю, а времена — суровые, слабовольного живо скрутят и в землю вгонят.

Снизу, от ручья, донесся топот копыт, собаки в становище всполошились. Ночной дозор объезжает окрестности, чтобы отпугнуть зверье, а то и людей со злыми намерениями. Береженого и я оберегу, сказал Аллах устами Пророка. Оторвавшемуся от племени аулу бдительность нужна вдвойне. Никто заранее не скажет, откуда и когда нагрянет несчастье, остается надеяться лишь на свой настороженный слух и широко раскрытые глаза.

Кто-то идет к юрте Азнай-бея. Судя по уверенным шагам — Каранай. Вон и пес Акбай, лежащий в сторонке, — ему не нравится запах волчьего тулупа, — лишь еле слышно зарычал и тут же умолк. Каранай — младший сын бея, он унаследует звание и обязанности кан-бабы, готовится к этому, учится врачеванию, сейчас, должно быть, возвращается от раненых.

— Зачем, отец, сидишь на холоде?

— Тут лучше думается. Ну, как там?

— Кипчак поправляется.

— А тот?

— Как бы черная опухоль у него не случилась. Края раны почернели.

— Утром сам схожу посмотрю.

— И кипчака...

— Нет, не хочу его видеть. Он полностью на твоем попечении.

Каранай немного потоптался возле отца и ушел в свою юрту. Кажется, слова «не хочу его видеть» он воспринял как выражение враждебного отношения к Беркуту. Вот и хорошо. Будущий кан-баба должен получать уроки уважения к древним установлениям и неукоснительного следования обычаям. Знать истинную причину, удерживающую отца от посещений юрты, где лежит раненый кипчак, ему ни к чему, это нанесет урон будущему. А Азнай-бею в каждом взгляде Беркута чудится вопрос: «Ты и вправду предашь меня смерти?» Трудно бею выдержать его взгляд, изза старости, что ли, слишком чувствительным стал. Еще трудней ему встречаться с Былбыл. Женщина ведь о том же не взглядом, а во всеуслышание способна спросить. Как ей ответишь? Промолчать, махнув рукой,—невежливо, повторить приговор — язык не повернется. Остается пробурчать что-нибудь насчет необходимости набраться терпения, а это может пробудить беспочвенную надежду.

Бей начал подремывать, но не разрешил себе погрузиться в глубокий сон на холоде, поэтому слух его уловил перешептывание. Неподалеку шептались двое. «Что-то сильно беспокоит нашего турэ, не знаешь — что?» — спросил один. «Да он же ломает голову над тем, как спасти от смерти этого кипчака! — усмехнулся другой. — Ловко: и закон чтоб не был нарушен, и знакомец его близкий остался жив». — «Разве это возможно?» — удивился первый. «Ищет невозможное, может, и найдет», — хихикнул второй. Разозлился бей, хотел крикнуть: «Что вы на меня напраслину возводите? Делать вам, видно, больше нечего! — но голос у него пропал. Силится закричать, а получается лишь какое-то мычание. Тут кто-то сильно толкнул его в грудь, он вздрогнул и... проснулся. В самое лицо, поскуливая, тыкался носом Акбай. Почуял, верная душа, что хозяину дурное снится и разбудил, преодолев нелюбовь свою к волчьему тулупу. Азнай встал и, ласково похлопав пса по спине, зашел в юрту. Смотри-ка, из-за одного человека можно, оказывается, забыть обо всем на свете, бормотал он, укладываясь в постель.

Следующий день отвлек его на какое-то время от тягостных мыслей, связанных с судьбою Беркута и Былбыл. После утренней молитвы ему доложили, что вернулся один из егетов, посланных навстречу Куслюк-беку. Кан-баба велел быстренько привести его, но егет, как выяснилось, ждал у входа, он тут же вошел и преклонил колено у краешка кошмы, которой был покрыт пол юрты.

— Ну, рассказывай, с чем вернулся. Встретились с Куслюк-беком?

— Да.

— Куда вы его повернули — к Уршаку или Асаве?

— От Уршака нас прогнали, турэ.

— Кто?

— Люди Урдяс-бея. Это, говорят, наша, то есть их земля.

— Затем?..

— И от Асавы погнали.

— Кто?

— Люди Урдяс-бея. Вот «письмо» они тебе прислали...

Егет вытащил из-за голенища стрелу, положил на кошму перед кан-бабой. Азная кинуло в жар, потом — в холод: послать стрелу — значит, объявить войну. На каком основании?! Неужто Урдяс-бей решил растоптать межплеменное согласие, чтобы показать силу и расширить свои владения? Выходит, он остался зимовать в долине Кук-Идели,

и неспроста остался. Недавно прикочевал он в эти края, кличка у него — Урдяс-бей с Тысячью Колчанов, племя в самом деле многолюдное. Освоив пастбища по обоим берегам Кук-Идели, оно вышло уже и на берег Кара-Идели. Предводители племен на одном из межплеменных собраний подняли было шум по этому поводу. Урдяс-бей сказал тогда спокойно: «Я никого с места не согнал, занял только свободные земли. Земля, предназначенная Аллахом для обитания людей, пустовать не должна, это — грех». Заткнул всем рты. Умный, сильный бей, схватись-ка с ним!..

— Отец, это же татарская стрела! — воскликнул сидевший рядом Каранай.

— А? И впрямь...

Острый глаз у сына, верно «прочитал письмо». Нет, не войну объявляет Урдяс-бей, а советует остеречься татаро-монголов. Знает, видно, об их ненависти к меркетинцам, поэтому и не хочет, чтоб несчастные беженцы поселились рядом, даже и скрывать этого не думает.

— Где сейчас Куслюк-бек?

— Мы проводили его к устью Ашкадара.

— Правильно сделали. Хорошо, иди отдыхай.

Все в мире перепуталось, вздохнул Азнай-бей. Помнится, Кулгали сказал, что мать Чингиз-хана — меркетинка. С чего они так взъелись на своих родичей! Или уж люди там вовсе не признают родства? Кулгали приравнял их к диким зверям, хищникам. И разве то, что видел сам Азнай, не подталкивает к такому же выводу? Ладно, отставим пока мысли о татаро-монголах в сторону, вернемся к «тысяче колчанов». Странно их отношение к меркетинцам, очень странно. Неужели не понимают, что, отталкивая нуждающихся в помощи, сеют зло? Людей, превративших это в свое основное занятие, в мире предостаточно, а если еще и соседи твои склонятся к тому же... Как бы там ни было, юрматынцы на примере покажут, что и в эти жестокие времена в стране башкортов гостеприимство и милосердие возобладают над бессердечием. «Тысяче колчанов» будут посланы в ответ юрматынский лук с развязанной тетивой и меркетинская стрела без наконечника. Позднее, возможно, придется и съездить к Урдяс-бею, обсудить с ним вопросы, связанные с давно ожидаемым походом татаро-монголов.

Придя к такому решению, ссутулившийся было Азнай-бей выпрямился и велел Каранаю:

— Иди скажи, чтоб коня мне и все, что нужно в до-

роге, приготовили. Съезжу к устью Ашкадара. Выеду после второй утреиией молитвы.

— Вот-вот сиег пойдет, отец, забураиить может, — воспротивился сыи.

— Да хоть и забураиит! Не иа край же света собираюсь... Пусть предупредят Былбыл: возьму ее с собой. И подарки Куслюк-беку вели приготовить.

— Деиь теперь короток, дотемиа ие доедете, — продолжал отговаривать Караиай.

— Испугал! Переиочуем в пути, — отмахиулся отец. — Доберемся до Тиряклы, сверием к Сухайле — там готовый иочлег. Да и давио уж туда я ие заглядывал.

Караиай живо представил себе взгорья у речки Тиряклы и просторные пещеры в иих. Несколько лет иазад отец свозил его туда, показал письмеиа и изображеиия иа камеииых плитах, досках, коже. Запомиились Караиаю зиаки, похожие иа клииья, и родовые тамги, изображеиия солица иад каждым текстом. Осталось все это от времеи, когда башкорты поклоиялись лучистому богу Теигри. С прииятием ислама попрятали оии свои святыии от мусульмаиских проповедииков и иеистовых дервишей в пещерах, есть такие тайиые храиилища и в долиие Селеука. Тут — память о жизии и великих делах иаших предков, сказал тогда отец и пообещал Караиаю иаучить его чтеиию древних письмеи.

— Я провожу тебя до Тиряклы!

Угадал Азиай-бей иевысказаииую мысль иаследиика, и глаза его сузились в улыбке.

— Что ж, собирайся! Прихвати побольше смолистых лучии...

Видели бы вы, как после этого Караиай собирался в дорогу! Будто крылья у иего выросли. И к раиеиым успел иаведаться, и за тем, каких коией седлают, что в хурджииы кладут, проследил.

Пока что все складывалось удачио. На переправе через Ак-Идель, хотя перевозчиков ие предупреждали, иа паром угодили с ходу. Днем в воздухе кружились редкие сиежиики, сиег пошел только вечером, ио к этому времеии путиики уже доехали до Тиряклиисках пещер. Азиай-бей, хорошо зиая здесь все входы-выходы, легко иашел подходящие полости и для коией, и для людей. Поскольку склоиы были покрыты лесом, быстро иабрали топлива иа всю иочь. Вскоре у входа в пещеру запылали два огромиых костра: виутри разводить огоиь иельзя, дым оттуда уходит слишком медлеиио, поэтому для обогрева приходится поль-

зоваться жаркими углями, и для поджаривания мяса тоже нужны угли.

Тем временем совсем стемнело, снегопад усилился и ветер поднялся — деревья тревожно зашумели.

— Наш бей заранее сговорился с бураном, чтобы не начался, пока не устроимся, — шутили нукеры, прислушиваясь к вою ветра.

Каранай, стараясь скрыть от остальных свое беспокойство, поглядывал на отца, задремавшего после ужина. Стар стал, даже недолгий путь его утомляет, может, и забыл, зачем взял меня с собой, думал он жалостливо. А чуть погодя уже сердился: должен сам понимать, что состарился, и поспешить с передачей мне тайн племени! Но тут же успокаивал себя догадкой: а-а, ждет, наверно, когда все заснут...

Трудно юности понять старость.

Азнай-бей, не открывая глаз, спросил вдруг:

— Что, ие терпится? — И, не дожидаясь ответа, поднялся с места. — Зажги лучину, пойдем! — Вскочившим на ноги нукерам велел: — Вы посторожите тут, отдыхайте, мы одни управимся...

И сам пошел впереди.

Выйдя из пещеры, они прошли немного вверх по склону, затем спустились, поддерживая друг друга, в провальное углубление. Ветер успел погасить лучину, пришлось повозиться с креслом и кремнем, пока опять не вздули в затишке огонь. Азнай-бей указал на каменную плиту:

— За иею...

Отвалили плиту. Лаз в эту пещеру был невысок, пролезли на четвереньках, потом пришлось идти по тесному проходу согнувшись; дым от лучины скапливался в проходе, вызывая кашель. В том месте, где проход начал расширяться и свод повысился, путь преградила куча беспорядочно наваленных камней. За камнями виднелась стена из толстых, подогнанных друг к другу, как в срубе, бревен.

Азнай-бей, взяв у сына пылающую лучину, внимательно оглядел преграду и покачал головой.

— Я упустил это из виду... Вдвоем мы завал не осилим. Если и разберем, надо будет все уложить обратно. Придется тебе потерпеть. Приедем ближе к лету... — Подумав немного, добавил: — Может, и унгаров сюда приведем. Если, конечно, они — из переселившейся части нашего племени...

— Каких унгаров? — Любопытство тут же оттеснило досаду Караная.

— Садись! — сказал отец. Сунув конец лучины в щель меж камней, он сел и сам. — Хотя мы и не можем пройти дальше, ты выйдешь отсюда, узнав одну загадочную историю. Пока она известна здесь только мне и Беркуту, ты — третий. Слушай и запоминай. Если со мной что-нибудь случится, тебе встречать гостей...

Неторопливо поведал Азнай-бей сыну о встречах в Таманторгане с дервишами-христианами, понимающими язык башкортов, в ошибке своей признался. Они, наверно, все-таки дойдут до нас, сказал бей. На своей земле мы можем и даже должны общаться с иноверцами, нет в этом греха, тем более, если зададимся целью обратить их в мусульман, убедив в правоте нашей веры. Слово за слово — переключился бей на историю ухода части юрматынцев с унгарами на закат солнца и, завершая рассказ, перечислил, где в ближайших окрестностях, под какими курганами покоятся унгарские вожди *.

— Приедем сюда весной, — повторил Азнай-бей. — Сегодня я убедился, что тут ничего не тронуто. Все, к счастью, в сохранности. Вернувшись от Куслюк-бека, начну объяснять тебе знаки древнего письма...

В последнее время бей был замкнут, в задушевные разговоры с близкими вступал редко, поэтому Каранай, правильно оценив момент, слушал отца очень внимательно, не перебивал вопросами. Но один вопрос, точивший ему сердце, под конец он все-таки задал:

— Отец, ты и в самом деле отдашь Беркута палачу?

Азнай-бей нахмурился, встал, зажег от догоравшей лучины новую и, не ответив, двинулся к выходу из пещеры.

3

Если Иблис, мотающийся по белому свету с целью совратить с пути истинного как правоверных мусульман, так и добрых христиан, умел удивляться, то более всего в эти дни он удивлялся, наверно, вот чему: полмира занесено сугробами, люди барахтаются в океане снегов, стремясь куда-то добраться, чего-то добиться, но вместо того, чтобы ругать Бога, обрекшего детей Адамовых на такую маету, отречься от него, они большей частью терпеливо

* В долине реки Сухайлы поныне некоторые курганы называют «унгарскими могилами». *(Прим. автора).*

нсполняют его волю. Всячески пытался Иблис соблазннть их краямн, где знм вовсе ие бывает, н тоску через вой пургн иагонял, и лютым весеииим голодом пугал, — нет, не соблазиил и каверзамн своимн ие проиял. Зиай твердят людншки: Бог нам дал эту землю н эти воды, ни на какие ниые края мы нх ие помеияем. Ну погоднте, грозил Иблис, злясь, скоро иашлю иа вас татаро-моиголов — оии проймут!

На сей раз ои спешил в город Сыгиак, к которому со всех сторои стягнвались караваиные пути. Сейчас нмеиио в этом городе сосредотачиваются ударные силы войска, готовящегося рннуться на запад. Здесь, похоже, завершится тяжба между сыиовьями и внуками Чнигнз-хаиа. Каждый нз инх все еще мечтает стать, отправнв Батыя в преисподнюю, верховным предводнтелем похода. Но Батыя охраняет сам одиоглазый хнтрец, великий богатур Субудай — по его иастояиию главиая ставка расположилась в стороие от города, проиикиуть туда иевозможио. Вместе с тем у иедругов Батыя остается иадежда — ои должеи приехать в Сыгнак иа встречу чнигизидов, ие может быть, чтоб ие прнехал. И упустнть потешиый момеит, ие увидеть, как наследннки Чнигнз-хаиа кииутся кромсать друг друга саблями, Иблнс счел бы для себя позором.

Излишне говорнть, что караваииые тропы, протоптаиные с востока, сойдясь в Сыгиаке, уходили далее, иа запад. А коли так, стоялн, значнт, иа путн купцов города и городки с караваи-сараямн. Как ин спешил Иблис к Батыю, ои иемиого задержался в одиом из этнх городков, заинтересовавшись двумя еле волочившимн иоги моиахамн. То были наши старые знакомцы — унгары. Повертелся лукавый около иих иекоторое время. Ну, Азиай-бей душн ие чает в своей юрматыиской сторонке, так его поиять можио, там ои роднлся и жнзиь, считай, прожнл, там в долние Нугуша тебеиюют его отары н табуиы, а вы-то что там потерялн, допытывался Иблнс. Монахи крестились и шепталн молитвы, отгоняя его, а ои смеялся: эх, вы, упрямцы, положение у вас аховое, но главные-то ваши мучения еще впереди! Что поделаешь, такая уж у иего иатура.

А местиые жнтелн иад двумя отощавшимн донельзя побирушкамн не смеялнсь: одии смотрелн на них с жалостью, другне — с подозреиием, третьи — брезгливо морщась. В городке было полио монголов н татар — стояли в нем передовые сотии их войска. По засиежеииым улочкам сиовали туда-сюда вооружеиные всадинки. Попадешься нм навстречу — лнбо ии с того ии с сего плеткой ожгут, либо

мохнатый конь, не боящийся наезжать на людей, сшибет с ног. Но к этому можно еще принокориться, а вот ночевать в мороз под открытым небом не приучишь себя. Не найдя никакого приюта, невольно затоскуешь об овечьем загоне старика Ахмета.

— Эх, поспешили мы! — бормочет Юлиан. — Надо было там весны дождаться!

— В Эстергоме и так заждались вестей от нас! — вспыхивает Герард. — Остался бы один, раз только о себе думаешь!

И вновь между ними начинается спор о главной цели путешествия. Увлекшись вынюхиванием татаро-монгольских секретов, мы нисколько не приблизились к юрматынцам, пеняет Юлиан. Никуда твои юрматынцы не денутся, мы должны досконально выяснить, когда и куда двинется эта дьявольская сила, иначе нарушим долг перед орденом и Великой Унгарией, огрызается Герард. Мы посланы искать кровных родичей, дабы святая церковь простерла над ними свое крыло, упорствует Юлиан.

Хотя и говорят, что голодный человек зол и способен на любое безрассудство, эти двое все же разума не теряют, не доводят спор до ссоры. Им нельзя ссориться, потому что хоть немного согреться и поспать ночью они могут, лишь обнявшись; добывать еду и обходить подстерегающую на каждом шагу опасность в одиночку тоже было бы гораздо труднее.

У Яика, в становище кипчаков, монахи, брошенные там Ермеком на произвол судьбы, прожили около двух месяцев. Старейшины, собравшись в юрте Ахмета, посудили-порядили и постановили: пусть останутся, но не как гости, то есть пусть пропитание себе зарабатывают. Поскольку каждый из состоятельных хозяев в становище счел своим правом попользоваться почти даровыми услугами безотказных иноверцев, Юлиан с Герардом изо дня в день ходили от юрты к юрте, вернее, из одного загона для скота в другой, делали, что скажут, брали, что дадут, а ночевать непременно возвращались в хлев старика Ахмета. Привыкли к этому несколько утепленному собственными стараниями приюту, но сильнее, чем привычка, тянула их туда возможность нет-нет да увидеть дочь Азнай-бея, услышать от нее два-три ласковых слова. Кое-что из остатков от ужина, вынесенное Ишбикой, тоже было не лишне.

В разгар зимы Герардом овладела навязчивая мысль: что ни вечер — стал он заводить разговор о необходимости продолжить путь. Надо, мол, добраться до поселения

с караван-сараем, там можио пристать к какому-нибудь караваиу или отправить с купцами весть в Великую Уигарию, а тут нас ждет только вечиое рабство. Ои и Юлиаиу иадоедал этими разговорами, и у Ишбики спрашивал, ие собирается ли кто в поездку, скажем, в страиу башкортов, потом, осмелев, и старикам иачал досаждать расспросами. К этому времени оии уже пообвыкли среди кипчаков, кресты свои спрятали под одеждой, иа людях не крестились, а Герард даже щеки себе поглаживал по-мусульмаиски, чтобы подкупить этим стариков и выпросить провожатого. Его нетерпеиие в конце концов передалось и Юлиану, и оии придумали хитрость: прикинуться слегка свихиувшимися, иаяву бредить отъездом. Их резко измеиившееся поведеиие вызвало в стаиовище суды-пересуды:

— Бесы вселились в этих бедияг!

— Как бы ие оказалась их болезнь дуриой, прилипчивой!

— Да иет, так люди бормочут, когда их тоска заедает.

— Бесы, бесы в иих вселились! Прогиать их иадо в степь!

В степь ие погиали — отправили в ближайший город, вернув им коией, подареииых Тураи-баем, и дав в провожатые первого их зиакомца — Мухамета. Произошло это так иеожидаино, что даже проститься с Ишбикой оии ие успели. Мухамет в пути в разговоры ие вступал, ии на какие вопросы ие отвечал, а пел и пел бескоиечио долгую песню, и только этим доказывал, что ие лишился вдруг дара речи.

Когда въехали в город, точиее — иебольшой, заиесеииый сиегом городок, провожатый, ткиув рукой, указал: вам туда — и, свернув в проулок, ускакал по своим, должно быть, делам.

Там, куда ои указал, был расположен караван-сарай, ио в ием, как выясиилось, хозяйиичали татары. Еще не ведавшие об этом путешествеииики, подъехав к воротам, принялись расспрашивать первого попавшегося иавстречу человека, как увидеть хозяиина, можио ли тут устроиться на ночь. Остаиовлениый ими человек что-то крикнул, к воротам иабежала гурьба воииов. Ничего ие объясияя, оии стащили моиахов с коией и, свалив иа сиег, хотели было раздеть, ио одежда у иих была иастолько ветхая и грязиая, что грабители от иее отказались. Подияли уигаров пинками.

— Убирайтесь!

Коией и хурджииы кое с чем из съестного, коиечно, забрали себе.

— Ну вот, и татар, слава Иисусу Христу, увидели! — сказал Герард, истолковав неожиданную встречу чуть ли не как удачу.

Герард был из той неунывающей породы людей, для которых что бы ии произошло — все к лучшему. Даже после того, как голод и холод крепко взяли их за горло, он ни разу не пожаловался на судьбу, до коица мужествеино противостоял невзгодам, стараясь спасти и себя, и товарища от голодиой смерти. Чего только ои ин выделывал, чтобы протяиутая за подаяиием рука не осталась пустой! И в певца превращался, и в плясуиа, и всякие жалостные истории о себе выдумывал, чем, можно сказать, даже прославился в городке. Прослышав, что ои горазд сказки рассказывать, один заскучавший татарский унбаши ли, сотиик ли стал вечерами вызывать его к себе. Это зиачило — поесть в награду за сказки и иочь провести в тепле. Но Юлиаи-то оставался на улице, и Герард, суиув за пазуху часть перепавшего ему кусочка бараниины, спешил к нему.

— Может, нам примкнуть к татарскому войску, а? Выпрошу обратно наших коней, добудем как-ибудь оружие — и горя ие будем зиать, — говорил ои иногда мечтательио.

Но Юлнана такое будущее никак не устраивало, он рвался к юрматынцам, н опять между братьями-доминиканцами завязался спор.

Оба онн давно уж по причнне снльной простуды сипелн и натужно кашляли, но не обращали на это вннмания. Наступит, думали, весна, прогреются на солнышке — и все пройдет. Зналн они, конечно, что кашель может обернуться жаром, способным в два счета сжечь человека, да что, бездомные и ннщие, моглн против этого предпринять? Вот и полыхнуло невидимое пламя в груди Герарда, с ног его свалило, сознания лишнло. Не очень уж н тяжел он был теперь, кожа да костн, но вскинуть его на себя у Юлиаиа сил не хватило. Положил пышущее жаром тело на подвернувшнйся под руку лубок, привязал, чтобы не соскользнуло, н день-деньской волочнл от дома к дому, стучался в калитки:

— Пустнте радн всего святого в тепло! Брат умирает!

Никто не сжалился: кто покрепче запер калитку, кто собаку с цепн спустил, а кто-то кинул с издевкой:

— Хе, не велика потеря! Дармоедов стаиет меньше в мире! Катись отсюда!..

В отчаянии потащился Юлиан к караван-сараю. Тут все и решилось. Один из татар, к которым он обратился с мольбой, осклабившись, вытащил из-за пояса дубинку и саданул больного по голове. Замахнулся и на Юлиаиа — ладно еще вмешался другой татарин:

— А кто труп уберет, ты сам?.. Эй, дохляк, уволоки своего товарища, а то!..

Ужас, что ли, прибавил Юлиану сил — потрясенный хладнокровным, беспричинным убийством, он побежал, волоча за собой мертвого Герарда. Вскоре почувствовал, что задыхается. Сзади послышались смех, свист. Он не оглянулся. Остановился лишь для того, чтобы положить на спину перевернувшегося лицом вниз, прошептал: «Прости меня, брат Герард!» — и поспешил дальше. Скорей, скорей — куда глаза глядят, подальше от этих извергов!.. Боже, где совесть человеческая, где милосердие?! Если такая жестокость охватит весь мир... Святая Мария, услышь и попроси сына своего не допустить!..

Мысли Юлиана путались, в глазах потемнело, одиако ноги как бы сами несли его из городка как раз к выемке в овраге, откуда местные обыватели брали летом глину, — в этой норе наши путешественники ночевали в последнее время. Увидев знакомое место, Юлиан пришел в себя и осознал, что остался один-одинешенек, что не на кого ему теперь опереться и смерть кружит вокруг него самого. Он весь взмок, когда бежал, значит, мороз мигом скрутит его и кинет, как Герарда, в беспамятство. Но я не вправе умереть, пока ие похороню Герарда, мысленио закричал он и торопливо принялся раздевать покойного. Тебе уже и не жарко, и не холодно, одолжи мие свою одежду, она поможет мне спастись, уговаривал он мертвого товарища, я назло этим выродкам исполню христианский долг — не оставлю тебя на растерзание зверям и птицам, предам земле, оказав посильные почести... И лубок теперь тебе не нужен, отдай мне, я костерок разожгу, ииаче, брат Герард, не смогу вернуться в родиые края и передать великому магистру последиий привет от тебя...

Так, приговаривая, ои оделся потеплей, наломал на краю оврага охапку сухого бурьяна, высек огонь, разжег костерок и снова побежал за бурьяиом. Да, утром ои еле таскал иоги, а сейчас, сам себе удивляясь, бегал. Это был отчаянный рывок из ямы равиодушия, куда сталкивал его голод, последняя попытка сохраиить свою жизнь.

Поворачиваясь к огню то одиим, то другим боком, Юлиаи обшарил карманы Герарда и мешочек, который ои

носил под одеждой, осмотрел найденные вещи. Глиняная чернильница, гусиное перо, несколько листков бумаги, тяжелый метательный нож... Вот мне заветы покойного, вывел Юлиан из осмотра, — сообщать о грозящей родине опасности, не отклоняться от цели, как не отклоняется этот нож!

Под утро он забылся. Проснулся, вздрогнув, когда солнце уже взошло. Разбудило его ощущение угрозы. Не шевелясь, повел он взглядом и увидел напротив, на другом краю оврага, татарина на коне. Рука нащупала лежавший рядом нож Герарда. Татарин, глядя на Юлиана, снимал с луки седла волосяную веревку с железным крючком на конце. Трудно сказать, чем соблазнил его нищий. Видно, надеялся все-таки чем-нибудь поживиться, но сойти с коня было ему лень, — собирался подтянуть к себе жертву, зацепив крючком. Юлиан опередил его, молниеносным движением послал нож и угодил точно в горло врага. Татарин качнулся назад, но, как бы передумав, ткнулся животом в переднюю луку седла. Обеспокоенный конь лишь затоптался на месте.

— Давно бы так, чем попрошайничать да трястись со страху, — сказал сам себе Юлиан, поймав коня и сводя его в овраг.

Шапка, шуба, меховые сапоги татарина оказались ему впору. Своим рваньем он прикрыл трупы. В седельной сумке нашел кусок вяленого мяса и две головки корота. Утоляя голод, успел обдумать, как быть дальше. Оба трупа придется пока где-нибудь припрятать, пусть простит его Герард — выкопать могилу в мерзлой земле не хватит сил, да и времени нет. Оставаться тут, рядом с городком, — опасно. Пропавшего татарина могут хватиться. Надо отыскать мирное поселение в степи, отдохнуть там. Ему в обличье вооруженного татарина ни в еде, ни даже в теплой хозяйской постели не посмеют отказать. Только нельзя тут мешкать. Святая Мария! Дай силы, вразуми и не лишай своего покровительства в предстоящие дни!

Как меняется человек, обретя одежду, коня, оружие и в особенности — возможность поступать так, как сам он захочет! Кто бы спустя некоторое время во всаднике, спешившем на восток, узнал недавнего монаха-попрошайку? Порой он тревожно поглядывает по сторонам, но ведь любому путнику в степи присуще беспокойство: верно ли едет, не заблудился ли, далеко ли еще до цели. Куда направляется Юлиан — знает лишь он сам. Погони сзади не видно. Все же, свернув с протоптанной дороги, он жмется к

балкам, островкам леса, прнречным зарослям. Так н на человеческое жилье, можно надеяться, наткнешься скорей. Почему он выбрал направление на восток — тоже понятно: злодей, поднявший руку на славного татарского вонна, непременно кинется в другую сторону, а здесь — владения наследннков Чингнз-хана. Короче, Юлнану представлялось, что в этой стороне нскать его не будут.

Степь была пустынна, и в приречных уремах — никаких признаков жизни. Объяснялось это, вероятно, тем, что перед весенним половодьем все зверье уходит от рек и речек. Незадолго до захода солнца Юлнан наехал на место зимней стоянки, совсем недавно покннутое людьми. Черные круги там, где стоялн юрты, и дорожкн между ними еще не были запорошены снегом. Кучн нвнякового хвороста, заготовленного для очагов, свидетельствовали о том, что люди обосновались здесь надолго, однако что-то нх, вндимо, спугнуло. Камышовые стены без кровли и остатки стога возле них напомнили Юлнану о необходимостн накормить коня. И самому не мешало отдохнуть. Что пользы от ночного блуждания по незнакомой местности? Он привязал коня, заведя в камышовое укрытие, кинув ему охапку сена, а сам, пока не стемнело, решил осмотреть покинутую стоянку.

Держа наготове лук с наставленной на тетиву стрелой, Юлиан сперва обошел блнжайшие окрестностн, затем спустился по тропннке в заросшую нвняком низнику. Там журчал, испуская парок, незамерзающий роднлк. Что ж, теперь ои знает, где коня напоить. Повернув обратно, Юлнан обратил внимание на взлетевшую неподалеку стаю серых ворои. Они закружилнсь, недовольно каркая, над местом, откуда взлетелн. Значит, есть там какая-то пожива, это вопервых, а во-вторых, кто-то прервал их пнршество. Кто? Юлиан, встревожившись, поспешил к коню. Однако возле камышового укрытия все оставалось, как было. Конь спокойно похрустывал сеном. А вороны все еще кружились и каркали, не улетая. Может быть, онн выискивают место для ночевки? Не подстрелнть ли одну из них на жаркое? Вообще-то ворона — птнца поганая, но с голоду и не такое съешь...

Он выпустил, прицелившись, стрелу и сбил-таки одну из встревоженных птиц, однако не пошел за ней, опасаясь далеко отходить от коня. В седельной сумке было еще съестное, оставшееся от убнтого татарнна. Юлиан развел в своем укрытии костерок — так, чтобы со стороны огонь не был виден, устроил, постелив сена, ложе для себя и

только было взялся подогревать мясо на горячих углях, как конь обеспокоенно всхрапнул, затоптался на месте. Юлиан, схватив лук, вскочил на ноги, прислушался. Из-за камышовой стенки донесся шепот:

— Он не настоящий татарин. Давай попросим...

— Нет, подождем, пока не уснет!..

Перешептывались дети. Обернувшись в ту сторону, откуда донесся их шепот, Юлиан негромко справился:

— А что вы хотите попросить?

Вместо ответа через стенку перелетела и плюхнулась возле костра пронзенная стрелой ворона.

— Вот спасибо! — сказал Юлиан. — Заходите, поджарим и вместе съедим...

Опять — перешептывание. И дрожащий тонкий голосок:

— Мы боимся. Дай нам огня, и мы уйдем.

— Бросите меня одного? — будто бы удивился Юлиан. — Не бойтесь, я и вправду не татарин, детей не обижаю...

Словам ли его поверили, или голосом и всем поведением убедил в своей доброте — первым предстал перед Юлианом мальчик лет десяти-одиннадцати, затем, подчинившись его призывному жесту, показалась девочка, — она тут же присела на корточки у костра, протянула озябшие руки к огню. Оба они были в рваных шубейках, мохнатых шапках, надвинутых до самых глаз.

— Огонь у нас потух. Я-то терплю, да вот Зулейха мерзнет. Больно уж ночью холодно, — сказал мальчишка.

— Садись к костру и ты, грейся! Как тебя звать-то? Ага, Рустемом! Сейчас я подкину в огонь хворосту и приготовлю вам угощение. А пока пожуйте вот... — Юлиан, разделив надвое, протянул детям слегка подгоревшее на углях мясо. — Потом дичь попробуем...

— А у нас конина есть! — похвастался Рустем. — Тут ведь война была. Одного коня стрелой убили. Хоть и не зарезали, кровь вытекла, есть можно. Принести?

— Вдвоем сходим. Сперва съешь это, — сказал Юлиан. Он знал, что мясо животных, из которых не выпущена кровь, мусульмане считают запретным. Рустем с Зулейхой, видно, по-настоящему еще не голодали, настоящий-то голод о любых запретах заставляет забыть.

Юлиан принялся выспрашивать, что произошло, почему становище опустело. Однако перед ним были дети, отученные своим временем от полного доверия к кому бы то ни было. Рустем нет-нет да совал руку за пазуху, притрагивался к рукояти спрятанного там ножа. Ни на один вопрос

они не отвечали, не переглянувшись меж собой. Да, люди ушли отсюда из-за татар, да, были схватки — сначала от татар отбились, а потом... Потом вот остались они тут одни. Ждут, затаившись, возвращения отца из долгой поездки.

— Маму саблей зарубили. Мы ее вон там похоронили, — сухо сообщил Рустем уже наутро. — Вдвоем с сестренкой. Заупокойную отец, когда вернется, сотворит, я только простые молитвы знаю...

А брат Герард ждет погребения, вспомнил Юлиан и, чувствуя, что краснеет, отвернулся от мальчишки. Он готов был тут же отправиться обратно к оврагу, где оставил тело спутника, но уехать, бросив Рустема с Зулейхой, духу у него не хватило.

Мужчины из становища, помимо скотоводства, занимались, оказывается, проводкой купеческих караванов. Известны были как надежные проводники и охранники. Об этом Юлиан узнал от Исхак-батыра, отца своих подопечных. На третий день, к вечеру, Исхак приехал навестить семью. Удар судьбы переживал он без аханий и оханий, волос на себе, загоревав, не рвал — лишь вытер рукавом набежавшие на глаза слезы и сказал Юлиану:

— Завтра мне — снова в путь. Детей возьму с собой. Прежде чем расстанемся, хотел бы услышать от гостя, кто он...

Торопливый, с пятого на десятое рассказ унгара выслушал, не перебивая. Помолчал, задумавшись.

— Тебе, кажется, можно верить. В особенности тому, что убил татарина. Такую одежду, оружие, коня под седлом просто так не выпросишь, — сделал он вывод. И добавил: — А я ведь с караваном как раз в страну башкортов отправлюсь...

Юлиан, даже несколько испугав детей, пал к ногам Исхака, взмолился:

— И меня... меня возьми!

— Не знаю, как караван-баши решит, — почесал в затылке Исхак. — А надежные люди нам нужны. Ладно, собирайся и ты...

4

Ранняя весна года Обезьяны (1236), делая кратковременные остановки, чтобы набраться сил, продвигалась на север. За нею, шумно радуясь тому, что земля сбрасывает

снежный покров н реки вырываются нз ледового плена, следовалн бесчнсленные птичьи стан. Там, где весна одержала верх в противоборстве с зимой, спешнлн показаться солнцу бледно-зеленые лнстнкн разнотравья, лопались почки на деревьях, н первые цветы, вытянув шеи, застенчиво оглядывали окрестности. На склонах оврагов н балок из лнсьих и волчьнх нор высовывалнсь острые мордочкн — нынешний приплод, поблескнвая бусннкамн глаз, с любопытством взирал на непривычно светлый мир. В пробудившнхся муравейннках от темна до темна кипела трудовая жнзнь.

В ханскнх урдугах, разбросанных вокруг Сыгнака, жизнь и знмой не замирала, но теперь они, этн многочнсленные ставки, превратились в сущне муравейннки. К ним с юга и с востока, будто муравьи по своим тропам, непрерывно стекались всаднккн, на запад же и на север пока отправлялись лншь отдельные группы. Субудай-богатур посылал их на разведку речных переправ н путей, по которым предстояло пройтн основным снлам татаро-монголов. В небе — птицы, на земле — оии. Глядя на страхолюдных воинов, можно было подумать, что знма отступает единственно из страха перед ннми.

Зима отступала в леса и горные распадки Урала, н хотя ясно было, что там она тоже не удержится, люди, цеплявшиеся за ее подол, поддержнвали в ней надежду: может быть, все-таки удастся спастись, затаившнсь среди гор? А людей, стремившихся спасти свон души и свое добро, было много. Тут и племя, уходящее из обжитых мест из-за татарского разбоя, и вооруженный отряд, скачущнй с известной только ему целью, и одииокий гонец, иаправляющийся туда, где важную весть ждут больше, чем его самого. Всех их, скопом, уместно здесь уподобить катящемуся с горы лнпкому снежному кому: к ннм прнсоеднялись все новые и новые аулы.

В этом человеческом потоке, несколько опереднвшем весеннее буйство рек, особо выделяется караван, состоящий примерно из двух десятков навьюченных верблюдов. Он привлекает внимание, во-первых, потому, что в пору, когда ни в санях, ни в телеге далеко не уедешь, караван для глаза непривычен. Во вторых, караванщики очень спешат.

В чериобородом мужчине в зеленой чалме поверх шапки, восседающем меж горбами переднего верблюда, нетрудно угадать караваиного начальиика. Едущий рядом с ним всадник иам знаком — это начальиик охраиы Исхак-

батыр. В хвосте каравана, устроившись на вьюках, совершают путешествие Рустем с Зулейхой, а подъезжающий к ним время от времени всадник — конечно же, монах из ордена святого Доминика брат Юлиан. Он все еще в одежде татарского воина и на коне, доставшемся ему вместе с одеждой.

Щеки Юлиана начали округляться, он удовлетворенно поглядывает по сторонам, смешит своих юных спутников шутками-прибаутками, но если мы выведем из этого, что в душе у него все встало на свои места, вывод наш окажется преждевременным. В самом начале путешествия радость и горесть раздвоили его душу: он ведь так и не похоронил Герарда, караван-баши не дал ему времени для исполнения христианского долга. Смотри-ка ты, удивился караван-баши, когда Юлиан заикнулся об этом, мы согласились взять его с собой, а он вместо того, чтобы сказать спасибо, ставит условие! Исхак, приложив руки к груди, принялся убеждать начальника: да нет, не условие ставит — совета просит, а человек он очень нам нужный... Что оставалось Юлиану? Поклониться и отойти к своему коню. Из двух возможностей, он, разумеется, выбрал путешествие с караваном. Ничто не должно заслонять цель, ради которой он добрался до этих краев. Если отстанет от Исхака, то ли попадет в страну башкортов, то ли нет... Еще раз Юлиан мысленно попросил прощения у Герарда и пообещал: то, что было поручено тебе, я беру на себя, буду посылать в Эстергом вести о татаро-монгольском войске! Однако от чувства вины перед погибшим спутником он все же не избавился, поныне неспокойна его совесть.

Юлиан догадывается, почему караван тронулся в путь еще по снегу и почему спешит, идет, делая лишь короткие остановки, причем, сторонясь оживленных дорог. На уме у караван-баши не торговая прибыль — тяжелые вьюки, покачивающиеся на спинах верблюдов, набиты большей частью тем, что перейдет в руки мужчин, нуждающихся в вооружении. Там, куда идет караван, может быть, не меньше, а даже больше, чем в оружии, нуждаются в достоверных сведениях о татарах: когда и на кого они набросятся в первую очередь. В канун большой войны важнее всего — знать, какими силами располагает враг и каковы его намерения.

Люди в этих краях, наверно, не благодушествуют перед лицом опасности, ведь уже в Таманторгане, когда Юлиан и его спутники приплыли туда, только и было разговоров,

что о татаро-монголах. Даже до далекого Эстергома, по словам покойного Герарда, дошли отзвуки каракорумского курултая. У мира было время, чтобы подготовиться к схватке с завоевателями, правители, чьим странам и народам грозит беда, должны были договориться меж собой о совместном противостоянии нашествию с востока. А если не договорились, если короли, падишахи, ханы, князья, предводители племен, подобно хозяину Итиля Туран-бею, усомнятся в возможности защитить свои земли и вместо объединения начнут поодиночке искать пути спасения в угодливом потворстве неправой стороне? И такая мысль приходит в голову Юлиана.

Неприятная мысль! Страшно представить, что будет тогда с миром. Юлиану вспоминается дубинка, проломившая череп Герарда. В его воображении она растет, становится огромной, упирается в самое небо, заслоняя солнце, — уже не на чью-то отдельную голову она обрушится, а начнет крушить целые становища, города. Удар — и нет нескольких городов! Видят ли люди эту дубинку? Надо бы громогласно спрашивать об этом в каждом человеческом поселении, крикнуть об опасности так, чтобы все услышали. Сегодня крикнуть — завтра будет поздно. Затылком своим Юлиан ощущает не только тепло, изливаемое с весенних небес, но и горячее дыхание тысяч и тысяч коней... Только кто должен крикнуть? Караван-баши — большой турэ, его имя, наверно, известно многим, но он к людям не обратится, напротив, постарается избежать в пути каких бы то ни было встреч. Кто же тогда, кто может предупредить беспечных?

Господь, думал Юлиан, вразумляет заблудших через своих приверженцев. В караване люди в общем-то неплохие, но они поклоняются ложному богу, души их не озарены светом истинной веры, и вполне естественно, если то, что волнует единственного среди них христианина, не принимается ими во внимание. Единственного среди них... Юлиан мысленно проследил свой путь от Эстергома до степи, по которой ехал, и ахнул: да ведь он преодолел такие расстояния и трудности, испытал столько лишений и мук, исполняя волю небес! На него возложена миссия просветить этих людей, объединить и спасти здешние народы, обратив их взоры к святой католической церкви!.. Размечтался монах, и далеко завели его мечты: вот уже сам его святейшество папа римский Григорий Девятый возводит Юлиана за духовный подвиг в сан епископа и облачает в алую мантию...

Но пока он — просто охранник, нанятый для обеспечения безопасности необычного каравана, идущего на север. Его обязанность — смотреть в оба и живо исполнять, что прикажут. Послышится голос караван-баши — и сладкие грезы разлетаются, как напуганные кошкой воробьи. У охранника хлопот полон рот, в особенности при остановках на ночлег: топлива для костров помоги набрать, коней с верблюдами напоить-накормить, а тут и на пост пора встать. Придет твое время лечь, так уж не до размышлений о спасении мира, проваливаешься в сон, не успев добраться до конца даже какой-нибудь куцей мыслишки.

Дни стояли солнечные, снег к полудню превращался в жидкую кашицу, на глазах оголялись пригорки. Караванщикам пришлось трогаться в путь пораньше и останавливаться на отдых попозже. Караван-баши становился все нетерпеливей, злей.

Как ни спешили, весна все же двигалась быстрей верблюдов, обогнала караван и встретила на Яике ледоходом. Вода, выйдя местами из берегов, ринулась в низины, переполошила зверей, не покинувших места зимовки своевременно. Несколько раз совсем близко от людей пробежали лоси, а обезумевшим кабанам пришлось даже уступить дорогу — казалось, они нарочно мчатся на караван. Эх, какое жаркое пропадает! Юлиан схватился было за лук, но Исхак упредил его криком: зачем на поганое животное стрелу зря тратишь?! Никакой другой веры, кроме своей мусульманской, с ее запретами он не признает. Вот и попробуй сказать такому человеку, что бог у него ложный!

Более всего поражали и восхищали здесь Юлиана птицы, возвращавшиеся из теплых стран. Стаи лебедей, диких гусей, уток, целые тучи мелких пернатых. Их было так много, что порой они заслоняли солнце, в ушах стоял звон от их гомона. Отношения между Юлианом и Исхаком разладились как раз из-за них. Началось с того, что унгар подстрелил дикого гуся — одного из нескольких, может быть, миллионов.

Караван остановился на возвышенном месте. Идти дальше, пока не спадет вода, не было возможности. Верблюдов, развьючив, отпустили пастись, для караван-баши поставили юрту, для остальных соорудили шалаши. Все наслаждались отдыхом, не было особых забот и у охранников — неожиданное нападение на караван исключено половодьем, так что отлеживай себе бока, сколько влезет. Но как улежишь в шалаше, когда бессловесная трава —

н та шевелнтся, когда все полио жизии, все — в движении! Юлнан, наблюдая за пробудившейся прнродой, бродил по уреме илн часамн сндел у кромкн воды, устремив взгляд в обновляющуюся даль. А однажды поддался охотничьему азарту — выпустил стрелу в стаю днких гусей, опустнвшихся на воду чуть лн не у самых его ног. Выпустнл н тут же раскаялся. Но что теперь поделаешь! Ладио, угостнт Рустема с Зулейхой свежей гусятиной, нм вяленое мясо, наверно, тоже надоело. Решив так, понес добычу иа стоянку, да попался иа глаза Исхаку.

— Постой-ка, — сказал Исхак, — никак ты гусынию погубил? — И, разглядев получше, раскрнчался: — Ты что, ослеп? Не можешь гусыню от гусака отличить? Она же должна была в гиездо сесть, потомство вывестн! Ежели каждый проходнмец начнет такое вытворять.. Иди, ненасытиый, сожрн ее где-ннбудь в сторонке, чтоб детн не увиделн!..

И Юлнан вспылнл, не оставнл грубость без ответа. В такое-то время пожалел одну-еднственвную птнцу, когда надо людей жалеть! Скоро татары целые страны растопчут, вот о чем крнчать бы! Постыдно ходнть, таясь, вместо того, чтобы войско собнрать для отпора!.. И еще что-то в том же духе наговорнл. Исхак сперва смотрел на Юлиана изумлеиио, потом гневно плюиул себе под ноги.

— Не нравится идти таясь, так держать тебя ие будем! Вот оиа, страиа башкортов, куда ты стремишься... — Исхак махиул рукой за Яик.

— Дошел!.. — прошептал унгар, забыв и о гусыие, н об Исхаке. Замер, глядя на разлнвшуюся морем реку н холмистую равнину за нею, будто первый раз нх увидел.

Сказанное Исхаком и обрадовало его, и смутнло. Человеку вообще трудно расстаться с местом, с людьмн, к которым привык. А в распутицу да еще в незнакомой местностн н отчаянный храбрец невольно задумается. Юлнаи, подавив волнение, трезво рассуднл, что должен как можио дольше держаться за караван. Однако в его жнзни начиналась полоса новых испытаний и невзгод.

Солице, грея с каждым дием сильней, заставило сиять знмние одежды. Юлнан решнл выстнрать замызганную рубаху н штаны. Прополоскал несколько раз, потерев с песком, повеснл сушнться на прнбрежный куст, сел, накнув на голое тело рясу, и погрузился в думы. Ему не пришло в голову, что кто-нибудь может увндеть вносевшнй на шее крест. Но кто-то увидел, известнл всех караваищиков.

И Юлиана не то что к шалашу — к стоянке обратно не подпустили.

— Прочь отсюда, кафыр!
— Связать его да в воду!
— Не стоит руки марать...
— Не подходи близко, кафыр, беги, пока цел!
— Постойте, пусть вещи свои заберет!..

Больше, чем неожиданное превращение добрых спутников в разъяренных врагов, потрясла Юлиана перемена в отношении к нему Рустема с Зулейхой: глядя на взрослых, и они выкрикивали ругательства, грозили ему кулачками. И его пожитки, выкинув из шалаша, принялись пинать они же. Ни объяснить им что-либо, ни побранить их Юлиан был не в силах. Лишь попросил жестом отойти в сторонку, подобрал шубу, седло, повернулся, ничего не сказав, и пошел искать своего коня. Оружие он уже привык всегда носить с собой.

Он постарался отъехать как можно дальше от холма, на котором расположились караванщики, не только видеть, но и голоса их слышать он теперь не желал. Выбрав удобное место, соорудил себе шалашик, сел перед ним и заплакал. Опять одиночество! Почти у цели... Дикари! А он-то возмечтал осветить их души именем Христа, вывести их на путь истинный! Вот покажут еще вам татары!

Казалось, злость его на недавних спутников никогда не пройдет.

Однако надо было думать, что делать дальше, как завершить путешествие. Жизнь мудра: подкинув какие-нибудь заботы, остужает распаленные чувства, возвращает человеку способность рассуждать здраво. Пару дней спустя на свое отлучение от каравана Юлиан смотрел уже несколько иначе. Каждый, думал он, считает свою веру и свою правду самой правой, стало быть, для того, чтобы жить дружно, люди должны считаться с богами и обычаями друг друга, не допускать оскорблений, идти на уступки. Но при этом монах ордена святого Доминика ни в собственном поведении, ни тем более в своей вере ничего предосудительного или требующего уступок не нашел, значит, обязанность уступать пришлась на долю тех, с кем он недавно расстался, и тех, с кем еще предстояло встретиться.

Отдых восстановил силы Юлиана, и снова потянуло его в дорогу. Решил, не дожидаясь спада воды в Яике, двинуться на север по этой стороне реки, надеялся, что выше по течению она скорей войдет в берега. Только путь сложился неудачно, приходилось делать крюк за крюком, да-

леко объезжая затопленные уремы и балки. В одном месте крутой изгиб реки испугал его, вынуждая повернуть на восток, то есть в сторону от цели, юрматынской земли. Ничего другого не оставалось, как остановиться. И снова всколыхнулась обида — прежде всего на Исхака. Слово его весомо, мог бы заступиться, так нет, тоже устрашился креста. А Рустем-то с Зулейхой! Быстро забыли, как вместе бедовали. Когда пришли, озябшие, несчастные, попросить огня, моя вера их ничуть не беспокоила, жаловался сам себе Юлиан, опять сооружая шалаш.

Тут он прожил еще несколько дней, отстреливая селезней. Вода начала спадать. Степь оживилась, на вершинах холмов стали появляться всадники — то в одиночку, то ватагами. Неподалеку прошел мимо довольно многолюдный аул, должно быть, перебирался на летнюю стоянку — яйляу либо уходил подальше от татарской угрозы.

Юлиан рискнул переправиться на другой берег вплавь. Хотя вода была еще холодновата, преодолел реку благополучно. Но на вожделенном правом берегу ждала его новая беда: на следующий день конь вдруг сильно захромал, запрыгал на трех ногах. Как быть? Идти, приноравливаясь к его ходу, — значило потерять время. Все существо унгара воспротивилось этому. А бросить верного спутника было не просто жалко — преступно. После того, как тело Герарда осталось непогребенным, слово «преступление» тупым ножом резало сердце Юлиана. Ладно, сказал он, поколебавшись, на двоих у нас пять ног, пока пойдем потихоньку, а там видно будет.

Конь как бы в благодарность заржал. Некоторое время он, подпрыгивая, следовал за хозяином, потом встал, боль, что ли, остановила, и надо же — из больших опечаленных глаз горошинами выкатились слезы. Нет уж, раз договорились, давай пойдем, позвал Юлиан, рано или поздно встретится нам яйляу, там отдохнешь и знающие люди твою ногу подлечат. Конь будто понял его, снова запрыгал и мало-помалу приспособился к такому роду движения.

Каждый шаг по земле приближает к цели. Рассудив так, Юлиан не спешил выбрать место для ночевки, шагал и шагал, разговаривая с конем. Вот уже и вечерняя заря отпылала, замигали над головой звезды. Полярная с привязанными к ней Большой и Малой Медведицами, готовые до самого рассвета помогать путнику, побуждали идти и идти вперед. Но вскоре Юлиан увидел земные огни — справа от него призывно засветились три костра.

Три костра зажег, конечно, не один человек, там долж-

но быть много людей, а среди многих непременно бывают и милосердные. Юлиан застегнул ворот, чтобы не виден был нательный крест, и повернул направо.

— Эй, кто там, кто идет?

— Дервиш из страны унгаров по имени Юлиан, ищу юрматынцев.

— Гляди-ка, добрался-таки! Надо известить бея!..

5

В один из плаксивых дней уже обессиленной оттепелями зимы после утренней молитвы мужчины аула по двое, по трое направились к юрте Азнай-бея. Старики столпились напротив входа в юрту, те, кто помоложе, встали кучками поодаль. Стоят, плотно сжав губы, лишь изредка роняют несколько слов вполголоса, а если кто-либо, забывшись, повысит голос, то, наткнувшись на колючие взгляды стариков, тут же умолкает. Обычно люди ведут себя так возле покойника.

Из своей юрты торопливо вышел Каранай, громко поприветствовал собравшихся, но многие сделали вид, будто не услышали его, только кое-кто кивнул или пробурчал что-то в ответ. Каранай, еще раз обведя взглядом толпу, толкнулся в отцовскую дверь.

Бей надевал шубу, собираясь выйти. Он не дослушал сообщение сына, резко оборвал его.

— Знаю, они хотят притянуть меня к ответу за Беркута! Потребуют сегодня же казнить его или сами убьют... Всю зиму не давали мне покоя, я сдерживал их, советуя набраться терпения. Сегодня могут выйти из повиновения...

Каранай подался туда, где висело оружие. Азнай-бей осуждающе покачал головой.

— Негоже выходить к сородичам с оружием! Ты вот что: возьми моих нукеров и приведи Беркута сюда. Делай, что велено! — прикрикнул бей, видя, что сын порывается что-то сказать. — Приведешь, поставишь на шкуру Белой волчицы. Остальное — мое дело... Эй, подай мне посох, — обернулся он к младшей жене.

Посох, обвитый священной кожей белой змеи и увенчанный волчьим черепом, — главный символ власти кан-бабы, хранится он в юрте на самом видном месте, напротив входа. К слову сказать, и другие баш-корты, то есть родоначальники, в особо важные моменты жизни, например, во время народного собрания — йыйына — держат на

плече шест с насаженным на него волчьим черепом. Но такой посох в племени только один, и выход с ним — событие чрезвычайное.

Когда Азнай-бей появился в дверях, толпа было загомонила, но, увидев посох, притихла. Двое слуг вынесли и постелили у ног кан-бабы волчью шкуру, поставили на нее мягкое сиденье. «Шкура Белой волчицы!» — зашептали старики, подавшись назад. Молодые, напротив, напирали друг на друга, вытягивали шеи, стараясь получше разглядеть место, обретшее волшебную силу.

— Я знаю: вы пришли, чтобы обвинить меня в нарушении обычая! Мне известно, кто начнет разговор и с чего начнет! — резко заговорил Азнай-бей, опустившись на сиденье. — Кое-кто намерен попугать меня отлучением от аула или назначением другого кан-бабы. Вы погрязли в грехе, сородичи!..

— Ты лишаешь сородичей радости отмщения, вынуждаешь жить в горести — разве это не больший грех? — визгливо выкрикнул один из стариков. — Неужто духи предков одобряют это?

Толпа зашумела. Азнай-бей, приподняв посох, дал понять, что еще не все высказал.

— Я ничего не предпринимаю, не посоветовавшись с духами предков. Вот и сегодня на рассвете я вновь спросил, верно ли решил, приговорив кипчака по имени Беркут к смертной казни. До сих пор духи отвечали: прикинь, что перевешивает — урон, нанесенный этим человеком племени, или польза, которую он может вам принести. Теперь мне ответил дух самого праотца нашего — Коркота..

Тут хитрый кан-баба умолк. Верней, прикинулся, будто закашлялся, и долго изображал борьбу с этой напастью. Когда нетерпение заинтригованных слушателей достигло, кажется, предела, наконец, отдышался и приказал стоящим поблизости егетам:

— Сбегайте-ка, скажите, чтобы привели сюда Беркута. Пусть и он услышит, какова воля нашего праотца...

Егеты побежали исполнять приказ, а Азнай-бей, обращаясь поименно к старикам, принялся расспрашивать, как у них со здоровьем, благополучно ли перезимовал их скот, какая нынче, по их мнению, будет весна, когда аул сможет перебраться на яйляу. Это был тоже хитрый прием, позволивший остудить разгоряченных сородичей, сведя все к обыденному разговору. Старики чувствовали, что Азнай обводит их вокруг пальца, но противиться этому никак не могли, потому что вопросы, во-первых, задавал жизненно

важные, а во-вторых, успел уже, надломив волю толпы, вновь утвердить авторитет и бея, и кан-бабы, и у каждого из стоявших перед ним мелькнула мысль: он законы и обычаи лучше знает, с духами общается, где уж нам с ним тягаться, — или что-нибудь еще в таком же роде.

Каранай, сопровождаемый четырьмя вооруженными нукерами, привел из юрты, превращенной из места лечения в место заключения, истомившегося от безделья Беркута и по знаку отца поставил его на шкуру Белой волчицы. Уже из этого вытекало, что дух великого предка проявил милосердие: поставленного на священную шкуру даже мизинцем тронуть нельзя. Но юрматынцы, склонные в любом деле докапываться до корней, ждали разъяснений. Взоры всех обратились к кипчаку. Он вполне выздоровел, держался спокойно, не было на его лице и тени страха или волнения, только беспорядочно отросшие волосы и бородка выдавали в нем пленника. Азнай-бей, обернувшись к нему, громко, чтобы все слышали, спросил:

— Человек из чужого племени, не забыл ли ты, что совершил осенью и какой приговор тебе вынесен?

— Не забыл, турэ! — ответил Беркут и вдруг, вскинув голову, засмеялся. Тем, кто стоял поодаль, смех этот показался похожим на рыдание, но все равно выражал он чувство облегчения: человек устал ждать, устал от безделья, и вот разрядка...

Азнай-бей, кашлянув, прочистил горло и, приподняв волшебный посох, объявил волю святого Коркота:

— Слушайте и запоминайте! Праотец наш разделил вину ровно пополам. Убитый отрок сам проявил распущенность, безалаберность, родители не сумели воспитать его должным образом, сказал Коркот, но и человек из чужого племени, добавил он, не должен был поднимать руку на несовершеннолетнего. Следовательно, закон нарушен обеими сторонами...

— Я принял его за взрослого, думал — разбойник! — воскликнул Беркут.

Толпе это не понравилось, она зароптала, послышались возгласы: «Помалкивал бы уж!..», «Зачем прерываешь кан-бабу?!».

Азнай поднялся, опершись о посох, голос его зазвучал торжественно:

— Слушайте и запоминайте! Вот что сказал праотец наш Коркот: пусть и отмщение свершится, и долг свой человек из чужого племени исполнит. Я спросил: разве он сможет исполнить долг, если мы его, хоть и не убьем, но

покалечим? Пусть его вину искупит кровью близкий ему человек, сказал Коркот. Здесь никого ближе меня у Беркута нет. Стало быть... — Азнай-бей протянул левую руку Карнаю. — Стало быть, его вину должен взять на себя я. Отрежь мой палец! Какой хочешь!..

— Отец! — вскрикнул Каранай, отпрянув.

— Постой-ка, Азнай-турэ! — Вперед выступил один из стариков. — О каком долге кипчака ты говоришь? Объясни, пожалуйста!

— О его долге перед племенем Юрматы! Нашлись потомки юрматыйцев, которых когда-то увел на заход солнца Алмас-хан. К нам должен прибыть их посол. Опознать посла могут двое: либо я, либо Беркут. Это раз. В каких краях искать проданного в рабство Гильметдина со сверстниками — известно здесь также только нам двоим. Я уже стар, вся надежда — на Беркута. В нынешние времена всякое может произойти. Кто подтвердит без меня, что к вам прибыл истинный посол, а не подсунутый вместо него вражеский лазутчик? Кто укажет, где искать похищенных мальчиков, коль случится что с Гильман-батыром? Это должен сделать Беркут!.. Режь! — повторил Азнай-бей, обращаясь к сыну.

У Караная затряслись руки, долго бедняга маялся, пытаясь вынуть нож из висящего на поясе чехла. Тишину нарушали только жалобное поскрипывание снега под ногами, да послышавшиеся из юрт всхлипывания женщин. И вдруг к этим звукам добавились звон отпущенной тетивы и чей-то испуганный вскрик. Азнай-бей с Каранаем разом обернулись к Беркуту: в щеке кипчака, пробив ее от уголка губ к мочке уха, застряла стрела. Народ ахнул, загомонил и тут же умолк. Азнай-бей обессиленно опустился на сиденье.

— Уведи его, перевяжи, — велел он Каранаю и махнул рукой нукерам: — Задержать преступника, подвести ко мне! — Посидел немного в раздумье и заговорил опечаленно, обращаясь ко всем сородичам: — Возможен ли в этом мире поступок, более позорный, чем только что совершенный?! Стрела послана в самую святую из святынь — в дух праотца нашего. В праматерь нашу — Белую волчицу!.. И все — из-за распущенности, из-за вашей самочинной попытки воспользоваться законом для удовлетворения своей прихоти. После этого мне остается только заклеймить всех вас проклятием, спалить погрязшее в грехе становище и отправиться куда глаза глядят. Племя, не считающееся с собственными законами, — уже не племя!

— Прости нас, турэ, не делай этого!

— К ногам! К ногам кан-бабы падите! Покаемся!..

Опешившие от такого поворота событий мужчины, последовав призыву, ткнулись коленями в снег. Иные умоляюще протянули в сторону Азная руки. А он, не обращая на них внимания, принялся громко творить молитву. Многие зашевелили губами, шепотом повторяя вслед за ним слова из Корана. Подтверждение языческих установлений с помощью мусульманской молитвы где-нибудь в Мекке, Багдаде или Бухаре повергло бы верующих в ужас, но не забудем, что событие происходит на юрматынской земле. Долго молился Азнай-бей, мстя сородичам за попытку выступить против него. Но и проведя ладонями по щекам, то есть завершив молитву, не сразу разрешил им подняться с колен. Решение объявил на сей раз не от имени старейшин, как принято, а от своего имени.

— В следующую пятницу от каждой юрты принести жертву праматери нашей — Белой волчице! Не забудьте ублаготворить поминанием святые души предков! — Затем, обернувшись к приведенному нукерами преступнику, — это был Искандер, отец убитого осенью подростка, — Азнай-бей продолжал: — Тебя за твое злодеяние разрубить на куски — и то мало! Но скоро на землю прольются потоки крови. Помня об этом, я испросил у небес разрешение оставить тебя в живых. Отныне ты становишься моим рабом! — Видя, что стоящие на коленях сородичи при этих словах вздрогнули, бей усмехнулся и добавил: — Со всем твоим семейством! Я сказал все!

Таким образом, попытка пошатнуть власть Азнай-бея провалилась. Благодаря обкатанным столетиями законам он легко согнул строптивых. У него уже были рабы, теперь их стало больше, достояние возросло.

На щеке Беркута появился глубокий шрам, отчего левый его глаз сузился, остался навсегда прищуренным, и лицо приобрело такое выражение, будто он прицеливается, собираясь метнуть копье или выстрелить из лука.

Не надо думать, что дела у юрматынского кан-бабы пошли после всего этого как по маслу. Вскоре пришлось ему держать ответ за случившееся перед Бушман-беем и Кулгали. Утомленные, подавленные, они добрались до урочища Нэтэзе по раскисшим дорогам, когда на Ак-Идели и Нугуше поверх льда уже струилась талая вода.

Кипчакский бей побывал по каким-то своим делам в стольном городе Великого Булгара, навестил в Буляре поэта. Узнав, что Бушман направляется к Уралу, легкий на подъем Кулгали присоединился к нему. По пути они

задержались возле устья Ашкадара, где нашли себе пристаиище меркетиицы, там услышали об ответиом «письме» Азиай-бея «имеющим тысячу колчанов» и в свою очередь попросили ехавшего в их стороиу путиика передать главе племеии Урдяс-бею горячий привет.

Подбодреиный кумысом Бушмаи рассказывал обо всем этом весело, с шутками-прибаутками, но вдруг помрачнел, пожелал увидеть Беркута, а увидев — вскипел.

— Обезобразили батыра! В бою — одно дело, а тут...— Бушман ударил в сердцах кулаком по подушке, иа которой сидел.

Скажи Азнай в ответ резкое слово — отиошеиия вконец могли бы испортиться. Предвидя это, тактичиый по иатуре Кулгали попытался мягко уладить дело, прииялся расспрашивать об обычаях племеии, проясияя иекоторые из иих собствеиными суждениями. Бушмаи все еще ие мог успокоиться. Жестом велев стоявшему с поникшей головой Беркуту удалиться, ои отвериулся от собеседииков и сидел, горестно покачиваясь из стороиы в стороиу.

— Задумался, остывает... — шепиул Кулгали Азиаю и— громко: — Немало, оказывается, усилий приложил ты, турэ, чтобы спасти жизиь Беркута. Вряд ли кто другой сумел бы добиться этого, ие иарушая закоиы...

Бушмаи круто обернулся к поэту.

— Да за такого батыра ие то что палец — руку дал бы я иа отсечеиие!

— Если можио такой ценой сохраиить дружбу между племенами, то и руки ие жаль, — согласился Кулгали и направил разговор в иное русло: — Что о татарах слышио?

— Майкы-бей вериулся, опять требует собрать войско. Осенью ои поручил это хану Акташу, а тот набрал два-три десятка егетов, иет ли... Теперь, говорят, сам крепко за дело взялся.

— Нам нужно знать, когда выступит Субудай. А хлопоты Майкы-бея... Это так, легкий иасморк.

— Пусть хлопочет! Он для меня... для иас похлопочет. Соберет войско, а я отберу у него! — оживился Бушмаи. — Вести же иасчет иамереиий Субудая вот-вот придут. Лишь бы половодье ие закрыло иадолго все пути.

Дней десять прожили гости в стаиовище юрматыицев. И наговориться за это время успели вдосталь, и размолвки случались, сердились друг иа друга, а потом сиова встречались как ии в чем ие бывало. Перемеиился характер у Бушмана, испортился, вериее, замкиутый он стал, не держал, как прежде, душу нараспашку, и только по частым

упоминаниям о хане Котяне можно было догадаться, что у него там, на дне души, чем он втайне обеспокоен. Когда Кулгали заводил речь о булгарских батырах Баяне и Яку, Бушман слушал то очень внимательно, то с кривой усмешкой, — это выдавало его колебания в выборе союзников. Значит, Котян ищет примирения с ним, тянет в свою сторону, путая его замыслы. Еще на пороге зимы, не дождавшись, несмотря на уговор, перекочевки кипчаков поближе к Уралу, Азнай предположил, что намерения Бушмана изменились, теперь догадка подтверждалась. Но многое все-таки оставалось для него неясным, и однажды с глазу на глаз с поэтом он высказал свою тревогу:

— Коль не ошибаюсь, Бушман-батыр ломает голову над тем, к какому дереву привязать коня. Неужели он забыл о наших осенних договоренностях?

— Забыть-то не забыл, но верно и то, что мается, не может решить, какое дерево предпочесть, — вздохнул Кулгали. — Батыры не ладят меж собой, петушатся, каждый стремится выдвинуться на первое место, главенствовать, Бушман не любит Баяна, Яку не выносит их обоих... Как бы распри не нанесли больше вреда, чем само татарское нашествие!

— При таких обстоятельствах нужен вожак, обладающий достоинствами падишаха.

— Где же, турэ, взять то, чего нет? Люди измельчали. Насколько я знаю, в Буляре склонны распахнуть ворота перед врагом. Хан Котян манит Бушмана к себе и в то же время втихомолку готовится бежать на Дунай... Предводители наши признают необходимость единства лишь на словах...

— Есть в пределах, населенных башкортами и булгарами, человек, способный стать вожаком!

— Кто он, если не секрет?

— Человек, которого я имею в виду, — ты, Кулгали-хазрет!

Кулгали покачал головой, не зная, рассмеяться или рассердиться.

— Нашел великого сардара! Начальствовать над буквами я могу. Пригожусь, когда понадобится спасать книги. Указывать дорогу в ваши края тем, кого война вынудит покинуть родные места, — это тоже на мне. Очень не хочется, чтобы вражеские кони потоптали башкирскую землю, пусть бы она осталась нетронутой и приютила гонимых опасностью! Вы уж не дразните татарского посла, этого Майкы-бея...

— Речь о тебе, таксир... — напомнил Азнай-бей.

— Да что обо мне говорить! Рука моя привычна к перу, а не сабле.

— Саблями помашут другие.

— Оставим это! Нить надежды на Бушман-бея еще не оборвалась. Если благополучно прибудет ожидаемый им караван, коня он привяжет к тому же дереву, что и мы.

— Теперь мне понятно, почему он торопится к устью Сакмара. И таксир намерен поехать туда?

— По двум соображениям. Во-первых, надеюсь узнать там, когда и в каком направлении выступит татаро-монгольское войско. Во-вторых, переговоры мои с Бушман-беем еще не завершены. Обязанности самочинного посла я ведь с себя пока не сложил, — пояснил поэт.

Затем поговорили о сроках возвращения юрматынских аулов на летние стоянки, об опасности, грозящей им в долине Зая, — если не поторопятся, война может перекрыть им пути к предгорьям Урала. Азнай-бей завел речь о том, что всю зиму ждал унгаров и поныне ждет.

— Не пугают тебя теперь «куриные лапки», висящие у них на шеях? — спросил Кулгали, улыбаясь, и, посерьезнев, добавил: — Скоро хлынут сюда беженцы, возможно, среди них окажутся и унгары.

Беседа с поэтом раскрыла глаза Азная на многое и усилила в нем беспокойство, неугомонность. Более глубокое осознание опасности, грозящей со стороны татар, умалив значение обыденных забот, возбудило желание сделать для племени нечто большее. Решение съездить, последовав за гостями, к устью Сакмара, было вызвано как раз этим желанием. Но частенько, когда человек руководствуется желаниями, мудрость оказывается в пристяжке. Так получилось и на сей раз.

Как только отшумел ледоход, тронулись в путь. Переправа через Ак-Идель и Нугуш отняла довольно много времени, за первый день недалеко отъехали, а на следующий близ Большого Ика путников догнал Каранай. Он был ранен и не единожды, кровь на ранах еще не успела засохнуть. То, что сообщил егет, было подобно грому с ясного неба.

— Майкы-бей!.. Он нападет на вас! Узнал о караване...

— От кого? — вытаращил глаза Бушман.

И вот что выяснилось. Раб Искандер, должно быть, подслушал разговор о караване, — на раба ведь не обращают внимания, человеком не считают. Воспользовавшись отъездом Азнай-бея с нукерами, он сбежал из становища.

Решил отомстить за свой позор. Искандер подбивал к побегу и других рабов, а те отказались и спустя некоторое время сообщили Каранаю, к кому и с каким доносом помчался беглец. Каранай, взяв несколько егетов, кинулся по следу каина, но вскоре столкнулся с вооруженными людьми, надо думать, частью высланного Майкы-беем войска. Они послали гонца к своему хозяину, упоминали имена Бушман-бея, Кулгали и Азнай-бея. Каранай слышал это собственными ушами. Израненный в схватке, он был пленен. Один из его товарищей убит, остальные ускакали. Сегодня, рано утром, вернувшись с подмогой, они отбили Караная.

— Зачем сам бросился догонять нас? — укорил сына Азнай. — Ты же еле жив! Послал бы кого-нибудь...

— Такое ведь дело... Лучше было самому, надежней, — выдавил вконец обессилевший Каранай.

— Хорошо сказал егет! — похвалил его Бушман-бей. — Вот что, друг мой Азнай: ты вернешься с сыном в свое становище! Постарайся перехватить этого татарского пса, улестить его угощением, подарками. Хоть ненадолго задержишь — и то благо. На худой конец, сбей его как-нибудь с нашего следа, пусти по ложному. Великое дело сделаешь! Без оружия, которое должен доставить караван, без ожидаемых вестей будет нам очень трудно...

— Сына береги! — наказал Кулгали, прощаясь. — И народ свой!

Бушман с поэтом и их телохранители тут же уехали. Азнай занялся ранами сына. Крепко досталось егету! И дубинками ему шишек набили, и саблями пометили. Но жив! Наверно, те, с кем он столкнулся, были башкорты, сделал вывод бей. Татары бы не пощадили, на куски раскромсали... От этой мысли похолодело отцовское сердце. Ведь он едва не лишился самого бойкого и смышленого из сыновей, любимца, с которым связал столько надежд! И опасность утраты еще остается!

Пока нукеры прилаживали меж двумя конями люльку для Караная, бей сотворил искреннюю молитву, вложив в нее горячую просьбу ниспослать долгую жизнь его сыну и благополучие — племени.

...Кулгали подскакивал в седле, смежив веки. Он думал тоже о Каранае. Воображение поэта дорисовывало образ отважного юноши, перед его мысленным взором стояли запаленный, забрызганный кровью хозяина скакун и сам хозяин, теряющий сознание, едва успев сообщить важную весть. Для сохранения независимости и духовного здоровья, думал Кулгали, наряду с мудростью правителей и доблестью

сардаров народу нужны примеры такой вот самоотверженности его сынов. Мысль эта уже отливалась в строки героической поэмы, поэт испытывал возбуждение, требовавшее пера и чернил. Но открыв глаза, он видел перед собой не белый лист бумаги, а поставленные торчком уши своего коня и дальше, впереди, круп Бушманова жеребца.

Топ-топ, цок-цок... Земля местами подсохла настолько, что из-под копыт облачками взвивается пыль. Порой ударяются в лицо, попадают в глаза какие-то мушки пробудившиеся после долгой зимней спячки. Топ-топ, цок-цок... Отрывистые распоряжения, короткие остановки... Все это отвлекает поэта от зародившейся мысли, мешает сосредоточиться. Что поделаешь, если время вместо пера вложило в твою руку поводья!

Бушман-бей ведет свой отряд в соответствии с правилами воинского искусства. Далеко впереди рыщут разведчики. Едущие сзади волочат за собой небольшие деревья, заметают след. С целью запутать след отряд петляет вдоль ручьев, по нескольку раз пересекая их то туда, то обратно. Поэту все эти меры предосторожности кажутся излишними, единственное, что, по его мнению, нужно, дабы враг не догнал, — это быстрое продвижение вперед. Место встречи с караваном известно только Бушману, стало быть... Кулгали поделился с ним своими соображениями, но тот лишь усмехнулся.

С приближением к Сакмару крепла уверенность, что Азнаю удалось задержать Майкы-бея, однако Бушман держался все настороженней, стал грубей, нетерпимей. Беркут, подъехав к нему, заговорил было о чем-то — бей, резко прервав его, бросил три слова:

— Дорога Кунгыр-буги!..

— Она же невесть где! — возразил Беркут, но Бушман ожег его взглядом: что, дескать, ты в этом понимаешь!

Беркут, хлестнув коня, ускакал вперед, а сердце Кулгали встрепенулось, будто сокол, увидевший зайца. Знакомые слова... Когда, от кого он их слышал? Дорога Кунгырбуги — само звучание этих слов волнует какой-то загадочностью. Что они значат, кого бы расспросить? Беркут умчался к разведчикам, а Бушман, похоже, в дурном настроении. А может быть, он просто заскучал, тоже нуждается в собеседнике? Кулгали, подторопив коня, поравнялся с беем.

— Булярцы, подпав под власть булгарской державы, забыли свое прошлое, — сказал кипчак, выслушав вопрос.—

Иначе наш уважаемый и достославный поэт знал бы, что такое Дорога Кунгыр-буги.

— Я вырос в чужих краях и на землю предков ступил не столь давно...

— Да, верно, тем не менее каждый, кто родом из башкортов, с детских лет должен помнить историю и тайну Дороги Кунгыр-буги. Это — воинский путь, идущий по водораздельным хребтам и возвышенностям, не пересекая ни единой реки, благодаря чему до нужного места можно добраться очень быстро. Говорят, он тянется по Уралу и дальше до Арала. Мы, кипчаки, знаем об этом пути понаслышке, пользоваться им не доводилось. Беспокоюсь, как бы Майкы-бей, набирающий войско из башкортов, не воспользовался Дорогой Кунгыр-буги, чтобы обогнать нас.

— Почему же мы не отправились по ней?

— В горах еще лежит снег, поэтому я предпочел степь. Азнай, правда, говорил, что на хребтах снег не держится. Все же мне казалось, что ехать равниной удобней, теперь вот засомневался. Если караван из-за паводка отклонился от намеченного пути, дело осложняется... А насчет Дороги Кунгыр-буги надо было расспросить Азнай-бея, он-то ее хорошо знает.

— Так ведь я сегодня только услышал о ней...

Пользуясь тем, что кипчакский бей разговорился, Кулгали спросил, как ему видится противостояние татаро-монголам, утвердился ли он в своих намерениях.

— Если бы утвердился!.. — вздохнул Бушман. — Думаю, думаю... Откровенно говоря, не хочется опять ходить на поводке у Котяна, но он соблазняет возможностью увести народ в случае поражения в страну унгаров, убеждает, что туда татары не дойдут...

— Они пойдут до «Последнего моря» — таково завещание Чингиз-хана.

— Многие в это не верят, князья урусов, у которых я побывал, — тоже... Коли татаро-монгольское войско, устремившись к этому самому краю, в наших краях надолго не задержится, то верен твой совет — уберечь народ, упрятав в горах Урала. Но все равно оружие нам нужно!

А оружие им пришлось брать с бою. На следующий день разведчики сигнальными дымами подторопили основные силы отряда. Им встретился один из улов племени Усерган, перебирающийся на яйляу. По словам усерганцев, на берегу Яика было сражение, победители ушли в степь, угоняя примерно два десятка верблюдов с грузом и пленных людей. Близ места сражения усерганцы наткнулись

на двоих детей, мальчика с девочкой, и взяли их с собой. Мальчика, оказалось, зовут Рустемом, девочку — Зулейхой. Отца их, Исхака, те неведомые люди угнали вместе с другими пленными.

Исхак... Имя это все объяснило Бушману.

Отряд немедленно кинулся в погоню за напавшими на караван. Рустем с Зулейхой перешли на попечение Кулгали, они втроем ехали медленнее остальных, так что поэт успел порасспросить юных спутников о многом. Они отошли от своих, когда караванщики обедали, искали одного дяденьку, поэтому в плен не попали.

— Что за дяденька? — поинтересовался Кулгали. — Почему его надо было искать в стороне от каравана?

— Его прогнали. За то, что кафыр.

— А до этого он ехал с вами?

— Да. Он беглый. Убил одного татарина, взял его коня и оружие... Он из далекой-далекой страны, по-нашему смешно разговаривает.

— Отец сначала его полюбил, потом разлюбил.

— Почему?

— Потому что кафыр. Мы тоже разлюбили, но нам стало его жалко.

— Юлиан-агай все-таки добрый.

— Где же он теперь?

— Мы его не нашли. Уехал, наверно. Говорил — юрматынцев ищет...

Должно быть, один из унгаров, встретившихся Азнайбею, подумал Кулгали. А куда же делись другие? Впрочем, если объявится этот, найдутся и остальные...

6

В местах этих, где Дешти-Кипчак подступает к Уралу, издревле горели по ночам костры, ибо стягиваются здесь в пучок проложенные с разных сторон дороги и тропы, по которым шли и шли торговые караваны, а за ними следовали — или подстерегали их — шайки грабителей. И орды завоевателей, сотрясая землю ударами бесчисленных копыт, проносились по этим местам, слышали они и свист оперенных стрел, и стоны раненых, и обращенное к небесам опасливое бормотанье одинокого путника. На каждом шагу ступаешь здесь на чей-нибудь след, на чью-нибудь кость, а над тобой витают призраки тех, кто превратился в прах, оставшись непогребенным, либо же был закопан, но наспех, без заупокойной молитвы, — тщатся они, безголосые, пове-

дать об отгремевших некогда битвах и леденящих кровь злодеяниях.

Вот что интересно: призраки, или, иначе говоря, неприкаянные души умерших, любящие нагонять страх на живых, выбирают костерок, боязливо греющий двух-трех путников, а доброжелательные призраки летят туда, где многолюдно, чтобы навеять на сидящих там воспоминания о славных делах их предков и укрепить тем самым их дух, настроить на новые подвиги. Вот сейчас слетелись они к стоянке Бушманова отряда, и один из них голосом бея рассказывает поэту Кулгали, молодому Беркуту и другим егетам о том, как неподалеку отсюда, возле устья Ори, объединенное войско трех народов схватилось с войском Субудая и не пропустило его в Приуралье, — остальные призраки тем временем, забавляясь, ловят искры, взмывающие ввысь из костров...

Бушман и удовлетворен, и опечален событиями минувших дней. Драгоценный груз, доставленный караваном, наконец в его руках. Схватка была короткой, грабители, застигнутые врасплох, видя, что сопротивление бесполезно, думали больше о том, как спастись. И вот ведь какую хитрость придумали: поранили верблюдов, чтобы те разбежались по степи, отвлекая внимание нападающих, и удрали, успев еще и порубить плененных караванщиков. Егеты Бушмана в самом деле бросились ловить ошалело разбегающихся верблюдов с вьюками, лишь часть из них начала преследование злодеев, но вскоре повернула обратно. Все караванщики погибли. Впрочем, Исхак-батыр был еще жив — он скончался на глазах Бушмана, не произнеся ни слова.

Погибших похоронили на следующий день. Ни один из верблюдов не был способен нести груз, бей велел довести их до ближайшего становища и поменять на коней. «А если не захотят поменять?» — спросили его. «Должны захотеть!» — сердито ответил Бушман, то ли случайно, то ли с намеком прикоснувшись к рукояти сабли. И вообще действовал он теперь по законам военного времени. Стоянку отряда приказал окружить защитными сооружениями, а на одном из направлений даже нарыть «волчьих ям». Объяснил, кого опасается:караван был захвачен обыкновенными грабителями, теперь возможно появление Майкыбея.

— Не лучше ли в таком случае уклониться от встречи с ним? — осторожно поделился своим мнением Кулгали. — Ведь груз можно пока спрятать и уйти...

Бушман отрицательно покачал головой.

— Где тут надежно спрячешь? К тому же я не получил вестей о намерениях татар. Есть у меня надежда, что тот унгар что-нибудь да услышал от караванщиков — хоть самую малость. С ним мы можем встретиться только здесь: одиноких путников загадочным образом притягивают места сражений.

— Никогда я, пожалуй, не разберусь в загадках степи! — вздохнул Кулгали.

— Наш уважаемый поэт и так знает больше, чем достаточно, — улыбнулся Бушман. — Благодаря этому и души погибших, наверно, умиротворены, — добавил он, намекая на то, что заупокойные молитвы при погребении караванщиков сотворил Кулгали, единственный в отряде человек, знающий наизусть все суры Корана.

Небесный свод с его бесчисленными светилами медленно, неуследимо поворачивался вокруг оси, увенчанной Полярной звездой. Дракон, оскалившись на привязанных к ней Медведиц, то ли собирается напасть, то ли пятится от них. Кулгали высматривает среди звезд яркие точки Сарата, именуемого в западных странах Марсом, и Бузата—Юпитера. Когда они сближаются, жди войны. Вон он, Сарат, а Бузата не видно, должно быть, взойдет позже, — может, не спешит присоединиться к вечным своим спутникам оттого, что не хочет видеть бесконечные кровопролития на земле. Перемигиванье звезд, секретничающих о чем-то, и негромкий голос Бушмана, рассказывающего о былых битвах, погружают поэта в дремотную думу. Дуновенья теплого ветерка ласково касаются его лица — нет, то не дуновенья ветра, а невесомые крылья призраков, вьющихся у костров.

— Турэ! Тот унгар нашелся!

— Дал Аллах! Ведите его сюда! Беркут, встречай гостя!

Пока Беркут, вскочив с места, отряхивался, к костру успели подойти еще несколько человек. Один из них прихрамывал, но шагал широко, торопливо, отчего полы его похожего на халат одеяния разлетались. Неухоженная борода, свалявшиеся волосы на голове, замызганная одежда свидетельствовали о том, что он долго был в пути и не имел возможности следить за собой. Читатель, конечно, уже прошептал его имя: Юлиан.

Оглядев сидящих у костра, наш путешественник выделил Бушман-бея с Кулгали, угадал в них начальников и бухнулся перед ними на колени, подняв руки будто для свершения намаза.

— О-о, братья мои! Почти год шел я к вам! Душу устрашали расстояния, но зов крови помог преодолеть их. Когда я падал, обессилев, голос с небес поднимал меня: иди, слышал я, ты должен встретиться с родичами! Примите меня в свой круг и выслушайте!..

— Встань, путник! — прервал Юлиана Бушман-бей. — Не приличествует гостю стоять на коленях. Мы знаем, что пережил ты... если ты тот, кого мы ждали. Знаком ли тебе кто-нибудь из этих людей?

Юлиан, несколько смущенный тем, что чрезмерно расчувствовался, не спеша поднялся с колен, взглянул на людей, указанных беем, и шагнул к Беркуту.

— После прежней нашей встречи на твоем лице, я вижу, появился шрам, украшающий воина. Здравствуй, брат!

Оба они раскинули руки и обнялись. Обычно мужчины так стискивают друг друга, когда сходятся в борьбе. Прибежавшие от соседнего костра Рустем с Зулейхой вцепились в бока Юлиана. Зрители негромко обменивались мнениями:

— Не забыли друг друга, гляди-ка, признали...

— Говорили, путник этот — кафыр....

— Ну и что?..

— Еще в Таманторгане надо было вот так обняться!

Взволнованный Кулгали даже прослезился. Бушман, посчитав такое проявление слабости простительным для поэта, сделал вид, будто не заметил слез.

— Уважаемый гость! — торжественно обратился он к унгару. — Теперь я убедился, что ты — тот, кого мы ждали. Прошу занять место возле меня, по правую руку... Пусть и дети сядут рядом с тобой, — разрешил Бушман, видя, что унгар никак не может расстаться с Рустемом и Зулейхой. Приказав слугам приготовить угощение, бей продолжал: — Имя мое — Бушман, я предводитель кипчаков, той их части, чей клич — «туксуба!» Рядом со мной — высокочтимый Кулгали, известный всему тюркскому миру поэт и служитель науки. Они родом из племени Буляр. Булярцы, отделившиеся от башкирского племени Айли, в последнее время относят себя к булгарам... Беркута ты знаешь, он — один из верных моих помощников.

— Я знаю и Бушман-бея, наслышан о нем, — улыбнулся Юлиан, сев рядом с предводителем кипчаков. — Но не вижу здесь Азнай-бея. Я должен передать ему привет от дочери, зятя, а также от Гильман-батыра...

— Азнай-бей сейчас — в своем становище, на своей земле.

— Разве я не дошел до юрматынской земли?

— Нет. До становища Азнай-бея еще два-три дня пути. Здесь владения племени Усерган.

— О-о! Среди нас есть и усерганцы. Сам я — из юрматынцев, именуемых по-унгарски дьярматинцами. Отправился в путешествие, чтобы увидеть родину наших предков, испить радость и грусть из ее источников...

— А где твои спутники? — спросил Беркут.

— Двое, дойдя до Итиля, повернули назад. Один умер. Не своей смертью — татарин убил, ударив по голове дубинкой. Я в отместку тоже одного татарина... нож в горло вонзил... Взяв его одежду и оружие, ускакал на его коне и наткнулся вот на них, на Рустема с Зулейхой... А почему, кстати, не вижу их отца, Исхак-батыра? — Юлиан вопрошающе глянул на Бушман-бея, на Беркута.

— Похоронили мы его сегодня. После того, как вы расстались, на караван напали... Но поговорим об этом попозже, и у нас, и у гостя много еще вопросов, надо прежде накормить его. — Бей, хлопнув в ладоши, дал знать, что пора расстелить скатерть.

Юлиан ласково погладил детей по головкам.

— Бедняжки, совсем вы телятками сирыми стали...

Бушман-бей и Кулгали понимающе переглянулись: понятие полного сиротства унгар выразил так, как сделал бы это башкорт.

За угощением поначалу помалкивали, но мало-помалу снова завязалась беседа. Поэта интересовало, как живут унгары, какой представляется им прежняя родина. Юлиан отвечал обстоятельно. Унгарские юрматынцы все еще называют себя башкортами, тоскуют о синих горах, просторных степях и светлоструйных реках покинутой страны, но где эта страна находится — никто теперь не помнит. Деды учат внуков петь старинные песни, и сам он, Юлиан, знает много таких песен, в них — память о прошлом. Пролил свет на прошлое и древний текст, обнаруженный в одном из книгохранилищ. Несколько дервишей-монахов отправились искать потерянную родину, но лишь одному из них — по имени Отто — удалось выяснить, в какой стороне обитают башкорты, а дойти до них и он не дошел...

Слушатели удивленно цокали языками, толкали друг друга в бок: гляди-ка, мол, давно уже, оказывается, ищут... У Рустема с Зулейхой начали слипаться глаза, их отвели в шалаш, уложили спать. Недоеденная еда остыла, ее убрали, скатерть свернули. А беседа продолжалась, собеседники только еще вошли во вкус.

Юлиан, торопясь выговориться, перескакивал с одного на другое и порой терял нить своего рассказа. Тогда Бушман или Кулгали уточняющими вопросами возвращали его к недосказанному. В особенности заинтересовались они тем, чему унгар стал свидетелем, оказавшись в татарском стане, выспрашивали, что было слышно со стороны Сыгнака. После каждого вопроса Юлиан умолкал ненадолго, обдумывал ответ, собирался с мыслями.

Уже светало, когда вспомнили, что гостю надо дать отдохнуть.

Никому не удалось выспаться как следует, — всех ждала дорога. Бушман-бей подарил Юлиану своего запасного коня. Унгара переодели хоть и не совсем в новое, но, как говорится, с головы до ног. Лишь с законным своим трофеем—оружием убитого татарина—унгар не пожелал расстаться. Кулгали вознамерился вернуться с ним к юрматынцам. Посовещавшись, решили осиротевших детей Исхак-батыра отдать на воспитание Азнай-бею. Эту четверку должны были проводить до Азнаева становища Беркут и еще два егета — выделить в провожатые людей побольше Бушман не мог: ему предстояло проделать путь долгий и более опасный. Доставленный караваном груз уже увязали в тюки помельче, однако те, кому было поручено обменять покалеченных верблюдов на коней, еще не вернулись.

Задерживался и отъезд группы Беркута — он ждал благословления Бушмана, а тот все расспрашивал Юлиана — о татарах, об унгарском короле Беле Четвертом, вообще об унгарах — и расспросам, казалось, не будет конца. Получилось так, будто бей оттягивал время расставанья, чувствуя приближение опасности.

Опасность возникла в полдень в образе Майкы-бея, сопровождаемого конной сотней. Он мог с ходу напасть на Бушманову стоянку, однако не сделал этого — может быть, решил вдруг соблюсти древний обычай честного боя, предваряемого перекличкой сторон, или побоялся напутать, приняв за недругов своих. Одним словом, остановил свое войско в отдалении и выслал всадника для выяснения, что за люди перед ним. Бушман-бей, недолго думая, направил навстречу разведчику своего егета, велев объявить, что тут, де, находится посол короля Великой Унгарии, намеревающийся повидаться с татарским послом Майкы-беем и предводителями здешних племен, а Юлиану сказал:

— Ну, дорогой гость, придется тебе приступить к исполнению обязанностей посла. Сейчас Майкы-бей пригласит тебя к себе. Ты ехать откажешься, потребуешь, чтобы сперва он выказал уважение к тебе своим посещением.

Майкы-бей не согласится, достоинство татарского посла не позволит. Пригласит тебя повторно. Тогда ты поедешь. Держись важно, они это любят, в разговоре ходи вокруг да около... Не обижайся, что учу тебя, мы ведь тем временем... — Бушман не досказал, что он предпримет — то ли успеет припрятать оружие, то ли подготовиться к схватке. Возможно, сам еще не решил, как воспользуется выигранным временем.

Юлиан согласно кивнул.

— Я буду разговаривать с ним по-латински, на языке римлян.

— Ничего же не поймет!

— Так я сам же и растолмачу... попозже. Сначала поморочу ему голову. Признаться, я ведь и впрямь посол. Послан королем и великим магистром ордена святого Доминика...

Переговоры через посредников в самом деле затянулись недолго. В конце концов Майкы бей согласился встретиться с королевским послом в середине пути между двумя сторонами с условием, что во встрече будет участвовать и сопровождающий посла турэ. Бушман-бею не то что предстать перед давним врагом, но даже выдать свое присутствие здесь нельзя было, поэтому с Юлианом поехал Кулгали.

Майкы-бей не знал поэта в лицо, однако слыхивал о нем; появление подданного булгарского государства в этих краях, тем более — в качестве сопровождающего при унгарском после, насторожило его. Наверно, подумал: не причастен ли к этому делу и сам эмир Великого Булгара?

— Мы счастливы видеть посла унгарского падишаха! — проговорил он после обмена приветствиями, сопроводив свои слова полупоклоном, похожим скорее на кивок.—Нам, однако, необходимо выяснить одно обстоятельство: прямо к нам прибыл посол или прежде побывал в Буляре?

Юлиан ответил короткой латинской фразой и, спокойно понаблюдав, как растерявшийся Майкы-бей заерзал в седле, принялся велеречиво излагать свой ответ по-тюркски:

— Пусть простит меня достопочтенный турэ: в странах западного мира между послами принято изъясняться на божественном языке румийцев. Я последовал этому обычаю и только что в своем ответе сообщил о посещении мною ряда городов, а именно Таманторгана, Итиля и Сыгнака. Буляр же остался в стороне от моего пути. Что касается высокочтимого Кулгали-турэ, то его прекрасные дастаны

известны в Великой Унгарии каждому, кто приобщен к искусству письма или чтения. Мой могущественный повелитель — непобедимый король Его величество Бела Четвертый посоветовал мне опереться в этих краях на знания и дружескую расположенность прославленного поэта, о чем я известил высокочтимого Кулгали через своих попутчиков, и он, отыскав меня, любезно предложил помощь, за что я выражаю ему искреннюю признательность...

Ответ особого удовольствия Майкы-бею не доставил, однако и придраться в нем было не к чему. Татарский посол решил прощупать унгара с другого боку.

— Каждый повелитель, снаряжая посла, вручает ему именуемую грамотой бумагу, в которой подтверждает его полномочия. Имеет ли уважаемый посол такую грамоту от своего могущественного и непобедимого повелителя? — Последние слова были произнесены в откровенно насмешливом тоне, с язвительной улыбочкой.

— Я имел такую грамоту, но под Сыгнаком мне ее не вернули, отправили, полагаю, в урдугу великого хана, а моего достопочтенного собеседника известить об этом забыли... — В голосе Юлиана тоже прозвучала насмешка. — Уважаемый Майкы-бей, я вижу, усомнился в могуществе моего государя. — Тут Юлиан, повысив голос, произнес несколько слов на латыни и, воздев руки к небесам, воскликнул: — Святая Мария! Его величеству нанесено оскорбление! Я требую извинений!

Майкы-бей побагровел.

— Ну, мы еще посмотрим, сколь велико могущество твоего падишаха, скоро испытаем его «непобедимость»! — ляпнул он.

— Я воспринимаю это как объявление войны Великой Унгарии! Мне остается лишь вернуться в Сыгнак и уточнить в урдуге великого хана, почему такое важное дело не было поручено более высокопоставленному лицу. Здесь нам делать нечего, поехали, турэ! — обратился унгар к поэту, поворачивая коня.

Кулгали без сожаления расстался с самодовольным прислужником татар, а все же, немного отъехав, высказал сомнение:

— Не поторопились ли мы? Там, наверно, еще не управились...

— Майкы-бей туда, полагаю, теперь не сунется. Им овладеет страх. Объявление войны не его дело. Дойдет весть до ставки — по голове не погладят, вот о чем он должен думать...

Предположение Юлиана тут же и подтвердилось: их догнал вестник татарского посла, передал его просьбу вернуться для продолжения переговоров.

— Это мне уже нравится, — улыбнулся Юлиан. — Да, вот чего мне давеча не хватало... — Он достал из кармана крест, повесил на грудь. — Вернемся, уважаемый Кулгали-турэ, завершим, с Божьей помощью, начатый разговор!

Майкы-бей на сей раз был кроток, даже кончики усов обвисли, правая рука в знак почтения приложена к груди. Юлиан же, сохраняя холодное выражение лица, сразу выдвинул требование, чтобы его либо проводили обратно в Сыгнак, либо немедленно пропустили к юрматынцам.

— Хотелось бы услышать от гостя, по какому делу он намерен побывать в племени Юрматы, — вежливо поинтересовался Майкы-бей.

— Я должен поклониться могилам моих далеких предков и передать Азнай-бею привет от его дочери и зятя, встретившихся мне неподалеку от Сыгнака. Других дел у меня там нет, — сухо ответил унгар.

— Тех людей гость возьмет с собой? — Майкы-бей указал рукой в сторону Бушмановой стоянки.

— Нет. К юрматынцам со мной поедут Кулгали-турэ и несколько его егетов. Возьму с собой также двух осиротевших детей. Их отец Исхак-батыр, земля ему пухом, пал от руки одного из разбойников, напавших на караван, с которым я проделал часть пути.

— Какой караван? Куда он шел? — навострил уши Майкы-бей.

— Да небольшой такой караван, десятка два верблюдов. Шел он в Великий Булгар, а с каким товаром — я не спрашивал, об этом знают теперь разбойники. Они и меня было пленили, но — слава Иисусу Христу! — Кулгали-турэ вызволил с помощью как раз тех вон людей. Кажется, они из племени Усерган? — обратился унгар к поэту.

— Да, это — усерганцы. Грабители сначала разорили их яйляу...

Кулгали, нетерпимый ко всякой неправде, слушавший ловкие выдумки Юлиана с некоторым изумлением, и сам вынужден был слукавить. Потом они поспорят, совместима ли ложь ради благой цели с нравственной чистотой, вспомнят, что сказано об этом в Коране и Евангелии, порассуждают, почему Майкы-бей поверил им. Ну, а пока что тот удовлетворился услышанным. Распрощался, пожелав благополучия в пути и выразив надежду на новую встречу у юрматынцев. Когда унгар с поэтом подъезжали к своей

стоянке, войско Майкы-бея уже рысило куда-то в иаправлеиии иа восток.

— Слава Аллаху, иа сей раз проиесло! — сказал Бушман обрадоваиио. — Я все беспокойлся: ие суиулся бы сюда... Ну, как ои встретил посла? — Выслушав короткий отчет, предположил: — Наверио, Азиай уведомил его, что ожидается прибытие людей из Великой Уигарии, иначе Майкы-бей вцепился бы в иас, как клещ.

— Кажется, иа него сильио подействовали упомииаиия о Сыгнаке, — улыбнулся Кулгали.

— Да, и в особеииости испугало его мое иамереиие вернуться в Сыгиак и сообщить там, что ои объявил войну через голову великого хаиа, — засмеялся Юлиан.

— Ои выболтал то, что слышал от своих хозяев. Запомиим! Это поможет нам держать татарского пса иа коротком поводке. Разглашеиие иамереиий сардаров равнозиачно измене, — заключил Бушмаи-бей и велел обеим группам собираться в дорогу.

Перед тем, как разъехаться, Бушман и Кулгали о чем-то посовещались. Чуткий слух Юлиаиа уловил повтореииые несколько раз имеиа Баяиа и Яку, упоминалнсь также Большая Идель и Сулман, ио в разговор ои не вслушивался, был заият своими мыслями.

Сегодия ои, выступив в роли полиомочиого посла, помимо всего прочего стал обладателем важных сведеиий. Итак, чингизиды нацелились и на долнну Дуная, иамереиы разгромить Великую Уигарию. Имеино в выясиеиии их намерений заключалась задача брата Герарда. Только пользы от того, что узнал Юлиаи, не будет, если он ие известит Эстергом. Весть от него должна обогнать татарских коней, но кто ее доставит туда, притом как можно скорей? Не подскажут ли путь юрматынцы? Сам ои ие вправе повериуть обратно, пока ие выполиит поручение ордена. А поручеио ему посеять в здешиих местах семеиа истинной веры, склоиить своих кровиых родичей к переходу в католичество, приумножить паству Его святейшества папы римского. Угасшая было надежда иа это виовь воспламеиилась в душе Юлиана и обернулась иетерпеньем.

В дорогу, в дорогу! Вон Беркут проверяет, достаточио ли подтяиуты седельные подпруги. Кулгали тоже подошел к коию. А Рустем с Зулейхой уже устроились вдвоем в одиом седле, балуются в предвкушении интересиого путешествия, забыли сиротки о горькой своей участи.

В дорогу, в дорогу! Цель близка!

7

Восхитительна природа в дни, когда только что народившаяся зелень качается в колыбели весны. Сколько вокруг гомона, сколько задора, сколько нежности! Едва распустившаяся листва сама, ласкаясь, льнет к твоей протянутой руке. Какая-то птаха, потревоженная тобой, вскрикивает, вспорхнув, будто предупреждает: «Осторожно! Разве не видишь — гнездо!» Сурок-байбак после зимней спячки вылез погреться на солнышке, сидит, поблескивая раскосыми глазами; проезжаешь рядом, а он и не шевельнется, не отскочит в испуге, смотрит на тебя доверчиво. В самом воздухе, кажется, разлито доверие, дышишь им, дышишь и начинаешь забывать, что это благоденствие может вдруг разлететься вдребезги. Все застежки в душе расстегнуты, мысли бегут наперегонки, резвясь, как выпущенные из загона жеребята. Удивительная пора, располагающая к доброте, к шуткам-прибауткам или светлому раздумью и старого и малого, и поэта и воина! Взгляните-ка на егетов, сопровождающих Юлиана и Кулгали: одежда — нараспашку, оружие — в чехлах, едут — дурачатся, затевают, не сходя с седел, борьбу, смешат Рустема и Зулейху веселыми выдумками. Кулгали поглядывает на них с улыбкой.

Особой неугомонностью и воодушевлением выделяется в этой группе Юлиан. С каким удовольствием взирает он на окружающий мир! С какой дотошностью выспрашивает названия встретившихся в пути речек, гор, урочищ, не отпуская Беркута от себя ни на шаг, хотя тому приуральские края и самому малознакомы. Голос Юлиана слышится чаще других голосов, громче всех смеется он. И нетерпеливей всех — он же даже при кратковременных остановках места себе не находит, поторапливает остальных, пеняет им за мнимую медлительность. В конце концов у Беркута — с досады, что ли — с языка сорвалось: можно, мол, подумать, будто дервиша этого ждут с распростертыми объятиями и угощение уже стынет. Егеты посмеялись. Зря смеялись. Унгар умеет расположить людей к себе, следовательно, и в пиршественном кругу посидит, и всяких прочих знаков гостеприимства удостоится.

Внешность у Юлиана не очень привлекательная, с Иосифом Прекрасным его не сравнишь, но каждое его слово, каждый поступок проникнуты добросердечием, участливостью, той самой любовью к ближним, о которой он уже не раз заводил разговор со спутниками. Это-то и привлекательно в нем. Добрые чувства вели его, потому и смог

он преодолеть этакую даль. Целый год — в пути, целый год мытарств, бесприютности, обид, причиненных за его веру... Другой бы взял да повернул обратно. А он — он не повернул. Всей сущностью своей утверждал: мой народ не забывает родства, ради человеческой близости готов перетерпеть что угодно!

«Кого в этом отношении можно приравнять к Юлиану?» — спрашивает себя Кулгали и перебирает имена: Баян, Бушман, Азнай, Беркут... Память вдруг подсказывает: Гильман! Отправился батыр выручать проданных в рабство детей, да сам, по словам Юлиана, угодил в оковы, застрял в Итиле. Но он, наверно, давно уж на воле, уверяет унгар. Дай-то Аллах! Если Гильман-батыр, вырвавшись из рук Туран-бая, продолжил свой путь и если, добравшись до загадочного Египта, отыщет похищенных мальчиков, его подвиг впишется новой страницей в прекраснейший из дастанов — дастан человеколюбия.

Да, человеколюбие — адамият — живет не только в думах благородных мыслителей, но и, даже прежде всего — в свершениях подвижников, подобных Юлиану и Гильман-батыру. Как ярок свет их самоотверженности, особенно сейчас, когда над миром черной тучей нависла бесчеловечность воинственных орд! Самое время сейчас поведать о них людям, озарить пламенем их горения души других. И займется этим угодным Всевышнему делом именно он, Кулгали. Вот завершит путешествие и сразу займется! Впрочем, сразу не получится — надо ведь еще съездить к Баяну и к Яку-батыру надо съездить — сообщить им о договоренностях с Бушманом. Затем объездить селения своих соплеменников, булярцев, убедить их в необходимости переселить женщин, детей, стариков в урочища Урала, уберечь народ от полного уничтожения. Между тем и татары могут нагрянуть... Да-а, хоть на сорок частей разорвись! Эх, почему не встретились они с Юлианом пораньше, почему Азнай не взял унгаров с собой еще в прошлом году?! Какой дастан может из-за этого остаться ненаписанным!..

— А там что за гора?

— Кюнгак, священная гора юрматынцев. За нею — Нэтэзе, где...

— Я много раз слышал о Кюнгаке! — закричал Юлиан, прервав Беркута. — От наших стариков! Унгары и башкорты перед тем, как Алмыш, сын Угека, увел их на запад, собрались у подножья этой горы. О-о, я слышу их прощальную песнь и словно воочию вижу их колдовские пляски! Они тогда еще не знали истинного бога, поклонялись деревьям, камням, приносили им жертвы...

— Скорее всего оин поклоиялнсь лучнстому богу Тенгрн, солнцу, — заметил Кулгали.

— Ну, все равно это — ложиый бог. Языческнй!

Вот ведь, чуть коснись веры — Юлиан уже готов затеять спор, превознестн своего Хрнста. Кулгали догадывается, что унгар попытается перетянуть юрматынцев в свою веру. Коль догадка верна, сохрани его Бог! Растерзают же! Надо, пожалуй, предостеречь иеопытного чужестранца...

Кулгали начннает нздалека, рассказывает, что лет двести тому назад часть булярцев, уже прннявшнх ислам, переселнлась в Велнкую Унгарню. Знает ли Юлиан об этом? Имена нх вождей — Бнлл, Баксу и Хасан. Интересно, живут ли сейчас на Дунае их потомки? Если да, то сохраняют лн мусульманскую веру? Юлнан уднвлен, он ннчего об этом не слышал. Что касается потомков, то они, еслн они существуют, конечно же, католикн, потому что в Велнкой Унгарин все — католики.

— Лучше всего, когда человек исповедует веру, избранную его предками, при этом желательно соблюдать лншь одно условие — уважать веру другого, — замечает Кулгали н как бы в подтвержденне своих слов приступает к рассказу о поездке Бушмаи-бея к русским князьям. Русскне, или урусы, как привычиее звучнт для тюркского слуха, от его сообщеиня о иадвигающейся опасности отмахнулись, предложеине сообща готовнться к отражеиию татарского нашествия отверглн. Осиовиая причина — в их иеприятии мусульман, уиичижнтельном к иноверцам отиошенни. Любой мусульманин для них — басурман, погаиец. А татары не станут спрашивать, какой ты веры; споры о том, чья вера истнниа, а чья—нет, им лншь на руку, ибо разобщают народы и страиы, на которые оии собрались накннуться. Ха-ай, забывают люди мудрую прнтчу о метле, а ведь каждый сам может убедиться, как легко сломать ее прутики по отдельности, ио сломай-ка их в связке!

Юлиаи морщит лоб, молчнт, задумавшнсь, но долго молчать в пути попросту невозможно. Кто-нибудь нз егетов от избытка чувств, нахлынувших на весеинем прнволье, запевает песию, другие подхватывают ее. Уигар, встрепенувшнсь, тоже иачинает подпевать. Потом уже один иапевает сбережеиные памятью племени Дьярмат древнне песни и допытывается, поют ли их тут, на Урале. А Кулгали ломает голову: поиял его унгар или выслушал н тут же забыл?

Гора Кюигак по мере продвижеиия путников как бы

тихонечко поворачивалась к ним другим боком и вскоре завладела мыслями поэта. Название горы произошло от слова «кюи», что иа языке древиих тюрков означало солнце. Значит, оиа была местом поклонения и жертвоприношеиий лучистому богу, то есть местом многолюдных собраний. Кто знает, возможно, сохранились еще там изображения Тенгри в виде солнца верхом на коне. Подняться бы на гору, посмотреть, да опять же времени нет. Иосиф Прекрасный так же, как Юлиаи, ие признает иной веры, кроме своей, ио Кулгали — ие Иосиф Прекрасный. Да, он и сам — проповедник твердых убеждений, однако предпочитает убеждения, подпираемые опытом, духом и мудростью дедов-прадедов. Эх, повериуть бы сейчас коия иаправо, пересечь Ак-Идель — да в гору! Сколько мыслей оиа навеяла бы, сколько слов, обращеииых к ныие живущим, подсказала! Почему, почему ои не приехал сюда пораньше?!

Беркут предполагал, что аул Азнай-бея уже перебрался на яйляу в долину Селеука, — скорого отдыха, мол, не ждите. Но переправившись на правый берег Ак-Идели, путники натолкнулись на пастухов, от которых узнали, что аул по-прежиему стоит в урочище Нэтэзе — одна жеищина мается родами, из-за этого перекочевка задержалась. Егетам сообщение пастухов показалось смешным. Ничего смешного тут нет, сказал им Кулгали, Азнай-бей — кан-баба, для него рождеиие человека — очень серьезное событие. Юлиаи заинтересовался, что значит — кан-баба, какие у иего обязанности, и поэт объяснил: в тюркских племенах на одиого из наиболее уважаемых людей возлагается забота о сохранении чистоты крови, приумножении и омоложеиии племени, строгом соблюдеиии племенных обычаев; ои отбирает среди детей самых смышленых, крепких мальчиков, воспитывает будущих предводителей и батыров; наконец, ои же занимается врачеванием. Только что готовые заржать жеребцами егеты выслушали это объяснение весьма внимательно...

Азиай-бей сидел возле своей юрты иа мягкой скамеечке. Судя по тому, что перед иим иа едва показавшейся травке стояли иа колеиях иесколько подростков, бей как раз исполнял обязаиности каи-бабы. Заметив приближающихся всадников, ои приставил руку ко лбу, чтобы получше их разглядеть, живо подиялся и сказал что-то подросткам. Те побежали навстречу всадникам, взяли коией под уздцы, что выражало уважение к ним и одновремеино — предложение спешиться. Кан-баба, сохраняя солидность, по-

дождал, пока путники подойдут поближе и стронулся с места, когда тем оставалось сделать еще десяток шагов. Сперва он поздоровался с Кулгали, затем, взглянув на Юлиана, обратился к Беркуту:

— Не того ли мусафира я вижу, с которым мы повстречались в Таманторгане?

Это было требование официально представить гостя. Однако Беркут только кивнул, улыбаясь, а заговорил сам Юлиан:

— Привет тебе, уважаемый Азнай-бей, привет от старейшин племени Дьярмат! Я — странник по имени Юлиан, прошедший от Великой Унгарии до Урала в поисках оставшихся когда-то в этих краях родичей.

— Добро пожаловать, гость из далекой страны! — Лишь теперь Азнай поздоровался с ним, протянув по обычаю обе руки. Поздоровавшись со всеми взрослыми, остановил взгляд на Рустеме с Зулейхой — Чьи это дети?

Слушая Юлиана с Беркутом, рассказавших, перебивая друг друга, историю сирот, Азнай опечалился, но под конец рассказа печальное выражение на его лице сменилось улыбкой.

— Спасибо вам всем! — сказал он. — Вы доставили на юрматынскую землю радость: встречая гостей, мы обрели еще и сына с дочкой. Перед самым вашим приездом в ауле родился мальчик. Поистине счастливый сегодня день! Прошу вас в мою юрту!

Азнай избегал прямого обращения к Юлиану, на какое-то время, казалось, вовсе забыл о нем. «Забывчивость» эта объяснялась некоторой растерянностью бея: он не находил верного тона для разговора с человеком, отвергнутым и оставленным в прошлом году в Таманторгане. И после того, как гости расселись кружком в юрте и было подано угощение, хозяин завязал беседу, обращаясь не к унгару, а к поэту:

— Я, дорогой Кулгали, намерен уговорить тебя погостить у нас подольше. Вот прибыл из Великой Унгарии наш родич, в его честь и по случаю приумножения числа юрматынцев мы устроим праздник. Твое присутствие незабываемо украсит это торжество, так что и не думай, таксир, отказываться... А детей покойного Исхака я хочу взять в свою семью. Как ты на это смотришь?

— Хорошо! Очень хорошо! В твоей юрте они не будут чувствовать себя сиротами.

Тут Юлиан напомнил о себе, подал голос, не дожидаясь, когда обратятся к нему:

— Да, я совсем забыл: есть еще приветы хозяину юрты! От Гильман-батыра и от дочери...

Азнай мгновенно обернулся к унгару.

— Ты видел их?

Юлиан коротко рассказал о том, чему стал свидетелем в Итиле, и о встрече с Ишбикой в становище у Яика, ни словом не обмолвившись о своих мытарствах, — должно быть, побоялся, что упоминание о них прозвучит упреком хозяину юрты. Одна из женщин, подававших угощения, услышав имя Ишбики, будто споткнулась у выхода, остановилась, полуобернувшись к мужчинам. Прикрыв рот уголком платка, она ждала, что скажет гость дальше.

— Иди, иди, занимайся своим делом! — приказал ей бей. — Успеем еще расспросить гостя. — И пояснил, когда женщина вышла: — Мать Ишбики. Каждой матери дитя ее дорого, скучает по дочке...

— Хитер Юлиан! Прежде чем встретиться с Азнай-беем, собрал кучу приветов, — пошутил Кулгали.

Юлиан пожал плечами, а Азнай подогрел беседу вопросом:

— Значит, Гильман-батыр остался в Итиле. Как же он туда попал?

— Его схватили в Тамаиторгане и продали в рабство Туран-баю. Теперь он, наверно, уже вырвался на волю... — Немного помолчав, Юлиан неожиданно сменил тему разговора: — Почему-то уважаемый Азнай-бей не спешит расспросить об унгарах, о племени Дьярмат. Я думал — закидает вопросами.

— Пусть дорогой гость не волнуется; послушать его об этом соберется весь аул, — отозвался Азнай. — Я сгораю от любопытства, давно уже будто на горячих углях сижу, но боюсь переутомить гостя, заставив его дважды рассказать об одном и том же.

Остроумный ответ развеселил гостей, все заулыбались. Воспользовавшись этим, Беркут попросил разрешения съездить к Былбыл.

— Поезжай, — сказал бей. — Коль не очень устал, сегодня же и свидишься с нею. Пригласи Куслюк-бека от моего имени на наш праздник, на послезавтра. Ежели узнаешь, что какие-либо юрматынские аулы успели вернуться на яйляу, заверни туда, тоже передай приглашение. Егетов своих возьмешь с собой?.. Вот и ладно, пусть присмотрятся к меркетинским девушкам...

У молодых кипчаков глаза загорелись. Еле дождались они завершения трапезы. Проводив их, Азнай предложил Кулгали и Юлиану прогуляться к горе Нэтэзе.

Солнце уже клонилось к закату, был час, когда в природе царит предвечерний покой; доносившиеся издалека мычанье коров, блеянье овец и конский топот не нарушали тишину, а как бы приукрашивали ее. Утомленный немалыми трудами день перед тем, как угаснуть, располагал самых беспокойных детей природы — людей — к искренности и доброжелательности.

Кулгали, вспомнив о Каранае, справился, как он себя чувствует. Пока еще не поднимается с постели, но раны заживают, ответил Азнай и перевел разговор на Искандера, по чьей вине его сын едва не погиб. Подлый раб, переметнувшийся к Майкы-бею, то ли по наущению нового хозяина, то ли по собственному разумению рыщет сейчас в округе, пытаясь сколотить разбойничью шайку. На днях появился близ аула, уговаривал рабов и пастухов присоединиться к его «войску». Мы, рассказывал Азнай, до сих пор не перебрались на яйляу потому, что сперва ждали рождения младенца, а теперь вот задерживаемся из-за этого каина... В ответ на вопросительный взгляд поэта бей пояснил:

— Тому, кто нарушил обычаи племени, нет места на земле. Он должен быть предан смерти. Как иначе воспитаешь в молодых крепость духа?

По спине Кулгали побежали мурашки. На первый взгляд, мирный, спокойный аул, но кровожадность жестокого века не обошла и его, вот сейчас рядом с ним охотятся на человека! Этот сплетенный из одних сухожилий старик не желает вникать в причины, толкнувшие его соплеменника на преступление. Приговор у него готов. Предательство — великий грех, но разве человек не дороже любых обычаев и правил, установленных самими людьми?.. Старик беспощаден и в то же время как обрадовали его рождение ребенка и пополнение племени детьми Исхакбатыра! Не странно ли — жестокость и милосердие уживаются в одной душе...

Кулгали погрузился в размышления. Азнай-бей тоже о чем-то задумался, замкнулся. Зато Юлиан все более возбуждался, впадал в мальчишескую восторженность. В начале прогулки он еще прислушивался к разговору старших по возрасту, но вскоре оторвался от них. Широко, словно бы в изумлении раскрытыми глазами разглядывал он то синеющие вдали вершины, то речную долину, то подобранный под ногами камешек или попавшийся на пути ранний весенний цветочек, то порхающих вокруг бабочек. В конце концов, совсем как мальчишка, полез, цепляясь

за камни, вверх по крутому склону горы. Кулгали с Азнай-беем, остановившись, наблюдали за ним в некотором недоумении.

— Ошалел немножко, — сказал поэт.

— Коль все юрматынцы в Великой Унгарии ведут себя так, правила благовоспитанности, считай, забыты.—Азнай-бей заложил руки за спину, расставил ноги пошире. — Как бы этот егет послезавтра не выставил себя перед народом на посмешище!

— От радости он так... Успокоится!

— И не вздумал бы «куриную лапу» на шею повесить. Все испортит!..

— Да-да, надо ему сказать. Я предостерегу, — пообещал поэт. Он знал, что произошло в Таманторгане.

Сверху послышался восторженный крик Юлиана:

— Здравствуй, страна башкортов! Здравствуй, племя Юрматы! Я дошел!

Весеннее эхо разнесло его голос по горным распадкам, по долинам Нугуша и Ак-Идели и вернуло к горе Нэтэзе осколки слов: «...ты... ты... ты... шел... шел... шел......»

— Охо-хо-хо-о! Я дошел, я тут!

— ...тут... тут... тут... — подтвердило эхо.

Азнай-бей послушал, склонив голову к плечу, послушал и заулыбался.

— Гляди-ка, а ведь и вправду наш человек, свой...

— Кабы не свой, разве потратил бы целый год, чтобы дойти?.. Вон как распирает его радость, — посмеялся Кулгали и принялся рассказывать о том, как они вели переговоры с Майкы-беем.

Юрматынский кан-баба слушал, удивленно покачивая головой.

— Легко вы от него отделались! — сделал он вывод. — А тут как разошелся, угрожал мне — ну, чистый баскак! Да еще пообещал опять наведаться. Может, имя унгарского падишаха укротило его?

— Юлиан намекнул, будто бы повидался в Сыгнаке с тамошними ханами, и на неосторожном слове его поймал, тем и пронял. А все же надо быть готовым к тому, что этот, как ты его назвал, баскак снова заявится сюда.

— Тяжелые наступили времена для детей Адамовых. Да защитит нас Аллах! — Азнай мазнул ладонями по бороде и, кивнув в сторону спускавшегося с горы Юлиана, сообщил: — Намереваюсь показать ему древние письмена. Не присоединишься ли к нам и ты?

— Хотел поскорей вернуться в Буляр, да, выходит,

опять задержусь! — Кулгали махнул рукой, как бы досадуя на самого себя. — Впрочем, подумаю еще, турэ!

— Все равно не утерпишь, посмотришь, — засмеялся Азиай...

* * *

Хотя юрматынцы — лишь небольшая часть башкортов, можно заметить их причастность к событиям, происходившим в самых разных, подчас очень отдаленных от их краях огромного мира. Но в данный момент нас более всего должна заинтересовать группа людей, продвигающихся к югу по прильнувшей к теплому морю стране Апсны, то есть Абхазии, ибо в группе идут и наши старые знакомые — Гильман-батыр с Геворгом.

Они теперь и сами не смогут сказать, сколько дней прошло с тех пор, как вырвались из Итиля, — не считали. А вырвались легко, до того легко, что рассказать, так иной читатель и не поверит.

В один из дней весеннего половодья, когда Большая Идель простиралась морем, Туран-бай через Ирмека объявил, что работы на городских укреплениях прекращаются в связи с необходимостью усилить обучение рабов воинскому делу. Подготовкой будущего войска занялись его люди, рабов разбили на десятки, порядки в их обиталище построжали, чаще, чем прежде, посвистывали плетки. Гильман-батыр, почти всю зиму верховодивший в зиндане, был низведен до положения рядового воина.

— И это в нашу пользу! — философствовал Геворг. — Поставь они тебя во главе десятки или сотни — ходил бы ты, замороченный своими обязанностями, а так — человек, можно сказать, вольный.

— Неужто они всерьез собираются воевать с татарами? — удивлялся Гильман. — Нет, духу у них не хватит. Если только не придет откуда-нибудь подмога...

Вскоре все объяснилось: хан Котян решил сплотить подвластные ему племена, собрать сильное войско и разослал гонцов с фарманом — указом — об этом. Ханский фарман касался и Итиля. Туран-бай богат, но обойтись без хана, видно, не смог. Можно предположить, что он, принимая зимой татарских посланцев с того берега, выигрывал время, чтобы вывезти свое состояние из Итиля, сплавить куда-нибудь. А может быть, хан, прознав о двойной игре Туран-бая, приструнил его. Короче говоря, рабов наскоро обучили приемам боя, и однажды утром Ирмек вывел это

пестрое, многоязычное войско из города. Предстоял долгий путь к ставке хана. Унбаши были вооружены, остальным оружие не выдали — везли в повозках. Ни Ирмек, ни его приспешники не знали, что у каждого из рабов под завязку штанов заткнута праща.

— Мне нравится идти налегке. Пускай себе оружие тащат лошади — хотя бы до Дона-реки. А там, наверно, найдутся лодки, чтобы сплавиться к морю. На худой конец, плоты свяжем, — говорил Геворг негромко, чтобы унбаши не услышал.

— Тебе что — про Дон сам Туран-бай нашептал? — пошутил Гильман-батыр. — Откуда знаешь, что дойдем до этой реки?

— Знаю! Котян обычно зимует в городке Шарук-хана *. Ставка и сейчас где-нибудь там, близ городка. Не переправившись через Дон, туда не попадешь.

— Прорицателем бы тебе, Гяур, при каком-нибудь падишахе состоять, зря в рабах ходишь.

— Только до берега Дона!..

Хотя внешне и выглядели они беспечными, в душе у обоих будто еж ворочался. Бодрились ради товарищей, чтобы те духом не падали. Никто — ни мусульманин, ни христианин, ни иудей — не знает, что его ждет впереди, а все же лучше идти навстречу судьбе бодрым шагом, тогда, глядишь, и выиграешь у нее что-нибудь, успеешь сделать что-то в свою пользу. Так полагали эти двое.

Гильман-батыр уже не ломал голову над тем, почему Туран-бай резко изменил отношение к нему. На одной из остановок Ирмек по старой памяти заговорил с ним, а Гильман, воспользовавшись этим, взял да и выложил обиду: вот, мол, прежде Туран-бай ценил его, возлагал на него какие-то надежды, а теперь все забыто. Ирмек, живо сообразив, куда он клонит, засмеялся.

— Где же это видано, чтоб раба сардаром поставили?

— Я — батыр!

— Нет, ты — раб! А с рабом вот как разговаривают!.. — И ожег Гильмана плеткой.

Дело было у речки, на галечнике. Гильман, не помня себя, схватил обточенный водой голыш, и тут все рабы начали подбирать камни. Унбаши сгрудились около Ирмека. Не испугались, нет, смотрели даже с некоторым любопытством — чем, дескать, дело кончится. У них — и луки со стрелами, и сабли, — понадобится, так в два счета пе-

* Шарук — один из древних кипчакских ханов. Построенный при нем городок стоял на месте нынешнего Харькова.

ребьют этих тварей. Погубило их высокомерие. Даже после того, как просвистели первые камни из пращей, не догадались рассыпаться, стояли кучно. Ударил по ним смертоносный град...

Убитых торопливо похоронили, ранеиых пощадили: уложили их, разобрав оружие, в повозки, отправили обратио в Итиль.

Пошумели, решая, как быть: идти куда-нибудь всем вместе или разойтись. Разделились. Довольио большая ватага русских ушла на север. Кипчаки разошлись по-двое, по-трое, рассеялись по степи. Геворг с Гильманом и с иими еще человек тридцать направились в стороиу Кавказских гор.

И вот они в Абхазии. Спутников у них поубавилось. И люди, и коии притомились. Вокруг — чужая страна, чужой народ. Ладио еще ие разбойники какие-нибудь, на путников пока что иикто не нападает. К пройдеиному пути каждый день добавляет новые перевалы, иовые повороты. Приближают оии Гильмаи-батыра к цели или только отдаляют от родиых мест — ему иеведомо. Но как бы там ии было, ои должеи напасть на след малеиьких юрматыицев. Есть одна зацепка: их увезли в Египет. Зиачит, ои доберется до этого самого Египта и отыщет место, где растят мамелюков.

— Отыщем! — воодушевляет его Геворг. — Встретится же нам в конце концов какое-нибудь армяиское судно — сядем и поплывем! Я уж тебя одиого ие брошу. А вдвоем, с Божьей помощью, мы хоть до края света доберемся.

— Интересио, удалось ли тем уигарам дойти до иаших? — спрашивает вдруг Гильмаи-батыр.

А уигар Юлиаи в это время сидит рядышком с Кулгали иа плоском камие у подиожья горы Нэтэзе. Присевший напротив Азиай-бей пересказывает им старииное предание. Юрматынский каи-баба слышал его от своего отца, тот — от своего, то есть от Азнаева деда, и до этого предание передавалось от поколеиия к поколению, чтобы сопровождало оно каждого юрматынца от колыбели до могилы. И каждому гостю со стороны пересказывали его, как бы преподиося в дар, но поскольку приходилось делать это часто, пересказчик, дабы не тратить слишком много времени, старался говорить как можно короче, и в конце коицов предание до того ужали, что превратилось оно в поговорку «Кто ходит, тот что-ибудь да выходит». Азнай же услышал его и запомнил в таком вот виде: «В очень давние было это времеиа, — Хызыр Ильяс, послаиец Теигри, в те вре-

меня еще не спускался с небес на землю. Дети Адамовы еще не ведали, зачем они рождены, бродили по земле растерянными толпами.

Сколь ни просторен мир, пути человеческие в нем сходятся. Толпы встречались, и против дубинки вскидывалась дубинка, на брошенный камень отвечали камнем же, и лилась кровь, ибо не умели люди говорить: «Здравствуйте! Как поживаете?» — вместо этого кричали запальчиво: «Зачем вы сюда пришли?!» А запальчивость подобна огоньку, упавшему в иссохшую траву, — не успеешь сказать «хе», как огонек обернется пламенем степного пала, губящего все живое.

— Но это — лишь присловье, главное — впереди. Слушайте!

Так же, как у других племен, у племени Юрматы тогда ни родины, ни названия еще не было. Скитаясь по белому свету, завернуло оно в эти края, к подножью Туратау. А навстречу идут чужаки. Вместо «здравствуйте!» закричали с обеих сторон: «Зачем вы нам путь заступили?!» — и схватились за дубинки. Пошла драка! Дрались, дрались, и оставшиеся в живых, уморившись, устроили передышку. Каждая из сторон с другой глаз не спускает, камни собирает, оружие ладит. И вдруг меж ними возник старик с лучистым взглядом. Одежда на нем — белая, а волосы и борода еще белее. Оказывается, сам Хызыр Ильяс спустился с небес. Постоял он, опершись о волшебный посох, поглядывая то на мертвых, то на живых, и спрашивает:

— Что делите?

— Ничего не делим! — отвечают ему.

— Ага! Значит, поругались, кто-то кого-то оскорбил обидным словом?

— Да нет, не ругались, никто никого не оскорблял...

— Зачем же тогда воюете? — удивился Хызыр Ильяс.

— Мы идем, и они идут. Ходят тут всякие! — кричит одна сторона.

— Мы не всякие, это вы—всякие, — закричали с другой стороны, и все повскакивали с мест, собираясь снова кинуться в драку.

Хызыр Ильяс, вскинув волшебный посох, живо утихомирил вояк, все их оружие лучистым своим взглядом превратил в пыль. И обе стороны, пораженные этим чудом, повторяя имя Тенгри, преклонились перед стариком.

Но и это еще не главное, слушайте дальше.

— Почему вы скитаетесь, что ищете? — задал вопрос Хызыр Ильяс. А те ничего не могли сказать в ответ, пото-

му что никогда об этом не задумывались. И что же теперь делает Хызыр Ильяс? Велев отобрать с каждой стороны пятерых самых сильных и находчивых егетов, дает им такой наказ:

— Идите туда, куда пожелаете, идите и идите, пока не найдете то, что нужно вашему племени. Кто ходит, тот что-нибудь да находит, а ежели вы ничего не найдете, то впредь не будет в вашей жизни смысла, и вы в бессмысленных драках сами себя перебьете.

Так сказал Хызыр Ильяс и, указав на остающихся, добавил:

— Они подождут вас здесь, а я буду наведываться, чтобы посмотреть, кто с чем вернулся, что выходил *.

И, не сходя с места, старик исчез.

Десять егетов, попрощавшись с близкими, отправились в десять разных сторон. Спустя некоторое время начали они возвращаться. Один вернулся с куском железа — раскрыл секрет выплавки его из камня; другой нашел колесо; третий узнал, как согнуть лук и выстругать стрелы; четвертый овладел уменьем наносить письмена на каменные плиты и телячью кожу... Короче, девять егетов вернулись, и каждый из них что-нибудь нашел, а десятого все нет и нет. Люди, оставшиеся у подножья Туратау, устали ждать, шумят:

— Убили его, наверно, или медведь задрал.

— Вон как обогатили нас вернувшиеся! Чего еще надо?

Племя, в которое все пятеро вернулись, горячится:

— Чего ради мы должны ждать чужого? Наши все здесь, пошли дальше! Хызыр Ильяс про нас забыл. Обещал наведываться, но ни разу не наведался!

Тут послышался с небес знакомый голос:

— Я все вижу. Кто считает, что самое необходимое вам найдено, пусть уходит, а терпеливые подождут еще.

Ушел кое-кто — и с той и с другой стороны. У подножья Туратау остались отец с матерью, братья и сестры десятого и их друзья. Когда и у этих терпение иссякло, закружил над ними с криком сокол-белогорлик. Постойте-ка, говорят люди, неспроста это. И тут видят десятого егета — идет с поникшей головой, еле ноги волочит, в руке прутик держит.

Кинулись ему навстречу, спрашивают:

---

* Здесь автором обыграно не переводнмое слово «юрма», что прнблнзительно значнт — выхоженное, «прнставшее к ногам в путн».

— Что нашел?
— Ничего не нашел.
— Зачем же вернулся, коль не нашел?
— Задел ногой этот прутик, и почему-то вспомнилось мне место, где вы остались. Я и повернул обратно.

Поднялся шум-крик.

— А мы тут ждем! Бестолковый! Бездельник! Убить его!..

Полетели в егета камни, и даже отец с матерью не стали защищать его, со стыда отвернулись. Вскоре там, где стоял егет, куча камней образовалась, и разъяренные люди ушли от Туратау куда глаза глядят. Идут они, идут и чувствуют: что-то назад их тянет. Остановились, совещаются.

— Не похоронили мы покойного должным образом, неисполненный долг не отпускает нас, — говорят одни.

— Надо вернуться и похоронить, как велит Тенгри, — говорят другие.

Повернули назад. Душу каждого одно и то же точит. Не зря ли, думают, мы его убили. А может, думают, он еще жив? И ускоряют шаги. А потом и вовсе бегом побежали. Прибежали, запыхавшись, и остановились в изумлении. Куча камней в зеленый холмик превратилась, из-под него родник бьет, рядом раскидистая ветла стоит, а на ветле сокол-белогорлик сидит.

— Эх мы, глупые! — говорят люди. — Такую простую вещь не поняли! Ведь его слова: «Ничего не нашел», — означали, что нет ничего лучше, дороже этого места. А прутик, который он принес, означал, что тут мы должны укорениться.

И вновь предстал перед ними Хызыр Ильяс и говорит:

— Коль укоренитесь тут, будет у вас родина, дела ваши обретут смысл и будете вы знать, ради чего живете. Ветла — ваше священное дерево, сокол-белогорлик—ваша священная птица, почитайте их, не забывая имени Тенгри, размножайтесь, скот разводите и хлеб возделывайте...

Вот это и есть главное. А поселившиеся у Туратау стали называть себя людьми, обладающими юрмой — тем, что подвернулось под ноги. Отсюда и название племени — Юрматы. Издревле у нас живет обычай: у гостя сначала спрашивают, что ему «подвернулось под ноги», то есть что он увидел и узнал в пути, а потом выставляют угощение «за хождение».

— Хороший обычай, со смыслом, — похвалил Кулгали.
— Я понял! — сказал Юлиан.

— Боевой клич юрматынцев — «актайлык!» С чем он связан? — спросил Кулгали.

— Есть предание и об этом, но оставим его на другой раз. — Азнай-бей поднялся, постоял, глядя на лежащее внизу становище, взглянул на скатившееся к горизонту солнце. — Я еще не разослал гонцов с приглашениями на праздник. И время вечерней молитвы, хазрет, приближается...

8

Один из гонцов, посланных с приглашениями, натолкнулся на вернувшегося к Ак-Идели предводителя племени и привез сообщение: турэ велит устроить праздник в честь гостя из Великой Унгарии не в урочище Нэтэзе, а у подножья Туратау. Видать, решил Таймас напомнить, кто в племени хозяин.

Азнай-бей отправил к нему другого гонца с извещением, что нет уже у него времени перебираться с аулом на яйляу, что здесь все готово, посланы приглашения бурзянцам, усерганцам, кипчакам. К тому же, добавил Азнай-бей, можно воспользоваться праздником, чтобы созвать ежегодное собрание предводителей племен у священного для всех башкортов Кюнгака. Каждому племени лестно устроить такую встречу у себя — это возвышает его в глазах других, а тут само небо ниспослало убедительный довод в пользу сбора у юрматынцев.

Но Таймас уперся на своем: сказано — у Туратау, значит, у Туратау!

Из-за этого Кулгали не увидел праздника. Он и так спешил вернуться в Буляр, а вести, полученные от Бушмана, заставили его тут же оседлать коня и попрощаться с гостеприимным хозяином. В душе поэта, наслаждавшейся безмятежным времяпровожденнем, вновь всколыхнулась тревога: татары! Год жизни в ожидании беды, туманные предположения и догадки, от которых все устали, уступают, наконец, место хоть какой-то определенности. Бушман сообщал, что татары вот-вот двинутся. Правое крыло Батыева войска должно растоптать государство булгар и затем примкнуть к основным силам, накинувшимся на княжества урусов. Удалось выяснить, где пройдут нацеленные на запад тумены. В двух дневных переходах от устья Сакмара вниз по течению Янка они готовятся к переправе через реку: гатят топкие подходы к ней, вяжут плоты. Если бы у булгар хватило решимости выступить для опережаю-

щего удара по врагу, более удобного места для встречи с ним не придумать, подсказывал Бушман.

Конечно, есть у булгар государь—в стольном Буляре на троне, оставшемся еще от блистательного Алмас-хана, сидит эмир Ильхам, сын Салима, а у него достаточно глаз и ушей. Наверно, его уже уведомили, когда и куда двинутся татары. А если не уведомили? Лучше поспешить в Буляр, чем ломать голову над этим вопросом. До праздника ли человеку, когда он получил сведения, касающиеся судьбы его страны! Азнай, хорошо понимавший причину взволнованности поэта, поохав, что не удалось оказать дорогому гостю должные почести, помог ему собраться, дал в провожатые своих егетов. Идущий сейчас в поводу трехлетний караковый жеребец — его подарок.

Доволен ли Кулгали этим путешествием? И да, и нет. Ему повезло увидеть страну башкортов во всем многообразии ее природы — и занесенную снегами, и в пору весеннего ликования, и в дни, когда несмело еще заулыбалось лето. Он поднялся на Кюнгак и долго стоял над кручей, откуда реки и озера видятся синими-синими, как глаза Юлиана, ошалело кричавшего от радости со склона горы Нэтэзе. Всем этим поэт доволен. Доволен беседами с Юлианом, Азнаем, Бушманом. Общение с ними, в особенности с Бушманом, с которым в последние месяцы установились очень теплые отношения, не только расширило горизонты его мировидения, но и, втянув в неожиданные приключения, обострило чувства, добавило решительности. И в мыслях о том, как противостоять надвигающейся беде и, если не отвести ее, то хотя бы спасти беспомощных, теперь больше ясности.

Недоволен же Кулгали тем, что путешествие затянулось. Намеревался вернуться в Буляр в начале весны, а возвращается, когда земля уже в зеленом наряде. Невесть что могло произойти в его родном городе, пока он был в отъезде. Поэту представилось: ко дворцу эмира подъезжают татарские послы, и сам эмир Ильхам выходит, запинаясь, чтобы поприветствовать их... Убедят его не противоборствовать с Батыем, пообещав оставить на троне, а потом превратят в мальчишку на побегушках. Потеря независимости ведет к прислужничеству, к рабству, и коль скоро впадет в зависимость правитель страны, то потянет за собой в пропасть и свой народ.

Вспоминая о Батые, о наследниках Чингиз-хана, Кулгали пытается понять одну вещь. Больше года прошло с тех пор, как на курултае в Каракоруме они во всеуслы-

шанье объявили о походе на запад, «к Последнему морю», но до сих пор ничего не произошло. Нарочно заставили ждать, чтобы нагнать побольше страху, ослабить волю тех, на кого собираются напасть? Или их неторопливость вытекает из уверенности в себе? Вернее всего, рассчитывали на то, что правители, порывавшиеся к объединению сил, потихоньку решимость свою потеряют, перессорятся меж собой. Неспроста же не спускают глаз с будущих жертв. Вон Майкы-бей — носится, будто борзая за зайцем... Умеют они раздувать пламя вражды — хоть между ханом каким-нибудь и князем, хоть между отцом и сыном. Мастера по этой части. И петух у них не рассвет возвещает, как другие, а кукарекает, когда это хозяевам нужно. Раз у Яика сейчас вяжут плоты, петух этот, надо понимать, крыльями захлопал — вот-вот кукарекнет...

С такими вот мыслями и с важными вестями о татарах возвращается домой Кулгали. Выслушают его во дворце эмира, нет ли — неизвестно. Но ждут этих вестей Баян-батыр и Яку-батыр, и есть другие мужественные люди.

...А у подножья Туратау начинается праздник. Упрямство предводителя племени и неизбежные при перекочевке на новое место хлопоты подпортили настроение Азнай-бея, но он старался скрыть это. Во-первых, рядом с ним — гость издалека, зачем показывать ему, что в племени возникло несогласие, что кан-баба, чье слово всегда было весомо, унижен? Во-вторых, пусть Таймас увидит: Азнай не хочет ссоры. После праздника он спокойно продолжит исполнение обязанностей, возложенных на него небесами, и вновь потихоньку утвердит непререкаемость своих решений. Впрочем, почему — после? Кто, как не он, кан-баба, должен и на самом празднике позаботиться о строгом соблюдении завещанных предками обычаев и установлений? От этой мысли Азнай повеселел.

Приподнялось его настроение и оттого, что к его с Юлианом приезду у купы священных ветел, где должен был состояться праздник, уже кишмя кишел народ.

— Вот оно — племя Юрматы! — повел он рукой, обернувшись к чуть отставшему унгару, и затрясся в радостном старческом смешке.

Юлиан улыбнулся.

— Вижу.

Они оба выпрямились в седлах и слегка натянули поводья, переводя коней на упорядоченный шаг.

Хотя большинство юрматынских аулов только-только вернулось с мест зимовки и не успело получить приглаше-

ння, весть о празднике облетела все яйляу, потому-то собралось много народу н люди все еще подъезжали. Все уже знали н о госте нз далекой страны. Едва Азнай с Юлнаном, сопровождаемые нукерамн кан-бабы, подъехалн к собравшнмся на праздник, послышались приветствня, посыпалнсь вопросы, обращенные к гостю:

— Как доехал? Здоровы лн твон блнзкне?

— Чьн родичн жнвы там, у вас?

— Все ли благополучно в твоей стране? Плодится ли скот?..

Юлиан, тронутый нскренностью юрматынцев, готов был подробно ответнть на каждый вопрос, но тогда празднк превратнлся бы в бесконечную беседу. Дабы предотвратить потерю времени, Азнай-бей старался поскорее проехать к почетному месту, обозначенному высоким шестом с чучелом сокола на верхушке. По его знаку нукеры прннялись раздвнгать толпу. Неожнданное происшествне остановило их: молодая женщина протянула сидящему в седле Юлиану младенца.

— Святой мусафир, стань для моего сына Хызыр Ильясом, благословн!..

Юлиан растерянно смотрел на ребенка, не зная, как быть. Взять на рукн? Перекрестнть?.. Азнай-бей пришел на выручку.

— Достаточно прикоснуться к нему!

Последовав совету, Юлиан все же не ограничился прнкосновением, громко пожелал ребенку вырастн здоровым н умным, стать могучнм батыром. Для пущей важности присовокупил к этому латннское изреченне. Изречения никто, конечно, не понял, тем не менее народ, кажется, оценил услышанное от унгара очень высоко, нначе не облепнли бы его со всех сторон молодые матерн.

— Окажн милость н моему сыночку!

— И моему!..

Юлиану н в голову не прнходнло, что его могут встретить так восторженно. Он взволновался, даже прослезнлся, но ни одну мать не обошел внnманием. Когда, наконец, смогли двинуться дальше, он спросил негромко у Азнайбея:

— Это что же — меня за святого приняли?

— Каждый странствующий дервиш приравнивается к святым, поэтому и хотелн, чтобы ты благословил младенцев, — ответил кан-баба. Такой зачин праздника взволновал и его.

Главы родов и аулов, собравшнеся под самой старой из священных ветел, былн недовольны тем, что нх застав-

ляют долго ждать, но у них хватило ума не выказывать недовольство перед гостем. По мере приближения гостя старейшины, стоявшие кучками по два-три человека и оживленно беседовавшие меж собой, умолкали, и вскоре все встали полукругом за спиной предводителя племени. Согласно обычаю Юлиан с Азиай-беем спешились в десятке шагов от них, что произвело на встречающих благоприятное впечатление. А приветствие унгара, произнесенное чисто по-юрматынски, и вовсе растрогало их, заставило заулыбаться, одобрительно закивать, зацокать языками. Юлиан, собственно, произнес небольшую речь — о том, сколько времени ему пришлось идти, сколько трудностей преодолеть, чтобы повидаться с кровными родичами и передать привет от старейшин племени Дьярмат, которые с грустью вспоминают о прежней родине, хранят древние обычаи и древние песни, приобщая к ним молодых. Когда он кончил говорить, Таймас-бей сделал шаг вперед и, приложив руку к груди, сказал:

— Добро пожаловать, мусафир, в наш круг, будь нашим дорогим гостем! Пусть воздух наш, вода наша и гостеприимство исцелят твои телесные и душевные раны!

Не все собравшиеся у подножья Туратау имели возможность наблюдать церемонию встречи, поэтому очевидцы происходящего сообщали о том, что видят и слышат, стоящим сзади, те — дальше, и сообщения эти, переходя из уст в уста, доходили, правда, с запозданием, до самых дальних участников события.

Два егета, еле сдерживая, ввели в образованный зрителями круг впервые обузданного молодого жеребца. Конь бунтовал, вставал на дыбы, рвался на волю. Юлиан, стоявший среди старейшин, залюбовался разъяренным серым красавцем и не сразу понял, зачем его привели. Лишь после того, как жеребца повалили и Азиай-бей, сотворив перед языческим жертвоприношением краткую мусульманскую молитву, вытянул свой нож из ножен, Юлиан сообразил, что сейчас произойдет. И ужаснулся. Какую красоту загубят! Он, кажется, зажмурился. Во всяком случае, не видел, как нож вошел в шею жертвы, как под горячую струю крови подставляли посуду. Словно в полусне увидел он: ему подносят чашу, наполненную кровью. Не сознавая, что делает, Юлиан оттолкнул ее, кровь плеснулась на землю.

Кто-то рядом ахнул, кто-то воскликнул возмущенно:

— Гость отвергает высший знак уважения, оскорбляет наш обычай!

Лицо Азнай-бея побелело, но он быстро нашелся:

— Гость уступил свою долю матери — земле! Таков обычай у них. Так было когда-то и у нас...

Окружающие охотно приняли этот обман и, согнав с лиц выражения возмущения, недоумения, растерянности, закивали согласно: да-да, именно так надо понимать поступок гостя! От гурьбы старейшин весть о случившемся разошлась по толпе уже в виде похвалы унгару: гость уважил нас, споил поднесенную ему чашу крови юрматынской земле! И, можно сказать, не было в этих словах преступления против правды, ведь в душах юрматынцев еще жил Тенгри, одобрявший жертвоприношения земле, воде, дереву, птице...

Овладев собой, Юлиан старался более не поддаваться чувствам. Но перед его глазами долго еще стояло благородное животное, искренне почитаемое людьми и безжалостно лишенное жизни именно из-за почитания, — люди хотели угодить выдуманным богам, пожертвовав тем, что им самим всего дороже. Нелегко, ох нелегко было Юлиану, когда его родичи, ради встречи с которыми он претерпел столько мучений, передавали из рук в руки чашу с кровью, пригубляя ее, и кан-баба, отрезая кусочки теплой еще печени коня, угощал ими признанных батыров. Лишь начавшиеся вскоре состязания помогли ему проглотить застрявший в горле жесткий комок.

Вышли на майдан помериться силами борцы. Егеты показывали ловкость, пересаживаясь на скаку на запасных коней, состязались в стрельбе из лука, метании копья. Юлиан следил за всем этим увлеченно, а уж айтыш — состязание сказителей — заставило его забыть обо всем.

И все-таки от праздника у подножья Туратау он сохранит двойственное впечатление и в отчете о своем путешествии о башкирах напишет:

«Они — язычники, о Господе не ведают, живут, как дикие звери. Землю не возделывают, насыщаются кониной и волчьим мясом, пьют кобылье молоко и кровь. Их богатство — кони и оружие, в битвах они отважны...»

Сегодня мы находим в его записках искренние, подсказанные добрыми чувствами слова молодого дьярматинца, отправившегося искать далеких родичей, и в то же время слышим высокомерный голос монаха-доминиканца, старающегося представить жизнь по канонам католической церкви в более выгодном свете, чем всякую иную жизнь. Наверно, так было нужно — чтобы, упаси Бог, не потянуло вдруг подданных Его Величества Белы Четвертого обратно

на Урал и чтобы объяснить неудачу в попытке склонить башкир к католичеству их «дикостью». Впрочем, можем ли мы теперь совершенно точно понять слова и поступки человека, жившего семь с половиной веков тому назад? Вряд ли. Только догадки строить можем. Поэтому давайте-ка, отставив рассуждения, снова обратим взгляд к подножью Туратау.

Тут как раз назревают новые события. По праздничному майдану, оттесняя народ направо и налево, движутся вооруженные всадники. Впереди — глашатай с бунчуком.

— Дорогу послу великого кагана Угедея! — выкрикивает он.

Следующие за глашатаем армаи * подкрепляют его крик взмахами плеток, зазеваешься — могут и по спине полоснуть. Сам посол исполнен важности, выглядит каменным изваянием, посаженным в седло: и тело, и устремленный куда-то вдаль взгляд, и руки — в одной зажаты поводья, другая уперта в бок — неподвижны, лишь сабля покачивается в лад с шагом коня. Зато телохранители, прикрывающие посла и с боков, и сзади, куда как вертки, угрожающе нацеливают смертоносные острия копий то туда, то сюда.

Состязания прекратились, народ выжидающе примолк. Старейшины, тревожно переглядываясь, придвинулись к предводителю племени, на их подобревшие от кумыса и праздничных удовольствий лица набежала тень. Поскольку вызывающее поведение нежданных гостей шло вразрез с обычаями, каи-баба выступил вперед.

— Посол великого кагана желает знать, зачем собрались юрматынцы!

— А мы желаем знать, почему вы не соблюдаете извечных установлений! — выкрикнул Азнай-бей. — Почему, направляясь к священным ветлам и старейшинам племени, избрали тропу неблаговоспитанности? Того, кто своевременно не спешивается, пересаживают в седло позора! Эй, егеты!..

Майкы-бея с его армаями начали окружать верхоконные юрматынцы. Глашатая столкнули с коня. Вскинуты плетки, кое-кто схватился за рукоять сабли или уже наставил стрелу на тетиву лука. Готовую завязаться кровавую стычку предотвратил пронзительный голос татарского посла:

---

* **Армай** — воин, солдат. Слово это приобрело значение «головорез».

— Стойте! Именем кагана, величайшего из великих!.. Именем хаиа Батыя Непобедимого!.. Оглашаю фармаи!..

Спор, затеяиный каи-бабой, казалось, завершился в пользу посла — он оставался в седле. Однако Азнай-бей, стоявший на страже обычаев, ие собирался уступать, на чашу весов против наглости Майкы-бея он кинул свою находчивость.

— Пока ты не сойдешь с коня, мы — глухи! — крикиул он. — Мы — страна, с которой от имени великого кагаиа заключил соглашение сам Субудай-батыр. Следовательно, послу предписано уважать наши законы, иаши обычаи и наше слово!

А Майкы-бей кричал свое:

— Сейчас мои писари перепишут ваших егетов! Племя Юрматы ие дало в войско Батыя Непобедимого ии одиого человека!..

Войдя в раж, ои даже ударил коня каблуками, будто собрался наехать иа каи-бабу. Трудио сказать, чем бы это кончилось, если бы сухощавую фигуру старика ие заслоиил осанистый предводитель племени.

— Уважаемый Майкы-бей! — спокойио проговорил Таймас, приложив руку к груди. — Старейшины племени приглашают тебя принять участие в иашем празднике. Прошу заиять место рядом с послом Великой Уигарии...

Он сказал еще что-то, но последних его слов никто ие расслышал — вокруг поднялся шум-гам.

— Гляди-ка, угодничает!

— Вместо того, чтобы снять шкуру с этой татарской лисы!

— В омут бы их обоих!

Выкрики эти, видимо, помогли Майкы-бею трезво оценить свое положение.

— Посол Великой Унгарии, говоришь, здесь? Что же сразу мне не сказали?! — с деланой улыбкой на лице упрекиул он Таймас-бея и сполз с коня...

Еще ие остывший каи-баба, отвериувшись от татарского посла, хлопиул в ладоши. Главный судья состязаний, он же — распорядитель праздника, перевел это иа общепонятный язык.

— Подвести сюда преступника! — приказал он зычным голосом, и сиова по майдаиу прокатился волной шум-гам. Предстояло редкостиое, запоминающееся на долгие годы событие — изгнаиие из племени нарушителя его законов. Каи-бабе принесли колдовской посох...

Обряд изгнаиия, отлучеиия от племени свершается не-

пременно при большом стечении иарода — в назидание всем. Именуется он еще и обрядом очищеиия крови, а потому приурочивается к общеплемеииому празднику. В жнзни кан-бабы это был второй такой случай. Первый раз он стал участииком изгнания соплеменников еще совсем молодым. Тогда его ровесннк н ровесннца, не разделенные семью поколениямн предков, нарушнлн запрет иа женитьбу кровных родствеиников. Вспоминая о том случае, Азнайбей чувствует в душе горечь, кажется ему, что молодых можио было оправдать, да он ие иашел оправдательных доводов. На сей раз у него нет сомнений, сожалеть потом он не будет, ибо наказанню подлежит Искандер — человек, дважды преступнвший законы юрматынцев. Выпустнл стрелу в стоявшего иа шкуре Белой волчицы Беркута ои, и о караване с оружием для Бушман-бея сообщнл татарскому послу он же. Если добавить к этому, что Искандер, приговоренный к рабству, сбежал, то ии о каком снисхождении к нему речи ие может быть. Он заслужнл смерть. Однако кан-баба избрал изгнание — это пострашней смерти. На совете старейшин были возраження, ио Азнай-бей настоял на своем. И вот он стоит со страшным посохом в руке — ждет исполнения приговора.

Искандера схватили в урочище Нэтэзе, привязали к позорному столбу, и все обитатели становища, проходя мимо, плевали ему в лицо. Но он еще ие сломлен, вон как высоко держит голову. Поблескнвая белкамн глаз, мечет свирепые взгляды. Может быть, и выкрикнвал бы что-нибудь, да во рту — деревянный кляп. С этим кляпом, со скованными руками он иавсегда покинет владення племени. Кто-нибудь, возможно, даже из юрматынцев, пожалеет его и, преодолевая страх перед карой небесной, вынет кляп, освободит руки. Лишь от позорного клейма на голове никто его уже не избавит.

Вон, посаднв Искандера на чурбак, выжнгают его волосы каленым железом. Полосами, крест-накрест. Еслн даже на рубцах вырастут иовые волосы, оии будут заметно выделяться, прямо-таки кричать каждому встречиому: вот идет мерзавец, изгнаиный из своего племенн!

В воздухе стоял тошнотворный запах паленой шерстн.

По знаку Азиай-бея распорядитель праздника возвестил: отныне преступник лишается имени, даного ему канбабой, и права называться юрматынцем. Изгоняемого, прнвязав к конскому хвосту, медленно повели сквозь толпу. Вскоре весь ои с головы до ног был оплеван.

Несмотря на отвратительиость зрелища, кан-баба тор-

жествовал. Это был его праздник. Праздник, подтвердивший непоколебимость завещанных предками законов и обычаев. Праздник, показавший молодым, к чему могут привести неповиновение слову старшего, дурное поведение, уступка соблазну. Наконец, праздник, сильнее сплотивший племя, превративший его в это нелегкое время в сжатый кулак...

Постой-ка, не забывай, что Майкы-бей вознамерился взять на учет егетов племени, — испортит ведь праздник пес татарский, сказал сам себе кан-баба, и, торопливо объяснив что-то главному судье, встал на свое место среди старейшин. Майкы-бей тут же зашептал было ему на ухо: «Ты отомстил за услугу, оказанную мне!..» — но откачнулся, увидев, что кан-баба подносит руки к щекам тыльной стороной. Это значило: сейчас прозвучит проклятие — изгоняемый в довершение всего будет предан анафеме.

Произнося слова проклятия, Азнай-бей краешками глаз следил за стоявшими рядом с ним. Юлиан смотрит вниз — задумался или ничего не хочет видеть? Предводитель племени и старейшины приготовились мазнуть себя по щекам тыльной стороной рук. И вновь кан-баба торжествовал, ибо мыслями, чувствами, волей всех соплеменников в эти мгновения владел он. Его голос обрел уверенность и властную силу. Но и торжествуя, Азнай-бей с некоторым беспокойством думал о том, как повести дело дальше.

Подобные собрания обычно завершались потчеванием батыров. Народ ждет этого момента с особым нетерпением, поскольку раздача почетного угощения — юрма аши — означает, по существу, присвоение звания «батыр» егетам, отличившимся после предыдущего общеплеменного собрания. Нетерпение усиливается тем, что старейшины для вынесения решения о новых батырах удаляются в белую юрту. А там каждый старается выдвинуть вперед свою тюбу *, свой аул. Завязывается спор, и не обойтись при этом без кумыса — не промочив горло, соперников не перекричишь. Из-за кумыса «совещание» еще более затягивается, а народ ждет, волнуется.

Поначалу и на сей раз все шло обычным порядком. Кто-то, дабы возвысить своих егетов, хулил соседних, кто-то, обидевшись, даже покидал юрту и снова возвращался. Таймас-бей уже несколько раз дал понять, что пора прийти к согласию, а спор продолжался. Тем временем кан-баба, вдруг проникшись почтением к Майкы-бею, подливал обо-

* Тюба — территория, занимаемая родом.

им послам «напиток для гостей» — хмельную медовку. Юлиан, соблюдая приличие, изредка отпивал глоток-другой, а татарский посол выглахтывал до дна. Он успевал и пить, и горстями отправлять в рот выбранные из большой деревянной чаши сочные кусочки мяса, и расспрашивать Юлиана о Великой Унгарии, и следить за разговором старейшин — на все его хватало.

Наконец глава племени, потеряв терпение, взмахнул руками возле лица: хватит препираться, аминь! Все поднялись, только Майкы-бей, упершись подбородком в грудь, сладко посапывал. Старейшины, стараясь не разбудить его, тихонечко вышли из юрты и остановились в растерянности: народ почти весь разъехался. Подбежал распорядитель праздника, принялся объяснять: так, мол, и так, прошел слух, что с севера идет какое-то войско, и дальние аулы заторопились, разъехались по своим кочевьям, за ними потянулись и остальные, поэтому потчевания батыров не будет, не получится...

— Это еще что такое? Что предпримем? — Предводитель племени вопросительно взглянул на кан-бабу.

Азиан-бей пожевал губы, почесал затылок.

— Разъехались, так... Не посылать же за каждым гонца. Может, оно и к лучшему...

— Ну-ну, договаривай!

Сзади послышался смех. В дверном проеме юрты стоял Майкы-бей.

— Я так и знал! Ах ты, старый хитрец! — проговорил он, погрозив Азиан-бею пальцем. — Не дал, значит, переписать егетов? Только я ведь хитрей тебя. Мне давно известно, сколько егетов в каждом из ваших аулов. Все учтено и записано. Сегодня я просто так.. чтобы испытать вас..

— Иблис ты!

— Кто я — ты еще увидишь. Жди, навещу тебя. Вот и с послом Великой Унгарии потолкуем не спеша, — кивнул Майкы-бей на Юлиана и — хозяйским тоном Таймасу: — Коня мне! Надо догнать Искандера. Такие люди ныне — дороже сокровищ. Он должен показать мне, где вы железо выплавляете...

— Смерть Майкы-бею! — закричал кан-баба.

Майкы-бей опять засмеялся.

— Руки коротки! Послы неприкосновенны!

— Послы неприкосновенны... — повторил Таймас и руками развел: что, дескать, тут поделаешь.

9

Нередко человека, достигшего цели ценой неимоверных усилий, поражает своего рода недуг — у него начинается головокружение от успеха, душа теряет зоркость, слепнет. Лишь тот, кто обладает жизненным опытом, не подвержен этому недугу. А Юлиан был молод. Почести, оказанные юрматынцами, вскружили ему голову, он почувствовал себя полномочным послом короля Белы Четвертого и даже самого папы римского.

Многое возвышало молодого монаха в его собственном мнении. К юрте, где его поселили, началось паломничество. Одни хотели просто посмотреть на гостя из далекой страны, другие — расспросить, как там, на Дунае, живут-поживают их соплеменники. Вечерами у его юрты собиралась молодежь. Певчие птахи, свившие гнезда в душе Юлиана, предстали здесь в облике кураистов и певцов, мир, дотоле существовавший в преданиях, обернулся явью, и Юлиан, купаясь в море радушия, смотрел на этот мир затуманеным взором.

Всевидящие небеса должны были предостеречь его от чрезмерной раскованности, от самонадеянности. Гостеприимство — не только свойство доброжелательного сердца, но и средство, с помощью которого частенько вызнают тайные мысли гостя, особенности его характера, поведения, — словом, выясняют, каков он на самом деле. Неспроста Азнай-бей с самого начала не спускал глаз с монаха, хотя, в общем-то, каждый, кто стоит на страже своей веры, делал бы то же самое.

Возможно, небеса и предостерегали Юлиана, но он не услышал.

Наведывались к нему люди и из соседних племен, каждый — со своей овцой для забоя, со своим кумысом и прочими угощениями, так что в ауле Азнай-бея царило оживление. Беседы с Юлианом начинались, как правило, с ухода унгаров из Приуралья, перекидывались на их нынешнее житье-бытье, а затем — и на другие страны. Удивляла слушателей и многочисленность народов, говорящих на разных языках, и то, что большинство из них не кочует, а живет постоянно в одних и тех же местах в каменных домах, и то, что они воюют между собой из-за нехватки земли. А уж узнав о том, что воины в западных странах носят железные одежды и коней своих оковывают железом же или еще о чем-нибудь в таком же роде, слушатели приходили в полное изумление.

Старики заглядывали к нему днем, вопросы задавали заковыристые.

— Вот не совсем мне понятно... — скажет, кашлянув для прочистки горла, кто-нибудь из седобородых. — В тех краях, говоришь, земли не хватает, и правители, говоришь, там злые. Как же они допустили унгаров в свои владения и как вас до сих пор не прогнали оттуда? Или мужчины у вас такие отчаянные и так много вас стало, что не прогнать?

— Унгары и ушедшие с ними юрматынцы укоренились во владениях родственного племени Бурзян. Может быть, сами же бурзянцы наших предков и позвали. Теперь это — наши земли, и с Божьей помощью мы оберегаем их. Господь милостлив к нам, — отвечает Юлиан и делает попытку объяснить, что веруют-то они в Бога истинного, всемогущего, но его прерывают.

— Погоди, гость! Про каких бурзянцев ты толкуешь? Они же тут живут, бок о бок с нами!

— Должно быть, часть из них ушла на запад еще до унгаров. Живут они и на Дунае, и дальше — в стране франков, в местности, именуемой Бургундией.

— Гляди-ка ты!..

Разговор со стариками далее этого не заходит.

На вечерние посиделки приходят егеты даже из соседних аулов. Без стариков молодежь держится непринужденно, ни соленые шуточки, ни громкий смех не возбраняются. Находятся охотники и на курае сыграть, и спеть, и сплясать. Потом слово за слово — завязывается беседа. Тут как раз можно поговорить и о вере.

Повод для такого разговора сам собой подвернулся. Один из егетов, слушавших Юлиана разинув рты, спросил:

— Ты говоришь, есть каменные дома, возвышающиеся до небес. А кто в таких домах живет? Падишахи?

— Нет, в них никто не живет. Люди сходятся там, чтобы вместе помолиться Богу. Везде, где веруют в истинного Бога, построены очень высокие, устремленные в небо каменные здания — Божьи храмы.

Егеты примолкли. Пытались, должно быть, представить себе эти храмы и сравнивали то, что возникло в их воображении, с юртами Азнай-бея и аульных мулл, где старики творят праздничные молитвы.

— Похоже на сказку, — проговорил кто-то задумчиво.

— И на правду похоже. Торговые люди рассказывали — в стольном Буляре тоже стоят мечети, подпирающие небо.

— А возьми дворец хана Акташа на Туратау!
— Ну, тут только гора высокая.
— А почему бы и у нас не построить, а?
— Хе, тоже мне — придумал! Это сколько же камня и сколько народу надо, чтобы — до небес!.. И где умельцев найдешь?
— Господь сам помогает людям возводить храмы, наделяет рабов своих пониманием красоты, — сказал Юлиан, положив этим конец спору. И добавил: — Тому, кто пожелает, я покажу знак, приближающий человека к истинному Богу...

Егеты опять примолкли. Почему-то не до шуток, не до веселья стало им. Все вдруг заторопились и разошлись. А может быть, Юлиану только показалось, что заторопились.

На следующий день он с нетерпением ждал вечера. Встречаясь днем с Азнай-беем и его сыновьями, внутренне напрягался: не дошло ли до них, о чем он вчера беседовал с егетами? Нет, никто ни слова об этом не обронил. На закате солнца Юлиан сидел у своей юрты в ожидании вчерашних собеседников. Может быть, сегодня они попросят: «Расскажи об истинном Боге!»

Никого не дождался.

Уже темнело, когда Юлиан, недоумевая, направился в сторону белой юрты Азнай-бея. Остановился, услышав, что кто-то идет навстречу.

Это была Газиля.

Азнай-бей приставил ее к гостю, чтобы есть-пить ему готовила и прибирала в юрте. Красивая девушка! Как глянет, вскинув длинные ресницы, — и молоденький егет, и зрелый мужчина может голову потерять. Черная, в руку толщиной, коса змеится, прилегая к стройному стану. Небольшой аккуратный рот и слегка приплюснутый нос словно бы специально для ее лица придуманы, поставленным чуть наискось дужкам бровей только что народившийся месяц позавидует.

Юлиан почти не разговаривал со своей служанкой — и без того ему было трудно. Даже просто увидев ее, он чувствовал томление и тут же вспоминал о своем монашестве. Правда, его орден в силу своей воинственности и суровости во всем остальном в части плотских утех допускал послабления. Юлиан знал: мало кто из братьев-доминиканцев не побывал в женских объятиях. Но сам он принадлежал к меньшинству, сохранявшему верность монашескому обету.

Было бы лучше, если б о нем заботился кто-нибудь из

егетов. Он попробовал объяснить это Азнай-бею. Тот мягко отвел возражения против услуг Газили:

— У каждой страны — свои обычаи. У нас о мужчинах заботятся женщины. Поручить женскую работу мужчине — все равно, что оскорбить его.

Пришлось смириться. В конце концов, можно, оказывается, привыкнуть к присутствию девушки, к звучанию ее голоса. Надо только отгонять грешные мысли молитвою.

— Меня ага послали, — сообщила с ходу Газиля. — Велели передать, чтоб ты был осторожен. Искандера близ становища заметили.

— Какого Искандера?

— Ну, которого изгнали из племени.

— Ах, да!.. Так он что — всех перепугал? Куда егеты подевались?

— Егеты-то? Кто не в дозоре, собрались сегодня у речки.

— Отведи меня туда!

— Нет, нельзя мне... Вон костер горит, видишь?.. Постой, а Искандер?

— Ничего, не съест же!

В словах Юлиана было больше молодчества, чем здравого смысла. Монах ты или не монах — молодость все-таки берет свое: расфуфырился унгар перед Газилей, вот, дескать, какой я храбрый. Пошагал в сторону костра с видом батыра, готового к схватке. То ли услышав его шаги, то ли по какой-то другой причине в становище всполошились собаки. Юлиан остановился, вздрогнув, постоял, прислушиваясь к лаю.

Не успел он дойти до речки, как костер вдруг погас. По доносившимся из темноты голосам Юлиан определил, что молодежь быстро расходится. Это неожиданное обстоятельство вновь остановило его и встревожило. Не зная, что и подумать, он повернул обратно. Нащупал спрятанный под одеждой нож брата Герарда и немного успокоился. Но взамен тревоги нахлынули невеселые мысли.

Почему сегодня к нему не пришли? Случайность это, или он напугал егетов обещанием показать знак, приближающий к истинному Богу? (Юлиан имел в виду крест). Или же донесли об этом кан-бабе, но старый хитрец решил пока помолчать? Ну и пусть хитрит. В споре о вере Юлиан все-таки возьмет верх над ним. Конечно, Азнай-бей может изгнать его из становища, даже из владений юрматынцев. Придется тогда искать пристанище в другом племени, но

неизвестно, как там к нему отнесутся. Да и начинать все заново времени у него уже нет. Надо, надо удержаться здесь. И добиться своего!..

— Эй, унгар!

Святая Мария! Кто-то следует за ним! Друг? В голосе нет злобы, враждебности. Все же Юлиан выхватил нож.

— Кто это?

— Не бойся, не трону. Есть разговор...

— Слушаю.

— Не здесь... Здесь опасно...

— Ты — Искандер?

— Он самый. Выходит, знаешь меня... Укроешь до утра в своей юрте?

Юлиан чуть помедлил с ответом.

— Помочь попавшему в беду — мой христианский долг. Идем!

— Я — следом. Посмотри, нет ли там кого...

Предосторожность оказалась не лишней. Подходя к юрте, Юлиан услышал приглушенные голоса. Открыв дверь, увидел: в юрте зажжена сальная свеча, на кошме, поджав под себя ноги, сидит Каранай с двумя егетами, рядом лежат дубинки, лучное снаряжение.

— Заждались мы тебя, гость, уже забеспокоились, — Каранай поднялся, егеты тоже вскочили на ноги. — Разве Газиля ничего тебе не говорила?

— Говорила. Но мне захотелось посидеть с молодыми, пошел к речке...

— И мы там побывали, — усмехнулся Каранай. — Разогнали их и решили попутно тебя проведать.

— Спасибо!

— Ладно, у нас хлопот сегодня много, и тебе надо отдохнуть, — Каранай направился к выходу. Он еще заметно прихрамывал. Обернувшись у порога, посоветовал: — Оружие, гость, держи под рукой. Может понадобиться...

— Не стоило бы обо мне беспокоиться.

— Так надо, гость.

Выждав некоторое время после их ухода, в юрту бесшумно вошел Искандер. Лицо у него припухло — мошкара искусала, на голову повязан платок, одежда измазюкана — в тине, в зеленых пятнах от травы. А взгляд открытый, держит себя уверенно и улыбаться не разучился.

— Давеча мы начали знакомиться, — сказал он вполголоса, протягивая обе руки для пожатия, — а теперь давай так... Кинь мне что-нибудь подложить под голову, я у

двери лягу. Знал бы кто, как я устал! Будто собакамн зайца травят!.. Свечу погаси. Эти ведь, наверно, не вернутся?

— Никто до рассвета сюда не придет. Ложнсь, спи.

— Нет, сперва поговорим немного. Спросить хочу... — Искандер приглушил голос, как бы предложнл разговаривать шепотом.

— Я люблю разговаривать, — сказал Юлиан, укладываясь в темноте в постель. — Спрашивай. Что тебя интересует?

— Скажи, может ли твой Бог помочь таким, как я? Лишенным жены, детей, потерявшим все? — Шепот Искандера теперь походил иа яростное шипеиие. — Может лн обуздать злодеев вроде Азнай-бея? — Виднмо, почувствовав, что перестает владеть собой, нежданный собеседник Юлиана помолчал. — Если убедишь, что твой Бог — самый справедливый и впрямь всемогущий, я — твой помощник.

— В чем?

— В обращении других в твою веру.

Юлиаи заволновался. Выходит, этот человек каким-то образом узнал, о чем он, Юлиан, беседовал с егетами. И в поисках справедливости обращается к нему. А через иего — к Спасителю. Хоть и не зиает, что Сын Божий пришел в мир как раз для защиты и утешення униженных и гоиимых...

Монах принялся объяснять это Искандеру, и, возбудившись, то садился в постели, то снова ложился. А говоря о том, что Инсус Христос дал людям иаказ жить по законам любви, что этим законам должны следовать и царь, и раб, Юлиан вовсе вскочил и засновал в темноте по юрте туда-сюда.

— Ты пообещал егетам показать волшебный знак. Когда покажешь? — спросил Искандер.

Юлиан смутился, и пыл у него сразу пропал. С обещаиием, кажется, вышла промашка — вон как его слова поиялн! Чуда ждут! А чуда не будет. Он покажет крест, и люди разочаруются...

— Их еще иадо подготовить к этому, егетов-то, — промямлил Юлиан. — Испугались оин вроде...

— Мои егеты не испугаются, — заверил Искандер. — Я ведь ие один теперь, ватагу собрал. Обиженных в этом мире хватает. Сведу тебя с ними — знак покажешь и про Ису расскажешь, как мне рассказал...

Они замолчали, оба ушли в свои думы. И в ночную тншину надо было вслушаться, каждый шорох в ней о многом говорит. Долго лежали в молчаиии. Искаидер да-

же пару раз всхрапнул — казалось, заснул, но нет, не спал, а может, успел уже заснуть и проснулся.

— Ты, унгар, будь осторожен с этой девкой, с Газилей, — сказал он вдруг. — Она — человек коварного Азная.

— Я знаю, что она — служанка Азнай-бея.

— Ха, служанка! Ты спроси, как она прислуживает...

То, что несколько путано объяснил Искандер, для Юлиана явилось большой новостью. Оказывается, в здешних краях в каждом ауле есть женщины, которые обучают подростков... совокуплению. Известно, подросток, вступая в юношеский возраст, испытывает немалые трудности. Тут и томление плоти, и незнание, и робость перед женщиной. Иной сам начинает тешить свою плоть, а то и мелкой скотиной может увлечься. Из-за этого слабеет, даже хворь наживает. «Учительница» избавляет подростка от неприятностей.

Все это само по себе было бы интересно, для монаха — тем более, но речь ведь шла о Газиле. Она, оказалось, должна «обучать» сыновей беев, потому и живет при кан-бабе.

Юлиана будто кипятком ошпарило. Услышанное он тут же отнес к вызывающим сожаление сторонам жизни юрматынцев, к их дикости, потом начал прикидывать, сколько в сообщении Искандера может быть правды, сколько вымысла. Ни к чему не пришел — сон сморил его. Проснулся рано, однако Искандер уже успел уйти.

Весь этот день Юлиан провел в тягостном беспокойстве, в предчувствии неясной опасности. Каждый всадник, появлявшийся на улице, казалось, направлялся к нему с вызовом к кан-бабе или предводителю племени. Когда пришла Газиля, чтобы прибрать в юрте, он сразу вышел — боялся обидеть ее осуждающим взглядом или словом. Любой шум, крик, донесшийся издали, настораживал его, мнилось, что начинается облава на Искандера, что вот-вот его схватят, приволокут в становище. Ладно еще посетители не надоедали — не было желания встречаться, разговаривать. Каранай привел двух проезжих бурзяицев, но Юлиан намекнул на головную боль, и этого оказалось достаточным, чтобы они, извинившись, ушли.

Оставшись в полном одиночестве, Юлиан погрузился в еще большее душевное смятение. Скорей бы наступил вечер, думал он и в то же время опасался, что вечером нагрянет молодежь, отпугнет Искандера. Пожалуй, убедить Искандера и его егетов в преимуществах христианской

веры будет проще, чем других. Только вот даже нательных крестиков для иовообращеииых нет, ие говоря уж о Библии.

Юлиану пришла в голову мысль вырезать деревянные крестики. Ои подточил нож, нашел в дровах прямое полешко, принялся расщеплять его. Увлекшись работой, успокоился, иамычал мелодию, знакомую с детства и, к великой его радости, известиую и юрматыицам. Вновь и виовь иапевая ее себе под иос, ои не услышал, как в юрту вошла Газиля.

— Дядечка, я замечаю, любит эту песию, а слов не знает. Подсказать? — спросила девушка. Негромко спросила, но для Юлиана ее голос прозвучал громом с ясного неба.

— А?.. Потом, потом! — засуетился он, стараясь прикрыть наготовлеиные дощечки.

— Я помешала?

— Впредь, пожалуйста, прежде чем войти, постучись в дверь!

— Я поесть прииесла.

— Спасибо, оставь там и иди к себе, я попозже поем...

...Искаидер пришел около полуиочи, с иим — еще трое.

— Свечу ие зажигай, — предупредил Искандер. — Мы скоро уйдем. Вот товарищей своих привел с тобой знакомить. Коль убедишь, и оии примут твою веру. Мы ляжем, а ты рассказывай про Ису. Что он может?

— Все! — воодушевился Юлиан. — Если захочет, так, скажем, и солице может остаиовить.

— Солице остаиовить... Ну, это иам ие иадо. А вот несущееся во весь опор войско остаиовить он в силах?

— И это для иего ничего не стоит, только надо попросить его от чистого сердца...

Юлиаи пересказал несколько еваигельских историй о чудесах, сотвореиных Иисусом Христом. Слушали его внимательио.

— Покажи теперь зиак! — потребовал Искандер.

Что делать? Вспомнилось Юлиану, как в Таманторгане Азнай-бей и его егеты шарахиулись прочь от святого креста. Как поведут себя эти?

Пришлось все-таки высечь огоиь, засветить свечу. Молча показал большой нагрудиый крест. Искаидер взял его в руку, прииялся разглядывать, то приближая к глазам, то отдаляя. Вокруг креста, когда пламя свечи заслонялось им, возникало легкое сиянне, это особеино заинтересовало

Искандера и навело на какую-то мысль: он удовлетворенно хмыкнул...

Спустя после этого несколько дней с армаями хана Акташа, обиравшими народ под предлогом сбора податей, приключилось нечто небывалое. Переправив набранный скот и повозки со всяким добром на правый берег Ак-Идели, армаи расположились на ночлег. Когда стемнело, неподалеку от них вдруг возник огромный пылающий крест. Заунывно напевая на каком-то чужестранном языке, крест направился к их стоянке. Вдобавок на остолбеневших с испугу армаев из темноты полетели пылающие стрелы. Мало этого — раздался жуткий медвежий рев. «Сам Иблис!» — вскрикнул кто-то, и этого хватило, чтобы ошалевшие со страху «батыры хана» кинулись врассыпную. Пылающий крест бросался то в одну, то в другую сторону, преследуя отставших, не оставляя беднягам возможности не то что остановиться и собраться с мыслями, а даже оглянуться назад. Наутро обнаружилось, что обоз и собранный скот бесследно исчезли.

Весть о загадочном происшествии разнеслась по кочевьям если не с быстротой молнии, то по меньшей мере со скоростью, на какую способны кони, и вызвало оживленные толки. Одни рассматривали случившееся как предостережение Аллаха престарелому хану за чинимые им несправедливости, другие, напротив, склонны были отнести его к проискам Иблиса. Прошел слух, что на месте происшествия по требованию, якобы, самого хана Акташа собрались муллы и сотворили молитвы против нечистой силы. Юлиану обо всем этом рассказал, посмеиваясь, Искандер. Он пришел, как повелось, около полуночи, на сей раз один.

— Неплохая вещь твой святой крест! — рассуждал Искандер развязно. — Еще бы и этого старого хрыча, Азнай-бея, ткнуть носом в собственное дерьмо!..

Юлиан осуждающе покачал головой, но сообразив, что в темноте его осуждение осталось, конечно же, незамеченным, сказал:

— Я — гость бея, отвечать на добро злом моя вера запрещает. И вообще участвовать в твоих темных делах я не могу.

— Смог же!

— Согрешил я...

— Ладно, что будет дальше — там увидим, а пока наготовь крестиков. Моим они приглянулись.

— Мало повесить на шею крестик. Я должен научить вас креститься, творить христианские молитвы...

— Успеется!..

Юлиан, поколебавшись, отдал Искандеру готовые крестики и, когда тот ушел, предался мрачным думам. «Кто я теперь?» — спросил он себя. Он отправился в путешествие с благой целью отыскать далеких родичей и, коль понадобится, помочь им выбраться из тьмы невежества к свету христианского вероучения. Чувствовал себя послом своей страны и католической церкви, а кем стал? Помощником подозрительных людей, честно сказать — разбойников. Слов нет, Искандер — жертва несправедливости, дикости. Его сообщники тоже, наверно, из обиженных судьбой. Но все равно они пока что — слуги зла. Крест понадобился им не для внутреннего очищения и укрепления духа, а для злодеяний. Значит, не нашел Юлиан верного подхода к заблудшим душам. Значит, не передалась ему и малая толика от тех качеств, которыми обладали великие проповедники, распространившие христианство на добрую половину мира, — от клокочущей страстности Иоана Крестителя, неотразимого красноречия апостола Петра, самоотверженности и отваги святого Доминика... Пресвятая мать Мария, вразуми, дай совет, как быть, что делать при сложившихся ныне обстоятельствах! Господи Исусе! Милость твоя безгранична, наодели раба твоего, пришедшего сюда из дальней дали со словом твоим, умением убеждать! Услышь своего последователя и ты, святой Доминик!..

Размышления Юлиана превратились в горячую мольбу, обращение к небесам переполнило его душу, лицо его и грудь оросились слезами, но как ни просил озарения, как ни старался, не придумал он средства для завоевания сердец поклоняющихся ложным богам юрматынцев.

Согрешил он, согрешил, потому и отвергаются его мольбы на небесах! Юлиан посидел, закрыв лицо руками, и сам на себя наложил епитимью: он не будет ни есть, ни пить, будет денно и нощно, стоя на коленях, замаливать свой грех, пока божественный глас не возвестит о прощении.

Исполняя собственный приговор, Юлиан старался ничего не видеть, ничего не слышать, полностью отрешиться от происходящего вокруг него. Странная перемена в поведении унгара вызвала в становище удивление, затем озабоченность. Приходили в юрту люди, шептались у него за спиной, кто-то окликал, кто-то теребил, взяв за плечо, — он бросал коротко: «Уйди, дьявол!» — и продолжал молиться.

Длилось это несколько дней. Юлиан потерял счет времени и в конце концов в самом деле перестал видеть и

слышать — упал в обморок. Очнулся оттого, что на лицо лилась вода. Он полулежал иа колеиях Газили, девушка, поскуливая и всхлипывая, пыталась напоить его.

Юлиан, второпях захлебываясь, выпил поднесенную в большом деревяниом ковше воду и сиова закрыл глаза. Всхлипываиия тут же прекратились, и Юлиаи поплыл, поплыл куда-то, покачиваясь на волнах блаженства. Ба, да ои же лежит в колыбели! Нет, ие в колыбели, — это мать, прижав к груди, осторожио качает его. Но как же он, отправившись в далекий путь по важному делу, очутился в детстве, как из племени Юрматы попал иа берег Дуиая?

Может быть, вопрос, возникший в полусне — полуяви, и ие заставил бы Юлиаиа испугаиио открыть глаза и вскочить иа иоги. Но его приподияли, оторвали от волн блажеиства. Опять Газиля! Куда оиа его тащит?

— Ой, разбудила! — огорчнлась девушка. — Хотела в постель уложнть...

Услышав ее голос, Юлиаи окоичательио пришел в себя и ужасиулся. Он, монах, — в объятнях девки! Не успел вымолить прощеиие за один грех, как впал в другой! Очиститься от него ои сможет, лишь совершив духовиый подвиг во имя святой церкви! Скорей, скорей, прочь от Сатаиы, принявшего облик красавицы!..

Газиля еле успела ухватить его за полу.

— Куда? Три дня не ел!..

Юлиаи оттолкнул ее и кииулся к двери.

Немиого погодя у Селеука подиялся шум-крик. Оказалось, обезумевший уигар наткнулся иа купающихся ребятишек и пытался окрестить их. Ребятишки, испугавшись, начали разбегаться. Уигар с крестом в руке гонялся за ними. На шум набежали взрослые, связали гостя, отвели в юрту. Сообщнли о случившемся Азиай-бею.

Обмотаниый веревкой Юлнан корчился иа кошме и никого не узнавал. Кан-баба, понаблюдав за ним, сказал собравшимся в юрте:

— Гость иездоров. На чужой стороне такое может случиться с каждым. Каранай, напоишь его отваром дурмаиа с медом. Пусть поспнт. Выздоровеет.

— Наверно, и армаев хана Акаша он... — начал было один из связавших Юлиана мужчин, но Азнай-бей прервал его.

— Нет, не ои! И сегодия на Селеуке ничего ие случилось. Слышите? Родителей тех детишек тоже предупредите: иичего не было!

Азнай-бей жестом велел всем выйти, оставив лишь Газилю. И сказал ей негромко:

— Надо убавить мужскую силу гостя, иначе еще что-нибудь натворит. Она, мужская сила, бесится в нем.

10

Осмыслим рассказанное.

Если ты терпеливо сносишь трудности, не отчаиваешься, столкнувшись с препятствиями, не забываешь, испытывая горечь и боль, о конечной цели, дорога, как бы трудна ни была она, приведет тебя туда, куда ты стремился. Такую вот мысль можно вывести из записок монаха Юлиана о совершенном им путешествии от Дуная до Урала. Первопроходцы подают любителям дорог пример упорства, потому и вечно уважение к ним.

Дороги порождены тяготением человека к человеку. И в тех случаях, когда человек вовсе не думал об этом, а вооружался посохом странника ради познания непознанного, ради утоления жажды открытий, он служил человеческому общению. Пусть даже кто-то отправлялся в путешествие просто из желания снискать себе славу — плоды его успеха вкушали и другие. Лишь от тех, кого водят под руку злоба и коварство, предостерегает нас история.

Много на белом свете дорог, проторенных из добрых побуждений, хотя и натоптанных со злым умыслом предостаточно. Дорог много, только почему не ведут они к единению людей? Злодеи — те сходятся быстро, правда, ненадолго, — отчего же медлят люди добрые, что отчуждает их друг от друга? Наверно, вот что: у каждого — свой взгляд на мир, своя правда, и каждый, оберегая эту правду от посягательств со стороны, в то же время старается навязать ее другим. Разве не проявилось это в мечте Юлиана обратить юрматынцев и остальных башкир в католическую веру? И Азнай-бей, устроив праздник в честь гостя, по существу сказал: вот наши законы и обычаи, так мы живем, иное нам не нужно.

У Юлиана — одна правда, у Азная — вторая, у Бушмана — третья... Только великий Кулгали, видя причину разобщенности людей с благими в общем-то устремлениями в их закоренелых привычках и пристрастиях, считает необходимым подняться выше многочисленных правд, старается внушить это окружающим, чем и выделяется среди своих современников. Если Юлиан мечтает объединить людей на почве единой религии, то Кулгали понимает, что

путь к такому объединению чрезвычайно долог, даже вовсе нереален. Уже сейчас, без оттяжек, ради победы над татарами, угрожающими всему миру, оказавшиеся в опасности страны и народы должны забыть о различиях в верованиях, прекратить извечные споры из-за земли и воды, положить конец распрям из-за уязвленных самолюбий — таковы требования поэта. К сожалению, он одинок и не до всех его голос доходит. Он, впрочем, находит единомышленников, подхватывающих его призывы. Бушман-бей обратился к русским князьям с предложением бороться с общим врагом сообща, но что из этого вышло? Не нашли общего языка, не смогли уйти от противопоставления своих интересов. Может быть, кое-кого убаюкивала мысль: ничего страшного не случится, татары ведь тоже — люди. Называйте это как хотите — беспечностью, надеждой на авось...

Тут вроде бы самое место высказать кое-какие соображения о пагубности надежды на авось — многие беды начинаются с нее, но, пожалуй, хватит пока рассуждений. Аркан, говорят, хорош длинный, а речь — короткая. Проводим-ка лучше достославного Кулгали до дворца эмира, мы ведь расстались с поэтом, когда он поспешил в Буляр.

Уже в пределах Великого Булгара стал он обгонять вооруженных кто чем людей. Шагали они в сторону столицы и поодиночке, и ватагами. Это были преимущественно ремесленники и землепашцы. Попадались и всадники, одетые побогаче и вооруженные получше, — белая кость. Кулгали справился у двух-трех путников, куда и зачем они идут. Эмир позвал в войско, отвечали ему. Благодарение Всевышнему, при дворе, кажется, взялись за ум, намерены защитить страну, порадовался поэт.

Его самого, когда остановились покормить коней, нагнал один из гонцов, разосланных с фарманом эмира о призыве в войско. Гонец, оказалось, знал автора поэмы о Прекрасном Юсуфе в лицо, — поприветствовал его, охотно принял приглашение подкрепиться и в доверительной беседе решился поделиться тем, что было ему известно о дворцовых делах. В Буляр вторично прибыл посол от татар и подтвердил прежние требования: эмир Ильхам, дабы избежать кровопролития, должен признать Батыя Непобедимого своим повелителем, впустить его воинов в города Великого Булгара без сопротивления. Эмир поинтересовался, как же будут именоваться он, его жены и дети под властью татар. Точно такой же вопрос волновал везира: кем он станет? Ответы посла их не удовлетворили,

поэтому сейчас собирают войско — хотят добиться каких-то уступок...

— Татарское войско подобно степному палу. Когда горит степь, огонь можно остановить только встречным палом, — заметил Кулгали. — Уже не секрет, что хан Батый принял решение растоптать наше государство, он в любом случае кинет правое крыло своих войск на Великий Булгар. Татары наводят переправы через Яик...

— Если нет сомнений в достоверности этих сведений...— начал гонец, но не высказав мысль до конца, вскочил на ноги. — Такие вести не терпят промедлений! Может, вместе поскачем? Сам и сообщишь там...

— Для того и спешу в Буляр. Надо, коли так, попрощаться с моими провожатыми — юрматынскими егетами...

В Буляре Кулгали заехал домой, помылся и переоделся. Для серьезного разговора и вид нужен соответствующий.

Надо думать, гонец известил кого нужно о намерении поэта прибыть во дворец эмира с неотложным сообщением — посмотрите-ка, как подобострастно кланяются ему дворцовые привратники! А что за важный господин стоит на высоком крыльце? Уж не сам ли хранитель дверей эмира (по-нынешнему — заведующий приемной) вышел встречать его? Нас этот господин, пожалуй, дальше крыльца не пустит. Что ж, перенесемся в иные края, взглянем на ставку хана Батыя.

Девятихвостый бунчук верховного сардара монголов и татар пока что трепещет на прежнем месте. Возле шелкового шатра, опершись на копья, застыли туленгеты — гвардейцы Непобедимого. Больше никого поблизости не видно. Костры, разложенные у входа в шатер для очищения пламенем допускаемых к сардару, не пылают, а лишь слегка дымятся. Батый Саин отдыхает. Тишина и покой царят вокруг. Если из главной ставки отправиться в какую-нибудь из менее значительных ставок, в степи можно увидеть лишь табуны мирно щиплющих траву коней. В поведении и разговорах пастухов нет ничего особенного. Впрочем, кони, сытые, гладкие — шерсть на боках лоснится — наводят на мысль: они подготовлены к походу.

А вон там, за леском — видите? — и подтверждение этой мысли. К основным силам уже охваченного нетерпением войска подтягиваются новые тумены. Лица воинов — в пыли, кони — в поту. Неутомимый Субудай встречает их, сидя на саврасом жеребце, указывает плеткой, где кому встать. Он ждал возвращения войска, посланного в

страну «красиоголовых», — так иазывают здесь персов, — связывал с этим начало похода иа запад. Если это — тумены, которых ои ждал, то...

Обманчива тишина в окрестностях Сыгнака!

Часть третья

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

I

— Извиии, дорогой гость, ие смог я встретить тебя у входа. Нездоровится мне... — Азнай-бей приподнялся с тюфяка, и старшая его жеиа, взяв две подушки, одиу подсунула под спииу мужа, другую положила иа кошму — для гостя. Бей жестом пригласил Юлиаиа сесть. — Я получил важиое известие, поэтому велел позвать тебя...

Юлиан, выразив кивком готовиость слушать, опустился на подушку, вытянув ноги, устраиваясь поудобией.

— Бушман-бей прислал Беркута, — продолжал каи-баба. — К устью Сакмара стягивается булгарское войско — об этом и сообщает Бушмаи. Против кого булгары выступили — ясиее всего. Значит, предстоит рядом с иами большое кровопролитие. Буря может разметать и здешиие аулы...

— Да-а, дела! Юрматыицам не позавидуешь!

Каи-баба поморщился. Не для того он позвал унгара, чтобы тот сыпал соль иа рану. Дела действительио ие из веселых.

Майкы-бей добился-таки своего: сбив две сотии, увел часть юрматыиских егетов в Батыево войско. Не отдали бы, да Майкы-бей пригрозил: не упрямьтесь, а то кое-где могут узнать, что башкорты приютили меркетиицев — как бы тогда вся ваша страиа ие заполыхала! Пришлось прикусить языки. Вот ведь, есть мастера обращать доброе дело во зло. Шепоток прошел по юрматынским кочевьям: состарился каи-баба, что ии сделает — нам в урои... Тем временем хаи Акташ, вериувшийся иа Туратау, иачал вызывать к себе предводителей окрестиых племеи. Хоть Азнай-бей ие предводитель, вызвал и его — вспомиил об осенней встрече, а ие вспомиил, так, иаверио, иапомиили. Первым делом хаи потребовал отчета: где пропадал прошлым летом, куда делся Гильмаи-батыр? Потом вдруг приказал выставить в ближайшие дни три сотии юрматынцев, хорошо вооружив их и снабдив съестным иа две недели. Бэй-

бэй, удивился кан-баба, так ведь наших егетов увел Майкы-бей! Хаи распалился: почему повинуетесь этому псу, вы совершили преступлеине против великого эмира Ильхама, а за преступлеине... Тут бы Азиай-бею промолчать, низко склонив голову, а он ие стерпел, сказал:

— Как же это получается? То ешь-пей из одной посуды с Майкы-беем, то исполняй фарман из стольного Буляра. Не поинмаю!

— Ах, не поинмаешь?! — взвился хаи. — Эй, хранитель двери! Позови охраиииков, пусть объясият этому старому мерину, что пререкаться с хаиом Акташем ие положено! Двадцать плетей! Надо бы всыпать за дурость побольше, да помрет еще!..

Всыпали. Привязав к столбу. Посмеиваясь.

Увезлн каи-бабу домой, положив в повозку иичком. Не успели еще довезти, а весть о случившемся уже разлетелась по юрматынским аулам. Разъярилось племя: коичать хана Акташа, со всемн его прихлебалами под корень подсечь, чтоб ие воияло тут! Пришлось Азиай-бею посадить своих людей на коней, разослать во все стороиы, дабы разъясинли: нельзя сейчас, не время — Акташ вериулся с подкреплением нз Великого Булгара, потому н распетушился... Словом, удалось предотвратить резию, в которой могло пострадать само племя.

Боль телесную сиадобья снялн, исполосоваииая плетьми спииа, можно сказать, зажила. Хворал Азнай-бей скорей от унижения, оттого, что душа кровоточила. Когда армаи Акташа прииялись сгоиять в хаиское войско мужчин, способных держать оружие, кан-баба, стиснув зубы, молчал. Только тем, кого взяли из аула, ои дал иаказ: пусть все юрматынцы сбегут к Бушмаи-бею. Наказ этот довели н до егетов, которых увел Майкы-бей. Сумелн онн сбежать и отыскать кипчакского предводителя, иет ли — пока неизвестно. Неизвестность эта тоже надрывала сердце.

— Егеты иашн оказались н на той, и на этой стороне. Беда, коль им придется воевать друг против друга, — сказал Азиай-бей, чтобы как-то отозваться иа слова Юлнаиа, и перешел к главиому, из-за чего и велел позвать его. — Как думаешь, пнсьма, послаииые тобой, дойдут до твоей страны?

После праздинка у подиожья Туратау Юлиаи несколько дней ходил задумчивый. Помимо тех переговоров в степи, был у иего еще однн разговор с Майкы-беем, и подтвердилось иамерение татар иапоить коней из Дуиая. Ои стал обиняками выясиять, нет ли возможностн послать весть в

Великую Унгарию, а потом и прямо сказал Азнай-бею, что должен известить своего короля о грозящей стране опасности. Правильно, согласился бей, пусть тамошние падишахи подумают, как быть, к тому же, как полагает Бушман-бей, некоторые племена, спасаясь от татар, будут искать спасения и в Великой Унгарии, — об этом тоже надо туда сообщить. Юлиан спросил: как сообщить? А через того же Бушман-бея, сказал Азнай-бей, у него есть свои люди в Таманторгане, они решат, каким путем переправить сообщение дальше. Тогда я напишу письма, воодушевился Юлиан.

Сохранились перо, глиняная чернильница и несколько листков плотной бумаги — память о покойном брате Герарде. Юлиан написал два письма — для передачи королю Беле Четвертому и на имя великого магистра. Дойдут они или нет? Все в руках Божьих. Но почему засомневался кан-баба?

— Должны дойти, — сказал Юлиан. — Бушман-бей, по-моему, человек надежный.

— Я тоже так думаю. Но пути на заход солнца вот-вот прервутся...

— Ага, понял: пора мне самому тронуться в обратный путь.

— Да, пора!

Азнай-бей проговорил это твердо, глядя прямо в глаза Юлиана. Человек сторонний, не знающий всей подноготной их так трудно складывающихся взаимоотношений, но слышавший о попытках унгара окрестить юрматынцев, мог при этом подумать: вот до чего дошло дело, кан-баба гонит гостя! Даже у самого Юлиана промелькнула такая мысль. Он покраснел, и было отчего покраснеть.

Спустя несколько дней после происшествия с ребятишками, когда Юлиан, казалось, уже вполне оправился от душевного потрясения, Азнай-бей поговорил с ним с глазу на глаз. Мне пришлось покрутиться, чтобы обелить тебя, сказал бей. За подобные проступки предают смерти, закопав виновного по шею в землю, либо побивают камнями. Мы же не собираемся обращать тебя в свою веру, а ты... Неужто ничего не понял из того, что рассказал у горы Нэтэзе в день твоего приезда? Или пропустил все мимо ушей?.. Так выговаривал, так стыдил Азнай-бей. Юлиан молчал. Он был виноват, очень виноват, и, как ему представлялось, бей не все еще знал. В тот день, когда Юлиана притащили, связав, в юрту, осталась присматривать за ним Газиля. Осознав случившееся, он впал в такое отчаяние,

что жить не хотелось, молитвы не приносили успокоения. Газиля же сумела успокоить его и утешить, и он не смог отвергнуть ее ласку, в порыве благодарности ответил лаской же, и случилось запретное,— Юлиан познал неизъяснимую радость близости с женщиной. Он вконец запутался, но Боже, как сладостно было слышать ее жаркий шепот: «Я полюбила тебя, унгар, я люблю тебя, со мной такого еще не было!» И с ним, и с ним такого еще не было. На следующий день, и в последующие дни он ждал ее прихода с замиранием сердца, со страхом — а вдруг что-нибудь случится и она не придет! Перебирая в памяти евангельские тексты, он нашел себе оправдание перед Господом, но чувствовал смущение перед людьми, перед юрматынским кан-бабой в особенности.

И тогда, при том крутом разговоре, и вот сейчас Юлиан с некоторой тревогой думал: не догадывается ли старик о его тайне? Вроде бы нет, не чувствуется. А если предлагает отправиться в обратный путь, так просто потому, что беспокоится за него, за Юлиана.

— Я доберусь до родины намного быстрей, чем добирался до вас, — сказал Юлиан. — Уже другим путем: напрямую — до становища Бушман-бея и вниз по Большой Идели — к морю...

— Зачем к морю? Я слышал, есть путь в Великую Унгарию покороче — минуя море, посуху. Через земли урусов. Они могут указать дорогу через горы Карпаты. Людям хана Котяна эта дорога тоже хорошо известна.

— Хан Котян... Он, кажется, побывал в Эстергоме как раз перед тем, как я отправился сюда...

На этом разговор об отъезде, собственно, и закончился. Вопрос о том, когда уедет Юлиан, остался пока что открытым. Азнай-бей счел, что он и так сказал достаточно много, остальное в подобных случаях решает гость. Гостю же надо было еще подумать, наметить удобный для него день.

Торопливо шагая к окраине становища, к своему жилищу, Юлиан убеждал себя в правоте Азнай-бея. Да, он должен поспешить в Эстергом, поскорей сообщить там все, что узнал о татарском войске. Это сейчас важнее всего. Если булгары не сумеют остановить татар на Янке, пути на запад в самом деле будут отрезаны. Надо успеть до этого хотя бы пересечь Большую Идель. Путь за великой рекой можно продолжить через владения хана Котяна либо через русские княжества — благо, в монастыре Юлиан наряду с языками других соседних народов изучал и славянскую речь. Доберется до Карпат, а там...

Перед его мысленным взором предстали долины Дуная, улицы Эстергома, знакомые лица, и сердце забилось учащенно. Скорей в путь! Он свою задачу выполнил — отыскал родичей, убедился, что и они не забыли родства. Старикам племени Дьярмат приятно будет услышать об этом. А королю и великому магистру? Ну, они-то вряд ли станут слушать, как живут-поживают юрматынцы. Спросят: согласны ли башкорты принять покровительство Великой Унгарии и жить по заповедям Христовым? И скажут: ты не показал усердия, какое надлежало показать «псу господню». Могут и суду святой инквизиции предать. Юлиану представилось мрачное, освещенное факелами помещение в подземелье, дубовый стол и судьи в черных мантиях за этим столом. Ему отчетливо послышались вопросы судей, один заковыристей другого, и он даже остановился, подыскивая доводы в свое оправдание. «С вашего позволения, по поводу предъявленных мне обвинений я хотел бы сказать следующее. Нигде и никогда я не забывал о том, что я — «пес господень...». Нет, говорить так свободно ему не позволят. Его поставят на колени. А удел стоящего на коленях — говорить лишь «да» и «нет»...

— Эй, ты что застыл?

Юлиан, услышав негромкий голос, очнулся, вспомнил, где находится, и, облегченно вздохнув, вытер выступивший на лбу пот. А голос принадлежал затаившемуся в черемуховой заросли Искандеру. Он давно не появлялся, и Юлиан решил было, что его забрал с собой Майкы-бей. Выходит, не забрал.

— Ноги, что ли, отнялись? — спросил опять Искандер. Завел он такую вот грубоватую манеру разговаривать с Юлианом.

— А ты чего здесь... Среди бела дня... Не боишься?

— Егетов в становище — раз-два и обчелся. Этот старый хрыч, говорят, задницу от тюфяка оторвать не может. Кого мне бояться? — Искандер захехекал, не забывая однако же поглядывать по сторонам. — О чем вы там толковали? Беркут зачем приехал?

— Беркута я не видел. А с Азнай-беем мы говорили о том, что пора мне тронуться в обратный путь... Ты крестик-то куда дел, почему не носишь? — поинтересовался вдруг Юлиан. — А я собирался взять тебя с собой.

— Как это — взять?

— Убьют ведь тебя здесь. А в Великой Унгарии жил бы по-человечески, не таясь. — Это пришло в голову Юлиа-

на только что. А ведь неплохо было бы вернуться домой с башкортом, принявшим католичество!

— Для меня и тут скоро врата рая откроются, — осклабился Искандер. — Недолго уж осталось ждать...

— Крестик все же не теряй. Может понадобиться, — сказал Юлиан, собираясь идти дальше.

— Понадобится, так смастерю. Вещь нехитрая... Ты куда идешь-то? Коль к себе, скажу Газиле. Она, бедняжка, все глаза проглядела!

— Где она? — встревоженно вскрикнул Юлиан.

Вскрик вырвался помимо его воли. Прежде, когда Искандер пробовал подпускать шуточки насчет его отношений с Газилей, Юлиан равнодушно отмахивался, — мол, женщина для монаха — пустое место, — а теперь в невольном его вопросе прозвучало нечто противоположное тому, что он утверждал, это было равнозначно признанию в грехопадении.

— На Селеуке она, белье полощет, — сообщил Искандер.

Все-то он видит, все замечает, все ему известно. Ясно, почему Майкы-бей не прихватил изгоя с собой, он тут — глаза и уши татарского посла. Конечно, один Искандер за всем племенем не уследит, в других местах, наверно, тем же заняты его сообщники, а он крутится возле кан-бабы. Всюду в этом мире кто-нибудь за кем-нибудь следит, всюду слежкка, слежка...

Неожиданная догадка поразила Юлиана: может быть, и к нему кан-баба приставил Газилю не без умысла?

Газиля, Газиля... Ничего о ней Юлиан толком не знает. Каранай однажды обронил, что она — найденыш, подобрали ее где-то в младенческом еще возрасте. Родителей, видимо, убили налетчики, любители чужого добра. Чья она, какого роду-племени — теперь, пожалуй, никто не сможет сказать. Выросла при байбисе, старшей жене Азнай-бея, дочь — не дочь, скорее служанка, так что любое дело могут ей поручить — исполнит без лишних слов.

Но если Азнай-бей приставил ее к Юлиану с тайной целью, в чем его цель заключалась? Хотел быть осведомленным о каждом шаге, каждом слове гостя? Или намеревался, совратив его, подчинить своей воле, использовать в каких-то своих интересах? Коли так, знает, дьявол, что даже сам папа римский не устоит перед женской красотой. Хитер старик, ох, хитер, тайным делам его и мыслям, наверно, несть числа, потому-то и держит в руках все племя. Да-да, не предводитель племени, не Таймас, а Азнай-бей

тут самый главный. Он умен, по-своему справедлив, и его уважают. Вон ведь как юрматыицы взбулгачились, когда хану Акташу вздумалось подвергнуть кан-бабу порке! Разве подиялись бы так из-за кого-нибудь другого?..

Постой-ка, о чем ты думаешь, прервал течение своих мыслей Юлиан, об этом, что ли, будешь говорить, представ перед судом в Эстергоме? Там одного лишь упоминания Газили будет достаточио, чтобы... В общем, скажут: забыв о поручении ордена и обете монашеском, предался прелюбодеянию. Обвинение серьезное, серьезнее быть не может...

А с чего это я всполошился, подумал тут же Юлиан и усмехнулся: в Эстергом ведь еще вернуться надо, а когда вернусь, у меня прежде всего о татарах спросят. Ну, о них-то у него есть что сказать. Он взял на себя обязанности покойного брата Герарда, заиялся сбором сведений о грозящей с востока силе, — разве это при нынешних обстоятельствах не угодное Богу дело?

Мысль эта успокоила Юлиана, вернулся он в свое жилище, радуясь, что нашел ответ на беспокоивший его вопрос, и решил сегодня же выяснить, насколько основательно подозрение, павшее на Газилю.

Она влетела в юрту чуть ли не следом за ним, просияла, увидев его, и тут же, как обычно, потупилась. Ах, эта стыдливая скрытность юрматынок! Ни радость явно не выкажут, ни печаль, даже большое горе постараются утаить. Таков обычай, он, по словам Азнай-бея, не позволяя разбрасываться чувствами, способствует сосредоточению внимания племени на главном, главное же для него — сохранить свою жизнестойкость. Газиля по рождению не юрматынка, а обычай тоже усвоила, прячет глаза. Зато как вскинет взгляд да улыбнется — возносится Юлиан на седьмое небо, и сама святая инквизиция до него уже не может дотянуться...

— Газиля, скажи-ка, кто-нибудь обо мне расспрашивает?

— Да. И Азнай-турэ, и Каранай-агай.

— Что же их интересует?

— Как ты себя чувствуешь, здоров ли...

— И все?

— Ну, еще спрашивают, хорошо ли я прибрала в юрте, вовремя ли для тебя подвозят кумыс, мясо...

Юлиан почувствовал себя неловко: люди о нем заботятся, а он... И в то же время спала с сердца тяжесть.

Газиля ткнулась головой ему в грудь, прошептала еле слышно:

— У нас будет малыш.

— Что-что? — опешил Юлиан.

— Сын у нас или дочка родится.

— Как это? Я же... Ты же... — Юлиан в растеряииости не знал, что н сказать. — Я ведь уеду, а тебя... камиями!.. Или — как Искандера!..

Газиля откачиулась, опять потупилась. Юлиан, наклонившись, загляиул ей в лицо и поразился: оиа улыбалась сквозь слезы.

— Ты что? Почему молчишь?

— Не бойся, не убьют меня. И не прогонят. Тебя только жаль: малышку не увидишь...

Юлиаи не мог разобраться в своих чувствах: рад, не рад? То в жар его кидало, то в холод. В возбуждении он походил по юрте, взад-вперед, пробормотал, остаиовившись перед Газилей:

— Мы с тобой — люди разной веры. Я в Христа верую... В грех мы впали, великий грех...

— Родить ребеика — ие грех. Бог, услышав голос младенца, прощает матери все ее прегрешения, сказал Азнайтурэ.

— Ои что — знает?!

Юлиан прииялся выпытывать, каким образом их тайиа открылась Азнай-бею. Как выяснилось, Газиля, догадавшись, что затяжелела, испугалась и в слезах обратилась за советом к байбисе, замеиившей ей мать. Отругала ее байбися за неосмотрнтельность на чем свет стоит, чуть не побила. В гневе отправилась в другую половину сдвоениой юрты, к мужу. До Газили доносились их голоса. Что сказал бей? А вот то, что Юлиан уже слышал. И еще сказал: затоскует по ребенку н вериется...

— Это он обо мне?

— О ком же еще! Твой ведь ребенок.

— А зачем ему нужно, чтоб я вернулся?

— Не ему нужно — ребенку!

Прозвучала в словах Газили глубокая убежденность, и перед нею, этой убежденностью, отступило вновь шевельнувшееся в душе Юлиана недоверие к Азнай-бею. Да и отцовское чувство в нем, кажется, пробудилось, оттесиило все остальное.

На следующее утро, перебрав в памяти услышанное накануне, Юлиан пришел к выводу: Азиай-бей хочет иакрепко привязать его к племени Юрматы и наполовину,

можно считать, уже добился успеха. Строит свои расчеты на том, что Юлиан не отвергнет только что зародившегося человечка. Разбирается в людях, дьявол, в самую душу умеет заглядывать. Вот тебе и старый мерин! Только зачем ему это нужно — чтоб Юлиана все время тянуло сюда? Взять да спросить у него, что ли? Или не спешить? Наверно, прощаясь, сам все скажет.

И еще один вывод сделал Юлиан: он уже никогда не станет таким, каким был лишь вчера, не сможет представить себе мир без Газили и без малыша, которого она носит под сердцем. Где бы он, Юлиан, ни был, что бы ни делал, будет неотступно думать: «Как там мои?» Вопрос этот породит неведомые прежде переживания, заботы, устремления, то есть жизнь его неузнаваемо изменится. Теперь и поведение Азнай-бея видится в совершенно ином свете: старик признал Юлиана своим, потому-то и хочет, чтобы он благополучно добрался до родины и... вернулся сюда. Может быть, надеется возродить таким образом родственные отношения между племенами Юрматы и Дьярмат, наладить оживленные связи. Если б не было у него такого желания, не торопил бы с отъездом, а постарался как-нибудь задержать, оставить здесь.

Интересно, мальчик родится или девочка? Как же его — или ее — назвать? Газиля живет в юрте, отведенной Азнай-беем для служанок, на ночь она, конечно, ушла туда, так что посоветоваться насчет имени в этот ранний час Юлиан мог разве лишь с щебечущими вокруг птицами.

Он вышел на свежий воздух, постоял, обласканный утренним ветерком. В его душе, полной мятущихся чувств, нарождалась какая-то новая жизнерадостная мелодия.

Не знал Юлиан, что этим утром в низовье Яика произойдет первая схватка между татарским и булгаро-башкирским войсками.

2

Заночевавшая над становищем туча была, видать, наслана для того, чтобы основательно обмыть землю. Перед рассветом разразилась гроза с ливнем, низвергнувшаяся с небес вода понеслась сплошным потоком, подхватывая не только скопившийся меж юртами мусор, но и неприбранную беспечными хозяевами утварь, даже несколько медных котлов поволокла к речке. От беспрерывных раскатов грома земля вздрагивала, в ближнем лесочке под ударами ветра с треском валились деревья, оставленный на ночь в

стаиовище скот ревел в испуге. Азиай-бей лежал, вслушиваясь в доносившиеся сиаружи звуки, и беспокоился, представляя, как иа дальиих пастбищах мечутся в поисках укрытия кони, коровы, овцы. Вот ведь беда какая! Туча уходила, сердито ворчала где-то иад Сухайлой или Ашкадаром, но, словио бы углядев ие обмытое как следует место, возвращалась, и сиова по отяжелевшему войлоку юрты барабанили крупиые капли дождя, яркий свет молний невесть через какие щелочки проиикал к постели бея. О Аллах, будь милостлив, надели мужеством людей, оказавшихся в такую бурю без крова!

Наконец громыханье грозы отдалилось, но к шелесту дождя добавились иовые звуки. Вроде бы зачавкала размокшая земля под множеством копыт. Потом послышались возбужденные голоса, запахло дымом. Прикинув, что жеищииам подииматься еще рано, хотя и иачало светать, Азиай-бей решил выяснить, чем вызваи шум в становище. Вышел, одевшись, в переднюю юрту, где у входа спал охранник. Охранника на месте ие оказалось. Бей кашлянул, и тот мгновеино возник в двериом проеме.

— Ну? Что там?

— Кажется, вернулись взятые в войско егеты.

— Которые?

— Не успел еще разобраться, турэ.

— Иди узнай!

Вскоре выясиилось: вериулись егеты, угиаиные армаями хаиа Акташа, булгаро-башкирское войско разбито, и татары теперь, как коршуны за птахами, гоняются за небольшими отрядами и ватажками, разлетевшимися в разные стороиы, никого ие щадят; егеты из Азнаева аула, благодарение судьбе, все живы-здоровы, однако другие аулы понесли потери — есть убитые и раиеиые. Сердце кан-бабы болезиеино сжалось в предчувствии, что это — лишь начало. Многое надо было быстренько обдумать, а для этого требовалось успокоиться. Кан-баба, обернувшись к виутренней двери юрты, крикнул старшей жеие:

— Эй, тебе, тебе говорю — подай кумган *! И постели молитвеиный коврик!

Совершив омовеиие, бей творил утреиюю молитву дольше обычиого, поскольку к словам из Корана пришлось добавить и собственные — дабы Аллах вник в иынешиие обстоятельства, смягчил ожесточеиные души татар и оградил племя Юрматы от новых иесчастий, что представлялось более важиым, чем привычиое восславление Все-

* Кумган — сосуд для омовения, кувшин с длинным носком.

вышнего и подтверждение безграничной преданности ему. Однако молитва не принесла успокоения, не прояснила мысли. Кан-баба поднялся с молитвенного коврика с мрачным лицом. Видя это, окружающие примолкли, ходили на цыпочках.

К завтраку бей велел позвать нескольких егетов, вернувшихся с поля битвы, были приглашены также Караиай и Юлнан. Разумеется, первым делом начали расспрашивать егетов о подробностях сражения на Янке. Татар там больше, что ли, было? Чем они вооружены? Далеко ли летят их стрелы? Выдерживает ли татарская сабля удар нашей? Рядовые воины, конечно, могут рассказать лишь о том, что сами испытали, но эти — будто ничего и не видели, ни на один вопрос кан-бабы и Караная толком не смогли ответить. Азнай-бей в конце концов спросил рассерженно:

— Уж не ударились ли вы в бегство, еще не доехав до места схватки?

Егеты потупились. Один все же набрался смелости рассказать, как было дело. Их поставили в засаду на правом крыле войска, там они простояли весь день, слушая доносившиеся из центра звуки ожесточенной битвы. К вечеру и возле них поднялся шум-гам: «Окружают! Спасайтесь!» Ну, они сделали то же, что и другие: вскочили на коней и — в сторону родного становища. Не погибать же зря!

— Резонно! — согласился Азнай-бей. — Вы тут нужны живые. Отдохните маленько и... — Все более возбуждаясь, он принялся перечислять, что необходимо сделать без всяких отлагательств: перегнать скот в горные распадки, перевезти в пещеры запасы съестного и все, что нужно для жизни, — возможно, придется укрыть людей там; дополнительно послать дозорных на сигнальные вышки, не хватит своих, так поднять соседние аулы, да и все племя известить об опасности, не дожидаясь, когда сделают это Таймасбей и предводители родов. Нельзя мешкать, надо поворачиваться поживей, потому что и отступающие булгары, и преследующие их татары займутся грабежом.

Таким образом, этот иссохший старик вновь взвалил на свои плечи всю тяжесть забот о племени. Под конец разговора, отпустив егетов, он сказал Каранаю:

— Знаю, ты еще не совсем оправился от ран, но не время нянчиться с ними, как с младенцем. Не спускай глаз с этой собаки — хана Акташа. Ежели схватить его и выдать татарам — может быть, наше положение облег-

чится. Это раз. Ну и надо сегодня же или завтра проводить гостя. — Бей, наконец, обернулся к Юлиану. — А то будет поздно.

— А не лучше мне остаться с вами? Как говорится, хоть словом да помогу...

— Нет-нет, теперь тебе нельзя попадаться на глаза Майкы-бею. У каждого — свой долг. Когда известишь вашего подишаха о здешних делах, подумаешь насчет возвращения к нам. Будем ждать!

— А что, если он присоединится к тем, кто возвращается в стольный Буляр? — спросил Каранай.

— Думай! — Азнай-бей сердито взглянул на сына и даже досадливо махнул рукой. — Коль татары догонят, не станут разбираться, кто он и откуда. Степные дороги опасны, считай, уже закрыты.

— Значит, остается путь по воде.

— Пожалуй. По Агидели, Сулману, Большой Идели... Татары, как я слышал, водными путями не пользуются. Не умеют. Наши торговые люди, кажется, еще не отплыли?

— Нет, не было разговоров об этом... Только ведь и по воде не миновать Буляра...

— Да. Но этот путь все-таки надежней. В Буляре наш гость, даст Аллах, встретится с Кулгали, и таксир проводит его к Бушман-бею. Так будет верней всего.

— Я понял, отец!

Каранай поднялся. Вслед за ним встал и Юлиан. Беспокойство юрматынцев передалось и ему. Хотелось спросить, о каких торговых людях зашла речь, куда они направляются, были и другие вопросы, но докучать Азнай-бею он счел неудобным — вон сколько забот поважней свалилось на старика. Пошел провожать Караная, надеялся кое-что выяснить у него, и Каранай, догадываясь о намерении унгара, сам начал разговор.

— Жаль, не успел показать тебе наши святыни! — вздохнул он. — О древних рисунках и письменах говорю. То Майкы-бей тут крутился, то еще что-нибудь мешало. И я все не мог выздороветь.

— О многом остается лишь сожалеть, а об этом в особенности.

— Ничего, свожу тебя в хранилище в другой раз, — хитро улыбнулся Каранай.

— Не знаю, будет ли другой-то раз...

— Бу-удет! — протянул Каранай. — Дорогу теперь знаешь, было бы только здоровье.

— В такне смутиые времена не то что здоровье — голову потерять иедолго... Слушай, а что это за торговые люди?

— Нашн, юрматынцы. За зниму порядком шкур всяких накаплнвается, вот они и увозят, продают булгарам. Еще сбрую коискую — уздечки, хомуты — у нас ладят, колесные ободья, дуги гиут — тоже иа продажу. А оттуда привозят, в чем мы иуждаемся.

— У вас ведь есть, кажется, н мастера, которые варят очеиь хорошую сталь. Не довелось увндеть их.

— И мне не доводилось... Далеко онн, да н не разрешается... Этнм в другнх племенах заинмаются, мы сталь покупаем. Кузнецы — свон...

Каранай вел в поводу коня, и было ясио, что иа вопросы гостя он подробио отвечает только нз вежливости, а вообще-то спешит, ие до разговоров ему. Юлиаи притроиулся к его плечу — ладио, мол, спасибо, ие буду больше задерживать — н свериул в сторону речкн.

Нет, наверно, инчего тягостней, чем болтаться без дела среди занятых людей, вообще — чувствовать себя лншиим. Загостнлся Юлиан. Правда, чтобы восстановить силы, окрепнуть после такого долгого путн, какой он проделал, нужио было время. Да и не мог он отправнться обратио, не озиакомившись основательно с жизнью юрматынцев, коль уж добрался до них, не узнав как можно больше о татарах и иародах, противостоящнх им. Только ради встречи с Майкы-беем король специально иаправнл бы кого-нибудь нз прндворной белой костн, а Юлиан встретился с ним ие едииожды и сколько при этом важиых сведеиий почерпиул! Любой нз европейскнх королей оплатнл бы их и златом-серебром, н всяческимн титулами. Короче говоря, дин, прожнтые Юлнаном здесь, ие прошли впустую. Конечио, миого еще вопросов остается без ответа, да что поделаешь — обстаиовка нзмеиилась. Татарское войско троиулось!

Юлнан присел на берегу на пеиь н, глядя на текучую воду, прннялся прнводнть в порядок свон наблюдеиия и мыслн. Сумел лн он выясиить, что за народ башкорты? На первый взгляд, это разрозиенные племена, связаииые лишь соседством. Нет у ннх общего для всех правителя. С ханом Акташем ннкто не считается, а еслн он нзредка показывает зубы, так это не более чем выражение злостн ие слншком удачлнвого сборщнка данн. Прн всем при том татары держат здесь постояииого посла. Имеют ли оии послов в другнх странах? Не слышно что-то. Тут загадка

какая-то. Может быть, башкорты удостоились особого уважения благодаря тому, что прн необходимости быстро объединяются и умеют постоять за себя? Или, как обронил в разговоре Майкы-бей, его хозяева надеются склонить их на свою сторону, использовать для достижения своих целей? Однако ии Юрматы, ни Бурзян, ни Усерган не выказывают охоты последовать за татарами. Нет, не похоже, чтобы последовали. Да и Майкы-бей смахивает больше на баскака, чем на посла. Впрочем, откуда Юлиану знать, как должны вестн себя послы, — не на посольских харчах вырос...

Интересно, сумеют ли схватить хана Акташа, подумал Юлиан, вспомнив наказ Азнай-бея Каранаю. Скоро такие события тут развернутся!.. Один Бог знает, кто уцелеет.

Словно бы подкрепляя мыслн унгара, на вершине горы в заречье поднялся вдруг столб дыма и закачался на ветру из стороны в сторону, — казалось, кто-то размахивает черным флагом, предупреждая о надвигающейся беде. Беда в эти дни приняла обличье вооруженных чужеземцев. Неужели татары приближаются? Юлиан вскочил и побежал к юрте Азнай-бея, старик ведь первым узнает, что означает сигнальный дым.

Азнай-бей смотрел, приложнв руку ко лбу, на сторожевую гору. Рядом двое подростков, держа коней под уздцы, ждали распоряжений. Гонцы. Они и обычно без оружия не ходят, а сейчас были еще и в воинском облачении — в латах, в кожаных шапках с напуском для защиты шеи. Юнцы упарились, пожилой человек в такую теплынь хоть шапку бы снял, а эти терпят, выказывают рвение.

Азнай-бей, взглянув на унгара, указал движением подбородка на полдень — н там, вдали, покачивался столб дыма.

— Может, мне сесть на коня? Вдруг понадоблюсь! — загорелся Юлиан.

— Нет, не надо пока. Войско, о котором сообщают дозорные, еще далеко. Дымы предупреждают и его: обходи стороной! Коль чужаки пренебрегут этим, туда поскачут другие, а ты гововься к отъезду. Понадобишься — позову.

Это значило — нди себе, сиди в своей юрте. Юлиан опять почувствовал себя лишним. Да ну вас, делайте что хотите, обиделся он, я свою помощь предложил, теперь все, и пальцем не пошевельну!.. Он понимал, что обида у него не солндная, но ничего с собой поделать не мог. За-

хотелось поскорей дойти до юрты, ткнуться лицом в подушку и лежать, как давным-давно, в детстве, может быть, даже глотая слезы. Но когда он, раздосадованный и разомлевший от усиливающегося зноя, вошел в юрту, от намерения растянуться на тюфяке пришлось отказаться: чуть ли не у самого порога сидела, понурившись, Газиля.

— Ты чего здесь? — все еще досадуя, спросил Юлиан. Грубовато вышло.

Она вскинула на него взгляд и тут же снова склонила голову, еще ниже. Юлиан успел заметить на ее ресницах капельки слез. Сразу смягчившись, попытался исправить оплошность:

— Ну-ну... Я подумал — что-нибудь случилось. Ты, никак, плакала?

— Искандер пристает, — еле слышно прошептала Газиля.

— Как это — пристает? Зачем пристает?

— Атак *, не знаешь, что ли, зачем к женщине пристают?

— Негодяй! Да я его!..

Газиля взмахнула длинными ресницами, взглянула на Юлиана с печальной улыбкой и отрицательно покачала головой.

— Оставь! Подкараулит еще, убьет тебя! Не тронул же...

— А когда я уеду?

— Не все ли тебе равно, раз уедешь?

— Нет, не все равно!

— Мне бы одно только знать — что ты жив...

Юлиан бухнулся на колени рядом с Газилей, обхватил ее голову руками. Невообразимая сумятица поднялась в его душе: и гнев в ответ на ее беспощадные слова подступал, и острая жалость к ней пронзала сердце; предчувствие надвигающегося на обоих несчастья побуждало немедленно что-то предпринять, в то же время он понимал, что ничего не может изменить. В конце концов Юлиан ткнулся лицом в ее колени и разрыдался.

Что еще, кроме этого, мог сделать человек, оказавшись в безвыходном положении? Если бы Юлиан решил не расставаться с любимой, создать семью, ему пришлось бы навсегда остаться в племени Юрматы. Вернуться в Великую Унгарию с беременной женщиной — это смерть. И для него, и для нее. А остаться здесь — значит, изменить родине и долгу. Надвое не разорвешься. Тут или — или...

* **Атак** — возглас, выражающий удивление.

— Ладио уж, ие терзайся так. — Газиля погладила Юлиана по щеке. — Захочешь сына увидеть — навестишь.

— А если не отпустят?

— Ну тогда... Не судьба, значит.

— Легко тебе говорить!

— Нет, нелегко. Но я терплю — ради нашего малыша...

Юлиан перестал рыдать, мысли его потекли спокойней. Что знал он раньше об отношениях между мужчиной и женщиной? Только то, что шепотком да посмеиваясь рассказывали братья-монахи. Теперь он познал и сладость, и тяжесть исполнения задачи, возложенной на все живое природой: продолжить свой род. Случившееся с ним он хотел было назвать проделкой Дьявола, да язык на это не поворачивался. И прощения у святого Доминика за нарушение монашеского обета он не попросил, потому что чувствовал: обет безбрачия противоречит естеству человека, его предназначенню. Чувство это лишь наклюнулось, оно еще не верховенствовало над другими чувствами, оттого и царила в душе не ясность, а сумятица.

Откинувшись на спину, Юлиан растянулся на кошме. При этом ворот у него расстегнулся, и нательный крест вывалился наружу.

— Ой, спрячь свою «курнную лапу», а то еще кто-нибудь войдет и увидит, — сказала Газиля.

Он оставил ее предостережение без внимания, однако приближавшийся к юрте цокот копыт заставил его вскочить и спрятать крест. Газиля тоже поднялась, принялась собирать немытую посуду.

Постучав в дверь, однако не дожидаясь ответа, в юрту вошел Қаранай. Кинул на обоих быстрый взгляд, кивком указал Газиле на выход. Впрочем, она и сама, полуприкрыв по обычаю лицо платком, уже направлялась к двери.

— Я за тобой, — сообщил Қаранай унгару, когда Газиля вышла. — Провожу к Ак-Идели. Сейчас же! Где твои вещи? Я думал, ты давно уж собрался.

— Что случилось, почему такая спешка?

— Похоже, скоро тут начнется светопреставление. Булгары идут, за ними — татары. Бери быстренько самое нужное и — поехали!

— А Газиля?.. А юрту разобрать?.. — растерялся Юлиан.

— Без тебя обо всем позаботятся. Тебе нельзя задерживаться — должен живым-здоровым добраться до своих.

— Ладьи там уже наготове?

— Может, день-другой придется подождать, но у реки. Пока надо успеть перебраться туда.

Юлиан засуетился, тыкался туда-сюда, собирая свои вещи, и злился про себя на следившего за ним в нетерпенье Караная: не даст ведь проститься с Газилей, чтоб ему!.. Все раздражало Юлиана в этот момент и все валилось из рук. Видя, как бестолково он снует, Каранай деликатно подсказал:

— Возьми вон хурджин, складывай вещи в него. — И неожиданно добавил: — Интере-есно, примут булгары наш совет, нет ли?

— А что за совет? Обойти юрматынские владения стороной?

— Напротив — скрыться у нас в горах. Коль не начнут грабить, мы сабли против них не обнажим. Наши поехали навстречу договариваться об этом.

— И сам Азнай-бей?

— Да.

— А татары?

— Постараемся сбить их со следа булгар. Если, понятно, на нас самих не набросятся.

Направив разговор в новое русло, Каранай помог Юлиану взять себя в руки. Юлиан уложил вещи в хурджин, облачился в подаренный Азнай-беем новенький чекмень, но опоясался видавшим виды вервием — неизменной принадлежностью доминиканца.

— Это что — знак готовности отправиться в путь? — спросил Каранай. — Или твоя веревка означает что-нибудь другое?

— Она означает, что дух сильней любого оружия. Если хочешь, объясню тебе все в пути, — сказал Юлиан и шагнул к выходу.

Возле юрты их ждали два всадника с двумя оседланными конями в поводу. Юлиан глянул по сторонам в надежде увидеть Газилю, но не увидел. Над макушкой заречной сигнальной горы по-прежнему покачивался столб дыма. Юлиану показалось, что выстроившиеся вдоль речки юрты, испуганные зловещим сигналом, съежились, стали меньше. Таким и запомнилось ему Азнаево становище.

Ничто в пути не напоминало им о грозящей этим краям опасности. Там и сям на пологих склонах спокойно паслись отары овец, стада коров, табуны коней, иногда попадались на глаза клочки возделанной земли — злаки уже выкинули трубчатые стебли. Можно было даже подумать: постой-ка, с чего это мы всполошились, кто за нами гонится?

Они порядком уже отдалились от становища, когда все четверо чуть ли не одновременно увидели на вершине кургана неподвижного всадника. Не шелохнется, будто из камня вытесанный. Юрматынцы заспорили, кто это — дозорный, пастух, из какого аула? Лишь Юлиан, вглядевшись попристальней, по обличью всадника, по его низкорослому мохнатому коню верно определил, кого они видят.

— Это один из дорогих гостей, которых вы ждали, — сказал он.

— Булгарин, что ли?

— Нет, татарин.

— Неужто уже подоспели?! — удивился Каранай. — А что, если схватить его и допросить?

— Не догонишь! Или окажется, что он не один. Тогда...

Юлиана поняли. Молча стегнули коней, поскакали во весь опор, не забывая оглядываться. А татарин словно и не обратил на них внимания, вырисовывался на кургане, по-прежнему неподвижный.

3

Майкы-бей сидит, подтянув ноги, на подушках, глаза у него закрыты, мясистые щеки и кончики усов обвисли. Сабля в ножнах лежит рядом с ним, правая рука — на рукояти сабли, левая уперта в бок. От его одежды несет конским потом. Чувствуется, сильно устал бей, нуждается в отдыхе. Сейчас, похоже, задремал, не слышит слов Азнай-бея, стоящего на коленях возле кадки с кумысом, не видит протянутой им чаши с пенистым напитком. Или прикидывается задремавшим, чтобы помытарить хозяина юрты.

Азнай-бей, поставив чашу на скатерть, сел, устроился поудобней. Притомился он, стоя перед Майкы-беем на коленях, да и разговор с ним притомил. Тяжелые наступили для него дни. Указал он отступавшей в эту сторону части булгарского войска путь в горы, в места, где можно было скрыться, возвращался успокоенный, вернулся, а в становище крик-стон стоит — татары грабят, насильничают. Двух подростков и старика, Азнаева ровесника, зарубили за попытку оказать сопротивление. Всех мужчин согнали в середину становища и усадили на землю, привязав скрученные руки к длинному волосяному аркану. Азнай-бея со спутниками стащили с коней, погнали туда же и тоже привязали бы к аркану, если бы не прискакал откуда-то

Майкы-бей. Он подозвал татарского уибаши, сказал что-то, указав плеткой иа север, и налетчики тут же вскочили иа коней, умчались в сторону Туратау. Сам Майкы-бей, сопровождаемый телохраиителями, немиого задержался — чтобы посмеяться: посчитай-ка, мол, сколько тут ваших и сколько было наших.

В том-то и весь стыд: три десятка юрматыицев растерялись перед десятком татар, покорно, как бараиы, дали повязать себя. Ограблеи аул, горько это, ио добро сиова можио нажить, а вот мужчинам, видевшим и слышавшим, как иасилуют их жен, позора с себя не смыть. Не смыть, ие забыть, — если кто и запамятует, так длиииоволосая чуть что — напомнит. А-а, скажет, расхрабрился теперь, а тогда сидел, прикусив язык! Телеиок ты, скажет, тряпка, трус!.. Опасио это для племеии, всякие такие слова совсем лишат мужчину мужества, ослабят семью... Всего десяток татар! Пока другие думают о добропорядочиости, маются в путах жалости, эти воизаются в цель, как выпущеииая из лука стрела. Стрела ие раздумывает, летит, куда послали. Эти — тоже. Тем и берут.

Майкы-бей сегодня виовь прискакал в стаиовище. Не сиимая грязиых сапог, прошел прямиком в дальнюю часть юрты, сел на горку подушек и велел принести кумысу. Ладио еще вчера байбися догадалась выиести посох с волчьим черепом, встала с ним перед входом, и татары иичего у каи-бабы ие тронули, богов, даже чужих, видать, побаиваются. Нашлись и кумыс, и еда. Пока жеищииы хлопотали, готовя угощеиие, Майкы-бей успел и кое-какие новости сообщить, и вопросами в пот вогиать.

— Хаи Акташ в моих руках, в яму я старца посадил,— похвастался ои, посмеиваясь. — Твои люди его перехватили, а то бы и след простыл. Спасибо за это!

Казалось, после такого зачина можио вздохиуть с облегчеиием и держаться свободио. Азиай-бей потяиулся за подушкой, чтобы сесть, но Майкы-бей остаиовил его.

— Погоди, сначала ответь на несколько вопросов, потом посмотрим, можешь ли ты стать моим сотрапезииком. Знай: не сегодия, так завтра я буду иазиачен тысяцким в войске Батыя Непобедимого. На твое счастье, я ие из моиголов, у них разговор короткий. Но не вздумай, старый мерин, хитрить, говори чистую правду. Первый вопрос: куда делись булгарские собаки?

— Бэй, бэй! — разыграл удивление Азиай-бей. — Откуда мие зиать? Наверно, почесали без оглядки домой, раз потерпели поражеиие. Прямая-то дорога — в стороие от нас.

Майкы-бей посидел, покачиваясь взад-вперед, хлопнул ладонью себе по колену.

— Ладно, увиливаешь от ответа, жалеешь их. Кого, по-твоему, я преследовал, по чьим следам шел? Но ладно. Второй вопрос: где прячешь лазутчика, присланного унгарским падишахом?

Азнай-бей — ык-мык, хотел было опять отбрехаться, но иезваный гость рыкнул:

— Хватит, не виляй! Я же объяснил тебе, что не с ребенком разговариваешь! — И вдруг смягчившись, просительиым тоиом: — Мие важио зиать, не успел ли ои уехать. Ну?..

— Здесь еще он, — неожиданно для самого себя выложил правду Азнай-бей.

— Вот это хорошо! Пусть не уезжает, не повидавшись со мной. Есть разговор.

— Понял.

— Теперь можио и горло промочить. Это не тот напиток, от которого дуреют? — полушутливо спросил Майкы-бей, принимая наполненную чашу. — Тогда, на празднике, ты пытался напоить меня допьяна, да не вышло, а? Я ведь закаленный, у татар и кое-что покрепче приходилось пить. Да, жизнь многому меня научила. И все-таки иногда сам удивляюсь, как это у меня все складывается удачно, как сумел доныне голову сберечь.

Опорожнив чашу на одном дыхании, Майкы-бей продолжал бахвалиться. Дескать, в любом деле он преследует, кроме видимой, еще и тайную цель, ио никто об этом не догадывается. Даже Азнай-бей, человек, надо признать, неглупый, считает его, Майкы-бея, злодеем. А почему? Потому что не умеет размышлять, проникать в суть дела. Вот, к примеру, для чего Майкы-бей забрал юрматынских егетов в войско хаиа Батыя? Если бы кан-баба понимал, для чего, то не чинил бы помех, а напротив — помогал, чтобы они иаучились воевать. И в соседних племенах никто этого не понял. А Майкы-бей не упускает случая отправить своих табынцев в поход с татарами. В нынешние времена, коль хочешь выжить, учись воевать у татар!..

Что верно, то верио. Но хитер же Майкы-бей! Чуть приоткрылся — и сразу принялся путать след. Опять начал допрашивать, не стесняясь называть хозяина юрты старым мерином, но при этом вроде бы выражал и дружеское участие. Где егеты, сражавшиеся на стороие булгар? Вериулись ли в свои аулы? Нельзя допустить, чтобы они попались иа глаза татарам. Особо важно попрятать

оружие. Майкы-бей скоро сложит с себя обязаниости посла, вместо него пришлют баскака. Хоть вы н старалнсь унизить Майкы-бея, иазывая его меж собой баскаком, будете вспоминать о нем с сожалением...

Разговор этот бросал Азнай-бея то в жар, то в холод, а сообщение о замене посла баскаком оглушило его.

— Выходит, соглашение Субудай-батыра с башкортами будет нарушено? — спросил он, облизав вмиг высохшие губы.

— Что для кагана Угедея и Батый-Санна это соглашение, когда они собрались растоптать весь мир! Не только народы — сама земля заплачет навзрыд!.. Ну-ка, налей еще!..

Пока растерянный хозяин юрты отыскал запропастившийся вдруг половик да наливал, расплескнвая, кумыс в чашу, Майкы-бей задремал. Нет, на сей раз он ие прикидывался, усталость одолела. Что ж, пора Азнай-бею сесть, вытянув затекшне ногн, и обдумать услышанное.

Зачем, спросил ои у самого себя, этот человек опять приехал в стаиовище, какова его цель? Расспросить про булгар н про унгара? Возможно. Азнай-бей на его месте тоже прежде всего поинтересовался бы этим. А остальное — из обыкновенного хвастовства говорилось или специальио для сообщения немаловажных сведенийʼ? Может быть, бахвальство, надменность — всего лншь маска? Вон ведь сколько дельных советов, бахвалясь, дал! И раньше такое случалось, только Азнай-бей и старейшины племени принимали это за оплошность посла. И пользовались этнм, да еще как пользовалнсь! А ои, наверно, посмеивался: глупцы, мол, вы, считающие себя мудрецами. Да-да, заставлял, посмеиваясь, делать так, как ему было нужно. Ха-ай, не разгадаешь враз загадку Майкы- бея! Табынцев он назвал свонмн не случайио — напомиил, что и сам — башкорт. Зачем? Чтобы устаиовить доверительные отношення? Пожалуй. И насчет соглашения предупреднл...

Постой-ка, все-таки чего ради он сразу столько наговорнл? Не хочет лн обвести его, Азиай-бея, вокруг пальца, замаиить в хитрую ловушку? Эх-хе-хе, ну и времена! Не знаешь, где споткнешься н упадешь. Нельзя терять осторожность, каждое слово надо взвешивать...

Прндя к такому решению, Азиай-бей нашарил подушку, потянул ее под себя, и как раз в это время, когда ои отвлекся, прозвучал голос гостя:

Я иа Кук-Караук войско пошлю. Предупреди булгар: пусть уйдут оттуда за Алатау.

Аллах всемогущий! Неужто наделил ты этого человека даром ясновидения? Все знает!..

— И пусть не спешат домой, — продолжал Майкы-бей. — Великий Булгар падет, перестанет существовать. Это неотвратимо. Так что придержи их. В пастухи определи или еще чем-нибудь займи, чтоб не болтались зря...

Он глубоко вздохнул, позевывая, и пожаловался:

— Веки разомкнуть — и то сил не осталось. День и ночь в седле... Позволь мне немного поспать в твоей юрте, а сам сделай, что я сказал.

— Пожалуйста, пожалуйста, уважаемый турэ, располагайся, как тебе удобней! Я сейчас... — засуетился Азнай-бей, поднимаясь на ноги.

Солнце приближалось к зениту, юный день еще не успел погрязнуть в грехах, — самое время, когда ангелы произносят: «Амин!» — утверждают добрые дела и помыслы людей. Азнай-бей обрадованно подумал об этом, отправляя гонцов — двух бойких подростков — в горный распадок, где скачет по валунам речушка Кук-Караук. Но приподнятое настроение продержалось недолго: вскоре опять нахлынуло беспокойство. Азнай-бей попробовал объяснить это себе тем, что нет вестей от Караная. Должен ведь он, Азнай, знать, готовы ли торговые люди отправиться в путь, когда отплывут, а главное — откуда, где они сейчас. Как без этого устроишь встречу Майкы-бея с унгаром? А устроить должен, пообещал. Впрочем, Майкы-бей обещания не требовал, просто приказал: «Пусть не уезжает, не повидавшись со мной». Ну, обещание ты должен выполнить или приказ — все равно надо знать, где они находятся. Что же случилось с Каранаем?..

Забот и так предостаточно, а тут еще это. Вчера аул начал было готовиться к перекочевке к невытоптанным еще пастбищам, вышло на руку татарам: хоть на скаку хватай собранные в узлы вещи. Они и похватали, навьючили на сменных коней. А сегодня вот потянулись к юрте бея понурые, прячущие глаза мужчины, одни — сообщить о понесенном ущербе, другие — спросить, снимутся теперь с места или нет и как вообще дальше быть. Короче говоря, не смог Азнай-бей сосредоточиться на причине своего беспокойства, то и дело упускал нить мыслей о Юлиане и Каранае.

Неожиданно чуть ли не рядом с юртой бешеным галопом пронесся всадник. Сперва, когда он приближался, подумали — гонец со спешной вестью, но всадник, вместо того, чтобы придержать, подхлестнул коня да еще по-разбой-

ничьи свистнул, и тут все узнали в нем Изгнанного. Двое из стоявших у юрты схватились за луки, однако выпустить стрелы в присутствии кан-бабы без его разрешения не осмелились, а кан-баба лишь губу прикусил, ничего не сказал.

— Кажется, он на твоем жеребце, турэ... — обронил кто-то.

— А что за длинный сверток перед ним? Уж не человека ли умыкнул?

Придти к какому-либо мнению по этому поводу не успели, раздался тревожный возглас:

— Гляднте, там что-то горит!

Взметнувшееся на окраине становища пламя заставило пока что забыть о разбойнике. Пожар! Все, за исключением телохранителей татарского посла, побежали туда.

— Коня! — крикнул Азнай-бей. Он уже разглядел, что горит покинутое жилище Юлиана, и все же решил побывать там, разобраться, отчего оно загорелось. Но пока подвели коня, из юрты вышел, позевывая и потягиваясь, Майкы-бей, уставился на поднимающийся черными клубами дым.

— Это еще что?

Азнай-бей пожал плечами, — дескать, сам пока не разобрался. Видя, что он собирается вскочить в седло, Майкы-бей сказал:

— Мы с тобой уже староваты, чтобы сломя голову мчаться на пожар. Пошли кого-нибудь разузнать, что случилось. — И тут же сам велел юнцу, который привел оседланного коня: — Ну-ка, слетай, разузнай! Да побыстрей: одна нога там, другая тут!

Подросток взлетел на коня, понесся исполнять поручение. Майкы-бей попытался было вернуться к прерванному давеча разговору, но Азнай-бей заосторожничал, на вопросы отвечал явно неохотно. Губы Майкы-бея скривились в злой усмешке.

— Я думал, что ты уже кое-что понял. Брось смотреть на меня, как на монголо-татарского пса! Вот скажи: почему сюда по следу булгар примчался Майкы-бей, а не кто-то другой? Если бы не я, у тебя не одна юрта, а все становище, вся страна запылала бы. Сообразил? — Не дождавшись ответа, Майкы-бей кинул: — То-то! — и пошел к черемуховой заросли — нужду, должно быть, справить.

Посланный с поручением подросток уже возвращался, но, опередив его, прискакал один из слуг. Соскочил с коня и, дыша запаленно, будто не в седле сидел, а бежал со всех ног, сообщил:

— Беда, турэ!

— Без тебя вижу. Рассказывай, что там!

— Там это... этот... Изгнанный...

— Он подпалил?

— Да. И еще это.. из твоего косяка лучшего жеребца...

— Ну-ну, договаривай!

— Жеребца, значит, угнал. И это... Газилю в войлок завернул... увез... Люди видели...

Кан-баба чуть не задохнулся от гнева. Каков наглец! Говорили, что крутится поблизости... И ведь момент такой выбрал, а? Нарочно на виду у всех промчался, да еще и свистнул. Дескать, задницей моей полюбуйтесь, не боюсь я вас! Разыскать негодяя! Повесить! Кан-баба представил себе Искандера висящим на суку и уже выкрикнул: поднять весь аул на розыск! Но опять вмешался Майкы-бей:

— Не дергай своих людей. Искандера мои егеты схватят.

— По-моему, и он — твой егет!

— Мне такие подонки не нужны... На Кук-Караук послал кого-нибудь?

— Послал.

— Немного погодя мое войско выступит... Ловить Искандера...

Азнай-бей испытующе посмотрел на своего гостя. Сколько лет знакомо ему это лицо, эти хитро прищуренные глаза, слегка отвисшая нижняя губа, тронутая сединой борода... Лицо знакомо, а в душу ему не заглянешь, темна его душа! Оттого и не знаешь, какой повод он подтянет — левый, правый, куда повернет. Как понять сказанное им об Искандере? Отпала надобность в нем, так можно и в жертву принести? Искандера не жаль, Азнай-бей сам проклял его, но удивительно, до чего же легко Майкы-бей отказался от своего подручного. Опасный человек, коварства у татар набрался...

— Такие времена, турэ, настали, безжалостные времена, — проговорил Майкы-бей, будто уловив мысли кан-бабы. — Пожалеешь кого, так на свою голову... Ну, ладно, об этом. К унгару проводишь меня сегодня вечером, завтра времени, возможно, не будет.

— От Караная нет вестей, а без этого можем впустую съездить — невесть где их искать.

— Отыщем! Знаешь ведь приблизительно, где они, этого достаточно. А пока другие дела меня ждут... — Майкы-бей, обернувшись к телохранителям, щелкнул пальцами и, когда подвели к нему коня, мгновенно вскинул

грузное тело в седло. До вечера, значит! Если сам не смогу подъехать, пришлю человека за тобой. Будь наготове!

Жестковато, как прнказ, прозвучало это. Помягче иадо было, подумал Майкы-бей, старнк даже съежился. Но пока нет взаимного доверия, и без приказиого тона не обойтись. Вот ведь с самого утра старался убедить его в своем добром отношении к юрматынцам и вообще к страие башкортов, выложил кое-какие сведения, которые должеи был хранить в тайне, а он все равно насторожен. Ждет, чтобы Майкы-бей поклялся, встав перед иим иа колени? Не дождется он этого от человека, который служнт семье великого Чингизхана, принимал чаши с хмельиым из рук его непобедимых иаследников! Сегодня Майкы-бей — посол, завтра возглавит тысячу воинов и, если Субудай-батыр не лишит его своего расположения, вериется сюда поле разгрома урусов с богатой добычей. Может быть... Может быть, правителем всей этой страны вернется, вот почему нужно уберечь ее от разореиия. Перестанут тогда башкорты талдычить, что табынцы явились неведомо откуда, признают их верховенство и будут покорио платить ясак. И построят каменный дворец, чтоб жил в ием Майкы-хаи в полное свое удовольствие, окруженный прекрасными наложиицами. Почему бы ие построить? С высокой башней, зинданом, тайным хранилищем сокровищ, комнатами для совещаний с везирами н всем прочим, что полагается во дворце. Место для дворца он сам выберет. Не на Туратау, понятно,—там после хана Акташа воиь не скоро выветрится... Но все это — потом, сперва надо отличиться в походе и.. своевременно вериуться. Татары, круша на своем пути царства, пойдут до Последнего моря. Когда еще повернут иазад! А тем временем он будет править от их имени. Поиадобится опора — люди, способные убедить всех, что именно Майкы-хан — спаситель страны. Азнай-бей понадобится. Юрматынцы послушны ему, в других племеиах к его слову тоже прислушиваются. Но строптнв старик, хай, строптив! Что скажешь — пока что делает, а в мыслях противится. Татарским псом, продажной душой, наверно, называет...

Каждый, конечно, прежде всего о себе, о своих людях, о своем племени заботнтся, продолжал размышлять Майкыбей. И Азнай-бей, и сам ои, Майкы-бей. В свое время, прикинув, как обернутся дела в мире, он решил примкнуть к татарам. Хотя на небосклоне разгоралась звезда монголов, подмятые ими н затаившие злобу татары были многочнсленней, вот и потянуло в их сторону. Но стать своим среди них, тем более — проиикнуть в их высший круг бы-

ло не так-то просто. К счастью, прослышал, что Субудай-багатур любит сказки, даже заснуть без ежевечерней сказки не может. Почему бы не воспользоваться этим? Теперь-то сундучок памяти у Майкы-бея обветшал, изрешетился, в ту пору был крепок и битком набит сказками и преданиями. Оставалось только довести это до сведения Субудая.

Тумен Субудая стоял у Енисея, тут же и табынцы обитали, вернее, маялись, оттесненные к скалам, не зная, как быть, куда податься. Пришлось и молодому Майкы, прежде чем попал в шатер могущественного военачальника, понзвиваться ужом. Немало ночей просидел у костра Субудаевых нукеров, добывал славу сказителя. Лишь после этого...

— Ну-ка, покажи свое умение, сказитель! — велел багатур, указав место у самого входа в шатер.

Первую сказку выслушал равнодушно — хоть бы раз взглянул, что ли, на молодого табынца! Вторую нетерпеливым жестом прервал на середине. Тогда Майкы торопливо принялся пересказывать предания о праотце тюрков Коркоте, о Бумын-бее, о Кюльтюгине*.. И оживился Субудай, качнулся, усаживаясь поудобней, вонзил в рассказчика взгляд своего единственного глаза. Наконец, дав движением руки знак не спешить, заметил:

— У того, кого ты называешь Бумыном, было, как я слышал, несколько иное имя — Тюмен-бей. Что касается великого каганата... — Тут Субудай повысил голос, заговорил резче: — Это сказка, воистину сказка! Кто поверит, что кто-то еще кроме нашего джихангира Чингизхана мог сокрушить столько царств?!

— Сведения об этом выбиты на скале, недалеко отсюда...

— Сказка остается сказкой, если даже она выбита на камне, — усмехнулся Субудай. — Но все же покажешь мне эту скалу. Скажу — когда...

Так произошло их знакомство. Со временем Майкы понял: Субудаева бессонница вызвана беспокойными мыслями, и не сказочник ему нужен, а собеседник; Субудай помнит, что в жилах его течет тюркская кровь, а в Чингизову колесницу он впрягся пристяжным, чтобы иметь возможность делать что-то для людей одной с ним крови. Благодаря ему, Субудаю, табынцы благополучно перебрались на Урал, и сам Чингизхан подтвердил право Майкы на

* Бумын, Кюльтюгин — прославленные тюркские вожди, в отличие от мифического Коркота — реальные исторические личности.

звание бея. И разве не ему же, не Субудаю, обязан Майкы-бей тем, что говорит с башкортами от имени великого кагана?

Душа Субудая застегнута наглухо, можно лишь догадываться, что запрятано в ее глубине. Но однажды она чуточку приоткрылась — не забыть Майкы-бею слов, услышанных у Енисея, когда они разглядывали выбитые на на скалах послания из прошлого.

— Пусть сегодня же тут поселится семиглавый дракон! — сказал вдруг багатур. — Найди людей, которые подтвердят, что чудом спаслись от него, разнесут жуткие слухи. Чтоб никто сюда — ни ногой. Чтобы письмена эти были забыты. Когда-нибудь потом их прочитают...

Таким вот образом Субудай дал понять, что это тюркское сокровище надо утаить от монголов, уберечь для потомков.

На войне он не раздумывает, тюрки перед ним или не тюрки. Противодействуют — значит, враги. Повелит каган разгромить, перебить всех — значит, перебьет. И все же... решая, кому поручить воспитание сына, Урентая, Субудай остановил выбор на молодом табынце, и уже в самом его выборе заключался наказ: рассказывай мальчику о тюрках, пусть знает, от какого он корня. Случилось это перед разгромом Хорезма. Потом были «страна красноголовых» — Персия, горы Кавказа, битва на Калке... В походе Субудай не разлучался с сыном. Вместе с Урентаем весь этот путь проделал и его наставник Майкы-бей.

После заключения мирного соглашения с башкортами понадобился посол, и опять Субудай остановил свой выбор на Майкы-бее. И это было понятно. Во-первых, табынцы, двигаясь в сторону Урала, уже перебрались через Тобол, а Майкы, конечно же, готов был помочь соплеменникам укорениться на новом месте. Во-вторых, расчетливый Субудай склонялся к тому, чтобы заключенное им соглашение как можно дольше не нарушалось, хотел иметь в будущем за спиной спокойную, неразоренную страну башкортов, потому послом должен был стать преданный ему человек.

Тринадцать лет — боги тому свидетели — Майкы-бей усердно исполнял поручение своего покровителя. Тринадцать лет не ведал покоя, сновал из племени в племя, улаживал спорные дела, не позволяя дурить хану Акташу, — и все-таки ему, Майкы-бею, башкорты не верили и не верят, хитрят с ним, скрытничают, видят в нем врага. К примеру, давно уж он слышит упоминания о союзе семи племен, обладающем силой крепкого ханства, но ни на одни из

межплеменных йыйынов — собраннй союзников — попасть ему не удалось, не допускают. Только что, оказывается, старейшины этих племен скрытно съехались и совещались блнз Актюбы. Майкы-бей как раз кружнл в тех же местах, но занят был мыслямн о Бушман-бее и ожидаемом нм караване. И попал впросак. Вернулся нн с чем. Возникло у него подозрение, что караван был придуман для отвода глаз, для прикрытня тайного собрання. Обидно! О караване сообщнл Искандер, стало быть, ввел в заблуждение прежде всего он. Майкы-бей прогнал его, изругав на чем свет стонт, а сегодня пообещал юрматынскому канбабе нзловить прохвоста. Пусть казнят. Не любнт Майкыбей скользких людишек. Осведомители ему, конечно, нужны, но ннчего, обойдется без отвергнутого всеми разбойннка. И без него доберется до секретов союза семи племен — когда вернется сюда баскаком. До тайны здешнего тоже докопается. Не для татар — для себя...

Ну, а пока что он посол и едет сейчас на свидание с посаженным в зиндан ханом Акташем. Что делать с этим старцем, осмелнвшнмся насолнть непобедимому татарскому войску, еще не решено.

4

Юлиан был немало уднвлен тем, что Азнай-бей, осунувшийся, мрачный, приехал прощаться с ним не один, а с «татарской собакой» Майкы-беем. Весть о погроме, учиненном в ауле, сюда, до укромного местечка на берегу Ак-Идели, не успела дойти, нначе людн, окружавшне унгара, поспешнли бы по-своему нстолковать прнчнну совместного прнбытия двух беев, а так все, увндев спрыгивающего с седла нежданного гостя, застылн с разннутыми ртами.

Майкы-бей, как обычно, разыгрывал нз себя очень большого турэ, — здороваясь, лншь кивнул и небрежно передал коня Каранаю. Взял Юлиана за локоть, повел вниз, к воде. Люди, смолившне там лодку, то ли узнав татарского посла, то ли просто угадав высокое положение чужака, тороплнво отошлн в сторонку. Майкы-бей прнсел на днище одной нз опрокинутых лодок, указал Юлнану место рядом с собой. И сразу — будто за горло взял:

— Я знаю, что ты — лжепосол...

Произнес это тоном, ннчего доброго не сулящнм, и отвернулся, выжндая, что прозвучнт в ответ. Юлиану он показался вдруг похожим на кошку, играющую с мышью перед тем, как сожрет ее. Что эта черная душа предпри-

мет дальше? Наивный, впрочем, вопрос. Наверно, неподалеку ждут знака его армаи. Стоит Майкы-бею хотя бы пальцем щелкнуть — налетят, схватят, руки-ноги скуют. Хотя нет — говорят, татары не тратятся на железные оковы, считают достаточным деревянное ярмо на шее. Так вот: всем тут, пожалуй, уготовано ярмо. И Азнай-бею тоже. И Каранаю...

Юлиан взглянул туда, где крупный галечник уходил под высокий глинистый берег. Наверху, у обрыва, Азнай-бей горячо говорит что-то Каранаю. Должно быть, объясняет, какая над всеми беда нависла. Неспроста он так мрачен... Понятно, не мог Юлиан догадаться, что речь идет о похищении Газили Изгнанным из племени, а стало быть, касается и его самого.

— Ну, что скажешь? — напомнил о себе Майкы-бей, притронувшись к колену унгара.

— Что скажу?.. Нас, последователей святого Доминика, называют «псами господними». Всюду, где бы ни оказались, мы исполняем волю наместника Божьего на земле и нашего короля. Ими я сюда послан.

— Хм... Ты утверждал, что побывал под Сыгнаком. Там никто тебя не запомнил, я поспрашивал... Но ладно, разговор у меня о другом. Скажи, гость, откровенно: можешь ли ты, вернувшись в свою страну, встретиться и поговорить с Белой Четвертым?

— Если даже я не захочу предстать перед королем, меня поведут к нему. Но сперва нужно вернуться живым-здоровым.

— Да-да... Только вот и водный путь не так уж гладок, могут возникнуть неожиданные обстоятельства... — Майкы-бей имел в виду, что к тому времени, когда унгар доплывет до Буляра, город, возможно, будет уже в руках Субудая, но вслух это не высказал. Помолчав, он вынул из-за пазухи деревянный кружочек, повертел в руке и протянул Юлиану: — На всякий случай... Если тебя вдруг задержат татары, пайцза позволит продолжить путь.

— Это... мне?

— Тебе. Я тоже хочу, чтобы ты вернулся туда живым-здоровым. — Видя, что лицо унгара заливается краской смущения, Майкы-бей хохотнул: — Хе-хе-хе! Все тут считают: Майкы — злодей, татарская собака, грабитель! А на самом деле... Скажешь королю Великой Унгарии: живет на свете несчастный бей, пекущийся о благополучии страны башкортов, хотя ему никто не верит...

— Он — татарский посол в этой стране, добавлю я.

— В своей стране, — уточнил Майкы-бей. — Я ведь табынец, а табынцы — ветвь здешнего народа.

— Мие кажется, бей хочет передать королю унгаров еще что-то... — сказал Юлиан, успокаиваясь.

— Пусть готовится: хан Батый не обойдет Великую Унгарию.

— Когда его ждать?

— Сначала он поучит уму-разуму одряхлевшего булгарского эмира. Затем разгромит княжества урусов. Через три года напоит коия из Дуная. Унгаров, ляхов, алманов * — всех поставит на колени.

— Еще неизвестно, как все обернется...

— В мире нет силы, способной противостоять его войску!

Перед мысленным взором Юлиана предстали защищенные сверкающей сталью, вооруженные до зубов королевские латиники, и он покачал головой, не соглашаясь с Майкы-беем, но спорить не стал.

— Чем Великая Унгария досадила Батыю? Должна же быть какая-то причина для нападения...

— Хан зол на кипчаков — не склоняют голову перед ним, а Бела Четвертый будто бы поддерживает их. И не только поддерживает — зовет, говорят, под свою руку.

Решив, что уже достаточно пооткровенничал, Майкы-бей приступил к изложению своей просьбы, ради чего, собственно, и приехал. Нет, он не собирался, подобно Туранбаю или Бушману, искать при неблагоприятном стечении обстоятельств приют в Великой Унгарии. Напротив, хотел башкортов, занесенных волею судеб на берега Дуная, вернуть на Урал. Пусть, мол, те, кто пожелает вернуться на землю предков, разыщут в ведомом Субудаем крыле татарского войска тысяцкого Майкы-бея. Об остальном позаботится он. В эти смутные времена нет ничего важней, чем спасти, собрав воедино, свой народ...

В таком примерно духе и довольно долго шла их беседа. Но в дошедших до нас записках Юлиана содержание беседы сводится вот к чему: в этой стране унгаров (!) вышеназванный брат, то есть он, Юлиан, встретил татар и разговаривал с послом «татарского вождя»; посол выказал знание унгарского, русского, куманского (кипчакского), тевтонского (немецкого), сарацинского (арабского) и татарского языков и сообщил, что татарское войско стоит неподалеку, в пяти днях пути от места, где происходил разговор, готовится выступить против тевтонов (?), ждет лишь

* Алманы — германцы.

возвращения туменов, посланных для разгрома персов. И все.

Тут много недомолвок, о просьбе же Майкы-бея вообще — ни слова, да оно и понятно. Монах писал отчет для магистра ордена и короля — какой же безумец решился бы, хоть и не от своего имени, предложить им: распустите подданных, их защитят и спасут в других краях. Это ведь все равно, что сказать: вы бессильны, надежды на вас нет! Говори, коль головы не жалко...

Может быть, просьба Майкы-бея все же была передана кому-нибудь, скажем, старикам племени Дьярмат? Последующие события, наверно, ответят — да или нет. А пока Юлиан только еще садится в лодку, отправляется в обратный путь.

Провожающих немного: Каранай да несколько слуг. Майкы-бей и кан-баба попрощались вчера, уехали, высказав надежду на новую встречу. Дел у них невпроворот, время сверхмерно хлопотное. Каранай нашел возможность остаться, но так же, как отец, хмур и почему-то глаза прячет, словно провинился в чем-то. Странно! Еще больше удивил Каранай тем, что вздрогнул и вроде бы побледнел, когда Юлиан на прощанье шепнул ему на ушко: вы уж тут берегите, мол, Газнлю и моего будущего сына! Что в этой просьбе такого, чтобы вздрагивать и бледнеть? Не случилось ли чего с Газнлей? Юлиан обеспокоился, но выяснить причину странного поведения егета не успел — лодки отчаливали.

Хотя вода в реке к лету заметно убыла, течение не потеряло силу, да и гребцы в охотку налегли на весла — лодки понеслись, что твои кони на состязаниях. Фигуры провожающих быстро отдалялись, вот уж и прощально вскинутых рук не разглядишь. Впереди безлюдно, лишь струн серебрятся меж густо заросших разнолесьем берегов.

Юлиана то захватывал азарт гонки, то опять томило беспокойство и тянуло назад, на Селеук. Там осталась часть его сердца, часть того, что составляло его естество. Если бы не долг... Нет-нет, нельзя расслаблять волю такими мыслями, он должен вернуться в Эстергом, рассказать там о татарах, их намерениях, их войске, — кто же, кроме него, это сделает? Он известит короля об опасности, грозящей Великой Унгарии, потом... Потом попросит разрешения снова отправиться сюда. Королю понадобятся сведения о продвижении татар, а ему, Юлиану, надо увидеть сына, — он уже свыкся с мыслью, что родится именно сын...

Дорога настраивает человека на свой особый лад, зав-

ладевает его вниманием, мало-помалу и Юлиана втянула она в круг неизбежных в пути хлопот. Оказалось — груз в лодке уложен не совсем так, как нужно, пришлось перемещать тюки. Только покончили с этим, подул сильный попутный ветер. Решили поставить паруса. И разве же мог живой, привычный ко всякой работе человек сидеть сложа руки, когда другие заняты делом? Простота, неприхотливость унгара пришлась всем по душе, ледок отчужденности растаял. Все чаще слышались шутки, смех. Пять лодок под туго натянувшимися парусами стайкой лебедей скользили по Ак-Идели.

На второй день пути остановились возле устья впадающей в Ак-Идель реки Сим. Юлиан, полагавший, что в стране башкортов нет городов, с удивлением разглядывал деревянные и каменные строения, рассыпанные по склону горы. Вершина горы была обнесена защитным тыном, там, внутри этой крепости, тоже виднелись дома и разного рода хозяйственные постройки. От берега в русло Ак-Идели были выдвинуты высокие причальные мостки, предназначенные, по всей видимости, для судов покрупнее юрматынских лодок, но сейчас причалы пустовали. Юлиан высказал недоумение по этому поводу: почему ни одного большого судна не видно?

— Наверно, торговые люди татарского нашествия боятся, — предположил один из его спутников.

— Надо вон у табынцев спросить, — добавил другой.

— Тут табынцы живут? — заинтересовался Юлиан, вспомнив разговор с Майкы-беем. — А как город называется?

— Да, табынцы... один из их родов.

— Калатау — так место это называется.

— А знаете, я слышал — где-то тут есть аул Биш Унгар *, в котором будто бы живут настоящие унгары...

Эта новость чрезвычайно взволновала Юлиана. Сойдя на берег, он принялся расспрашивать местных обитателей насчет Биш Унгара. Да, отвечали ему, есть такой аул, и не так уж до него далеко, однако там появилось неведомо чье войско, опасно там стало. Юлиан подавил желание побывать в Биш Унгаре — опасностью он мог бы пренебречь, но юрматынцы не стали бы ждать его тут, а отстав от них, он обрек бы себя на новые мытарства, самое малое — удлинил бы свой путь в Эстергом.

В Калатау к их каравану добавилось с десяток лодок,

* Одно из башкирских селений доныне сохранило название Бишаул-Унгар, что значит — пять венгерских аулов.

и на реке словно бы стало тесней. Вскоре Юлиан увидел еще один город. Он стоял на высокой круче у слияния Ак-Идели с Кара-Иделью. Оказалось, называют его по-разному: одни — Уфой, другие — Имянкалой, то есть Дубовым городом. Властвует в нем предводитель многолюдного племени Мин, он будто бы может и самое большое войско для защиты страны башкортов выставить, и наперекор союзу семи племен пойти. Услышав это, Юлиан заключил, что здешние племена тяготеют по меньшей мере к двум средоточьям силы, двум центрам, и Уфа имеет преимущество благодаря своему удобному расположению. Сведения такого рода, подумал он, будут не лишни, когда придет время отчитаться перед королем и великим магистром.

И еще один город миновали путники. Вернее — развалины древнего города Караабыза. К месту этому, как выяснилось, башкорты любви не питают, считая его обиталищем злых духов. Тем не менее рядом с развалинами Юлиан увидел дома недавней постройки, а на реке — просторные причалы, сооруженные, с расчетом на долгое использование, из дубовых и лиственничных бревен. Все это говорило о том, что страна башкортов смотрит в будущее с надеждой на добрые времена.

Слышать о татарской угрозе в этих краях слышали, но ни страха, ни даже беспокойства, похоже, не испытывали. Чем это объяснить — тем, что здешним обитателям не доводилось видеть татарина вблизи, или слепой верой в то, что Всевышний спасет их и сохранит? С приближением к Сулману Юлиан все чаще задавался этим вопросом и не находил ответа. Несколько раз путникам попадались на глаза вооруженные всадники, однако смахивали они скорее на людей, выехавших на веселую прогулку, чем на воинов. Беспечность всегда дорого обходится, а при нынешних обстоятельствах может и большой бедой обернуться, размышлял Юлиан, представляя, что повлечет за собой появление татар на этих покуда спокойных берегах. А может, не так уж все страшно, может, мы сами себя пугаем, думал он иногда, но пережитое им самим отвергало заманчивую мысль.

Ак-Идель незаметно ширилась, замедляла течение. Все больше видел Юлиан попутных и встречных лодок, ладей, челнов. Встречались уже и большие, под стать морским, суда — чувствовалась близость многоводного Сулмана.

Меж лодочниками пошли разговоры о булгарских городах, предстоящей уплате пошлин, возможных торговых сделках. Опыт прежних лет подсказывал: среди булгар

иайдется немало охотников купить юрматынские товары — меха, воск, самоцветы... Кто-то предложил распродать все в ближайшем городе и повериуть обратио, отправив унгара дальше с какими-иибудь попутчиками, одиако караван-баши напомнил о наказе Азнай-бея проводить гостя до Большой Идели. Тогда все вдруг возжаждали повидать земли, где живут чуваши, мокши, эрзя, даже урусы, наперебой высказывали миеиия об их товарах, хвалили одио, хаяли другое. В разговорах этих Юлиан улавливал то наивное бахвальство — вот, дескать, как много мы зиаем, то затаениое беспокойство.

Когда выплыли иа простор Сулмана, разговоров поубавилось, забот прибавилось. Гребцы старались вести лодки поближе к берегу, по спокойной, без водоворотов, струе. Хозяева товаров вновь перекладывали, а то н распаковывали тюки, дабы вспомнить, где что лежит, и держать под рукой то, что понадобится при уплате пошлин или для продажи случайным покупателям.

Благополучно прошел еще одии день. Решили переночевать на высоком берегу, подкрепиться горячей пищей — иадоела сухомятина, да и основательно отдохнуть было самое время. Поставили шатры, разожгли костры, наудили рыбы. В медиых казаиах подоспела уха. Путники, отмахиваясь от комаров и неспешно беседуя, ждали, когда ашиаксы — повара — выделят каждому его долю. И вот уже оставалось только поднести, помолясь, ложку ко рту, но как раз в этот момент послышалось:

— Примите мой привет!

К кострам подъехал всадиик, судя по одежде — табыиец. Должно быть, сиачала он понаблюдал за нашими путниками из-за кустов, ибо человек, вдруг наехавший иа чужой лагерь, ие повел бы себя так уверенно.

— Нет ли среди вас путников из племени Юрматы? — громко продолжал всадник.

Торговцы из Калатау, сидевшие ближе к нему, указали на кружок юрматынцев. Всадник спешился, приблизился к юрматынцам, ведя коня в поводу, и еще раз уточнил, действительно ли они — юрматынцы.

— Да-да, с самого рождеиия! — отозвался караван-баши. — Присаживайся, отведай нашего угощеиия! Егеты, позаботьтесь о коне!

— От угощения не откажусь, — сказал приезжий. — С утра в рот крошки ие брал. Отыскал-таки вас. Меня Майкы-бей послал...

— Ну-ну?

— На голодный желудок и слова тощи, ие так ли? —

усмехнулся табынец, и, пока он не умылся и не насытился, так ничего из него и не вытянули.

— Наш тысяцкий Майкы-бей велит вам миновать стольный Буляр стороной. Там скоро начнется битва. Город окружен, штурм готовит сам Шайбани-хан * — сообщил, наконец, табынец, да так радостно, будто доставил очень приятную весть.

— Как это — стороной? Лодки посуху, что ли, тащить? — удивился кто-то.

— Не сворачивать в Черемшан, плыть прямо по Сулману — так, наверно, надо понимать слова Майкы-бея, — предположил караван-баши.

— Это уж смотрите сами. Я передал, что велено. — Гонец посидел немного, закрыв глаза, как бы припоминая что-то, и добавил: — И еще Майкы-бей сказал: пусть гость, коль станет слишком уж тяжко, постарается встретиться с ним. Кто тут гость, он? — Табынец кивнул в сторону Юлиана.

— Я, — подтвердил Юлиан, качнув головой в легком поклоне. — Скажи, друг, не упоминал ли Майкы-бей имя Кулгали-турэ?

— Нет, не упоминал. А кто он такой, этот Кулгали, — сардар?

Юлиан на вопрос не ответил, промолчал.

5

В соборной мечети стольного Буляра свершалась полуденная молитва. Народу собралось много — не сумевших протиснуться в мечеть было, наверно, больше, чем попавших в нее. Оставшиеся снаружи напряженно вслушивались в доносившийся изнутри голос имама, настоятеля мечети, стараясь не упустить начало его проповеди. Однако доносившиеся с окружающих город холмов звуки, — конское ржание, рев верблюдов, колесный скрип, — сливаясь в раздражающий шум, мешали сосредоточиться на главном, вынуждали одних оглядываться назад, других — перешептываться. Во взглядах собравшихся можно было уловить и злую решимость, и растерянность, и обыкновенное любопытство вездесущих зевак.

Трон в опасности! К городу подступали передовые отряды врага. Вылететь бы сейчас воинам эмира из всех городских ворот, раскромсать вражеское кольцо, пока оно

* Шайбани-хан — брат Батыя.

еще слабо! Но трон занят другим: во дворце эмира идут переговоры с людьми, присланными Шайбани-ханом.

Кулгали тоже не смог пройти в мечеть. В иное время перед ним расступились бы: «Айдук, турэ, проходи!». А сегодня многие не в состоянии узнать друг друга.

Поэт сначала торкнулся во дворец эмира, его туда не впустили — уже из этого можно было вывести, к чему клонится дело. Во дворце знают, что Кулгали — сторонник решительного сопротивления татарам. Не забывают, что именно он убеждал в необходимости послать войско на Яик, и, похоже, вину за потери, понесенные там, попытаются целиком взвалить на него. Сегодняшнее отлучение от дворца — одно из доказательств этого. Как бы еще татарам его не выдали! Надо соблюдать осторожность, опасно показываться у дворца.

Возможно, и у мечети кто-нибудь не спускает с него глаз. Но тут черный люд — гончары, кожевники, кузнецы — поэта в обиду не дадут. Кинутся на выручку, только голос подай. Вот его уже узнают, указывают друг другу на него. Наверно, шепчут: «Кулгали, Кулгали здесь!» — Может быть, ждут от него подсказки, как быть, что делать. А он сам ждет, не призовет ли имам булгар к битве с врагом. Если нет, если попытается превратить свою паству в овец, готовых покорно пойти под нож, — Кулгали не промолчит.

Шум, доносящийся со стороны восточных ворот, усилился, взвился пронзительными криками. У Кулгали есть там свои люди, и он знает, что татар перед городскими укреплениями пока не очень много. Зато крику!.. Это их обычная хитрость: шумом-гамом, дикими воплями стараются нагнать страху на осажденных, лишить их мужества. Эх, ударить бы по ним неожиданно — самое время остудить их пыл! Но ворота заперты, славное войско эмира Ильхама прячется где-то, а остальной люд пребывает в мучительной растерянности. Народу нужно оружие и в неменьшей мере — понимание того, чем ему грозит бездействие. Народ нуждается в предводителях, способных первыми кинуться в схватку. Таких, как Бушман-бей. Но он далеко. Нет в городе ни Баяна, ни Яку. Впрочем, трудно сказать, где они сейчас должны быть, — здесь, в осажденном городе, или в другом месте. Одно поэту совершенно ясно: не оказать сопротивление напавшему на страну врагу — значит, обречь ее на порабощение и гибель. Прояви стойкость — и победа над татарами возможна, ничего такого особенного в татарине нет, смертный, как все, от стрел и копий не заговорен. Если стольный Буляр решит

сражаться, на помощь поспешат и Яку с Баяном, и Бушман, и, может быть, даже русские князья...

Кто-то прнтронулся к руке Кулгали. Оглянулся — один из его егетов.

— Я — оттуда... Эмир, говорят, согласился открыть ворота. Но поставил условие: откроет только перед самим Субудаем. Те требуют открыть сегодня же...

— Тише!.. К чему же пришли?

— Те дали ночь на размышлення. Уехали, пригрозив пойти утром на приступ.

— Так! Известн всех наших, пусть соберутся у моего дома.

— Таксир сам остается здесь?

— Да, послушаю проповедь. Ждите...

— Будет исполнено, таксир!

Верный егет, смелый егет. Таких егетов у Кулгали немало, все — его соплеменники-билярцы, готовые идти за ним в огонь и воду. Скоро они соберутся у его дома. Пусть все будут под рукой. Настал, кажется, час, когда решится — останутся они защищать город или уйдут к кому-нибудь из батыров, чтобы сражаться рядом с ним. Решится... Но пока вряд ли в стольном Буляре найдется провидец, способный определенно сказать, где их оружие принесет больше пользы.

Глубоко задумавшись, поэт впал в то состояние, когда человек ничего вокруг не замечает, не видит и не слышит. Должно быть, он простоял так довольно долго — даже весь свой жизненный путь проследить успел. Беспечное детство в доме отца, имама Мирхажи, — проскакало оно игривым жеребенком. Отъезд в Хорезм, медресе, уроки достославных ученых мужей, свет адамията — человеколюбия, зажженный ими... Нашествие войск Чингизхана. Города, превращенные в руины, высохшие арыки, поля, занесенные песком. Как ему удалось живым-здоровым выбраться из этого ада?! Может быть, Аллах выразил так свою волю, зная, что он приступил к созданию дастана о Прекрасном Юсуфе. Счастливые годы работы над «Киссаи Юсуфа» промелькнули в мгновение ока... Исполнил ли он то, для чего был предназначен, не зря ли потрачена жизнь? Постой, остановил сам себя Кулгали, что это ты — будто умирать собрался? Не прошло еще, наверно, отпущенное тебе время, более того — во имя справедливости, наперекор захлестывающему мир злодейству ты должен жить и жить!..

Толпа собравшихся на майдане перед мечетью неожиданно колыхнулась, подалась, теснясь, к дверям храма.

Кажется, имам начал проповедь. Аллах всемогущий, надели имама мудростью нлн хотя бы не лншай его той капли разума, которой он был наделен, мысленио обратнлся к небесам Кулгали, выбираясь из закружившей, затолкавшей его кучки верующнх в более спокойное место. Из мечети по-прежнему доноснлось лишь что-то невнятное. Людн спрашивалн у стоящих впереди:

— Ну, что там? Что он говорнт?

— Тяжелые, говорит, наступнли времеиа...

— А-а...

— Это, говорит, наказание, ниспосланное за грехи наши...

— О-о!..

Со стороны дворца к мечетн подъехалн иесколько всадииков. Двое нз ннх ударили в барабаны, извещая о прибытии глашатая. Толпа отозвалась возмущениыми возгласами:

— Тихо! Хазрет пронзноснт проповедь!

— Бесстыжие! Даже не спешились в святом месте!

— Безбожннкн!..

Завязалась перепалка, поскольку другая сторона тоже ие смолчала. А как же нначе — служить эмнру, «золотой опоре мусульманского мира», н терпеть хулу? Нет уж! Но долго важничать и огрызаться слугам эмира ие дали. В иих полетелн палкн, камни, вынуднв отступнть. Покричали они издали, грознлн — толпа отвечала свистом н смехом.

Происшествие это, кажется, приподияло иастроение собравшихся у мечети. Тон разговоров сменнлся.

— Не коичил еще он там?

— Нет, все наставляет. Прнзывает к терпению и послушанию.

— Татар, что ли, велит слушаться?

— Вроде бы...

— Продался, видать, им! Вероотступник!..

Вполие возможно, что продался, согласился Кулгали. Разве в Ургенче и в Бухаре священнослужители не уговаривали народ открыть ворота, впустить врага? Потом-то выяснилось — самн они обмаиуты щедрымн посулами да блеском татарского злата-серебра. Вериулось злато-серебро к тем же татарам, а головы в чалмах валялись в пыли под конскимн копытами. Предательство никогда ни к чему хорошему не приводило. Когда над тобой занесена сабля, лнбо ты успеваешь поразнть врага, либо твоя голова слетает с плеч. Такова логнка жизни, ие считаться с ией — гнбельно...

Снова загремели барабаны. Затрубила труба. Глашатай, сопровождаемый на этот раз стражниками, еще издалека начал выкрикивать:

— Слушайте, слушайте! Великий наш падишах, несравненный эмир Ильхам ибн Салимьян изъявляет свою волю. Слушайте фарман любимого эмира! Простолюдинам запрещается выходить из своих домов, собираться в кучки и производить какой-либо шум. За ослушание — пятнадцать плетей. При поимке с оружием — виселица. Слушайте, слушайте! Состоятельные люди стольного Буляра должны встретить непобедимое татарское войско, оказывая почести, выставив угощения!..

Вот так! Скоро все будем именоваться татарами, даже название «булгары» на земле не останется, опечаленно подумал Кулгали, глядя на взбудораженный майдан. Известно, что Чингизхан не любил татар, эта неприязнь передалась его сыновьям, внукам, и они уничижительно называли татарами всех, кого подмяли под себя монголы. Однако, превращая в татар, обезличивая покоренные племена, монголы и сами, можно сказать, потеряли свое лицо. Редко кто теперь назовет их монголами, для всего мира они — тоже татары.

Толпа возбуждена, не понять, кто что выкрикивает. Выходящие из мечети люди останавливаются, стараясь, естественно, понять, что происходит. Народу на майдане становится все больше. Крик-гвалт, толкотня. Толпа, поневоле напирая на глашатая с его свитой, оттеснила трубача в сторону, он очутился рядом с Кулгали. Испуган всадник, нет ли, но конь его явно испуган.

Кулгали хлопнул ладонью по колену трубача.

— Здравствуй, браток! Не узнаешь меня?

— Узнал, таксир!

— У меня тоже есть что сказать народу. Помоги мне!

— Как, таксир?

— Потруби как можно громче и одолжи мне место в седле...

Трубач, немного поколебавшись, улыбнулся, кивнул согласно. Пронзительный звук разнесся над майданом. Шум-гам улегся не сразу, но многие обернулись на звук трубы. Привставший на стременах поэт привлек еще большее внимание.

— Это еще кто такой?

— Бэй, неужто не знаешь? Это же Кулгали-турэ! Дастан о Юсуфе и Зулейхе слышали?..

— Тихо! Ученнейший и умнейший в Буляре человек будет говорить!

Кулгали, вскинув правую руку, тоже попросил тишины.

— Жители славного Буляра! — начал он. — Соотечественники мои, отважные булгары! Только что имам сказал вам: наступили тяжелые времена. И в этом хазрет прав. Но разве не выпадали тяжкие испытания на долю дедов-прадедов наших? Разве сидели они при этом, страшась выйти из дому? Я вас спрашиваю: разве слабели их колени перед лицом какого-либо врага?

— Не-е-ет! — вырвалось из сотен уст.

— А почему? Потому, что наши предки обратили в своих верных спутников мужество и независимость. А мы — разве мы утратили мужество и любим свободу меньше, чем деды-прадеды?

— Не-е-ет!

— Коли так, мы должны встретить кровожадных татар как раз согласно воле эмира Ильхама — чествуя саблями, угощая стрелами и копьями!

Напрягая голос, Кулгали выдохся и замолчал, чтобы отдышаться. И народ молчал, ожидая завершения речи. Молчание затянулось. Стоявший возле своего коня трубач не выдержал, выкрикнул звонко:

— Что мы должны делать — вот о чем скажи, таксир!

Просьбу подхватили:

— Не лишай нас своего совета! Научи!

— Повелишь — пойдем за тобой!

Но слышались и выкрики иного рода:

— Он перечит воле нашего повелителя!

— Вот кого первым — на виселицу!

Кулгали снова вскинул руку, призывая к тишине. На этот раз его голос зазвучал еще громче:

— Я уже сказал, что делать. Пусть слабодушные разойдутся по своим домам. Но дом от татар не спасет — видел, знаю... Что касается настоящих мужчин... Я, например, пойду со своими егетами на городскую стену защищать Буляр!

— Не оставляй нас!

— И нас возьми с собой!

— Будь нашим предводителем!

— Предводители найдутся среди вас самих. Главное сейчас — решительность, ибо враг — у ворот. Призовите в спутники мужество, гордость — и вы не заблудитесь. Если понадобится мой совет, ищите меня там, где идут схватки!..

Майдан опять загудел. Кулгали собрался было спешиться, но трубач, замахав руками, остановил его. Приш-

лось склониться к самой гриве коня, чтобы расслышать слова трубача.

— Уезжай скорее, таксир, а то угодишь в рукн стражников!

В самом деле, всадники в одежде дворцовых охранников пытались пробиться к ним. Однако сторонники поэта препятствовали им: одни хватают коней под уздцы, другие размахнвают перед конскими мордами шапкамн и даже бешметами. От криков оглохиуть можио. Кулгали приложил руку к груди, выражая признательность трубачу, и тронул коня каблуками. Народ, тесиясь, расступался перед ннм. Трубач уцепился за стремя, дал поиять, что последует за таксиром.

Не один лишь трубач последовал за поэтом, объявившим войну татарам и даже своему эмнру. Уже выбравшись из людской толчеи, сворачивая иа улицу, где жил, Кулгалн обериулся и с удивлением обиаружил, что еще, по меньшей мере, человек сто поспешают за иим. И дальше видиы были бегущне следом люди. Кое-кто успел вооружиться дубинкой, ио большинство — безоружио. Тревожная мысль резанула по сердцу Кулгали: не зря ли он увлек за собой этнх людей? Еслн иалетят вдруг армаи эмира, шутя искромсают всех, татарам «работы» не оставят. Что делать? Готовить их к битве, вот что, резко сказал сам себе Кулгалн. Вооружить, сплотнть... А пока надо скорей добраться до своих егетов. Он снова огляиулся и помахал рукой, как бы говоря: я рад, что вы — со мной.

Въехав в свой просторный двор, поэт соскочил с коня, передал его хозяину, подиялся на высокое крыльцо. Тут хлынули в ворота и поспешавшие за иим ремеслеииики. Успевшие подойти до этого егеты-булярцы, не разобравшись, в чем дело, решив, что толпа преследует их кумира, живо выстроились перед крыльцом, изготовили оружие для отражеиия нападения. Кулгали громко засмеялся.

— Уберите пока эти игрушки. Выставьте на улицу дозорных! — распоряднлся он н, обращаясь к новым своим последователям, продолжал: — Я вижу, братья, сердца у вас львиные. Нас пока мало, а врагам нет числа. Но ведь найдутся еще в стольном городе такие же отчаянные, храбрые, как вы, люди, а? Конечно, найдутся. Надо подиять их. Еслн каждый из вас поведет за собой двух-трех егетов, будет очень хорошо. Четверых-пятерых — еще лучше. Сможем мы это сделать?

— Почему бы не сделать?

— Сейчас же соберем егетов!

— Только оружие нужно, оружие!

— Оружне вон у армаев эмнра отберем!

— Нет, — возразнл Кулгалн, — не будем пока трогать их. Может, устыдятся оии и примкиут к иам. Не мешает послать к ннм человека от нас. — Кулгали отыскал взглядом трубача, тот кивком выразил согласие. — А оружие возьмите в лавках, торгующнх им, и оружейных мастерских. Я заплачу. Так н скажите. Что еще? Я буду у главиых ворот города. А вы завладейте воротамн, которые ближе к вашим домам. Чтоб ннкто ие смог открыть нх — ии изнутри, ии сиаружи. Даст Аллах, сообща отразим врага, избежим позора!..

Как раз в этот момент с улнцы прокричали, что прибыл гонец из дворца: эмир вызывает поэта! Кулгали, велев ответить, что пока не может отправиться во дворец, недосуг, мол, закончил свои наставлення так:

— Враг силеи н беспощаден. Вдобавок иам и в спину могут ударить. Если не останется никакой возможиости выстоять здесь, постарайтесь выбраться из города, ищите наших батыров — Баяна нли Яку. Либо уйдите в страиу башкортов, к юрматыицам, там укажут путь к предводителю кипчаков Бушман-бею — ои татарам ие покорится. Не забудьте эти нмеиа. И да поможет иам Аллах!

Вроде бы простеиькие слова произносил поэт, а глядите-ка — весь стольиый Буляр взбудоражнлся. Коротеиькая весть: «Кулгали велел отстоять город!» — передавалась из дома в дом, облетела все улицы, площади, поселки. «Кулгали велел отстоять город!» — говорили женам ремесленники, надевая опояскн с саблямн. «Кулгалн велел отстоять город!» — в ужасе шептались придвориые эмира. «Кулгали велел отстоять город, за оружие ои заплатит», — услышав это, торговцы открывали двери оружейных лавок. Народ устремился иа городскне укрепления.

Сам поэт в воиниском облачеиии, иа коие, появлялся то там, то тут, расставлял людей, призывал армаев эмира встать на стороиу иарода. Всюду его встречали приветливо и склонялн головы, уверяя, что его советы и повелеиия будут точио нсполиены. Казалось, стольиый Буляр иабрался решимостн защитить себя. Даже во дворце эмира будто бы началн склоияться к согласию с народом, во всяком случае, враждебиых действий против иего войско эмира не предприиимало. Оставалось объедииить эти две силы — тогда Великий Булгар предстал бы перед иапавшим иа него хищииком не зиающнм страха львом.

Размышляя прнмерно в таком духе, Кулгали наблюдал с башнн главных ворот, что делается во вражеском стаие. Передовые сотии татарского войска, расположив-

шиеся напротив ворот, поставив шатры, дымили кострами. Неподалеку отлаживали камнеметное орудие. Вдруг там засуетились, забегали, послышались то ли испуганные, то ли радостные голоса. Кулгали приставил руку ко лбу, чтобы получше разглядеть, что происходит, и рассмеялся: оказывается, пригнали стадо овец на убой, теперь их делят. Напади на них сейчас — не составит большого труда повязать самих, как баранов. Либо просто разогнать и захватить камнеметное орудие, а заодно и всякое прочее оружие.

— Это не монголы. Монгол насыщается не сходя с седла, он не суматошится так из-за еды, — сказал юзбаши, начальник охраны ворот. Как только Кулгали появлялся здесь, юзбаши неотступно ходил за ним.

— Ты — воин. Не подмывает тебя налететь на них, разнести там все в пух и прах? — спросил Кулгали.

— Да, в самый бы раз сейчас налететь.

— Так что ж мы стоим?

— Приказа нет.

— А давай мы сами для себя станем сардарами! Там у них, — Кулгали кивнул в сторону дворца, — других забот полон рот. Если мы тут ударим...

— Нам это запрещено! — отрезал юзбаши.

— Хм... Понимаю, вами приказы правят. — Кулгали отвернулся, подумал чуток и вновь обернулся к юзбаши. — Слушай, егет, а если я со своими? Ворота откроешь?

Юзбаши опасливо глянул по сторонам, замялся, как бы не решаясь сказать что-то, переминался с ноги на ногу (был он бос, берег, видно, сапоги).

— Ну?

— Бесплатно ничего не делается.

— Сколько же ты хочешь?

— Десять золотых таньга. — Усы юзбаши встопорщились, на лице появилось некое подобие улыбки.

— Дороговато... за благое дело. Не будет потом стыдно? Я ведь и так... — В голосе Кулгали прорезалась злость.

— Ключ у меня! Десять золотых, — прохрипел юзбаши. Возможность сорвать, не прилагая никаких усилий, огромный куш, помутила, видно, его разум — думать о чем-либо другом, кроме этих денег, он был уже не в состоянии. — Ну, бай-агай, зачем тебе теперь золото? Все равно тебя зарежут — или наши, или татары. А попадешь за ворота, так, может... Десять золотых — и ключ твой!

— Давай! — Кулгали вытащил из-за пазухи кожаный кисет с деньгами, швырнув под ноги юзбаши. Взяв ключ,

замахал рукой, будто отмахиваясь от мухи. — И пропади, чтоб не воняло тут!

— Я сейчас, сейчас, только сапоги возьму! — пробормотал юзбаши, совсем обезумев от радости.

Кулгали был вне себя от гнева и отвращения к поганцу, иначе сообразил бы, что нельзя его отпускать: продавший свою душу непременно и чужие продаст. Да тут еще прискакал опять гонец из дворца. И опять поэт отказался предстать перед эмиром — некогда. Но пришла ему в голову мысль послать письменный ответ. Свинцовый карандаш, как всегда, был при нем, нашлась и полоска бересты, часто заменявшей драгоценную бумагу. Присев на привядшую траву и расправив бересту на медном щите, Кулгали торопливо принялся писать. Как ни зол он был, впитанная с материнским молоком вежливость побудила его обратиться к эмиру уважительно. Но далее слова поэта становились жестче, резче, ибо писал он о необходимости оборонить страну от захватчиков, о долге и чести, о суде еще не родившихся потомков. О своем решении устроить ночью налет на татарский стан он не упомянул. Впрочем, на полоске бересты больше некуда было ткнуть карандашом.

В этот день Кулгали держал карандаш в руке последний раз.

Нельзя сказать, что не было попыток уберечь поэта — были такие попытки, его настойчиво отговаривали от участия в ночной вылазке. Он обиделся: вы хотите лишить меня счастья сражаться за мою страну, за свободу! Пришла весть: подожгли его дом. «Мои рукописи!..» — воскликнул он, постоял немного, сжав руками голову, а вскоре его мысли вновь были заняты предстоящей схваткой. Почти всех, кто по собственному желанию готовился к ней, он сам оглядел одного за другим, выясняя, как вооружен человек, здоров ли. Переговорил с каждым из предводителей десяток, уточнил с ними, кто в каком направлении и как будет действовать.

Когда подошло время выступить, Кулгали собственноручно открыл ворота, пропустил десятку за десяткой мимо себя, благословляя их и с особой радостью замечая среди ремесленников присоединившихся к ним воинов эмира. Наконец, еще раз убедившись, что охранники ворот на месте, он и сам вскочил на коня.

В ночной тишине прокричала сова. Ей ответила вторая, третья... Татарская урдуга окружена! В нескольких местах одновременно высекли огонь, подожгли пропитан-

ные горючей смесью комки пакли, их пламя обернулось факелами, сотнями факелов. Раздвинулась тьма, и нападающие, издав боевой клич, ринулись вперед. Земля, казалось, вздрогнула и застонала под конскими копытами. Круша все, что попадалось на пути, нападающие закружились меж шатров. Но странное дело: никакого сопротивления они не встретили. Спят татары или так опешили, что опомниться не могут?

Нет, не спали татары. Просто в лагере их не было. Зря махали саблями булярцы. В конце концов, остановились, недоумевая.

— Это что еще за чудеса?

— Их предупредили! Нас предали!

— Смотрите, и в городе что-то неладно!

— Там наших бьют!

— На выручку, егеты, на выручку!..

В городе и в самом деле шла жаркая схватка. Там что-то загорелось, и при свете пожара было видно, как мечутся по городским укреплениям люди, их вопли доносились, сливаясь в звериный вой.

«Так вот в каком обличье выплеснулось коварство! — огорошенно думал Кулгали. — Едва мы выехали из ворот, нашим ударили в спину! И татар предупредили...». На миг предстал перед глазами поэта алчный юзбаши. И представилось даже, как он босиком, с перекинутыми через плечо сапогами бежит во дворец...

Кулгали ничуть не сомневался в том, что кровопролитие в городе устроило войско эмира. Оставив несколько человек, чтобы подожгли камнеметное орудие, он с остальными своими егетами помчался к главным воротам. Ворваться бурей, разметать армаев, собрать и увести из города людей, поднявшихся на его защиту — таково было намерение поэта.

Но подлость не имеет пределов: ворота оказались запертыми, сверху на участников неудачной вылазки посыпались смертоносные стрелы, и передние их ряды сразу поредели. Пришлось повернуть обратно. Не успели опомниться, посовещаться — и справа, и слева раздался дикий вой, земля снова дрогнула под копытами коней, — это затаившиеся до поры до времени татары кинулись утолять жажду крови...

* * *

Суждений и споров о жизненном пути и смерти Кулгали — гордости тюркских народов — ныне предостаточ-

но. Интерес к нему понятен, ведь он жил в эпоху Низами, Руставелли, безымянного автора «Слова о полку Игореве» и так же, как они, подарил человечеству бессмертное поэтическое творение — «Киссаи Юсуфа». Но сведения о нем мы находим в единственном дошедшем до нас письменном источнике — сочинении древнего башкирского мыслителя Тажетдина Ялсыгула «Насабнамэ». Опираясь на сочинения еще более древних авторов, Ялсыгул сообщает о происхождении Кулгали из башкир племени Ай, о его учебе и учительстве в Хорезме, возвращении к устью Зая в отчий дом и переселении затем в город Буляр. То, чего не хватает в «Насабнамэ», восполняют живущие в народной памяти предания. Они представляют поэта организатором сопротивления Батыевой орде, погибшим в кровавой схватке. Вместе с тем бытуют и утверждения, что Кулгали, схваченный живым, был казнен вместе с четырьмя десятками других ученых мужей Буляра.

Приняв на веру последнее, мое воображение рисует такую картину. Солнечный полдень. Стольный Буляр — в руках татар. Народ согнан на майдан перед дворцом эмира. Трон эмира вынесен на дворцовое крыльцо, на троне сидит одноглазый Субудай. Батый Саин прислал его на подмогу Шайбани-хану. Эмир Ильхам в надежде остаться на троне и при татарах распахнул ворота города, но стоит теперь за спиной багатура, навевает на него опахалом ветерок, — так Субудай решил, видать, проверить, годится ли бывший повелитель булгар на что-нибудь. Знатные татарские военачальники выстроились по обеим сторонам крыльца. Справа на самом краю их строя можно видеть Майкы-бея с Юлианом. Надо думать, торговым людям — спутникам монаха — не повезло, их либо ограбили, либо пришлось им повернуть обратно, и нашему путешественнику не оставалось ничего другого, как отыскать своего случайного покровителя в татарском стане.

Субудай, хлопнув в ладоши, подает знак, и на майдан выводят ученых мужей Буляра. Все они, от первого до сорок первого, привязаны к одному аркану, и участь им уготована одна. Великий Булгар не просто пал — мир должен забыть о том, что он существовал, а потому ученые мужи — прежде всего ученые мужи, дабы не оставили они потомкам какие-либо свидетельства — должны умереть. Стражники, тыча древками копий и пиная в подколенный сгиб, ставят пленников на колени. Один из пленников — он в крови, одежда изодрана — тут же вскакивает. Поскольку волосяной аркан не дает ему выпрямиться, он приподнимает и

соседа по связке. Два стражиика кидаются к строптнвому, чтобы иавести порядок, ио Субудай, рыкиув, остаиавлнвает их.

— Кто такой? — спрашнвает Субудай.

— Вот он и есть главный смутьяи! — спешнт угоднть багатуру эмнр Ильхам. — Хулнтель паднпритахов, иазывающнй себя ноэтом...

— Поэтом? Не зиаю такого слова. Главный смутьян — это понятио. Иначе говоря, вчера в этом воиючем городе едииственым, кто достоин зваться мужчииой, был он...

По майдану прокатывается шумок, на лнце Субудая, прннявшего это на свой счет, появляется улыбка. Одиако иарод взволиоваи ие столько его словами, сколько тем, что в окровавлеиином плеииике узиал своего поэта. «Это же иаш Кулгалн!» — ахают булярцы. «Это же иаш Кулгали»! — шепчет Юлиан, хватая за рукав Майкы-бея. «Прнкуси язык!» — шнпнт Майкы-бей.

— Страиное у тебя имя! — говорит Субудай, глядя иа Кулгали. — На раба * ты иикак ие похож. А этот козлобородый рядом с тобой — ои тоже по-эт?

— Упаси Аллах! — вскрикивает «козлобородый». — Я — имам собориой мечети, совершивший хадж в свящеиную Мекку. Вчера я прииародио предал этого смутьяиа аиафеме!

— Сколько слов ты тратишь впустую! — качает головой Субудай. — Достаточно было сказать: присматрнваю за домом Аллаха. Твой Бог, вндио, иедогадлнв: не огрел тебя по макушке железиым посохом, когда ты подвергал хуле истнниого хаиа, хаиа по духу... Эти тоже такне, как ты, пустословы? — кнвает багатур на остальных плеиииков.

— Нет, батыр! — отвечает вместо нмама Кулгалн. — Это подлнииые светнла Велнкого Булгара, самые уважаемые, самые мудрые люди. Оин ии в чем ие повинны, не поднимали оружия против вас, их иадлежит отпустить.

— Не обнжайся, Кулгали, не могу поверить в их мудрость, — говорит Субудай с какой-то затаеиной тоской в голосе. — Онн же не оценнлн твою зоркость, не добнлнсь, чтобы эмнр, годный лншь для помахиваиия опахалом, уступил место тебе. Горшок мудрости только в том случае хорош, если его открывают своевремеино.

— Это так, — соглашается Кулгалн.

— Когда силе должиа протнвостоять снла, мудрость исходит не с кончика языка, а с острия саблн. Глупые

---

* Кул (кол) — раб, галн — выдающнйся, знатный. Знатный раб Всевышнего — таков, очевндно, смысл нменн поэта.

бараны этого не знают, а человеку надлежит знать. Но вся беда в том, что мир поклоняется баранам, принимая их за мудрецов. Грустно мне жить в этом мире, Кулгали! Прости, я ничего не могу сделать для тебя. Бог войны Сульдэ требует твоей крови, потому что ты пролил монгольскую кровь, — Субудай оборачивается к своим подручным. — Что делать с баранами, вам ведомо. Этого ишака, — указывает на эмира Ильхама, — привяжите к обозной арбе. Покажем его Величайшему из великих*. Если угодит ему, может быть... — Не досказав, Субудай встает и направляется к своему коню. Душно багатуру в городе, стесняется дыхание...

С началом казни я закрываю глаза, чтобы не видеть, как кидают в общую кучу отсеченные головы. Но от звуков нет спасения. Сквозь века доносятся до меня, терзают слух плач и мольбы о пощаде, стенания и проклятия, гул и треск, исходящий от объятых пламенем домов, конский топот и крики завоевателей, гонящихся за обреченными на рабство.

Я пытаюсь представить, какие чувства испытывал Юлиан, ставший свидетелем празднества смерти, и содрогаюсь при мысли, что он, возможно, воспринимал происходившее на его глазах спокойно, как обыденное зрелище...

7

Кук-Кураук — единственная в своем роде речка, другой такой во всей стране башкортов не найти. Вот шумит она средь валунов, а глянешь чуть дальше — уже нет ее, ушла в подземелье. Не только для себя проложила она скрытые пути, но и о людях позаботилась, наделав заодно невесть сколько больших и малых пещер. Раздвинь кусты там, где речка когда-то оставила след, — непременно увидишь зловеще отверстый зев пещеры. Неспроста и места эти, составляющие гористую часть владений юрматынцев, считаются зловещими.

Вон из отверстия в отвесной скале выглянул человек и тут же опять спрятался. Похоже, он следит за кем-то. А-а, понятно: внизу, под скалой, некто пытается развести костер, чуть в стороне двое свежуют только что подстреленную косулю. Собираются набить животы жарким. По оружию нетрудно угадать в них воинов, но заношенная одежда, сильно отросшие волосы и растительность на лицах, к

* Величайший из великих — один из титулов хана Батыя.

которой давно не прикасались бритва или ножницы, говорят о том, что это — беглецы, скрывающиеся среди гор и лесов.

Надо полагать, из-за голода и некоторого одичания приступили они к приготовлению пищи не помолясь, — иначе не лишились бы вдруг уже освежеванной косули. Дело в том, что неподалеку шумно упал в кусты увесистый камень, и, пока все трое смотрели, разинув рты, в ту сторону, тушка косули исчезла. Шкура и потроха, правда, остались.

— Вот тебе на! Медведь, наверно, утащил, — предположил один из беглецов.

— Медведь нашумел бы, — возразил другой, — это бесовская проделка!

— Бросьте выдумывать, может, собака... — начал третий, костровой, и не закончил — прямо над ними рявкнул медведь, взвыла собака, и кто-то принялся хохотать. От этих звуков, словно бы вылетавших из пустой бочки, даже у храбрейшего из храбрых волосы встали бы дыбом, между тем никто из стоявших под скалой не обладал сердцем сказочного батыра Рустема или легендарного Искандера Двурогого. «Шурале!» — ужаснулись они и кинулись прочь. На соседней полянке паслись их стреноженные кони, но и те были напуганы шумом-гамом, не сразу дались в руки. Лишь спустя некоторое время раздался конский топот, бедолаги ускакали куда-то.

Человек, выглянувший из отверстия в скале, спустил вниз жердь и сам соскользнул по ней. Это был наш знакомец Искандер, отлученный от своего племени. Он-то и сыграл шутку с теми бродягами: кинул камень, чтобы отвлечь их внимание от тушки, подцепил ее крючком, закрепленным на конце волосяного аркана, и в мгновение ока подтянул к своему убежищу.

Несчастья, свалившиеся на Искандера, превратили его в человека отчаянного, прибавили ему сметки и дерзости. Не раз захлестывала его ненависть ко всему сущему, и тогда он, как говорится, не отличая белого от черного, грабил, поджигал, разрушал все, что попадалось на пути. Встретив одинокого всадника, Искандер сдергивал его на землю своим арканом с крючком на конце, и ужас несчастного, просьба не убивать доставляли ему удовольствие. Ради таких встреч он шастал по лесным дорогам, но, если не считать испустивших дух со страху, никого не убивал. Ему нужна была слава разбойника, то есть нужны были люди, которые разносили бы эту славу, дабы Азнай-

бея, Майкы-бея, да и всякого прочего одно лишь упоминание об Изгнанном бросало в дрожь. И похищение Газили на глазах всего аула объяснялось не столько нежданно вспыхнувшей страстью к ней, сколько жаждой мести. Почище волка выла покалеченная душа Искандера...

Он подобрал брошенные беглецами вещи, связал их одним концом аркана, и другой закинул наверх. Затоптал костер, забросал его камнями, ветками, чтобы те, если надумают вернуться, не нашли это место. Поднялся в пещеру, втянул туда свою добычу.

— Бедняжки! — пожалела беглецов Газиля — и она жила тут. — Вместо того, чтобы схватить тебя и руки-ноги сковать...

— Да уж схватили было и хотели повесить, да передумали. Кто же, говорят, будет кормить Газилю? — пошутил Искандер и вдруг озлился: — Разведи огонь, поесть приготовь! Нечего байбисю разыгрывать, тут нет твоего полюбовника с крестом на шее!

— Не касайся его! Ты его мизинца не стоишь!

— Вот как?! Смотри, брошу тебя, уйду!

Не первый раз грозит Искандер этим, но ни бросить ее тут, ни прогнать не может. Во-первых, надо же ему с кем-то разговаривать, во-вторых, жалеет он Газилю. Рожать ей скоро, как же она одна-то? Конечно, было бы лучше всего вернуть женщину в аул, но как там ее теперь встретят? Самого Искандера, если схватят, тут же казнят. Сколько раз уже всю округу прочесывали, то Азнай-бей, старая кочережка, ищеек насылал, то этот лживый Майкы-бей. Но ускользнул от них Искандер, сметливость выручала. И Хызыр Ильяс, защитник несправедливо обиженных, наверно, помогал ему.

— Ну, ладно, ладно, не шмыгай носом. Я пошутил. Вернешься в аул, тебе ведь повитуха понадобится, — проворчал Искандер, решив утешить всхлипнувшую Газилю.

— Врешь ты все...

— Вот увидишь. Как только вокруг станет поспокойней...

Ай-хай, дождемся ли мы спокойствия, добавил про себя Искандер. Насколько ему известно, главные силы татар прошли в сторону Большой Идели, но сумятица, вызванная ими и в здешних местах, не скоро уляжется. Не только на дорогах — даже в лесных чащобах можно столкнуться с вооруженными людьми: рассеялись по уральским урочищам остатки разбитого на Яике булгарского войска, немало и просто бродяг из тех, кого война, лишив земли

и крова, вынудила заняться разбоем. Но если эти промышляют чаще всего под покровом ночи, татарские разъезды, посланные за верховыми лошадьми и скотом для забоя, грабят открыто, средь бела дня. Искандер и татар опасается: угодишь им в руки, так либо убьют, либо отправят неведомо куда. А Искандер пока хочет жить — назло изгнавшим его из племени — и жить на своей земле. Он ведь должен позаботиться о Газиле и ее будущем ребенке, должен вызволить жену свою и дочь, изнывающих в тусначестве * у Азнай-бея. Его долг сказанным, конечно, не ограничивается, он чувствует это, лишь объяснить не может.

Газиля сидит надувшись. Такая уж она — заупрямится в чем, так не переупрямишь. Поначалу, после похищения, чуть ноги ему не целовала: ради Аллаха, ради будущего ребенка оставь в живых! Убедившись, что нет у него намерения убить, осмелела. А теперь вот, когда велел похлопотать у костра, и не пошевельнулась. Зато от готовой еды она не откажется, нет. Ну как тут не разозлишься? Иногда в подобных случаях хочется взять да вышвырнуть эту упрямицу из пещеры — туда, вниз. Но Искандер сдерживает себя и потом не нарадуется, что не поддался злости. Хоть и препираясь, жить вдвоем веселей, а то ведь вовсе забудешь, что ты — человек.

К слову сказать, в хлопотах у костра он ничего зазорного для себя не видит. Смолоду пас скот бея, позднее — и свой, а в степи никто тебе еду не приготовит, все — сам. Так что дело привычное. И если Искандер иногда перепоручает его Газиле, то потому лишь, что чем-нибудь другим занят, или для того, чтобы потешить свое мужское самолюбие. Не хочет она? Ну и пусть сидит. Коль уж мяса добыл, поджарить его или потушить — сущий пустяк.

Пещера представляла собой не какую-то единую полость, это был подземный ход с множеством боковых ответвлений и пустот. В одной из пустот, облюбованных Искандером, дул легкий ветерок, уносивший куда-то дым от костра. Вдобавок, тут же журчал ручеек — вода рядом. Только за дровами приходилось спускаться вниз каждый день, дров уходило много, потому что костерок должен был тлеть постоянно. Кинешь в него немного сухих веток, дунешь раз-другой — и светло становится, и тепло. Но беда, если придется и зазимовать тут — дров не напасешься. От этой мысли напала вдруг на Искандера черная тоска. И предстала перед глазами его небольшая теплая юрта в ауле, и представилось, будто сидит он в ней, вытянув но-

* Тусначество — форма рабства, прикрываемая родством.

гн, у жаркого чувала, и даже бульканье кипящей в медном казане шурпы послышалось. А где жена с дочерью?.. Не успел он удивнться тому, что бреднт наяву, как новое вндeнье заслонило первое: Азнай-бей продает кому-то его жену н дочь, нет, уже продал — бедняжек привязывают, как овечек, к арбе. Скорей, скорей, надо спастн нх! А гнездо этого беса разорить, пеплом по ветру пустить! Почему он, глупец, до снх пор не сделал этого?!

Намереваясь сейчас же поджечь юрту Азнай-бея, Искандер потянулся к костру за головешкой, обжег руку н очнулся. Но успоконться уже не мог, все крепло н крепло в нем желанне слетать в аул. Он не стал дожндаться, пока мясо дожарится на горячих углях, вскочил.

— Прнсмотри за мясом, я прогуляюсь, — сказал Газиле.

— Долго не ходи. Я боюсь одна.

— Может, в этом мире самое безопасное место — тут, — пробурчал себе под нос Искандер, взял оружне, поджег от костра лучину н, освещая ею путь, двинулся вглубь пещеры. Там — еще однн выход, с пологнм спуском, только прнходится прнкрывать его каменной плитой и завалнвать всякнм мусором...

Услышав шагн хозяина, тихонечко заржал конь. Жеребец, похнщенный одновременно с Газнлей, еще жеребенком привязался к Искандеру. Умнца, вон ведь как осторожно подал голос. Для ночных путешествий спутннка надежней не сыскать — н защнтнть прн надобностн сумеет, н от любой погони оторвется. Днем он вольно пасется где-то, надо свистнуть, чтобы пришел, а к вечеру приходит сам, как бы выясняет, нет ли надобности в нем. Еще жеребенком получил он клнчку «Малыш», так Искандер оклнкает его н теперь.

— Поехалн, Малыш!

В ущелье, пробнтом Кук-Курауком, стоял полумрак. Но ущелье раздвинулось, открылся светлый простор. Солнце еще не село, бросало прощальные лучи на кочевья юрматынцев, раскинувшиеся по долинам Ак-Идели, Сухайлы, Ашкадара, Кундряка...

Вольный равннннный ветер налетел на Искандера, прннес запах гарн, извещая о случнвшемся где-то пожаре. Где?

Первый попавшийся на пути аул выглядел благополучно. Искандер прнвычно объехал было его стороной, но остановнлся, удивленный тем, что в ауле никого не вндно, голосов не слышно, хотя юрты н деревянные строения це-

лы. Подъехал поближе. Увидев разбросаииую по земле хозяйственную утварь, кое-какую одежонку, поиял, что обитатели аула, испуганные чем-то, спешио покииули его, даже пару телят второпях оставили, ие угиали с собой. Татары напали или еще какой-нибудь враг?

— Мы с тобой, Малыш, должиы это узиать, айда в свой аул, — сказал Искандер, и конь, нетерпеливо перебиравший ногами, будто поиял его, — ие дожидаясь, пока хозяин, натяиув повод, укажет иаправлеиие, помчался в иужиую сторону.

С заходом солнца заплясали в небе отблески пожаров. Вся страиа в огие! Ох, неспроста давеча, в пещере, иавалилась на Искаидера тоска — духи предков предупреждали его о большой беде. Духи предков со всяким человеческим отребьем ие общаются, а коли так, меня к дурным людям, выходит, ие причисляют, обрадоваино подумал Искаидер. Ои почувствовал себя окрылеиным, и чувство это было столь сильиым, что иа какое-то время отодвииуло в сторону тревогу, вызваииую багровыми отблесками в небесах. Больше того, оно, кажется, собиралось основательно угиездиться в душе Изгиаииого.

Миновав иесколько догорающих либо дотлевающих летиих стаиовищ, к утру Искандер подъехал к Азиаеву аулу, верней к тому, что от аула осталось: и тут почти все выгорело. Ои спешился и, ведя коия в поводу, тихоиечко пошагал по тропкам, протоптаииым обитателями аула от юрты к юрте. Юрт теперь не было, были только пепелища. Иногда ои остаиавливался, подавал голос — иикто не отзывался.

Искандер отпустил коня попастись, сам присел иа толстый пень и, поглядывая по сторонам, задумался.

Должио быть, иа племя обрушилась немалая сила, причем, иапавшие разделились иа миожество отрядов, ииаче ие запылала бы сразу вся юрматыиская земля. Что же это было — соседи иалетели за добычей? Вполие возможно, смутное время подстрекает урвать чужое. Но почему юрматыицы не смогли защититься? Проморгали? Не иашелся человек, чтобы выкликиуть «актайлык!» — боевой клич племеии? И куда люди подевались? Угнали их? Или спаслись бегством в горные распадки?

На пие Искаидер долго ие усидел, направился к Селеуку. Только подошел к береговому обрыву — в реке что-то плюхиулось. Щука рыбу глушит, подумал Искаидер, громадиия, наверио. А ие сом ли? Может удастся подстрелить? Ои наставил стрелу иа тетиву лука, осторожио сде-

лал несколько шагов в ту сторону, где раздался всплеск. Пристально всмотрелся в воду и остановился в удивлении.

Утро уже высветлило реку до дна. Искандер отчетливо увидел там, на дне, молодую женщину. Она лежала на спине, держась за камышины. Первой мыслью Искандера было — утопленница! Но он тут же заметил, что глаза женщины открыты, взгляд направлен на него, и что она дышит через трубочку. Так вот как ей удалось остаться в живых! Видно, испуганная его появлением, она опять бултыхнулась в воду.

Искандер, поманив ее рукой, положил лук на землю в знак того, что не причинит ей зла. Женщина высунулась из воды, разглядела его, торопливо выбралась на галечник, вскарабкалась по береговому откосу вверх и, не помня себя, мокрая и грязная, прильнула к Искандеру.

— Агай, спаси!..

Только два слова и успела сказать. В горле у нее забулькало, голова откинулась назад — она потеряла сознание. Искандер не дал женщине — это была жена Караная Кюнбика — упасть, поднял безвольное тело, унес подальше от обрыва, уложил на траву. Похлопал по щекам, пытаясь привести в чувство, послушал биенье сердца. Убедившись, что молодушка просто в обмороке, снова пошел к реке — посмотреть, не спасается ли таким же образом еще кто-нибудь. Никого не нашел.

Кюнбика тем временем пришла в себя, приподнялась, упершись руками о землю, но встать сил не хватало. Она тряслась в ознобе, надсадно кашляла. Ну вот, выпало мне обогреть и накормить жену своего ярого врага, усмехнулся Искандер. Он перенес Кюнбику на новое место — к дотлевающим остаткам чьей-то лачуги.

— Обогрейся тут, обсохни, а я похожу, может, одежда какая-нибудь и еда найдется.

Женщина молча кивнула в ответ.

Искандер ходил довольно долго, примечая, где что уцелело при пожаре, — соберет потом, пригодится. Набрел на два трупа: один был обезображен так, что не узнать — чей, в другом узнал бывшую соседку — бедняжку накрыло рухнувшей юртой, и она задохнулась под войлоком. Надо похоронить, сегодня же, свои ведь все-таки, бормотал себе под нос Искандер. Но сперва он должен был подкрепиться, сильно проголодался. И Кюнбика пока не в состоянии позаботиться о себе. Надо, значит, добыть еды на двоих. Остался, наверно, где-нибудь выставленный на просушку корот, а то и вяленое мясо подвернется. В надежде на это

Искандер направился на бугор, где стояли прежде юрты Азиай-бея: если что найдется, так скорей всего — там.

А там уже копошились двое. Искандер глазам своим не поверил, увидев Кюибику и рядом с ней самого Азиайбея. Старик передвигался прихрамывая, белая чалма была измарана сажей, зеленый елян — в рыжих пятнах подпалин. И гляди-ка, в руке — посох, увенчанный волчьим черепом. Должно быть, попытался остановить врага чародейством, да не вышло, и теперь пользуется волшебным посохом как обыкновенной палкой, ворошит им золу, разыскивая что-то.

— Ассалямагалейкум, турэ! Что случилось с племенем?

— Аллах наказал нас за то, что приютили людей чуждой веры. О Всемогущий!..

— Татары, — догадался Искандер, — отомстили за меркетинцев, так? Им, злосчастным, особо досталось, наверно?

— Меркетинцев-то мы успели упрятать, а вот сами...— Тут Азиай-бей разглядел, с кем разговаривает, и закричал яростно: — Бесстыжий! Как ты посмел явиться сюда?! Исчезни с глаз моих!..

— Зачем же так, свекор! — упрекнула бея Кюибика. — В такое время...

— Молчи, прелюбодейка! — Бей замахнулся на сноху посохом. — Вот вернется муж!..

— Хорошо бы! А то ведь говорят: что к татарам в плен попасть, что на тот свет.

— Молчи, тебе сказано!

Искандер терпеливо слушал перебранку бея со снохой. Наконец улучив момент, обратился к молодой женщине:

— Хоть ты, Кюнбика, скажи: где мои?

— Не знаю. Угнали их, думаю.

— И поделом! — взъярился опять Азиай-бей. — Куда сам Газилю подевал? И жеребца моего? Может, и за твои грехи Всевышний взыскивает с нас!..

Искандер пронзительно свистнул, призывая Малыша. Когда вскочил в седло, придержал заплясавшего коня, обернулся к бею:

— Газиля жива, турэ. Жеребец — перед тобой. — Он ласково похлопал Малыша по шее. — Но конь мне нужней, чем тебе. Духи предков известили меня о постигшем страну несчастье. Как бы не возложили они на меня же заботу о племени, не убереженном вами...

Отъехав немного, Искандер опять обернулся:

— Коль вам станет совсем невмоготу — отыщите меня. Не оттолкну.

Азнай-бей взмахнул посохом:

— Убирайся, убирайся своей дорогой!

До чего ж упрям, подумал Искандер и погнал коня вскачь, направляясь обратно к своей пещере. Жалкий вид старика подействовал, что ли, — лютая ненависть к нему сменилась в душе Изгнанного чем-то вроде сочувствия. У меня есть хоть какой-то приют, Газиля там ждет, в четыре глаза, наверно, высматривает; можно туда и всех оставшихся без крова позвать — места хватит, думал он, воодушевляясь. Конечно же, не всех юрматынцев перебили, многие и угона в татарский плен избежали, в племени достаточно людей пошустрее Азная с Кюнбикой...

Снова вспомнил о жене и дочери, но мысли о них не взволновали, как вчера, текли спокойно. Они ведь давно уже не мои, и мало что для них изменилось — из рабства в рабство... Такая, значит, судьба им выпала, думал Искандер. Только вот сам я теперь один-одинешенек. Нет, не один, есть Газиля, и сегодня же начну розыск оставшихся в живых юрматынцев, решил он.

Малыш внезапно скакнул вбок и встал на дыбы. Задумавшийся Искандер едва не вылетел из седла. Коня, оказывается, испугали трупы. Аб-ба, сколько трупов! Жаркая была схватка на склоне холма: эти вот порублены саблями, те повержены стрелами, многие проткнуты копьями. Тут лежат, понятно, юрматынцы, татары своих не бросили бы. Ладно, Малыш, Газиля подождет еще немного, еда у нее есть, не можем мы оставить павших зверям и птицам на растерзание, надо как-то предать их земле...

Будто бы уговаривая коня, Искандер спешился и отправился искать подходящее углубление, яму какую-нибудь, куда можно было бы стаскать и затем засыпать раскиданные по склону тела. На другой стороне холма обнаружил выемку, откуда люди брали белую глину, остановил выбор на ней. Прикинув, что таскать трупы по одному придется весь день, соорудил из молодых березок волокушу, впряг в нее Малыша. Но дело продвигалось все-таки медленно. За какое бы тело Искандер ни взялся —узнавал былого знакомца. Тут уж поневоле ахнешь и постоишь, горестно глядя на убитого. Сбор оружия тоже требовал времени.

Солнце поднималось все выше, и с усилением жары воздух все более насыщался трупным запахом. Запах этот и кажущаяся собственная медлительность злили Искандера. Злость обернулась негодованием на татар, напавших на мирное племя и погубивших столько ни в чем не повинных людей. Эх, собрать бы сейчас сотню егетов, кинуться

вдогон за злодеями — я день и ночь кромсал бы их, не уставая, размечтался Искандер. Охватившее его возбуждение словно бы прибавило сил и ему самому, и коню. Представляя себя в бою, он пришел к выводу, что ста егетов, пожалуй, будет маловато. Нужна по меньшей мере тысяча воинов, вот тогда...

Мысль осталась незавершенной. Перевернув один из трупов, Искандер остолбенел. Перед ним лежало тело Таймас-бея. С тех пор, как Искандер помнит себя, этот могутного сложения человек не выпускал из рук бразды правления племенем. Правда, при решении важных вопросов нередко брало верх слово Азнай-бея, но без согласия предводителя кан-баба ничего не предпринимал. Кан-бабу в племени боялись, а все доброе связывали с именем предводителя. Выходит, Таймас-бей поднял юрматынских егетов против татар. Хотя татар явно было больше, бей с теми, кого успел собрать, кинулся в схватку. Может быть, зря он это сделал — надо было затаиться в лесу. Можно ведь, выбрав удобный момент, одолеть врага не силой, а хитростью. А так вышло, что повел на погибель самых скорых и смелых юрматынцев...

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Искандер долго глядел на тело, в котором затряли у самого сердца две стрелы, и, вдруг выпрямившись, неожиданно для самого себя издал клич племени Юрматы:

— Айтайлык! Айтайлы-ы-ык!..

И точно отозвавшись на клич, невесть откуда, чуть ли не из-под земли, возник на поле боя седобородый старик. Он опустился на колени и запел заупокойную молитву.

8

Довольно легко разделавшись с Великим Булгаром и оставив часть войска для поддержания в стране «порядка», прежде всего — изъятия его богатств, Шайбани-хан направился к Большой Идели. Попутно присоединив к неоглядной монгольской империи чувашские и мордовские земли, хан пополнил подчиненные ему тумены за счет местных обитателей, насильственно превращенных в воинов. К исполнению заветов Чингиз-хана только еще приступили — впереди бескрайние княжества урусов, владения унгаров, алманов... Если не налететь на них бурей, не разлиться там морем, монгольский конь может ведь и где-нибудь на

полпути остановнться. Потому-то Шайбаин-хан должен присоединиться к старшему брату — Батыю Непобеднмому, приумножив войско, обладая еще большнм могуществом.

Главные снлы Батыя не спешнлн переправнться через Большую Идель, илн Итнль, как называлн реку на монгольскнй лад. Горячиость иетерпелнвых Субудай-багатур остужал посверком своего единственного глаза. Молодых ханских отпрысков осажнвал н словом: в стране урусов много рек н болот, перетопим коней — что тогда, пешком пойдем? Пока что надо прнвестн оба крыла войска в состоянне натяиутой тетнвы; когда северные ветры превратят воду в камеиь, вдоволь накормнм бога войны Сульдэ с кончнка копья. Так говорил Субудай. Еслн и это кого-то не убеждало, пугал своей лнчной охраиной тысячей: пошлет «бешеных» — оин кого угодио убедят.

Нетороплнвость багатура вполне устраивала Майкы-бея. Ои н дальше отправнл Юлиана водным путем, н теперь крепла увереиность, что унгар больше не угодит в рукн татар. Спутинкн у него иадежные, доберется благополучно до урусов, а там уж — что ему суждеио, то н будет. Впрочем, н ои, н те, к кому он попадет, кажется, в одного бога веруют, так что в помощн ему не должны отказать. Тем более, если расскажет, какая туча надвнгается иа княжества. Снла Батыя нзо дня в день растет, это Майкы-бею не нравнтся. Исходя из своих тайных расчетов, он не прочь поспособствовать тому, чтобы не только урусы, но и татары прн столкновеннн с ними поиеслн как можно больше урону. Дабы урусы хорошенько подготовнлнсь к встрече, Майкы-бей ие жалеючн сиабднл уигара сведенням, которымн располагал. Ослабевшие татары, счнтал Майкы-бей, помешают ему осуществнть задуманное.

Юлнан и сам поннмал, что, проходя по русским землям, должен бнть тревогу. Хотя его надежды на объедннение иародов снльно пошатнулись, жестокость н кровожадные намерення татар разбуднлн в нем мечту, роднвшуюся еще на путн от Сыгнака к юрматынцам, он опять вообразил себя спасителем мира.

Волнение и нетерпенне владелн Юлнаном, когда он добрался до первого на его обратиом пути русского города — Ннжнего Новгорода, одиако несколько дней ушло у него на объясиення, кто он такой н зачем хочет вндеть воеводу. Странника вннмательио выслушнвалн, даже коечто из рассказаниого им запнсывали, ио допустнть к воеводе ие спешнли: «Боярину недосуг...». Как будто он не о татарской угрозе говорнл, а забавную сказку рассказывал.

В конце концов, пустое времяпрепровождение на воеводском дворе Юлиану надоело. Решил идти дальше, порасспрашнвал о кратчайшем пути до Галнцкого княжества, иачалприискивать спутииков. Спускался на пристань, ведь повидавшие мир люди чаще всего встречаются в дороге да иа реке. И не зря старался, нашел-таки нужного человека. Это был купец, возвращавшийся из далеких заморских краев, многоопытный и веселый бородач. Узиав, чем озабочен Юлиан н сколько времени впустую обивал ои воеводскнй порог, купец расхохотался.

— Боятся тебя! Или не верят. Могут и в темиицу засадить, посчнтав лазутчиком. Во-первых, ты не православиый, во-вторых, много языков знаешь, в-третьих, вон откуда явился...

— Так я же и не скрывал, все сам сказал.

— Потому н на воле. Покуда. Айда со мной во Владимир! Там великий князь Юрнй Всеволодович правит, дай ему Бог здоровья! Он тебя поймет. На иедельку удлииишь свой путь, зато...

— Айда!

В дороге бородач рассказывал, что за морем повидал. И Юлнаиа расспрашивал. Услышав слово «юрматы», заинтересовался:

— Постой-ка, от кого еще я это слово слышал? Ага, в городе Дамаске от человека по нмени Гильмаи...

— Гнльман-батыр?! Гляди-ка, жив, значнт!

— И ты его знаешь?

— Коль и впрямь — он...

— В его племени, обитающем у гор Рнфейских, батыров по имени Гильман, наверно, немного. Он нщет сына, проданного в рабство.

— Он самый! Только не своего сына ищет. Дело тут такое...

Юлиаи рассказал, насколько зиал, о несчастье, постигшем юрматынцев, и о том, как Азнай-бей, преследуя работорговца, попал в Тамаиторган, как Гильман-батыр, решнв продолжить поиск, остался в чужом городе и сам угодил в рабство. В племени уже потеряли надежду иа возвращеиие похищеиных мальчиков, о Гильмаие вспоминают все реже, добавил Юлиан и, вспомнив о Газиле, вздохиул опечалеиио. Бородач понял его по-своему.

— Не горюй! — сказал, дружески хлопнув унгара по колену. — Гильман твой опять напал на след. Детей увезли в Египет, и Гильман, наверно, уже там. Может, и мальчиков нашел. Если самого ие упекли в мамелюки.

У арабов разговор короткий, я иа них насмотрелся...— Повспоминав еще иемиого о том, что видел в заморской страие, купец иеожидаиио спросил: — А это племя Юрматы — большое оио? Может, после твоего отъезда татары уже разорили его...

— Бог зиает, — пожал плечами Юлиаи. — Татары там посла держали, соглашеие у иих было с башкортами, а Юрматы — часть этого иарода. Но теперь, может, и разорили, такие времена иастали.

— Страшные времеиа. Ты прав, здешиие народы иадо упредить о иадвигающейся иа них беде. И откуда только эта нечистая сила взялась?!

Гребцы изо всех сил иалегали иа весла, преодолевая встречиое течеиие, а купец с уигаром размышляли, как выгрести из захлестывающего мир зла, и сходились на том, что иужиы хорошие правители. Такие, чтобы к людскому суду прнслушнвались и правду от кривды отличали, чтобы о страие прежде чем о себе пеклись и умели сговариваться с соседями, коль погрозит беда вроде иынешией. Тут Юлиан, вспомиив о Кулгали, поведал о его гибели, а бородач прииялся расхвалнвать великого киязя Юрия Всеволодовича.

— Там увндим! — сказал Юлиан.

— Ежели ои дома, — поспешио добавил его собеседник.

Великий князь был во Владнмире, но как раз собнрался куда-то выехать. Оседланиый серый жеребец был уже подведен к княжьему крыльцу. Юлиаиа задержали у ворот и погнали прочь. Еслн бы Юлиан ие закричал, что ои — послаиец короля Великой Уигарии, и если бы в эту минуту не вышел на крыльцо великий князь, могли и плетьми ожечь.

— Пропустите! — велел Юрий Всеволодович.

Возможно, ои ожидал, что человек, назвавшийся послаицем короля, вынет из-за пазухи грамоту с печатью. Поскольку этого не произошло, великий киязь иахмурил брови, положил руку на луку седла, одиако приготовился выслушать страниого путешествеииика. Терпения князя хватило неиадолго.

— Я люблю слушать о далеких страиах и страиствиях, да недосуг мие иыне, дела ждут, — сказал ои и вскочил на коия.

Юлиаи, отскочив в стороиу, дабы не угодить под копыта заплясавшего жеребца, воскликиул с горечью:

— Не хочешь, княже, узиать, какая опасиость грозит твоей страие?

— О татарах я слышал, о посрамлении булгар — тоже. Мы, однако, великой Русью именуемся. Пусть попробуют сунуться.

Юрий Всеволодович дал знак ожидавшей его дружине трогаться. Взметнулась пыль из-под копыт горячих коней.

Который уж раз уязвило душу Юлиана это проклятое слово — недосуг.

Расставшись с доброжелательным купцом и потерпев неудачу при встрече с великим князем владимирским, опять оказался Юлиан один-одинешенек в чужом городе. Побродив бесцельно по незнакомым улицам, он направился к реке в надежде найти кого-нибудь, с кем хоть поговорить можно. В Нижнем Новгороде все же накормить его, на худой конец — устроить на ночлег не забывали, а тут... Но горестней всего ощущение въевшейся в здешнюю жизнь беспечности. Что мешает человеку понять другого человека, взглянуть на него глазами сердца? Или уж у всех правителей глаза эти заплыли жиром самонадеянности?..

Юлиан был настолько расстроен, что даже не услышал окликов, раздавшихся сзади. Лишь после того, как окликавший его всадник поставил коня поперек пути, он, вздрогнув, поднял голову.

— Странник, владыка Митрофан, архиепископ наш, зовет тебя. Пожалуй за мной! — Всадник дружески улыбнулся: — Кричу, кричу, а ты не слышишь...

— Как он узнал обо мне?

— Увидел, когда ты с великим князем разговаривал.

До полуночи беседовал архиепископ с Юлианом. О Великой Унгарии расспрашивал, о землях, где странник побывал, и о татарах в особенности. По его велению молодой безмолвный монах беседу записывал. Юлиан заговорил было о новой встрече с великим князем — архиепископ, испытующе взглянув на него, отрицательно покачал головой.

— Нет, гость, не трать время на ожидание, поспеши в свою страну. Пусть в городах, кои ты проедешь, скорейше услышат о приближении нечестивого хана Батыя. Коли князья не найдут часу выслушать, церковь не откажет тебе во внимании. Утром же отправляйся. До Рязани тебя мои люди проводят, там похлопочут о дальнейшем. — Помолчав, владыка Митрофан завершил беседу словами: — Не сомневайся, поведанное тобой не останется лежать втуне — доведем до всех православных. Аминь!

Эта встреча в корне изменила положение Юлиана: жалкий странник превратился в уважаемого гостя. Перед ним распахивались двери, о каких и не мечталось, ради него седлали самых быстрых коней. По Руси он будто пролетел. 15 сентября был в Рязани, 5 ноября — в Киеве, в середине декабря — в Галиче, а оттуда до унгарских пределов оставалось всего несколько дней пути. Там, где он проехал, многие — пусть не весь народ, так либо князья, либо служители церкви, не говоря уж о провожатых — впервые услышали о хане Батые, о надвигающихся черной тучей безбожных татарах. Если кто-то, слушая его, усмехался в усы или, выслушав предупреждение, призыв к единению, тут же забывал услышанное, что поделаешь — век такой и люди были такие. Юлиан свой человеческий долг исполнил, протрубил, как мог, тревогу. Правда, ни орден, ни король отчета об этом не потребуют, не за тем послали, за другое спросят. Пересекая Карпаты, он должен был уже основательно подумать, о чем и как говорить по скором возвращении в Эстергом.

На Юлиана нахлынули новые впечатления, открывающиеся его взору картины заставляли то смеяться, то беззвучно плакать. Он ушел из своей страны неопытным, мечтательным юношей и, переплыв море страданий, возвращался зрелым мужчиной. В начале путешествия ему хотелось не только отыскать затерянных в далеких краях родичей, но и переустроить их жизнь, подогнать ее под жизнь унгаров на Дунае. Теперь неловко вспоминать об этом. Чем Юлиан отличался тогда от хана Батыя, стремящегося подчинить весь мир своей воле, чтобы все жили так, как он пожелает? Не имел войска — вот чем. Нет уж, пусть каждый народ живет, как сам хочет. Только пусть не зарится на богатство соседей да не теряет готовности защитить беззащитных от бед вроде татарского нашествия. Как Бушман-бей, к примеру, или принесший себя в жертву Кулгали.

Наш путешественник не знает, как встретит его королевская столица, а потому старается не гадать об этом. Ветры же родной стороны ласкают его, и горные ручьи, не замерзающие даже в лютые морозы, поют, как чудится ему, по-унгарски.

Часть четвертая

РЫСЬ НА ДЕРЕВЕ

1

Благодаря незаурядной сметливости, Бушман-бей заранее знал, где пройдет Батыево войско, и своевременно увел свою орду в укромное место, сидел тихохонько под прикрытием вековечного леса, но, как рысь, притаившаяся на дереве, зорко следил за событиями в мире — разведка у него была безупречная. Падение Великого Булгара и гибель Кулгали очень его огорчили, однако сильнее всего подействовала на него, точнее сказать — потрясла весть о том, что Баян и Яку по своей воле склонили головы перед Шайбани-ханом. Бушман не сразу поверил этому, послал к ним гонцов с дружескими дарами и предложением встретиться, переговорить. Когда гонцы вернулись, не сумев пробиться ни к тому, ни к другому через новое их окружение, бей пришел к мысли: татары — черная сила, воистину способная поставить на колени весь мир. Какие батыры опозорились после стольких речей о мужестве!

Бушманом овладело безразличие ко всему на свете, и последующие сообщения — о бегстве хана Котяна за Дон, о разорении татарами нескольких русских городов то ли дошли до его сознания, то ли нет. Казалось, перевернись сама земля — ему будет все равно. Но время, взбесившееся, как оседланный тарпан, не позволило бею долго оставаться в таком состоянии.

На рассвете что-то вдруг разбудило его. Вокруг было тихо, но в этой тишине он ясно почувствовал опасность. Она представилась в образе звероподобного мохнатого существа. Быстро одевшись, Бушман вышел из юрты.

— Дозорный! Кто допустил к урдуге чужаков?

— Никого я не видел, таксир.

— Увидишь! — Бей постоял, вслушиваясь в тишину. — Они приближаются. Разбуди Беркута. Пусть скачет навстречу.

— Беркут уже проснулся, таксир.

— Пусть привезет непрошеных гостей связанными. Подними всю урдугу — коней оседлать, вещи уложить в тюки!

Удивительная способность Бушмана чувствовать опасность на расстоянии не обманула и на сей раз. Оказалось, татары выведали, где он затаился, и сам Батый послал

к нему гонца. С повелением явиться на поклон, с чем же еще! Беркут и его егеты скрутили гонца с двумя сопровождающими, заодно намяв им бока, но гонца это не образумило. Едва, развязанный, он пришел в себя, как начал драть горло. Потребовал немедленно повесить Беркута и всех, кто был с ним, грозил, плевался. Бушман послушал крикуна, послушал и, потеряв терпение, приказал сунуть его головой в сугроб, остудить. Когда приказание выполнили, сказал татарину, посмеиваясь:

— Ты лжец! Джихангир, завоевавший полмира, не мог послать с важным поручением такого дурня.

— А это что? — Гонец выхватил из-за пазухи серебряную пайцзу, протянул Бушмну. Бей повертел ее в руке и бросил под ноги.

— Мы не то что серебро — кусок золота с лошадиную голову можем показать. Ты, наверно, прослышал об этом и решил у нас поживиться, а, вор?

— Да тебя за оскорбление гонца джихангира!..

— На Страшном суде, коль встретимся, пожалуешься на меня. А сейчас готовься к смерти!..

Татар повесили. Орда в тот же день ушла в другое место. Эти события будто вернули бею юношеское воодушевление и неутомимость. Теперь он забыл об отдыхе и людям своим покоя не давал. Если первой его заботой стало пополнение войска, то второй — поиск союзников. Узнав, что мордовские князья намереваются восстать против татар, немедленно послал гонца, установил с ними связь. Как только отшумели вешние воды и проклюнулась первая зелень, Бушман ради приумножения военной силы отправился, взяв с собой Беркута с полусотней егетов, в страну башкортов, которую считал своей второй родиной.

Часть кипчаков — его сторонников — и летовала, и зимовала в долинах Сакмара и Большого Ика, их уже стали называть бушман-кипчаками. Бей прежде всего направился к ним, поэтому дорога его пересекла «полосу смерти», оставленную прошлой осенью туменами Шайбани-хана. Бушман знал, что татарское войско оставляет за собой горы трупов и пепелища, но представшее перед ним было страшней того, что он знал, и даже его закаленная в войнах, в огне и крови душа содрогнулась. Это была местность, где уцелевшим оставалось лишь завидовать мертвым. Возможно ли забыть детишек со вздутыми животами, уже не имевших сил подняться на ноги, но все еще жевавших траву по велению безжалостной жизни? Или нагую сумасшедшую старуху, пожиравшую свой

кал?.. Путники стегали коней, стремясь поскорей миновать подобного рода зрелища, и мысленно молили Всевышнего: не допусти, чтоб и наших постигла такая участь!

Бушман-кипчаков отыскали в междуречье Большого Ика и Куюргазов. Войско Шайбани-хана их тоже слегка потревожило — татарский алай, то есть отряд, довольно-таки значительный, проходя в сторону Тура-тау, ограбил обитателей двух летних стоянок. Остальные своевременно скрылись в горах. Но это не понравилось бурзянцам, под предлогом защиты своих владений они совершали наскок за наскоком, от них понесли урону больше, чем от татар. Только появление санкем-кипчаков остановило их. Да, Санкем-батыр привел свою орду сюда.

— Где он сейчас?

— Стоит возле устья Нугуша.

— Но ведь там — кочевья юрматынцев, получил ли Санкем-батыр их согласие? — заволновался Бушман-бей.— А то опять может произойти столкновение!

— Нет теперь племени Юрматы...

Печальную новость сообщили бею: татары, вызнав местонахождение меркетинцев, набежали с тем, чтобы вконец добить их, но перебили юрматынцев, сперва приютивших, а затем успевших упрятать остатки злосчастного народа. Бей покачал головой в сомнении.

— Не может быть!.. Не может вдруг исчезнуть с лица земли целое племя. Кто-нибудь да остался.

— В их становищах никого нет.

— Ай-хай, не поискали, наверно! Там гор и лесов тоже предостаточно. Если осталась от племени хоть одна живая душа, племя живо, и обычай велит считаться с ним, оказывать ему знаки уважения. Я подумал было, что приглашу Санкем-батыра сюда, но раз так сложилось, сам завтра выеду в ту сторону, — решил Бушман.

Решение бея обрадовало Беркута, — обеспокоенный судьбой родственников жены, он рвался в ту же сторону.

Встретиться с Санкем-батыром им не удалось — уехал к верховьям Ак-Идели по вызову Масем-хана. Услышав это имя, Бушман удивился: гляди-ка ты, сколько лет сидел, затаившись, в лесах, и на тебе — голос подал. Не задумал ли он по наущению бурзянцев какую-нибудь каверзу против кипчаков? Сила-то у него есть, тайным союзом семи племен он верховодит, потому и именуется ханом. А может, он вызвал Санкема на курултай союза? Не мешало бы и мне туда съездить. А что, выясню все насчет юрматынцев и поеду, загорелся бей. На худой конец, хоть погляжу на этого загадочного хана...

В самом деле, с тех пор, как потянуло его к башкортам, Бушман не единожды слышал шепоток: «Масем-хан! Масем-хан!» — а видеть самого хана не доводилось. Поначалу, когда в этих краях смотрели на Бушмана косовато, само существование союза семи племен во главе с Масемом от него скрывали. Позже, когда вошел в доверие, стали приглашать на курултаи, но он не находил возможности съездить в верховья Ак-Идели. Вернее, находил всякие отговорки, потому что подлинных правителей страны башкортов видел в предводителях племен, а ханов — и Акташа, и Масема — считал просто чучелами, которые используются для устрашения глупцов — во всяком случае, какой-нибудь Майкы-бей мог повлиять на ход событий в гораздо большей мере, чем любой здешний хан. Пренебрежительное отношение Бушмана к Масем-хану не осталось незамеченным, ему стали доказывать, что глава союза семи не совсем уж чучело, и почти убедили в этом. Прошлой весной, приехав с незабвенным творцом «Кыссаи Юсуфа» к юрматынцам, Бушман вознамерился побывать на собрании старейшин союзных племен, благо — и ехать предстояло недалеко, к устью Сакмара, но помешали нападение грабителей на ожидаемый им караван и появление вслед за тем Майкы-бея с его армаями.

При сложившихся ныне обстоятельствах пренебрегать Масем-ханом никак нельзя. Может быть, как раз он сумеет сплотить племена башкортов под своей рукой? Распуганному волками косяку нужен умелый вожак. Татары прошли на запад, и, пока они вернутся, будет время, чтобы все тут обговорить, прийти к согласию, объединить силы. Хай, неплохо бы это было!..

Взяв от устья Нугуша направление на север, Бушман и его егеты снова наткнулись на следы погрома, учиненного татарами прошлой осенью. Остатки спаленных юрт, разбитые повозки и скелеты, скелеты, большей частью человечьи. Каратели нагрянули с верховьев Кук-Идели и Ашкадара, определил бей, поэтому кипчаки особо не пострадали, а на юрматынцев, успокоенных тем, что тумены Шайбани-хана прошли стороной, набросились неожиданно и жгли, громили, топили в крови, не давая опомниться, по-своему наслаждаясь злодейством. И все-таки есть, наверно, уцелевшие в этом побоище. Надо поискать, найти их, тогда можно будет положить конец разговорам о полном истреблении племени Юрматы и притязаниям на его владения. Это немаловажно и для кипчаков, потому что Бушман, договариваясь о перекочевке, в случае такой не-

обходимости, в страну башкортов, имел дело прежде всего с юрматынцами...

— Смотрите, вон кто-то убегает! Увидел нас и побежал!

— Эй, постой!..

— В лес уйдет, перехватить надо!

— Ах ты, у него же конь, конь стоял за кусточками! Уже вскочил в седло...

Двое из передового дозора помчались наперехват, к лесистым холмам, тянувшимся грядой по левую руку, но неведомый всадник, опередив их, скрылся среди деревьев. У подножья холмов петляла речка, русло ее было обозначено цепочкой высоких осокорей. Бушман-бей натянул поводья, Беркут, подняв руку с подвешенной у запястья плеткой, дал всем знак остановиться, и цокот копыт оборвался. В ожидании возвращения ускакавших егетов путники негромко обменивались предположениями, кто этот человек. Один из ватаги грабителей? Но кого тут теперь можно ограбить? Или одинокий охотник? А может, уцелел поблизости какой-нибудь юрматынский аул?.. Бей тем временем вспомнил, что речка эта называется Тиряклой, что в ее верховье много пещер, в одной из них, как рассказывал Азнай-бей, спрятаны древние письмена и идолы, а потому место это считается священным. Бушмана осенила догадка: если тут кто-то живет, то не иначе, как кан-баба. Но сам он не проявил бы такой прыти. Это был его сын, Қаранай, уверил себя бей и тронул коня.

— Может, подождем еще немного? — спросил Беркут.

— Нет смысла ждать. Дозорные вернутся ни с чем. Я знаю, кто тот человек и где его искать.

Слова бея могли изумить кого угодно, но только не его егетов. Лишь на нескольких лицах мелькнула тень сомнения, остальные нисколько не сомневались в том, что их предводитель наделен даром ясновидения, и не удивились, когда два их товарища в самом деле вернулись ни с чем. А когда Бушман-бей, остановив коня напротив пещер, покричал Азнай-бея и Қараная, все были уверены, что сейчас появятся вызываемые им люди. Однако отклика не последовало.

— Эй, — закричал и Беркут, — не бойтесь! Вас хочет видеть Бушман-бей. Эй, Азнай-бей!..

— Свекор хворает, — послышалось в ответ. Показавшаяся из-за каменной глыбы фигура была в одежде воина, но ответ и голос выдавали в ней женщину. — Ах-ах, и вправду же Бушман-агай, а я-то! — и обрадовалась, и засмущалась она.

— Сойди-ка сюда, красавица!.. Постой, ты ведь — Кюнбика, жена Караная! — узнал женщину Бушман-бей. — Ладно, коли свекор твой там, я сам поднимусь.

Пока он, спешившись, карабкался вверх, в пещере, кажется, произошла небольшая стычка. Донеслись слова Кюнбики: «Вставай, вставай, и при Бушман-агае, что ли, будешь лежать?!». Ишь ты, как разговаривает со стариком, удивился Бушман, вот тебе и тихая невестка, не смевшая глаз поднять! Дабы стычка в пещере не зашла чересчур далеко, он еще с полпути подал голос:

— Можно к тебе, Азнай-турэ?

— Айдук, айдук, Бушман-агай! — ответила, высунувшись наружу, опять же Кюнбика.

— Вот она и есть тот человек, которого давеча не догнали, — сказал Бушман, обернувшись к своим. У входа в пещеру снова обернулся, велел расположиться на отдых, покормить коней.

Кан-баба встретил гостя стоя, но не трудно было заметить, что он только-только поднялся со своего ложа и очень слаб. Ответив на приветствие, тут же опустился на плоский камень и лишь после этого указал Бушману место напротив. Пробормотали, как водится, молитву, мазнули себя ладонями по щекам, посидели некоторое время в молчании. Приступили бы по обычаю к расспросам насчет здоровья, житья-бытья, так ведь и без слов все было ясно. А начинать разговор о том, как дальше жить, рановато: мысли для этого должны дозреть, соответствующее настроение должно возникнуть. Неторопливость в подобных случаях — знак того, что человек проверяет свою внутреннюю готовность к беседе и дает возможность подготовиться собеседнику.

Бушман, бросив несколько раз взгляд на неподвижное, ничего не выражавшее лицо кан-бабы, легонько хлопнул себя по колену, заговорил:

— Благодарение Всевышнему, ты жив, Азнай-хазрет! Значит, снова соберешь племя около себя.

— Все племя перед тобой — бессильный старик да вон она...

— Кюнбика-килен * мужчине не уступит, — похвалил женщину гость. — Давеча osрамились мои егеты, не смогли ее догнать. Пока есть в племени Юрматы такие проворные женщины...

— Нет больше племени Юрматы! — прохрипел Азнай-бей.

* Килен — сноха, невестка.

Бушмаи, поморщившись, сиова хлопиул себя по колену.

— Прости за прямоту — кан-бабе ие к лицу говорить такие слова! Килеи, как ты думаешь, есть еще оставшиеся в живых?..

— Атак, как ие быть! Дети, которых в прошлом году привез уигар, Рустам с Зулейхой, тут, с нами. И еще...

— Еще оиа этого разбойника, изгнаииого из племени... Искаидера к своим причисляет! — Судя по тому, как иапрягся каи-баба, из его груди должеи был вырваться рык, ио голос измеиил ему, ослаб до шепота.

Бушмаи между тем загиул иа правой руке все пять пальцев.

— Вот уже сколько вас! К тому же, Искандер, наверно, ие одинок.

— Конечно! — подхватила Кюнбика. — Кому-то удалось спастись тут, кто-то из татарского плена мог сбежать — им больше ие к кому пристать...

— Ну, эти иынешние жеищииы! Лезут иаперед, ни стыда нет, ни совести! — опять взвился Азнай и даже кулаком невестке погрозил. Зато Бушман заметно повеселел.

— Не горячись, турэ! Ни к чему это иам с тобой, особеино сегодня, — проговорил ои и, подиявшись, продолжал повелительио: — Собирайтесь, отвезу вас иа Селеук!

Азиай, кажется, обиделся, ио иичего ие сказал, только губу пожевал. Пока увязывали иехитрые пожитки, набраииые где-то Кюибикой, и даже когда трогались в путь, канбаба упрямо молчал; если обращались к нему, делал вид, будто ие слышит. Дорога, одиако, расшевелила и его, старик мало-помалу оживился, пару раз прикрикнул иа расшалившихся Рустема с Зулейхой и на невестку, кидавшую игривые взгляды на молодых кипчаков. Подслушав разговор Бушмана с Беркутом о том, как отыскать меркетиицев, кан-баба важио кашляиул, прочищая горло.

— Куслюк-бека без моей подсказки вряд ли отыщете. Вы у меия спросите!

— Подскажи, турэ, просим!

— Сперва ответь мне, Бушмаи-бей, ие намерен ли ты, подчииив себе юрматынцев с меркетинцами, иазвать всех бушмаи-кипчаками?

— Это что еще за вопрос?!

— Уместиый вопрос!

— Додуматься до этого у меия ума ие хватило... — Бушман хотел было просто отшутиться, ио вдруг посерьезиел: — Не надо бы приравиивать меия к татарам, хазрет!

Азиай посветлел, даже приосаиился, как бы ие заметив

высказанную кипчаком обиду, принялся объяснять, где можно отыскать меркетинцев. Прошлой осенью он, извещенный сигнальными дымами о приближении татарского алая, спешно переправил Куслюк-бека со всеми его людьми под крыло табынцев. Знал: татары, памятуя о том, что табынцы — соплеменники Майкы-бея, к ним не сунутся. Сейчас Куслюк-бек, возможно, движется в эту сторону, но не отрываясь от ак-идельских урём. В случае чего можно в уреме и скот упрятать, и самим скрыться.

— Отчего же осенью юрматынцы не скрылись?

— Понадеялись на соглашение. Хотя Майкы-бей предостерегал... — Азнай махнул рукой в досаде и опять замкнулся в себе. Бушман, собиравшийся расспросить, как старик с невесткой зиму пережили, тоже замолчал. И молодежь, почувствовав настроение старших, притихла, реже слышались шутки и смех. Только кони шли, по-прежнему бодро выбивая «топ-топ, топ-топ», — они ведь не задумываются ни о врагах, ни о пролитой крови, тем и счастливей своих хозяев.

— А почему вы о том унгаре не спросите? — нарушил молчание сам же Азнай и, видя, что привлек внимание спутников, неторопливо продолжал: — Когда тут начали сгущаться тучи, я отправил гостя в обратный путь. Наши проводили его до Сулмана, а потом, полагаю, о нем позаботился Майкы-бей...

— Должно быть, уже добрался до своих, — заметил Бушман.

— А где, интересно, сейчас татары?

— Ранней весной они, я слышал, спустились в низовья Дона — подкормить коней. Намерены нынче полностью завладеть землями урусов. И нам, пожалуй, покоя не дадут.

Так, переговариваясь, продолжали они свой путь, костерок беседы то вспыхивал, то еле тлел. У горушки, именуемой Красной бабкой, посовещались, каким путем двигаться дальше.

— Может, спустимся к Сухайле и прочешем местность до устья Ашкадара? — спросил Бушман.

— Нет, — возразил Азнай, — ежели кто и остался в живых, то жмется к горам, лучше ехать напрямик к Селеуку.

— И верно! — подала сзади голос Кюнбика. — Там уж точно люди ждут нас.

Азнай сердито крякнул и, надо думать, назло невестке направил коня в сторону синевшей вдали Тура-тау, то есть избрал направление, предложенное Бушманом. Предво-

дитель кипчаков, посмеиваясь, дал своим знак следовать за стариком, не опережая его. Пусть чувствует себя вожаком, это может выпрямить человека, согнутого бедой.

Через Ак-Идель решили переправиться чуть выше тех мест, где на поверхность земли просачивалось горючее «подземное масло» *. Но едва под копытами коней захрустел галечник левого низменного берега, как с противоположного, крутого, кто-то заорал во все горло:

— Стойте! Переходить на этот берег нельзя! Не дозволяется!

Все, вздрогнув от неожиданности, натянули поводья. Азнай, бросая взгляд то на Бушмана, то на тот берег, проговорил растерянно:

— Гляди-ка ты, кто-то уже почувствовал себя хозяином на нашей земле! И смех, и грех...

— Да там, наверно, ваши же, юрматынцы! Сейчас узнаем... — Бушман подозвал своего крикуна. — Ну-ка, объясни тому берегу, кто мы. Не жалей горла. И спроси, кто они.

Крикун, выехав вперед, принялся не спеша, со вкусом выкрикивать, каких знатных людей он представляет и какие славные егеты их сопровождают. Сообщение это, видимо, произвело впечатление: один из затаившихся на том берегу, выведя из кустов коня, куда-то ускакал, другой, взобравшись на громадный валун, прокричал, что они рады видеть уважаемых беев, однако не могут разрешить им переправиться через реку. Дескать, это зависит от главы племени, посланный к нему гонец к завтрашнему утру вернется, а до этого беям придется отдыхать.

— Кан-баба ни в чьем разрешении не нуждается! — распалился Азнай. — Будут еще мне указывать — не делай то, делай это!.. Айда, турэ, поехали!

— Что ж! — согласился Бушман и велел крикуну: — Скажи этому человеку, пусть оружие свое пока припрячут, а то отберем.

Первые кони, разбрызгивая воду, вошли в реку. Егеты Бушмана, изготовив луки к стрельбе, внимательно вглядывались в противоположный берег. Дозорного, стоявшего на валуне, будто ветром сдуло, а вслед за тем донесся конский топот.

— Три коня, — сказал Беркут.

— Дозорные, — определил Бушман. — Добрый знак.

— Разбойники! — возразил Азнай.

---

* О нынешнем Ишимбайском месторождении нефти башкиры знали издревле.

Как бы там ни было, эта встреча на представлявшейся безлюдной земле оживила путников. Каждый из них, поднявшись на правый берег, первым делом окидывал взглядом открывшееся впереди пространство в надежде увидеть юрты или стадо, на худой конец — дым от костра. Но вокруг было пустынно и тихо.

— Ладно, кто-нибудь да подъедет, раз увидели нас, — сказал Бушман и распорядился подобрать место для ночлега.

2

В продолжение осени и зимы Искандер был занят тем, что искал оставшихся в живых юрматынцев и сзывал их к себе. Кажется, он не задавался вопросом, зачем это ему нужно, а стало быть, и не ломал голову в поисках ответа. Нужно, и все тут. Коль есть у тебя душа, как оставишь без помощи попавших в беду соплеменников? Изгнали его из племени, так это была подлая затея кантбабы, на остальных вины нет. Впрочем, и времени-то думать об этом не оставалось, забот было выше головы: и беспризорную скотину, разбредшуюся по лесам и лугам, сгони в одно место; и уцелевшую от огня одежду, утварь, шкуры, лоскуты войлока там, где стояли юрты, собери; и прибившимся к тебе людям помоги как-нибудь устроиться. Пещера на Кук-Карауке — надежное убежище для разбойника, но место это — в стороне от человеческих путей и корма для скота — почти ничего. Пришлось перебраться к речке Бергамутке.

Поначалу Искандер собирал людей, как говорится, с бору по сосенке: кого-то чутье к нему приводило, кто-то, встретив его в пути, приставал. На Бергамутке, вскоре после того, как Газиля разродилась сыном, прямо-таки чудо произошло. И на новом месте Искандер жил с несколькими близкими ему людьми в пещере, остальных устроил под скалой в юрте. Однажды вылез он из своего жилища и видит: сидят на земле полукругом, обратившись лицами к пещере, два старика и три женщины с ребятишками.

— Откуда вы? Как отыскали нас? — удивился Искандер.

Старшая из женщин ограничилась тем, что взмахом руки указала на юг, а самая младшая пояснила:

— Мы услышали плач младенца... — И добавила: — Хорошо тут у вас, райское местечко...

Новопрнбывшне были истощеиы до крайности — кожа да кости. В кучке этой главеиствовали женщиины, у стариков — ии снлы в руках, ни света в глазах. Ребятишки, иесмотря иа страшиую худобу, выглядели довольно бойкими. Искаидер, позвав свонх, велел иакормить бедолаг и соорудить для иих просториый шалаш.

Весь деиь настроение у Искаидера было приподнятое. Надо же, сразу столько народу прибыло! Воодушевленный иеждаииым пополиением, в этот же день он устроил праздннк наречения младеица. Сам исполиил обряд. Порядок зиал, кое-что застряло в памяти, когда жил рядом с каи-бабой. Может быть, допускал иеточиости, но старики тем ие менее подкрепляли каждое его слово одобрительными кнвками. Все племя, иесколько десятков человек, участвовало в празднке. Даже скачки и борьбу устроили, только участнников состязаннй было маловато.

Вот с этого дня племя Юрматы — ииаче ведь прибившихся к Искандеру людей не назовешь — начало заметио возрастать. С прнходом весны потянулнсь к Бергамутке и пешие, н конные, и безоружные, н вооруженные, кое-кто и скот прнгонял. Миогие утверждалн, что прнзвал нх крик младенца. Везучнм оказался мальчонка, ие зря дали ему имя Кутлусура — благословенный, значнт. Обладал он какой-то особой притягательиой силой. Чем же иным можио объяснить то обстоятельство, что даже арман рассеянного булгарского войска стали то поодниочке, то ватажками проситься в стан юрматынцев? Их Искандер тоже не отталкивал.

Нельзя было, правда, забывать, что булгары — иарод шустрый н иа всякие хнтрости гораздый, могут и власть прибрать к рукам, дай им только отъесться н прнодеться. Поэтому Искандер приспособил их к дозориой слубже у Ак-Идели. Растущее племя он начал делнть иа аулы и расселять, оставляя при себе мужчин, способных владеть оружием. В ныиешние времена без этого иа благополучие не надейся! Чего-ннбудь такого, опасиости, скажем, для своего положеиия он покуда не ощущал, все готовы были переломиться перед инм в поясе — турэ да турэ, но лишь бережеиого и Аллах бережет, так, говорят, иаписаио в Коране.

Обязанностн, взятые Искандером иа себя, ставили перед ннм все иовые и иовые вопросы, а он с какой-то безотчетной удалью быстро разрешал нх. И то, что ои ие колебался, не мялся, приинмая решення, утверждало и в ием самом, н в другнх веру в его способность возроднть и

возглавить племя. Но вот услышав, что Бушман-бей остановился на ночлег на правом берегу Ак-Идели, а с ним там — и Азнай-бей, Искандер растерялся, потом разозлился. Чего им тут надо? Что ему теперь — разыгрывать из себя перед незваными гостями гостеприимного хозяина?! Ну, нет!..

Распаляя себя так, Искандер вспомнил, кто они и кто он сам, и прикусил язык. Встреча с беями неизбежна. Попытка повернуть их обратно силой приведет лишь к кровопролитию. Не для этого же возрождает он племя! К тому же Азнай-бей — кан-баба племени, рано или поздно должен был заявиться. Искандер знал, что Азнай-бей зазимовал в пещере у Тиряклы, и думал иногда: там, даст Аллах, и ноги протянет...

— Змея после зимней спячки на солнце выползает, и этот выполз, — пробормотал Искандер и уже хладнокровно начал прикидывать, где и как встретить непрошеных гостей. Неожиданно пришла в голову смелая мысль. Он, обрадовавшись, едва не засмеялся. На Меловом холме — вот где встретит. На холме, ставшем вечным приютом для предводителя племени Таймаса и сотен юрматынцев. И много слов не потратит, скажет только: смотрите, здесь Искандер предал земле тела своих убитых татарами соплеменников. Один. А в это время кое-кто... Впрочем, можно и открыто сказать. Кинуть в лицо Азнай-бею... Нет, не стоит так... Лучше вежливо попросить его сотворить молитву, добавив, что это не мертвым — живым нужно... А-а, там будет видно, махнул, в конце концов, рукой Искандер.

К беям, заночевавшим у Ак-Идели, помчался гонец с сообщением о месте встречи. Люди, обитавшие в окрестностях Бергамутки, тронулись — кто пешком, кто на коне — в сторону Мелового холма. На несколько повозок были погружены медные казаны, глиняная и деревянная посуда, бурдюки с кумысом и жертвенные бараны — Искандер ради поминовения павших решил ничего не жалеть.

В пути он углядел прошлогоднего знакомца — старика, который посодействовал ему во время похорон на Меловом холме. Он-то как раз и сказал тогда, как этот холм называют. Пропев заупокойные суры из Корана и оказав посильную помощь, старик исчез так же внезапно, как объявился, Искандер даже имени спросить не успел. Потом поискал его, но не нашел. А теперь вот старик ковылял туда же, куда направлялись все. И еще одна смелая мысль пришла в голову Искандера: зачем дождаться Аз-

най-бея, когда этот старик может пропеть надлежащие суры священной книги? Пусть кан-баба примет участие в скорбном празднике не как хозяин, а как гость!

— Ассаламагалейкум, аккакал! Узнаешь меня?

— Вагалейкум-ассалям, как тебя, Искандер! Бэй-бэй, тебя да не узнать!

— Что не показывался? В прошлом году я не успел спросить, где живешь.

— Мир широк, нашлось в нем место и для меня, — уклонился от прямого ответа старик.

Предложение насчет Корана он принял спокойно и тут же поразил Искандера неожиданным сообщением.

— Прости, пожалуйста, я, не спросив тебя, сделал одно дело.

— Какое дело, аккакал?

— Позвал на поминовение меркетинцев. Скоро подъедут.

— Ты знаешь, где они обитают?

— Как не знать, коль общаемся...

Порасспросив старика, Искандер выяснил, что зовут его Ахметшой, что до его небольшого аула татары не добрались. Но беда все же не обошла этот юрматынский аул стороной. Егетов Майкы-бей силком увел на войну, и никто из них пока не вернулся. Поздней осенью прошлого года, когда аул готовился более или менее благополучно вступить в зиму, какие-то вооруженные бродяги ограбили его, угнали весь скот. Мужчины аула за исключением самых старых кинулись вдогон, отбивать отнятое, и пропали бесследно. То ли перебили их, то ли полонили. Теперь вот Ахметша с несколькими другими старцами командует женщинами и детьми. Хорошо еще — меркетинцы, прознав об их бедственном положении, не дали умереть с голоду. Поныне помогают...

— Я побывал на Кук-Курауке, искал тебя, а ты, оказывается, вон куда перебрался, — завершил свой рассказ Ахметша.

— Жаль, не встретились пораньше, — сказал Искандер и, хлестнув коня, поскакал вперед — ему надо было подумать, как обернуть участие меркетинцев в поминовении против Азнай-бея. Умом он понимал: не время сейчас устраивать склоку, — но душа не могла примириться с тем, что кан-баба заявится хозяином в собранное им, Искандером, племя.

А посланный им гонец тем временем доскакал до Ак-Идели. Беи как раз садились на коней. Услышав, где

назначена встреча, Бушман вопросительно посмотрел иа Азная: что за Меловый холм, хорошо это или плохо? Тот, пожав плечамн, впился взглядом в гонца.

— Вестник, ты ведь не юрматыиец?

— Нет, турэ, я нз булгар.

— Как ты оказался в этих краях?

— Так, турэ, ты же сам прошлым летом, встретив иас, помог укрыться в горах. Вам пока иадо уцелеть, сразиться с татарами еще успеем, сказал ты тогда.

— Да-да... Кому же вы теперь служнте?

— Известное дело, предводителю племеии Юрматы Искандер-бею.

Азиай аж подскочил в седле.

— Искаидер беем не был н не будет, заруби это себе на носу!

— Не мие в этом разбираться. Зиаю только, что в племени сейчас нет человека главией Искаидера, — невозмутимо ответил гоиец и обратился к Бушмаиу: — Не поторопиться ли нам, турэ? Уже с утра все спешили к Меловому холму.

— Что там за собраиие? — поиитересовался Бушман. Выслушав объясиеиие, сказал, усмехаясь, Азнаю: — А ведь у этого Искаидера есть голова иа плечах!

— Я ее особо пометил. Калеиым железом! — пробурчал Азнай, ие скрывая злости. Ои предчувствовал, что впереди ждут его еще большие иеприятиости. Бушман, видя состояние каи-бабы, иичего к сказаииому ие добавил. Молча вскннул руку — дал своему алаю зиак трогаться.

...Племя Юрматы, пытавшееся оправиться после разгрома, было еще малолюдио, к тому же рассыпалось по склоиу холма вокруг могилы, обозиачеиной насыпным курганом, н сбившиеся в отдельиые кучки булгары и меркетиицы словно бы иарочно подчеркивали его иемиогочисленность. Когда построенный по двое, а потому вытянувшийся в длину алай подошел, поблескивая иа солнце оружием, и развернулся у подножья холма, малочислеииость юрматыицев стала еще очевидией. Случись ссора — где бы уж им устоять против такой вот силы! Но колеиопреклоиеииые юрматынцы, а равио н булгары с меркетинцами даже не взгляиули иа подъехавших, их внимание было приковано к тщедушиому старику Ахметше, громко выпевавшему возле могилы священные слова Кораиа. В словах этих воплотились мужество, иадежды и чаяиья павших ради защиты племеии, во всяком случае, так восприиимали их

слушатели, объединенные неподдельным волнением и скорбью.

Егеты Бушмана в мгновенне, можно сказать, ока соскочили с коней и опустились на коленн, вытянув руки вперед, будто грея их у костра. Сам Бушман, разумеется, спешнлся и преклонил колени первым. Только Азнай-бей торчал в седле. Сойдя, наконец, на землю, он постоял еще какое-то время, растерянно озираясь, и неожиданно присоединил свой голос к голосу старнка Ахметшн.

Словами из Корана нзвещал он соплеменников о своем возвращенни к ним и просил прощенья за то, что, забыв о долге кан-бабы, таился в пещере, не взял сразу же на себя возрождение разоренного племени. Но так воспринял его поступок опять же народ, а для того чтобы Азнай-бей высказал это своими словами, время еще не подошло. Люди нспытующе поглядывали то на него, то на Искандера. Бушман-бей сегодня тут, завтра там, а этим двоим жить вместе. Еслн не уживутся, на племя опять посыплются беды, могил прибавится. Думают лн они хоть немного об этом?..

Прозвучал завершающнй молитву возглас «Аллахн акбар!» — «Аллах превыше всех!», правоверные мазнули себя ладонямн по щекам, и кнпчакн начали было подннматься, но увидев, что юрматынцы чего-то ждут, опять опустились на колени. В это время глашатай зычно объявнл:

— Глава племени Юрматы просит Бушман-бея н Азнай-бея подняться к нему.

Азнай-бей раскрыл рот, собнраясь что-то выкрикнуть, но не смог издать ни звука. Бушман, воспользовавшнсь этим, тихонечко подтолкнул его, и кан-баба вынужденно пошагал вверх по склону.

— Глава племенн Юрматы проснт Куслюк-бека также подойтн к нему!

Кан-баба, пробурчав что-то под нос, покачал головой. «Должно быть, хочет сказать: совсем обнаглел!» — усмехнулся про себя Бушман и, дабы лншить старика возможности остановнться, сказал:

— Вот, оказывается, суждено было нам увидеть и Куслюк-бека. Безграннчна мнлость Аллаха! — Не дождавшись отклнка, Бушман спроснл:

— Меркетинцы все еще не отошлн от язычества? Неспроста ведь в сторонке сидят? А жить-то вместе...

— Поговорю-ка с Куслюк-беком! — оживился Азнайбей. Доказывать сейчас, кто есть кто — не время н не место. Чтобы удовлетворить свое оскорбленное чувство,

остается лишь воспользоваться подсказкой Бушмана. Кан-баба — лицо духовное, вот он и займется своим делом. Хочется Искандеру называть себя главой племени, так пусть пока называет. Потом видно будет!..

Искандер оказался даже умней, чем предполагал Бушман. Беев и бека он поприветствовал лишь вежливым кивком — предусмотрел, что Азнай может оскорбить, отвергнув на виду у всех протянутую для пожатия руку. Указав гостям место рядом с собой, Искандер обратился к собравшимся с горячей речью. Рассказал о том, что увидел здесь, на месте жестокой схватки, в прошлом году, и о том, как два дня и две ночи хоронил павших, как помог ему старик Ахметша. И закончил неожиданно:

— С тех пор племя живет без предводителя...

На склоне холма поднялся гвалт.

— А ты? Разве не ты наш турэ?

— Кто же тогда собрал племя?

— Мы давно назвали тебя предводителем племени!..

Искандер, подняв руку, установил тишину.

— То, что возложили на меня духи предков, я исполнил. Теперь вы вместе, на первое время худо-бедно, но обеспечены, есть у вас скот, кое-какая утварь... А я... — В голосе Искандера вдруг прорвалась обида: — Я ведь изгнанный из племени! Забыли, что ли, об этом? Я... Я хочу попроситься в племя Куслюк-бека. Бек, примешь меня?

— Кто же от такого молодца откажется! Приму, коль собрание разрешит, — ответил Куслюк-бек и, как бы проверяя, не поторопился ли с ответом, взглянул на Бушмана с Азнаем. Те промолчали, зато собрание взбулгачилось, почти все повскакивали с мест, замахали руками. Шум, крики:

— Не разрешаем!

— У меркетинцев есть свой бек, хватит!

— Давайте изберем Искандера по установлению предков!

— Сперва вернем его в племя! Кан-баба, правь собранием!

— Как же, он вернет!..

— Встанет поперек, так самого прогоним!

— Да ну его, пусть не суется!..

— Нет, пусть объяснит, как сделать по обычаю!..

Азнай-бей стоял недвижно, словно бы и не слыша этих выкриков. Бушману стало ясно, что Искандер останется во главе племени, а кан-бабе грозит опасность. Чего ждет

упрямый старик? Если он не скажет сейчас нужное собранию слово, то потеряет все. Но он будто окаменел. Ха-ай, не только умен и решителен этот Искандер, но и хитер. Вот ведь в какое положение нас поставил, подумал Бушман и вскинул руку.

— Хотите ли выслушать кипчакского бея Бушмана?

— Говори, Бушман-батыр! — первым отозвался Искандер, и его дружно поддержали.

— Скажи свое слово, бей!

— Мы слушаем!

— Эй, тихо, Бушман-бей будет говорить!

— Слушай, племя Юрматы! — уважительно начал Бушман. — Вы, кипчакские егеты, тоже слушайте и делайте выводы для себя! Меркетинцы, булгары, и к вам обращено мое слово! По-разному мы именуемся, но все мы — дети одного отца и одной матери. Всех нас оттуда, где восходит солнце, привел в эти края святой Қоркот, а путь ему указала священная Белая волчица, праматерь наша. В сундуках наших хранился рог одного и того же Белого змея, рог изобилия, а потому злато-серебро у нас не переводилось и скот плодился, удваиваясь и утраиваясь. Если с кем-то случалась беда, Хызыр Ильяс спускался с небес, чтобы помочь потерпевшему. Никто не скажет: нет, это не так — потому что было именно так. Ой-бай-ай, дети святого Қоркота! Это лишь начало моего слова. Слушайте дальше. Кто-нибудь может спросить: отчего же ныне, когда на мир обрушились несчастья, Белая волчица не укажет путь к спасению, Хызыр Ильяс не поспешит к нам на помощь? Вы слушайте — я скажу отчего. Оттого, что люди, связанные кровным родством, забыли об этом и брат пошел на брата. Разве не называли мы когда-то родичами извергов, насланных сюда Батыем и Субудаем? Мы их уважали, а они камень за пазухой держали и в конце концов кинули родство под конские копыта. Если ко злу, которое творят они, добавим несогласие меж собой еще и мы, радость вконец покинет наши земли. Теперь ручеек моего красноречия разделяется на две струи. Мы для юрматынцев не чужие, потому вправе дать им совет, — вот какая мысль звенит в первой из них. А совет таков. На колечке пророка Сулеймана * было написано: «И это пройдет». Стало быть, все проходит, меняется, и свершенное по обычаю тоже не остается неизменным. Қан-баба подтвердит: обычай должен быть опорой для людей, а

* Пророк Сулейман — библейский царь Соломон.

не наоборот. Коли так, Искандера надлежит принять обратно в племя. Согласны с этим?

— Согласны! — откликнулось собрание.

Бушман, Куслюк и Искандер обернулись к кан-бабе, ожидая, что скажет он.

— Да, — выдавил он из себя. — Хорошо сказал Бушман-бей. Верно. Что касается человека, способного стать предводителем...

— Искандер уже показал, что он — самый подходящий для этого юрматынец, — будто бы продолжил мысль кан-бабы Бушман. — Так ведь?

— Та-а-ак! — стоусто подтвердило собрание.

— Есть возражения против Искандера?

— Не-е-ет!

— В таком случае, радуясь за вас и за тебя, Искандер-турэ, я завершаю свое слово. Я сказал, что ручеек моего красноречия разделился на две струи. Так вот, вторая струя — это мой призыв утверждать согласие, чтить друг друга, усиливать взаимную поддержку, короче — противостоять злу, чинимому монголами и татарами, приращивая силу добра. Кипчаки, живущие у Большого Ика, помогут племени Юрматы скотом. Меркетинцы, думаю, тоже найдут возможность помочь, но об этом скажет сам Куслюк-бей. Если же возникнет нужда защитить наши земли и очаги, будем действовать сообща и так же решительно, как бросается на волка косячный жеребец. Давайте поклянемся в этом здесь, на этом священном холме!

Бушман попросил принести чашу кумыса, передал свой нож Азнай-бею и, засучив рукав, протянул к нему левую руку. Кан-баба должен был исполнить клятвенный обряд, дав предводителям племен пригубить кумыс, окрашенный каплями их крови. Он посмотрел на нож и вдруг мгновенным движением направил его в грудь Искандера. Тот успел откачнуться, кончик ножа скользнул по ребру. Столь же быстро и незаметно для окружающих Бушман вывернул нож из руки Азная и, делая вид, будто ничего страшного не произошло, покачал головой:

— Видно, из-за старости память тебе изменила, бей! Разве же так берут кровь?.. Исполним обряд, люди ждут!

Он сам сделал то, что должен был сделать кан-баба, и когда три предводителя один за другим отпивали кумыс из чаши дружбы, вокруг не умолкали радостные крики. Никто из народа не заметил происшествия, которое при ином исходе могло вызвать невесть какие события.

Прозвучало приглашение на поминальную трапезу,

народ, гомоня, устремился к котлам. Куслюк-бей быстренько залепил порез в боку Искандера зеленым листочком. Лишь после этого Азнай, кажется, снова обрел дар речи.

— Как поступите со мной? — спросил он.

— Пока сядешь с нами, — сказал Бушман и, обращаясь к Искандеру, продолжал повелительно: — Потом посели его в пещере. Изредка показывай людям, пусть знают: жив кан-баба. Наденешь на него балахон с зашитыми рукавами. Приставишь какую-нибудь беззубую старуху, чтоб кормила его и помогала справлять нужду. Если вернется Каранай, тут же сменишь кан-бабу. А может, и сам он поумнеет — там посмотришь...

Натолкнувшись на удивленный взгляд Куслюк-бека, Бушман добавил:

— Он не в Искандера — в наше единство целил нож! Человек, пекущийся о благе племени, не совершит такое...

Надеть балахон с зашитыми рукавами... У тюрков это исстари считалось самым позорным для мужчины наказанием: его приравнивают к младенцу, по неразумению расцарапывающему свое лицо. Азнай-бей заплакал.

3

Пока татарское войско откармливало коней и само набиралось сил в низовьях Дона, меж западными столицами сновали послы и простые гонцы. Большинство из них выезжало из Эстергома и туда же возвращалось. Сведения о татарах, собранные монахом Юлианом, сообщались в посланиях Белы Четвертого и отцов католической церкви всем государям Европы, дошли они даже до повелителя туманного Альбиона — короля Англии.

Одни читали эти послания с любопытством, будто сказку, другие потирали руки, представляя своих врагов на востоке потерпевшими поражение от татар, папа римский Григорий Девятый прикидывал, нельзя ли использовать безбожную орду в борьбе с арабами и непокорным германским императором Фридрихом Вторым. Но мало кто задумывался об укреплении своих городов и совместных с соседями действиях — очень далекой казалось Европе опасность.

Настроение Белы Четвертого было неровно: то он старался выглядеть невозмутимым, уверенным в своей непобедимости королем, то, вспомнив сообщение монаха о намерении хана Батыя ударить сразу же после разгрома русских княжеств по Великой Унгарии, пытался что-то

предпринять. Помимо рассылки предупредительных посланий, он устроил смотр своему войску, проверил состояние крепостей, посовещался с главнокомандующим — палатином Дионисием и вновь забылся в объятиях беспечности.

День проходил за днем, месяц за месяцем, новых вестей о татарах поступало все меньше, а прежние как-то обесцветились, потеряли остроту. И при дворе, и в ордене потихоньку складывалось мнение, что монах Юлиан нашумел зря. Это затронуло его гордость и вынудило замкнуться в себе. Братья-монахи перестали замечать его или сторонились, хотя прямо обвинить в чем-либо не решались: чувствовали, что столько подробных сведений, имен, названий рек и местностей, чужеземных обычаев просто так не выдумаешь. В то же время — где они, эти татары, которыми он пугает? И возможно ли, чтобы язычники обладали такой безграничной силой, какую приписывает им брат Юлиан? Не принижает ли он к тому же имя Иисуса Христа? Ведь утверждения о могуществе нехристей — это хвала Сатане! Что-то тут нечисто. Да-да, попробуй-ка без помощи лукавого пройти тридевять царств и живым-здоровым вернуться обратно!.. Примерно так рассуждали братья-монахи, забыв, сколь восторженно встретили Юлиана недавно. Великое испытание, выдержанное им, и почести, оказанные ему по возвращении, вызвали теперь зависть, а зависть — та самая почва, на которой произрастают всякого рода колючки.

На помощь оскорбленному Юлиану пришел брат Рихард, добрая душа. Переговорив с настоятелем монастыря, библиотекарь усадил нашего путешественника за работу: опиши пережитое, пиши не торопясь, стараясь не упустить ничего из увиденного и услышанного. Если твои записки не прочитают сейчас, так понадобятся в будущем... Благодаря хлопотам брата Рихарда, Юлиан получил достаточно пергамента и бумаги, а чернила он делал сам. Память у него хорошая, все путешествие до мельчайших подробностей предстает перед мысленным взором — знай навьючивай воспоминания на спины букв.

В душе Юлиана опять защебетали давно уж примолкшие певчие птахи. Гусиное перо, выстраивая ряды навьюченных букв, вновь вело молодого монаха по пройденным дорогам. Повторное путешествие так же, как первое было насыщено приключениями, горестями и радостями. Вспоминая, как плыл по беспокойному морю, как ступил на берег в Таманторгане, Юлиан волновался не меньше, чем

тогда, и с неменьшим нетерпением продвигался к родине предков, только ждали его там на сей раз не безвестные люди, а знакомые — Азнай-бей, Каранай, Газиля... И сын! А может быть, дочь? Пусть дочь, все равно — его дитя!

Гусиное перо не могло угнаться за нетерпеливыми мыслями, далеко отставало от них, и Юлиан понял, что не сможет жить, если не побывает на берегах Ак-Идели еще раз. Вдруг тесной стала ему келья, и сердцу в груди стало тесно. Да что ж это он сидит тут, когда мир так широк и небо высоко, и горы синеют вдали, и есть еще на свете люди с приветливыми лицами!

Он привез правду о татарах, но недоверие подбило ей крыло. Надо узнать, где сейчас находится Батый, и все-таки убедить сильных мира сего в том, что опасность грозит стране на самом деле. Король и великий магистр, наверно, не воспрепятствуют новому путешествию — путешествию по землям, потоптанным татарскими конями. Может быть, теперь-то обитающие на тех землях народы готовы перейти в католичество. Если и не готовы, надо включить мысль об этом в письмо. Да, Юлиан напишет королю, попросит принять для разговора о новом путешествии...

Письмо было написано и через надежных людей передано Беле Четвертому. Опять день проходил за днем, но вызвать монаха во дворец не спешили. Юлиан не знал, что и думать. Тем временем по королевской столице пошли тревожные слухи: дескать, татары дошли до Карпат, произошло первое столкновение, неизвестно лишь, какая из сторон взяла верх. В городе появились конные кипчаки, слухи этим будто бы подтверждались, и тревога усилилась. Но в конце концов выяснилось, что в Эстергом направлялся татарский посол с многочисленной охраной. На подступах к Карпатам палатин Дионисий задержал посла и не знал, как быть: пропустить его или завернуть обратно. Татары вели себя заносчиво, сразу же затеяли ссору, воины Дионисия возмутились, даже намяли бока кое-кому из посольских охранников. Весть об этом, обрастая домыслами, долетела до Эстергома, она и вызвала сумятицу в столице.

Теперь о письме вспомнят, думал Юлиан. Татары-то — вон они. Теперь надо следить да следить, где находится Батый и в какую сторону укажет он рукоятью плетки. Это-то при дворе должны понять.

Видно, поняли. В закрытой карете Юлиана доставили во дворец и без промедлений провели к королю. В неболь-

шом изыскаиио обставлеииом покое кроме Белы Четвертого Юлиан увидел кипчака в зиатной одежде. Хан Котяи, предположил он и ие ошибся.

Король был немиогословеи.

— Мы одобряем твое желание. На сей раз тебя и твоих спутников до возможных пределов проводят люди хаиа Котяиа, — сказал ои, глянув иа кипчака.

— Да, — подтвердил тот, — я дам самых проворных егетов.

— Проводят кратчайшим путем, — продолжал король,— поэтому мы рассчитываем на твое скорое возвращение.

—Степь велика, ио наши кони быстры, как птицы, — самодовольно улыбиулся хаи.

— Остальиое тебе подробио разъяснят. Помии: твой король и твой орден надеются на тебя...

Из дворца Юлиаи вышел, охваченный противоречивыми чувствами. Обидно краткой оказалась долгожданная аудиеиция, чрезмерио сух был король, ни едииого теплого слова ие обронил, а ведь не перед легкой прогулкой иапутствовал. Юлиан зиает, с чем может столкиуться в пути, пережитые ие столь еще давио дорожиые мытарства, голод, холод, приводящее в отчаянье бессилие перед человеческой жестокостью, боль утраты, мука одниночества не успели затянуться дымкой забвеиия, и теперь, когда ои добился своего, все это всколыхиулось в растревожеиной памяти. В то же время душа его ликовала, сердце трепетало подобно птахе, перед которой распахнулась дверца клеткн.

Юрматы... Газиля... Дитя, его дитя... Сыи или дочь? Перед тем, как отправиться в путь, Юлиаи без коица задавал себе этот вопрос и уже ие был уверен, что не произнесет его вслух, не проговорится во сие, поэтому сои его стал беспокоен, урывист. За иесколько полных беспокойства дией и иочей ои осуиулся, слегка округлившиеся было щеки опять опали. Брат Рихард удивлеиио покачивал головой:

— А что же от тебя остаиется в пути? О Господи!..

— Осталось бы в чем душе держаться — и довольно. Не пешком идти — кнпчаки коией дадут, — улыбался в ответ Юлиаи, а сам думал: что бы ты сказал, если бы узнал мою тайну? Среди моиахов брат Рихард — самый близкий ему человек, ио и ему Юлиан ие мог даже намекиуть о том, что произошло с ним иа юрматынской земле. Доброго Рихарда это привело бы в ужас. Донести ои не донес бы, а все же... Лучше соблюдать предельиую осто-

рожность. Зато в выборе спутников Юлиан полностью доверился мнению брата Рихарда, никто другой в монастыре не видел хорошее и дурное в человеке так ясно, как седой хранитель книг.

Наступил день, когда хан Котян, наконец, выехал из Эстергома, направляясь обратно в свою орду. Юлиан и его спутники присоединились к свите хана под видом торговцев. Большинство кипчаков, наверно, и не сомневалось, что с ними едут искусники по части купли-продажи: при наездах хана в Великую Унгарию за ним всегда увязывались пронырливые представители этого вездесущего племени. Миновав Карпаты, они обычно сворачивали на север, ибо в степи и сами ханские слуги не прочь были созоровать, пообщипать толстосумов. Юлиан знал, что кипчаки в пределах Карпат будут вести себя пристойно, поэтому мог ехать спокойно, разве лишь исподволь готовя своих товарищей ко всяким неожиданностям. Они, конечно, люди тертые — из тех, про кого говорят: у змеи ноги срежут, — но бывают обстоятельства, при которых и самый находчивый человек теряется.

Татар увидели уже на одном из карпатских перевалов. Сперва проехали верхоконные унгары с криком:

— Дорогу! Расступись!

Кипчаки не спешили исполнить требование. Тут налетели татары.

— Дорогу послу великого кагана!

И принялись прокладывать дорогу плетками. Кипчаки тоже вскинули плетки. В тот момент, когда драка вот-вот должна была обернуться большим кровопролитием, появился сам палатин Дионисий с телохранителями, сказал что-то Котяну, тот закричал, приказывая пропустить татар. Кипчакские егеты подчинились, встали обочь дороги. Их глаза излучали лютую ненависть. По этой причине или из-за высокомерия татары проследовали по живому коридору, глядя из-под надвинутых на брови шапок прямо перед собой, как бы не замечая кипчаков. Хан Котян, напротив, ощупывал каждого из них злым взглядом. Особо внимательно он осматривал повозки: в них ведь везли предназначенные Беле Четвертому дары, а дружелюбие хитрого унгара, конечно же, связано с тем, кто и сколько ему преподнесет.

Татарские дары, видимо, показались хану Котяну изрядными. По его решению один из кипчакских беев тут же поскакал со своими ближними назад, в Эстергом. Вспомнил хан и о монахе, сведущем о татарских кознях:

подозвав Юлиана, спросил негромко, какова, на его взгляд, цель посольства.

— Цель у них всегда одна — обмануть! — уверенно ответил Юлиан. — Будут уверять короля, что они, де, не замахиваются на Великую Унгарию. Улещать, чтобы он не вступился за вас, кипчаков.

— Да-да... — кивнул старый хан. Он еще более помрачнел и заметно ссутулился.

4

Горы своенравны: они и ход коню зададут соразмерный с подъемами и спусками, и место для ночлега сами укажут.

Не так уж велико расстояние меж Селеуком и речкой Каной по прямой, в степи путники давно такое расстояние одолели бы, но, продвигаясь по горным распадкам, они только-только миновали излом Ак-Идели, вдруг сворачивающей на север, то есть оставили позади лишь половину пути. Как ни спешили путники, коней плетками они не ожигали, опасаясь вызвать недовольство Хозяина гор. Ни один хозяин, известно, не терпит нарушения принятых в его владениях правил.

Бушман-бей, мысленно оглядывал свои собственные владения, задумался об их будущем. В последнее время это — его основное занятие, главная печаль. Предгорья Урала могут приютить его орду, места тут благодатные, надежные, башкорты против совместного с кипчаками обитания ничего не имеют, даже напоминают, что были бы рады пользоваться здешними землями и водами, а значит, и защищать их от недругов сообща. В то же время невозможно отказаться от исконных владений у Большой Идели: там — торговые пути, там — бескрайние пастбища. Пока что завладели ими татары, но они уйдут в русские княжества и дальше на запад, и тогда могут появиться другие охотники прибрать к рукам эти земли. Значит, надо держать у Большой Идели войско. Войско нужно и на тот случай, если татары оставят за спиной заслоны. Бушман поклялся бить их и будет бить. Так и так покоя ему не дадут, разве ж Батый забудет о повешенном гонце! Нет, не скоро еще удастся Бушману вложить саблю в ножны. Поймет ли его Масем-хан, согласится ли помочь? И вообще — весомо ли слово Масема в союзе племен? Многое от этого зависит. Коль надежды на хана не оправдаются, придется вступить в долгие переговоры с предводителями

племен, с каждым в отдельности. Да, придется, потому что нужны егеты для укрепления войска, много егетов...

— Бушман-агай, а если на курултае меня не признают, не допустят в круг, что мне делать? Повернуться и уехать ни с чем? Да?

Это уже печаль Искандера. Мается он, не может обрести уверенность — опору души. Голос у него порой от волнения срывается. Очень он нуждается сейчас в поддержке, в дружеском совете.

— Нет, Искандер, ни с чем ты не уедешь. Ты же не самозванец, народ поставил тебя предводителем. Я вот как раз и еду, чтобы подтвердить это. Только, боюсь, запаздываем.

— Я выбрал самый короткий путь.

— Верю. Выехать, говорю, надо было пораньше...

Не зря они все же выехали — подоспели к завершению курултая. В пути их задержали дозорные, не хотели пропускать. После долгих препирательств послали гонца к хану. Гонец вернулся с сообщением: курултай выразил желание увидеть и выслушать главу племени Юрматы и достославного Бушман-бея, просит их прибыть не позднее завтрашнего утра. Ради этого, как выяснилось потом, курултай продлили на день, предводители племен не разъехались в условленный ранее срок.

Масем-хан оказался крупнокостным, круглолицым мужчиной, уже оставившим за плечами возраст, именуемый средним. Неторопливая речь, редковолосая бородка, косой разрез полузакрытых, тем не менее приметливых глаз говорили о его принадлежности к племени Катай.

Катайцы — ветвь раскидистого древа тюрков — некогда обитали за горами Алтая, частью — в стране Сина, то есть в Китае, и даже сажали на китайский трон своего императора. Со временем они разбрелись-рассеялись по белому свету, прибивались к сильным племенам и поглощались ими, но стоило верхушке того или иного племени зазеваться, как пришельцы тихой сапой перехватывали у нее власть. Живут катайцы и среди киргизов, и на просторах Дешти-Кипчака, а одна веточка укоренилась на Урале, переняв язык и обычаи башкортов.

Бушман-бей обратил вчера внимание на то, что их задержали дозорные-катайцы. И вокруг шатра Масем-хана стоят на охране они же. Стало быть, Масем располагает каким-то, большим ли, малым ли, войском, набранным из его соплеменников. Почему же он не держал татарского посла при себе? Больше того, само существование союза

семи племен от Майкы-бея скрывали. Может быть, союз создали уже после его назначения послом и опасались, что он будет мешать? Решили, наверно: пусть караулит Акташа, а мы тем временем накопим силу. Если так, то умно делалось дело.

Сколько, интересно, воинов может выставить при необходимости союз семи? Как у них насчет оружия? Может ли слово Масем-хана поднять сразу все семь племен? Такого рода вопросы занимали Бушман-бея, когда он шагал с Искандером к шатру хана: Масем пожелал увидеть их до начала разговора на курултае.

Хан сидел в узорчатом кресле, одна рука — на подлокотнике, другой — подбоченился. На плечи накинут елян, крытый шелком, на голове — бобровая шапка, украшенная яхонтом. Как только приезжие переступили порог, Масем, выпятив грудь, застыл в величественной позе. «Э, великий, ты пыжишься, значит, слаб!» — усмехнулся про себя Бушман. Он не любил напыщенность. Придержав за рукав Искандера, собравшегося преклонить колено, бей поприветствовал хана легким наклоном головы и приложил руку к сердцу:

— Мы рады видеть Масем-хана в добром здравии. Долгих лет жизни тебе!

Масем ждал от бея еще каких-то, может быть, торжественных слов. Не дождавшись, перевел взгляд на Искандера. Но и тот молчал. Придя в раздражение, хан натужно засмеялся.

— Странные люди предстали передо мной! Один забыл, что намеревался сказать, другой, кажется, и вовсе немой, — проговорил он, обращаясь к хранителю ханской двери, подошедшему к «трону». — Чего им от меня надо?

— Не ведаю, мой хан, мой султан, — пролепетал хранитель двери, сбитый с толку грубой выходкой своего повелителя.

Бушман, переступив с ноги на ногу, обратился к Искандеру:

— Извини, уважаемый турэ племени Юрматы, я оторвал тебя от важных дел, предложив взглянуть на человека, который хочет стать вождем страны башкортов. Ну вот, приехали, взглянули, можно отправляться обратно... Спасибо, хан, за теплый прием!

Бушман-бей снова отвесил легкий поклон и направился к выходу. Искандер, разумеется, последовал за ним.

— Постой, Бушман-бей! — воскликнул Масем-хан. — Гляди-ка, шуток не понимает! Эй, остановите его!..

У выхода Бушман-бей обернулся к хану.

— Меня пробовали остановить Котян и Батый. Теперь попробуй ты!

Выдернул саблю из ножен, шагнул из шатра. Кинься кто-нибудь к нему — рубанул бы, не колеблясь. Но то ли охранники не поняли своего хана, то ли разгневанного бея устрашились — живо расступились перед ним. Неподалеку собрались в кучку предводители племен, их присутствие, кажется, тоже сковывало катайцев. Сам хан, высунувший было голову из шатра, увидев предводителей, тут же скрылся.

Все молчали. Бушман, вкладывая саблю в ножны, подошел к предводителям, поприветствовал их первым:

— Ассалямагалейкум, высокочтимые турэ! Рад видеть вас живыми-здоровыми, тем более — всех вместе!

— Вагалейкум ассалям!

— И мы рады видеть тебя, Бушман-батыр!

— Мы вот смотрим, уж не случилось ли что с ханом...

— Да нет, мы просто устроили небольшой розыгрыш. Вы же знаете, я люблю пошутить, посмеяться, и хан, оказывается, шутник. Словом, познакомились... Позвольте представить моего спутника: новый предводитель юрматынцев Искандер-турэ. Это он возродил разоренное племя. Узнав, что вы съехались на совет, решили мы с ним навестить вас.

— Очень хорошо! Добро пожаловать на наш круг!

— Услышать, что племя Юрматы живо, — большая радость для всех нас.

— Вы с дороги, наверно, даже горло смочить еще не успели. Прошу в мою юрту! Всех!

Приглашение, прозвучавшее из уст Бабсак-батыра, предводителя бурзянцев, все приняли охотно. У дастархана * разговор еще более оживился и длился довольно долго. Бушман порывался спросить, не заставляют ли они хана ждать, но смолчал. Решил: эти люди хорошо знают, что делают, истинные хозяева страны — они, стало быть, в подсказке не нуждаются. К тому же интересно было ему сидеть здесь, — в непринужденной беседе за чашей с кумысом высказывается то, о чем на курултае, наверно, не услышишь. Похоже, Масем своими притязаниями и грубостью настроил предводителей племен против себя. Неспроста они вынудили-таки подробно рассказать о том, что произошло в ханском шатре, и, посмеявшись, справились, признают кипчаки Масем-хана или нет. Бушман походил

* Дастархан — скатерть, заменявшая у кочевников стол.

вокруг да около, напомнил о татарах, о необходимости единения. Собеседники слушали его внимательно, кивали согласно, однако было видно — не удовлетворены ответом. Бабсак-батыр уточнил вопрос:

— Ты, таксир, человек многоопытный, скажи прямо: может ли Масем-хан стать верховным сардаром? Передал бы ты ему свое войско?

— Нет, не передал бы. Боюсь, зря может погубить, — ответил Бушман. — А что, он хочет стать верховным сардаром?

— Не просто хочет — требует...

— Вот сегодня же отдай ему своих егетов!

— И оружие найди, и еду доставляй!..

— А враг ведь не станет ждать, пока Масем-хан подоспеет с войском к бурзянцам, к примеру, или усерганцам. Разорит, порушит все — и ищи его!

— Да и захочет ли Масем защитить тебя? А то и не захочет.

— Нет, не можем мы оставить свои племена без охраны, без защиты. И так уж наших егетов пораздергали!

Ясно было: высказывания эти — продолжение спора, возникшего на курултае. Бушман не мог прийти к твердому мнению, какая из заспоривших сторон права. Если вспомнить нынешнее поведение Масем-хана и представить, как он поведет себя, располагая большей силой, то правыми кажутся сидящие в юрте. Но от признания их правоты остается всего лишь шаг до распада союза племен, а союз, напротив, должен крепнуть. И выходит — прав Масем-хан в стремлении заполучить единое войско. Впрочем, не стоит спешить с выводами, надо дослушать собеседников. Он, Бушман, как старший по возрасту вправе высказаться последним.

Люди, чьи владения составляли чуть ли не половину страны башкортов, продолжали обмен мнениями по поводу дальнейшего житья-бытья. Вставил свое слово в разговор и Искандер — напомнив, что с его племенем соседствуют меркетинцы, предложил приглашать в будущем их предводителя на такие вот встречи. Бабсак-батыр, поддержав его, заметил, что были бы полезны встречи глав всех обитающих в стране племен, принялся обосновывать необходимость созыва всеобщего курултая. Ему возразили — пришлые племена не имеют, де, тех прав, какими обладают племена исконные. Завязался спор о правах владения землями и водами, кто-то намекнул, что скоро тесно станет в стране, кто-то высказал обеспокоенность тем,

что угодья у Сулмана оставлены ныне без пригляда — не воспользовались бы этим чужаки...

Как раз в этот момент Бушман-бей положил перед собой плетку. Все в юрте выжидающе примолкли: что скажет кипчакский батыр, поддержит их или осудит? Может и осудить, не побоится, потому что решителен и прямодушен, да и силен — жеста его достаточно, чтобы тысячи егетов мгновенно взлетели на коней. Вон ведь как давеча с ханом-то!..

— Я скажу — вы внимайте! — начал Бушман по старинному обычаю. — Вот смотрю я на вас и, видя всех вместе, не нарадуюсь. Сам Аллах поставил вас во главе племен, наделил пониманием их забот и нужд. И то, что в эту тревожную пору вы все решаете сообща, укрепляет во мне надежду. Да переживет страна башкортов тяжелые времена благополучно — надеюсь на это и об этом молю Всевышнего!..

После такого — несколько отвлеченного вступления — Бушман перешел к вещам поконкретней.

— Думаю, — продолжил он, — не будет ошибки, если войско каждого племени останется на своей земле, только надлежит при этом изо дня в день сообщаться меж собой, — как вы иначе сможете своевременно узнать о грозящей кому-нибудь опасности? Верховный сардар нужен, очень нужен, без него о совместной защите страны и речь не стоит заводить, пустой получится разговор. Наш главный враг — разобщенность. Одинокого верблюда, говорят, даже лиса загрызет. Поврозь нас не только татары — все, кому не лень, побьют. Я согласен с тем, что сказал Искандер-турэ, но на совет, по-моему, следует приглашать не только Куслюк-бека — в общем кругу должны сидеть предводители всех племен, когда бы они сюда ни прикочевали. Коль кипчак называет эту землю родиной, Аллах велит защищать ее вместе со всеми...

Слушатели кивали, выражая согласие: да-да, верные слова... Однако кое-что требовало прояснения, Бушмана забросали вопросами. Где, на его взгляд, должен жить будущий верховный сардар — при хане или в своем племени? Нет ли у бея своих глаз и ушей в татарской ставке? Намерен ли сам таксир обосноваться у Большого Ика?

— Вы знаете, я давно уже наполовину башкорт, и половина моей орды обитает тут, — отвечал Бушман. — Слава Аллаху, ни от юрматынцев, ни от усерганцев мне не доводилось слышать, что им не повезло с соседями. Теперь вот прикочевал еще Санкем-батыр, — надеюсь, и о нем

ничего дурного не скажут... В любой миг я готов вскинуть саблю для защиты страны башкортов. Мои глаза и уши... При необходимости они станут глазами и ушами Масем-хана и того, кого вы поставите верховным сардаром...

Бушман чутким слухом улавливал, что у входа в юрту топчется кто-то, но особого значения этому не придавал. Наверно, люди Бабсака, полагал он. Но вдруг дверь распахнулась, и в юрту стремительно вошел Масем-хан.

— Слышу голос истинного мужа! Хуп, хуп! — проговорил он, похлопав в ладоши. — Вы, оказывается, решили собраться здесь. — Хан обвел взглядом сидящих в юрте, задержал взгляд на каждом, и каждый отвечал ему легким поклоном. — Что ж, не все ли равно, где совещаться!

Перешагивая через ноги предводителей, Масем-хан прошел в глубь юрты, к почетному месту, выждал, пока сидевшие там не потеснились, щелкнул, приподняв руку, пальцами, Бабсак, верно истолковав этот знак, быстренько перенес на освобожденное место лежавшее у стенки седло. Хан опустился на седло и молитвенно приблизил руки к лицу. Остальные последовали его примеру, пробормотали арабские слова, восславляющие Всевышнего, взмахнули руками, как бы стряхивая пыль с бород, облегченно, будто после тяжелой работы, вздохнув, воззрились на хана. А тот полуобернулся к Бушману, заговорил с ним, усмехнувшись, словно не стояла меж ними давешняя неприятность:

— Вот не пригласили меня, так пришлось подслушивать у входа... Хорошие слова сказал ты, бей! Помощь, обещанную тобой, примем с благодарностью. — И, обращаясь уже ко всем, спросил: — Ну, кому же доверим войско? Как мне представляется, сидим мы сейчас в юрте верховного сардара. Кто как думает?..

Лиса, умная лиса! Бушман невольно восхитился находчивостью Масем-хана. Быстро вывернулся из неловкого положения, вышел сухим из воды. И уже успел подобрать поводья, направляет ход событий в нужную ему сторону. Может быть, при нынешних обстоятельствах страна башкортов как раз в таких людях и нуждается? А что касается его грубой выходки.. .У каждого свой нрав, с этим ничего не поделаешь. Лучше уж грубость, чем нарочитая слащавость — вреда меньше. Хан повел себя так, будто никаких неприятностей не было. Вот и ладно. Способность отбросить, забыть ненужное полезна, особенно в человеке, который стремится взойти на высокий трон...

— Что скажет Бушман-бей? — Видя, что другие не спешат отозваться, Масем-хан опять обратился к кипчаку.

— О Бабсак-батыре? Только хорошее! Прозорлив, решителен, и племя у него многолюдное, летует и зимует рядом с ханской урдугой. С какой стороны ни посмотри — подходит!..

По мере того, как Бушман неторопливо оценивал предводителя бурзянцев, на лицах остальных предводителей расцвела улыбка. И весь курултай всколыхнулся:

— Хуп! Хуп!

Итак, верховным сардаром утвердили Бабсак-батыра. Поздравив его, курултай перешел к рассмотрению менее значительных, но жизненно важных вопросов. Быстро договорились, как племенам сноситься со ставками хана и верховного сардара, где содержать кузницы, какое в первую очередь ковать оружие. Согласие пошатнулось, когда зашла речь о пополнении ханской казны. Тут уж каждый старался взять на себя тяготу поменьше, на других возложить побольше. Разгорелся спор, поднялся шум-гам, все разгорячились до такой степени, что готовы были схватиться за грудки. Масем-хан сидел, закрыв глаза, слегка покачиваясь взад-вперед, слушал спор вроде бы спокойно, но вдруг, заставив всех вздрогнуть, ударил ладонью о ладонь.

— Постыдитесь! Коль подняли вы меня на белой кошме почета, должно же быть уважение к хану! А где уважение к курултаю?! — Яростен был голос Масема, и все замерли. А он продолжал: — Услышь наши отцы и деды, что тут происходит, подумали бы: бабы скандалят. Будем же детьми своих славных отцов! Пусть сегодняшний галдеж на совете станет последним! Бабсак-батыр! Установим отныне такой порядок: нарушителю благопристойности на курултае — десять ударов плетью! Принародно!

Бабсак почтительно склонил голову.

— Понял, таксир!

Сидевшие в юрте как-то враз качнулись, выдохнули что-то вроде «хм-м...» Это был решающий момент: предводители племен, привыкшие к своеволию, могли просто встать и уйти. Во всяком случае, Бушман почувствовал, что вот-вот это может произойти. Надо бы накрепко привязать их всех к дереву согласия нерушимой клятвой, подумал он. И дабы хан не обронил сгоряча что-нибудь лишнее, попросил у него разрешения еще раз поделиться своими мыслями.

— Почтенные, — заговорил он спокойно, — всем вам

известно: племя Юрматы оказалось в очень тяжелом положении. Моя орда поможет юрматынцам — даст от каждой юрты одну голову скота... Я думаю, каждое племя должно платить дань хану исходя из числа юрт. Справедливость ходит об руку с точным счетом. Не надо ссориться. Из-за ссор мы можем проглядеть опасность, грозящую стране. Ой-бай-ай, кровные наши родичи! Помните всегда о Батые! Нагрянут татары, так все заберут — и скот, и добро, и жен ваших, и детей. И самих вас, заарканив, погонят в рабство. Это я вам говорю, Бушман-бей, хорошо знающий татар!..

Все, не исключая Масем-хана, слушали кипчакского бея внимательно, однако с некоторым недоверием, ибо не сталкивались сами с тем, чему стал свидетелем Бушман, — буря задела их только краешком. Как бы не пришлось вам вскоре испытать увиденное мной на своей шкуре, подумал Бушман и сам испугался: тьфу, тьфу, не приведись!..

А все же удалось ему отвести курултай от опасной черты, и в конце концов по его предложению завершили разговор клятвой верности дружбе. Поднялись на вершину соседней горы, очистили от ветвей и коры дуб, простоявший там сотни лет, и на могучем стволе раскаленными остриями копий выжгли семь знаков. Каждый из предводителей сам выжигал тамгу своего племени — клятвы, выше этой, в тюркском мире не знали. Отныне каждый предводитель за нарушение законов содружества отвечал не только собственной головой, но и честью своего племени. Горячая кровь семи жертвенных животных брызнула на Столп согласия, оросила землю вокруг него...

В истории башкортов и других тюркских племен и родов, занесенных ветрами времени на Урал, это был первый заметный порыв к единению перед лицом грозившей им всем опасности. Но слишком малым оказался он в масштабах мира, разоренного отпрысками Чингизхана,— упал каплей в разлив пожарищ. Через несколько лет, когда раздраженные татары, так и не дойдя до «Последнего моря», покатятся, волна за волной, назад, одна из волн набежит на Столп и смоет, как щепку, то, что Бушман-бею и его единомышленникам представлялось незыблемым.

Столп исчезнет — останется память о нем, и сынов этой земли будет томить желание повторить попытку прапрадедов. Спустя примерно два столетия после описанных здесь событий на той же горе поставят новый Столп, украшенный тамгами семи племен, возродится союз...

А пока горят на вершине горы костры. Доваривается

в котлах мясо. Рвется из бурдюков на волю кумыс. Кураисты в ожидании своего часа впрыскивают влагу в певучие трубочки, дабы стали они голосистей. Прислужники с полотенцами на плечах льют воду из кумганов — кувшинов с длинными носиками — на руки предводителей племен, — участники курултая собираются сесть к праздничному дастархану.

5

Майкы-бей со своими воинами был подчинен Шайбани-хану, или, по древнему выражению, был привязан к хвосту его коня. Это вовсе не значит, что егеты, набранные беем в стране башкортов, плелись где-то в хвосте основных сил хана. Напротив, им частенько приходилось первыми кидаться в бой, наряду с рабами забрасывать всякой всячиной оборонительные рвы, под градом стрел и камней карабкаться на крепостные стены. Гибли егеты, помногу гибли — такова уж судьба зернышек, оказавшихся меж жерновами. Видел это Майкы-бей? Видел. Но ничего не мог поделать. Во-первых, сам был подневолен: приказано — выполняй, а то сломают хребет и дорого не возьмут, с этим тут не замешкаются. Во-вторых, очень хотелось ему отличиться, показать себя, чтобы добиться назначения баскаком, — тогда бы он, не теряя ни дня в чужих краях, поспешил в места прежней своей службы.

Старался бей не зря, был замечен, благодаря чему избежал смерти, уже схватившей его за горло. Случилось это у Дона, когда откармливали коней, набирались сил для нового рывка на запад. Одна сотня Майкы-бея, состоявшая преимущественно из юрматынцев, уговорив своего юзбаши, тихонечко снялась с места и отправилась на родину. А из татарского войска не то что сотня — одинокий смельчак незаметно не ускользнет. Майкы-бей, не дожидаясь черной дощечки — вызова на расправу, поднял остальные свои сотни. Догнали беглецов, и по приказу бея всех их, до единого, порубили. Сразу же после этого бей кинулся к Шайбани-хану. Вполз в шатер на четвереньках, поцеловал кошму у ханских ног, доложил, что вот, де, ныне утром дерзкие аланы совершили нападение на его, Майкы-бея, егетов, но сами же и перебиты.

— Хорошо, — сказал хан, усмехнувшись. — Ты хорошо воюешь. Но пусть эти аланы больше не беспокоят нас...

А мог сказать: врешь, собака! Что за этим следует — известно. Сначала заткнули бы глотку лжеца конским

навозом. Опозорив, подтянули бы пятки к затылку, сломали хребет. Затем — втоптали еще не расставшееся с душою тело в землю. Но помиловал хан бея во имя его прежних и будущих заслуг.

Майкы-бей по-прежнему именуется тысяцким. Насчитывается ли в его «тысяче» хотя бы пять сотен егетов? Впрочем, это несущественный вопрос. Была бы голова цела — новые сотни найдутся. Иные молодые пленники ради сохранения жизни самому Иблису согласятся служить. Труднее добыть коней, добытые достаются главным образом татарам. Тем не менее и кони будут, и оружие — побежденная в войне сторона всем обеспечит...

В начале лета тумены Шайбани-хана двинулись на северо-запад, в края, где солнце милосердней и зной не выжигает траву. Помимо обильного корма для коней, края те с их неразоренными пока городами и селениями сулили богатую добычу. Не только эти тумены — все татарское войско пришло в движение, все заторопились: скорей, скорей, кто проворней, тот и добычливей!

Снова обострилось соперничество внуков Чингизхана, каждый стремился обогнать, оттеснить от добычи, посрамить остальных. Не то что родственной близости — даже мало-мальской уважительности в их взаимоотношениях не было. Майкы-бею, например, не доводилось слышать, чтобы Шайбани-хан обронил теплое слово о Куюк-хане — одни лишь колкости. А тот, говорят, ненавидит Батыя. Кто усердней всех исполняет заветы деда, у кого злата-серебра больше, чьи жены самые красивые — вот вокруг чего вращаются споры соперников. Ладно бы, коль тот или иной честолюбец просто бахвалился, так нет — надо еще непременно унизить других и тем возвысить себя. В свое время, будучи татарским послом у башкортов, Майкы-бей старался показать свою исключительность подобным же образом. Теперь, оказавшись в положении одного из многих, он имеет дело с иными, чем прежде, мерами веса и влияния, доходящие до него слухи о сваре между ханами воспринимает отчужденно, — провались они все в тартарары, не о них у него голова болит. Чем дальше продвигаются тумены на запад, тем дальше отодвигается день, когда он вернется на Урал всесильным баскаком...

А войско, прошедшее, выгрызая зеленый покров земли, полмира, с каждым днем становилось неистовей, ускоряло бег и потоками, прорвавшими запруды, хлынуло на кипчакские и русские владения. Снова рушились крепости, пылали селения, ручьями текла кровь. На этом пир-

шестве смерти, под тучами летящих встречно стрел, в звоне тысяч скрещенных сабель стремление уберечь свою жизнь оттесняло все другие заботы. Не до сладостных мечтаний стало Майкы-бею. Орал до хрипоты и махал плеткой, указывая своим ошалевшим егетам нужное направление, вновь и вновь гнал их в мясорубку, сам хватался то за саблю, то за копье; вечером валился и засыпал, не успев проглотить взятый в рот кусок, а на рассвете, едва продрав глаза, опять вскакивал на коня. И уже не верилось ему, что когда-нибудь вырвется из этой круговерти.

Шайбани-хан шел вначале в левом крыле Батыева войска, потом вдруг отклонился в сторону моря. Там, оказалось, кипчаки, объединившись с аланами и черкесами, принялись громить татарские обозы, отбивать их стада и толпы пленников, гонимых в Каракорум. Такую дерзость, разумеется, нельзя было оставить безнаказанной.

Егетам Майкы-бея, двигавшимся, как принято говорить теперь, в авангарде, первое же столкновение с кипчаками принесло успех. Это было даже ие столкновение — довольно-таки значительиая ватага кипчаков, не вступая в бой, перешла на их сторону. Юзбаши, прискакавший к бею, сообщил удивленно: один из переметнувшихся, назвавшись унгаром, показал серебряную пайцзу, будто бы полученную от него, от Майкы-бея.

— А имя свое он не назвал? — поинтересовался Майкы-бей, заволновавшись.

— Назвал. Йылаи *, что ли...

— Юлиан, наверно! Ну-ка, давай его сюда!

Еще издали бей разглядел уигара, узнал, пошел навстречу. Обрадовались оба, обнялись, постояли, похлопывая друг друга по спине. Не стали тратить время на обычиые в подобных случаях расспросы о том о сем, сразу приступили к главному.

— Опять туда?..

— Да! Те люди — тоже. Хотят присоединиться к Бушман-бею.

— Так... Дай иемного подумать...

Было о чем подумать Майкы-бею. Кипчаков надо скрыть от чужих глаз, ио как? Разбросать по сотиям? Прознают в ханской урдуге, так можно объяснить: пополнил войско. За это шею ие свернут. А как быть с уигаром, как отправить его дальше? Не удастся ли и самому отправиться с ним? А что! Если представить его Шайбани-хану, заинтересовать возможностью... Скажем, возможиостью заклю-

* Йылан — змея.

чить выгодное соглашение с королем унгаров. Положим, заинтересовали. Юлиан скажет, что обратно он отправится через Таманторган, там, мол, его ждет судно. Хан, наверно,поверит. И согласится, что путь к морю небезопасен — «посла», значит, надо проводить... Только бы не назначили провожатым кого-нибудь другого...

Изложил свой замысел Юлиану.

— Выступать послом мне не впервой! — посмеялся Юлиан, напомнив о «переговорах» с самим Майкы-беем близ устья Сакмара. — Но у королевского посла должна быть грамота с печатью, а у меня ее нет. Поэтому буду говорить от имени палатина Дионисия, нашего сардара.

— Это может задеть гордость хана — не его, скажет, уровень.

— Упоминание о возможности беспрепятственно пройти через карпатские перевалы, надеюсь, умерит его гордость.

...Хан, выйдя из походного шатра, собирался вскочить на коня. Увидев стоящего поодаль Майкы-бея, справился через порученца, с чем бей приехал, и жестом разрешил ему присоединиться к свите. Немного погодя подозвал к себе.

— Кто еще знает о прибытии посла из Великой Унгарии?

— Никто, высокочтимый хан. Я прямиком привез его к тебе.

— Где же он?

— Да вот, высокочтимый хан!

— Этот оборванец — посол?!

Хан захохотал. Свита, даже не разобравшись, в чем дело, поддержала его. Раз хан смеется, значит, всем должно быть смешно. «Ослы!» — пробормотал Юлиан и тоже захохотал. Хан, удивленно глянув на него, умолк. Тут же умолкла и свита. Один лишь Юлиан продолжал похохатывать.

— Ты что — дурак? — рассердился хан. — Что зубы скалишь?

— Смеюсь над пославшим меня сардаром Дионисием, — ответил Юлиан, приблизившись к хану. — Говорил я ему: нужно поехать в знатной одежде, с богатыми подарками. А он... Дело, говорит, по которому посылаю, превыше любых подарков. В простой, говорит, одежде легче проскользнешь мимо кипчаков. За тебя, говорит, и так обеими руками схватятся. Вот разозлится, когда я, вернувшись, расскажу ему...

— Ты чересчур болтлив! — рыкнул хан. — Говори, пока не укоротили тебе язык, что за дело?

— Касается оно карпатских перевалов. Вам ведь рано или поздно придется перейти через них...

— Достаточно! Я понял, — прервал унгара хан. — О таких вещах не говорят в седле. Как ты назвал того, кто послал тебя? Впрочем, и о нем — потом. — Обернувшись к свите, Шайбани кинул: — Подберите место, мне надо побеседовать с гостем!

Оказалось, неожиданные остановки заранее предусмотрены. Телохранители хана разостлали на древнем кургане разноцветный палас, наполнили походные чаши кумысом, сами встали вокруг кургана с тем, чтобы никто не мог приблизиться к месту беседы и подслушать, о чем там идет речь.

Позднее Юлиан подробно рассказал Майкы-бею, как складывалась беседа. Хан поначалу все еще сомневался в том, что имеет дело с послом, и даже в том, что тот действительно из Великой Унгарии. Выручила Юлиана встреча с татарским посольством в Карпатах. Он обрисовал посольство, не забыв упомянуть число повозок с дарами, чем, кажется, и рассеял сомнения хана, а дальше пустился врать напропалую. Дескать, как раз прибытие посольства заставило палатина Дионисия глубоко задуматься. И унгарский сардар, дескать, пришел к мысли: беспрепятственно пропустив татар через охраняемые его войском карпатские перевалы, можно избежать ненужного кровопролития, — ведь Батый Саин — великий воитель, он все равно победит, зачем же сопротивляться ему? Умная мысль, сказал Шайбани-хан, но чего добивается для себя ваш... как его, язык сломаешь пока выговоришь... да-да, Дионисий? Он просит немного, заверил Юлиан, всего лишь оставить в живых и назначить правителем Великой Унгарии. Подумаем, пообещал хан, мы не забываем людей, оказывающих нам услуги...

Сообщил Шайбани-хан старшему брату о встрече с унгаром, нет ли, однако три дня продержал Юлиана с Майкы-беем в своей урдуге, никуда не отпуская. Сам куда-то съездил, но мало ли у хана разных дел! Скорее всего с Батыем он не посоветовался, для такого предположения есть основания — он тоже внук Чингизхана, любит славу и почести, а честолюбцы тайнами, сулящими им выгоду, с другими не делятся. В его руках — ключ от Карпат! Пусть-ка главный советчик Батыя хитрец Субудай постоит в сторонке!.. Такими приблизительно представ-

лялись Майкы-бею и Юлиану мысли и мотивы поступков Шайбани-хана.

Возможность свободно обменяться мнениями об этом у них появилась, естественно, позже, когда отправились в путь, взяв направление на утреннее солнце. Все получилось так, как было задумано, и теперь они уже окончательно уверились в том, что обманули-таки молодого взбалмошного хана. Вот ведь едут, впереди — сотня егетов, и сзади — сотня. Цель путешествия им еще не объяснена, но и егеты взволнованы, чувствуют, что ждет их нечто необычное.

Переправившись через Дон, алай начнет уклоняться к северу, возьмет направление примерно на Сары-тау. А пока Майкы-бей может досыта наговориться с Юлианом, пересказать все, что слышал о событиях на Урале, порасспросить о Великой Унгарии. Ах, хорошо! Хорошо, что удалось обвести хана вокруг пальца!

Но точно ли удалось?

С места первой ночевки Майкы-бей увидел костры на соседнем холме. Спросил у своих юзбашей, кто там остановился.

— Татары, — сказал один.

— Весь день шли по нашему следу, — сказал другой.

— Может, пути совпали?

— Нет же, они следили за нами!

— Похоже на то... — согласился Майкы-бей. — И вы не спускайте с них глаз. Надо узнать, много ли их.

— Разведчики уже посланы...

На следующий день татары уже не таились, лишь держались поодаль, не выказывая намерения приблизиться. Чего же ради пылят они следом, будто привязанные? Из всех возможных объяснений наиболее вероятным представлялось одно: Шайбани послал своих туленгетов для надзора над Майкы-беем, дабы он не уклонился с обговоренного пути, не свел унгара еще с кем-нибудь из ханов. Туленгетов вдвое меньше, чем егетов у бея, — Шайбани, видимо, счел, что один татарин при необходимости вполне справится с двумя-тремя табынцами, сопровождающими «посла».

Майкы-бей, поглядывая в сторону татар, чуть не скрипел зубами. Эх, кинуть бы на них егетов, показать, на что они способны! Но чтобы решиться на это, надо сперва определиться со своим будущим. Что же делать? Проводить Юлиана до Большой Идели и вернуться в татарское войско — будто бы из Таманторгана? Или, плюнув на

все, махнуть на Урал? В конце концов, мир не рухнет оттого, что Майкы-бей не станет баскаком. Место предводителя табынцев ему обеспечено, начнет потихоньку прибирать к рукам и другие племена башкортов, а там, глядишь, все обернется так, что удастся поставить каменный дворец на Тура-тау. Хан Акташ с прошлого года лежит в могиле, наследников у него нет, некому и не с кем спорить из-за освободившегося трона. Впрочем, ходили слухи о каком-то Масем-хане, якобы подчинившем себе семь племен, — Майкы-бею, как ни старался, встретиться с ним не довелось. Но не беда, встретится еще, коль вернется на Урал, и, может быть, испытает ударом сабли крепость его шеи. Только вот как отвязаться от этих собак, от татар?

А «собаки» шли втихомолку следом, шли да и оскалились. Полдня их не было видно, будто сквозь землю провалились. Но едва Майкы-бей, воспользовавшись этим, повернул на северо-восток — татары тут как тут. Выстроились поперек пути, бунчуком взмахивают, орут — не туда, мол, едете, вон куда надо... Пришлось остановиться. Не бросишься же на них, подобно быку с налившимися кровью глазами. Луки у туленгетов отменные, стрелы далеко летят — повыполют егетов. Хитрость тут нужна, хитрость...

— Бей-агай, — сказал один из юзбашей, — надо расположиться тут на ночлег. Есть у меня предложение, может, одобрите...

Майкы-бей приказал своим спешиться. Солнце уже склонилось к горизонту, не мешало, дав телу отдых, посовещаться. Поставили легкий шатер, собрались на совет. Предложение у юзбаши было простое: разделиться на несколько ватаг и рассыпаться в разные стороны, договорившись, где потом съехаться. Пусть бей с гостем, взяв десятка полтора егетов, тихонько тронутся в путь перед рассветом, остальные отвлекут внимание татар, кинувшись с криком-гиком кто налево, кто направо, кто в обратную сторону. Те и растеряются, замешкаются, не зная, за кем погнаться. Им тоже придется разделиться. Коль какую-нибудь из ватаг нагонят, можно и в бой ввязаться, лишь бы бей с гостем ускользнули благополучно.

Предложение юзбаши было принято, а затем и осуществлено. В предрассветной тьме вспыхнули десятки пучков собранного заранее сухого степного будылья и разлетелись в разные стороны, словно подхваченные вихрем искры от костра. Пока татары вскочили на коней, всадники с догорающими факелами рассыпались по степи. Вскоре

тьма снова сомкнулась, поглотила удаляющиеся крики и конский топот.

Мысль насчет факелов подал Юлиан. Унгары, оказывается, устрашают ими врагов в ночном бою, вот и здесь это пригодилось, привело татар в замешательство. Но татары не из тех, кто надолго впадает в растерянность,— что бы ни случилось, они не забывают: повеление хана — превыше всего. Туленгеты, опомнившись, кинулись прочесывать степь, нагнали одну из ватажек табынцев, порубили, помчались дальше. Обладая поистине собачьим чутьем, они угадали взятое Майкы-беем направление, несколько дней гнались за ним, лишая возможности собрать разрозненный алай. Собственное упорство и погубило их: у Большой Идели нарвались в лесистом урочище на засаду и частью были заарканены, а большей частью сражены стрелами и брошены на поживу зверью и птице.

Засаду устроили воины Бушман-бея — охотники на татар. Перед этим они задержали преследуемых туленгетами путников. Сам Бушман еще не вернулся из страны башкортов. Майкы-бею с Юлианом, препровожденным в главное становище его орды, пришлось прожить полмесяца не то в плену, не то в гостях. Нет худа без добра: пусть и досадуя на задержку, они основательно отдохнули, Тем временем и отставшие табынцы догнали их.

В пределах становища их свободу не стесняли — иди куда хочешь, разговаривай с кем пожелаешь, но в сторону от становища не отходи. Днем за порядком следили все — от стариков до детишек, на ночь становище огораживалось поставленными впритык повозками. Немало дум передумал Юлиан на этом островке упорядоченной жизни в разоренном Батыевым войском мире. Он видел: есть еще и здесь люди, способные противостоять злу. Думать об этом было приятно.

6

Азнай-бей, потрясенный павшим на его голову позором, замкнулся в себе, совершенно перестал разговаривать, отказывался от пищи. День и ночь сидел он в глубине пещеры, беззвучно шевеля губами и таращась на появлявшихся близ него людей. Остальные обитатели пещеры, опасаясь дурного глаза, старались держаться подальше от старика, а потом и вовсе уверовали, что всякого рода неприятности насылаются на них никем иным, как озлобившимся кан-бабой. Сон ли страшный приснится,

ребенок ли прихворнет и всю ночь проплачет, в стаде ли какой урон случится — стали винить его, кан-бабу.

И в племени всем уже было известно, кем и какому наказанию он подвергнут. Мнения по этому поводу разделились. Так ему и надо, пусть, стоя одной ногой в могиле, не мутит воду, скажет кто-нибудь и сердито плюнет. Большинство же сочувствовало Азнай-бею и тихонько бранило Бушман-бея с Искандером. К возвращению Искандера с курултая племя было возбуждено разноречивыми толками. Газиля встретила его со слезами на глазах.

— Коль и впрямь хочешь, чтобы я стала твоей женой, избавь нас от этого ополоумевшего старика, — потребовала она, прижимая к груди маленького Кутлусуру. — Прогони его из пещеры, не могу больше жить рядом с ним, боюсь!

Искандер давно уже предложил ей пожениться, пытался убедить тем, что мальчику нужен отец. Газиля тогда лишь мотнула головой, не соглашаясь. Он, конечно, мог приневолить ее, достаточно было пригрозить, что перестанет кормить-поить, — куда ей в такие времена деться с грудным ребенком на руках? Искандер не пошел на это. Для удовлетворения его мужской, скажем так, потребности вдов хватало, наперебой зазывали. Но была еще и иная потребность, он жаждал ответной любви, семейного тепла. Ни одна женщина, кроме Газили, не могла утолить эту жажду. И вот она сама напомнила о его предложении. Искандер обрадованно засмеялся. Газиля, посвоему истолковав его смех, вспылила:

— Смеешься! Раз так, сама уйду из этой дыры! По миру пойду! Пусть и другие посмеются, пусть скажут: Искандер отправил жену с сыном милостыню просить! Все ведь думают, что Кутлусура — твой сын. Ничего, не пропадем, мир не без добрых людей!..

— Да погоди ты! — прикрикнул на нее Искандер. — Уже и милостыню просить собралась! Я же тебя, коль хочешь знать... — Он запнулся на слове «люблю», смутился: не в его возрасте произносят это слово. — Ладно, насчет старика подумаю, потерпи чуток!

Кан-баба произвел на Искандера тяжелое впечатление. Вид у него в самом деле был ужасный: волосы всклокочены, борода свалялась, на иссохшем лице застыло какое-то бессмысленное выражение, а глаза бегают, безумный взгляд ни на чем не задерживается... В душе

Искандера шевельнулось раскаяние, мысленно упрекнул он и себя, и Бушман-бея в чрезмерной жестокости.

Старика, сняв с него позорный балахон, отвели в юрту жившей в одиночестве Кюнбики. Но и там его состояние не улучшилось. Он был по-прежнему нем. Сноха кормила его силком, а без нее старик не то что поесть — смочить горло глоточком воды как бы не догадывался. Люди, заглядывавшие в юрту, приходили к заключению: плох кан-баба, очень плох, последние дни, видно, доживает.

Кюнбика, посоветовавшись с Искандером, решила съездить за Ахметшой, самым теперь многознающим в племени человеком, дабы попробовал он полечить больного молитвами или там нашептываниями, заклинаниями — короче говоря, знахарскими средствами. Однако, вернувшись с Ахметшой, свекра своего ни в юрте, ни где-нибудь поблизости она не обнаружила. И никто не видел, когда и куда он ушел. Всполошились все, кинулись искать Азнай-бея — не нашли. Как в воду канул, говорят в таких случаях. Может, и впрямь утонул бедняга, решили юрматынцы, повздыхали удрученно и вскоре забыли о пропавшем. У каждого своих забот — выше головы, где уж тут о чем-то другом думать.

А в середине лета облетела стоянки юрматынцев весть, что Азнай-бей жив, что прожил он несколько дней у пастухов за Ак-Иделью. Кюнбика помчалась туда выяснять подробности. Да, подтвердили пастухи, кан-баба был тут, но куда держит путь — не сказал и вообще он молчал, только иногда бормотал себе под нос: «Вот вернется Гильметдин, он разберется...»

— Какой еще Гильметдин! — рассердилась Кюнбика.— Свекор, наверно, о Каранае говорил!

— Да нет, не о Каранае. Мы тоже удивились: что за Гильметдин? — ответил старший пастух.

— Свихнулся он!

— Да, похоже на то...

Но ведь и свихнувшийся человек может упомянуть имена лишь тех, кого он знал прежде. Кто такой Гильметдин, почему Азнай-бей повторял его имя? Ответа на эти вопросы Кюнбика не находила. А вниманием юрматынцев тем временем завладели другие события. В племя неожиданно вернулись пятеро егетов: трое были отпущены из татарского войска из-за полученных на войне увечий, двоих на пути в Каракорум, в рабство, отбили кипчаки. С неделю юрматынцы толклись около них, расспрашивали о пережитом, надеялись узнать что-нибудь о своих близ-

ких, угнанных татарами. Оказалась жива нареченная невеста одного из вернувшихся — быстренько справили свадьбу. И остальным Искандер посоветовал жениться поскорей, забота о завтрашнем дне племени понуждала к этому. Для пущей убедительности он добавил, что и сам собирается еще раз обзавестись семьей, чем породил множество предположений и толков, в особенности среди женщин. Впрочем, строили догадки недолго, вскоре стало известно, что турэ вступил в брак с Газилей.

Никах, то есть обряд бракосочетания, свершил старик Ахметша, на том все и кончилось, шумной свадьбы с угощениями не было. По этой причине к имени предводителя племени кто-то добавил прозвище — Скупой. Так и пошло: хвалят ли его, хают ли — все Скупой Искандер.

Женитьба Искандера вызвала разговоры о том, что брак предводителя племени должен был освятить канбаба. Опять всплыло имя Азнай-бея. Как раз в эти дни бушман-кипчаки прислали гонца. Скот для оказания помощи юрматынцам собран, сообщил гонец, можно его перегнать. С мужчинами, посланными за скотом, поехала в ту сторону и Кюнбика. А возвратилась она с Азнайбеем.

Догадалась Кюнбика, что надо искать ее свекра в Тиряклинских пещерах, там ведь спрятаны милые его сердцу древние письмена. И точно, там и отыскала. Как он сумел выжить, чем питался, не имея ни оружия, ни даже кресала, чтобы высечь огонь, одному Аллаху ведомо. Зарос старик грязью так, что страшно было на него взглянуть, одежда излохматилась, зато сознание, кажется, прояснилось. Увидев сноху, он осклабился, показав сильно поредевшие зубы:

— Ага, приехала! Ну, теперь могу вернуться в твою юрту. Перепрятал я здешние сокровища, чтобы этот безбожник Искандер не нашел. Вернется Гильметдин — ему покажу!

— Кто он такой? Все Гильметдин да Гильметдин! Караная, наверно, путаешь с кем-то...

— Сама ты путаешь! Гильметдина, Таймасова последыша, помеченного печатью Тенгри, да не знать! — рассердился кан-баба. Но более ничего не сказал, опять надолго замолк.

Отмыли Азнай-бея, остригли, одежду обновили, — одним словом, привели в божеский вид. И душа у него оттаяла, восстановились ясность мысли, интерес к жизни. Потянуло старика к людям, более всего — к детям. Толь-

ко Искандера терпеть не мог. Как увидит его — даже затрясется и бормочет невесть что, поминая Гильметдина. В конце концов Кюнбика вынуждена была отселиться в другое место. К ней присоединились еще несколько семей, и возник новый небольшой аул, названный Азнаевым аулом. Сохранилось все же среди юрматынцев уважение к кан-бабе. Мало-помалу превратился он чуть ли не в святого, теперь уж люди сами потянулись к нему — кто ребенка наречь, кто на хворь пожаловаться, кто просто за советом. Искандера это, надо думать, удручало, тем более, что кан-баба не переставал твердить о скором возвращении Гильметдина, малолетним проданного в рабство, — вещий, дескать, сон ему, Азнаю, приснился. Может, и Каранай тебе приснится, не раз говорила свекру Кюнбика, пытаясь отвлечь его от навязчивой мысли, а он в ответ лишь рукой махнет, и все.

Племя Юрматы все еще не могло преодолеть последствия разорения, выбраться из нищеты. Нынешней весной никто зерна не посеял. Вспаханные прежде клочки земли заросли пыреем и бурьяном. Искандер, увлекшийся в начале лета устройством свадебных празднеств, вдруг спохватился и запретил резать скот без его ведома. Коней у племени было — на пальцах перечесть. Предвидя, что без них зимой коровы и овцы не смогут добывать корм из-под снега, Искандер распорядился, чтобы во всех аулах запаслись сеном, соорудили утепленные укрытия для скота. Но из-за малолюдства, в особенности из-за нехватки мужских рук дело продвигалось медленно. А старик Ахметша по каким-то приметам, по поведению птиц и зверей предсказывал необычно суровую зиму. Предсказание это добавило Искандеру беспокойства. Не называя имени кан-бабы, он попросил Ахметшу:

— А как, интересно, этот, тронутый, думает? Съездил бы ты к нему, акхакал!

— Что? Да-да, надо повидаться с ним, — согласился Ахметша.

Как там встретились, как поладили меж собой старики — для Искандера осталось неведомым. Нежданная весть, которую привез Ахметша, была пострашней предсказываемой им зимы. Майкы-бей вернулся, баскаком, говорят, назначен! Вот кого надо прежде всего опасаться! Предчувствия то ли еще сбудутся, то ли нет, а за татарским баскаком следуют и хлад, и глад, и мор — это уж точно!

Искандер, не веря услышанному, допытывался:

— А не брехня это? В самом деле вернулся?
— У бушман-кипчаков остановился. Люди его видели...
— А верно, что баскаком стал?
— В прошлом году, уезжая, он сказал Азнай-бею: вернется не раньше, чем получит должность баскака. Наверно, получил, давно ведь уж научился по-татарски лаять.
По больной голове да железной палкой! Как же быть? Народ, что ли, собрать, посоветоваться?
— Перевелись в племени умные советчики, — вздохнул Ахметша. — Тут уж на одного себя надейся. Разве что кан-баба поможет какую-нибудь хитрость придумать.
— Нет-нет, как-нибудь сами... Обойдемся без него.
При любых обстоятельствах можно, конечно, обойтись и своим умом. Но нужные мысли обычно блуждают где-то. Тем временем душу убаюкивает надежда на «авось», на то, что все как-нибудь само собой образуется, что беды пройдут стороной. И юрматынцы не прочь были подремать в колыбели надежды, да не позволяли всякого рода неприятные события, а одно из них, последнее, потрясло всех.

Через юрматынские владения в сопровождении многочисленной вооруженной охраны проехали знатные табынцы. Держались они высокомерно, не то что остановиться и расспросить хозяев о житье-бытье — приветственного кивка не удостаивали, а охранники из хвостового дозора изнасиловали юрматынских женщин, вышедших из лесу с охапками травы. Такое похабство, случавшееся среди башкортов чрезвычайно редко, и высокомерие табынских старейшин можно было объяснить лишь тем, что они ехали встречать Майкы-бея, ставшего баскаком, и тем самым возвысившего свое племя над остальными племенами страны.
Вслед за этим Азнай-бей, снова ускользнув из-под пригляда Кюнбики, пустился в путь от яйляу к яйляу. Эх, не успел вернуться Гильметдин, все теперь перевернется вверх дном, сетовал он при встречах с соплеменниками и пенял на Гильман-батыра — не сумел, дескать, выручить мальчика. Сетования кан-бабы усиливали беспокойство юрматынцев, у которых и без того на душе было муторно.
Искандер, узнав об этом, распалился:
— Отыщу его и засажу опять в пещеру!
Он тут же засобирался в дорогу. Старик Ахметша, переселившийся к нему, посоветовал не горячиться, на-

браться терпения. Искандер от совета отмахнулся. Но выйдя из пещеры, он столкнулся с одним из пастухов, только что соскочившим со взмыленного коня. Хрипло дыша, сообщил пастух о новой беде.

Сбежали булгары, что несли дозорную службу у Ак-Идели. Ну, сбежали так сбежали, не в том беда. Напали они сперва на пастухов, кого убили, кого ранили и угнали самый большой, считавшийся собственностью Искандера косяк лошадей — надежду племени.

— Когда это случилось?

— Вчера вечером.

Искандер взглянул на солнце — оно уже поднялось над горами на длину вожжей.

— Я лежал без сознания... Коня потом искал... — принялся оправдываться пастух. — Раны даже не перевязал...

Много с вечера времени прошло. Пока соберешь людей, чтобы кинуться в погоню, уже и полдень наступит. Да и будет ли прок, если даже кое-как вооруженные юрматынцы догонят злодеев, — они ведь и вооружены лучше, и воинскому делу обучены, война была их ремеслом. Обо всем этом успел подумать Искандер, однако ярость свою унять не смог. Его подхватило желание догнать сотворивших черное дело булгар и хотя бы выкрикнуть то, что они заслужили, хотя бы погрозить вслед кулаком. Оседланный Малыш стоял наготове. Искандер вскочил в седло и, никому ничего не сказав, поскакал в указанную пастухом сторону.

— Помоги ему Аллах! — вздохнул Ахметша.

К сожалению, пожелание старика не было услышано на небесах. Вечером Малыш вернулся один, без седока, и с тревожным ржанием зарысил туда-сюда перед входом в пещеру. Первыми увидели его ребятишки, позвали взрослых. Мужчины попытались схватить коня, а он не дался, закружился на месте, потом вдруг встал на дыбы и рухнул на землю. Отскочившие в испуге люди, убедившись, что конь мертв, сбились в кучу возле него. Произошло нечто непонятное, и оставалось лишь покачивать в удивлении головой и цокать языком. Кто-то потрогал уздечку, кто-то погладил седло, будто надеясь получить ответ на висевший на кончиках языков вопрос. Но конь, смотревший на людей выпученным мертвым глазом, не мог, конечно, объяснить, где и как случилось несчастье.

Пришлось людям в поисках ответа прочесать окрестности. Верховые доскакали до самой Ак-Идели, но безрезультатно. Предводитель племени бесследно исчез. Пе-

чальиая весть полетела из юрты в юрту, от стоянки к стоянке, подияла на иоги всех, вплоть до древиих старух и малолетних детей. Где только ие искали Искаидера — результат все тот же.

Кто-то в отчаянии обронил, что на юрматыискую землю, знать, пало проклятие Аллаха. Слова эти, подхваченные молвой, повсеместио были приняты всерьез и раздули тлевшие в сердцах угольки страха. Люди со стороны, прибившиеся к юрматынцам, начали и тайно, и открыто разъезжаться, разбредаться кто куда. Вскоре в юрматыиских владениях осталось лишь иесколько десятков их исконных хозяев.

На тело Искандера иаткнулся бродивший по опустевшим кочевьям Азиай-бей. Видимо, решив, что одии с погребением не справится, а может быть, не желая притрагиваться к останкам своего врага, ои известил о находке соплеменников. Собрались у заросшей кустариником балки, видят: предводитель племени лежит, раскинув руки, на спиие, из груди, иапротив сердца, торчит рукоять ножа. Призиали его собственный иож, зашептались: иеужто сам себя сгоряча порешил? Одиако Азнай-бей, вполие оправившийся от болезни, пресек перешептывания.

— Труп и так уже провонял, поспешим! — сказал он повелительно. — И пожелаем, чтоб не потяиул покойный за собой еще кого-нибудь...

* * *

Бушман-кипчаки, устраивая угощение за угощением, надолго задержали Майкы-бея с Юлианом. Вдобавок и сенкем-кипчаки просили погостить у иих. Такое внимание и знаки уважения очень понравились бею, и даже в тех случаях, когда по иеведению величали его баскаком, он ие возражал. Юлиаи сперва старался воспользоваться гостеприимством кипчаков для ознакомления с их жизнью и обычаями, ио дня через два-три стало ему тягостно. Ои торопил Майкы-бея, хотя и чувствовал, что того удерживает у кипчаков какое-то тайное намерение. Бей отговаривался, ссылаясь на необходимость отдохнуть, потом сообщил: сюда, встречать его, должны приехать табынцы, будет ждать их. В конце концов Юлиан попытался уехать один, уверял хозяев, что знает дорогу к юрматынцам. Не отпустили. Мол, время смутное, много разбойников развелось, а им, хозяевам, жизнь гостя дорога, вот уж после

свадьбы проводят. Юлиан поинтересовался, чья свадьба ожидается. Оказалось, Майкы-бей успел приглядеть девушку, собрался жениться четвертый ли, пятый ли раз, а кипчаки, должно быть, не упустили возможности породниться с табынцами.

Приехали, наконец, ожидаемые гости-сваты. При встрече хозяева познакомили с ними и унгара, заметив, что он — из племени Юрматы, обитающего на Дунае. Сваты загадочно переглянулись, а один из них, похоже, пустоголовый, обрадованно выложил:

— А тут племени Юрматы теперь нет!

— Как нет? — опешил Юлиан. — Куда оно делось?

— Так вот и нет, дымом по ветру развеялось...

Другой, видимо, решил уточнить ответ соплеменника.

— Не совсем уж так... Мало у них народу осталось. Женщины да старики...

Дурень тот захихикал:

— Наши их девок и баб проездом, хи-хи, в траве поваляли, обрюхатили, и хоть бы издали кто погрозил им!

Вежливые улыбки с лиц кипчаков, услышавших это, будто корова языком слизнула. Юлиан возмутился и не выдержал, сказал резко:

— Впервые вижу людей, похваляющихся своим бесстыдством! Хотя полсвета обошел!

Дабы не распалиться еще пуще, он отошел в сторонку.

— Кафыр! — раздалось ему вслед. — Дерьмо!

И в этот день, и позже Юлиан размышлял, почему табынцы столь заметно выделяются среди башкортов своей заносчивостью, дурными повадками. Вспомнилось, что Бушман-бей не любит Майкы-бея, — там, у Большой Идели, вернувшись из поездки, разговаривал с ним чуть не сквозь зубы, еле терпел его. Теперь заново осмыслил Юлиан слова Бушмана, сказанные ему на ушко, когда прощались. Не нравится мне твой спутник, будь осторожен — он набрался коварства от татар, сказал Бушман. Да-да, этим-то все и объясняется, самое отвратное, что есть в табынцах, перенято ими у татар, развращенных Чингизханом, ведь и те, и другие пришли с востока, жили прежде бок о бок, не чужаки друг для друга, — такой вывод сделал Юлиан. (Он не знал, не мог тогда знать, что вскоре татары беспощадно расправятся с табынцами, что Шайбани-хан не забудет о Майкы-бее, не простит ему бегства, пришлет для его поимки большое войско, и племя Табын будет разгромлено, а заодно крепко достанется и другим племенам башкортов...)

Стычка, происшедшая при встрече сватов, избавила Юлиана от тягостного сидения на свадьбе, — это в самом деле обернулось бы для него маетой, — и неожиданно предоставила ему возможность продолжить путь. Майкы-бею стало не до разговоров с унгаром: во-первых, захмелел в предвкушении брачных утех, во-вторых, предав забвению мечтания, связанные с Великой Унгарией, охладел к Юлиану. Он прислал своего человека сказать, что даст провожатых — можно выехать хоть сегодня.

— Я готов! — обрадовался Юлиан.

Тронулись в путь во второй половине дня — он и четверо табынцев. Провожатые занялись разговорами меж собой, можно сказать, не обращали внимания на Юлиана. Видно было: злятся на него — лишил их удовольствия попировать на свадьбе. Юлиан поначалу держался рядом с ними, но табынцы, которым, казалось, лень было пошевелить поводья, чтобы поторопить коней, стали его раздражать, и он выехал вперед.

Конь напрашивался на рысцу, Юлиан дал ему волю и в скором времени порядком отдалился от спутников. Табынцы отнеслись к этому равнодушно, ходу не прибавили, а вечером даже не сочли нужным догнать подопечного и предупредить, что встают на ночлег, — Юлиан сам уж догадался вернуться к ним.

— Куда это ты запропастился? — встретил его вопросом один из провожатых. — Заблудился, что ли?

— Ну да, заблудился! Я тут — как у себя дома! Не повернул бы обратно, да подумал, что вы обеспокоитесь.

Ответ унгара удивил табынцев и возымел неожиданное действие. Об этом можно было судить и по их подобревшим лицам, и по тому, как предупредительно пододвигали они к нему еду, когда сели ужинать.

— Разве здешние места тебе знакомы? — спросил тот же табынец.

— А вы разве не слышали, что в прошлом году я гостил в этих краях? — в свою очередь удивился Юлиан и набил себе цену: — Вернувшись в Великую Унгарию, я передал нашему повелителю — королю привет от всех башкортов, значит, от вас — тоже...

Пусть, решил, знают, с кем имеют дело, и не воображают, будто он не может обойтись без них! А тем, видимо, было приказано относиться к гостю почтительно. Теперь, когда к приказу добавилось услышанное от него самого, табынцы стали еще предупредительней. Это было своего рода извинением за их поведение в начале пути.

Наутро они без приключений доехали до исконных владений племени Юрматы, но не увидел Юлиан обычных примет обжитой земли, не было видно ни стоящих рядком юрт, ни пощипывающего траву скота, ни дыма от костра, издали приманивающего путников. Дикие животные и птицы уже не испытывали панического страха перед людьми: табунок тарпанов некоторое время с любопытством следовал за всадниками, даже осторожные дрофы словно бы нехотя уступали им путь. Давно, стало быть, не устраивали здесь многолюдную охоту.

Не напрасна ли моя надежда отыскать Газилю, думал Юлиан тревожно. Тревога расшевелила в нем отцовское чувство и усиливала желание поскорей увидеть кого-нибудь, расспросить... Он спешил в урочище, где в прошлом году стоял аул Азнай-бея.

— Гость, кажется, лучше нас знает, куда ехать, — заметил кто-то из табынцев. Юлиан, услышав это, еще более заторопил коня.

...Искандера похоронили на Меловом холме рядом с соплеменниками, павшими в бою против татар. Съехались почти все оставшиеся в живых юрматынцы, разумеется, за исключением угнанных на войну или в рабство, — те ведь тоже, надо полагать, были еще живы. Азнай-бей, вновь взявший в руки бразды правления племенем и весьма по этой причине деятельный, после поминальной трапезы на лужайке у подножья холма высказал соображения о том, как жить дальше. Он предложил скоротать предстоящую зиму всем вместе и объявил, где именно будет удобно собраться поздней осенью. И Ахметша, и мужчины помоложе согласились с ним. Все знали, что кан-баба, приютил Газилю с сыном в своей юрте, это, видимо, тоже поспособствовало восстановлению доверия и уважения к старику, пережившему помутнение разума. Пока мужчины кивали в знак согласия с кан-бабой, женщины успели шепотком договориться меж собой, кто с кем будет соседствовать в зимнем становище, обсудить прочие тонкости совместного житья-бытья. Разъехались участники погребения с надеждою, забрезжившей сквозь туман печали. Азнай-бей еще раз поднялся к непредвиденно возникшему кладбищу, поэтому отъезжал со своими последним.

Кюнбика вскочила на коня. Азнай-бей, устроив Газилю с сыном в повозке, сам встал спереди на колени, взял в руки вожжи. Но только тронулись в путь, как увидели всадника, направляющегося в их сторону. Да не одного — следом поспешали еще четверо. Вооруженные. Не столько

взбадривая лошадь, сколько подавляя свой испуг, Азнай-бей поддернул вожжи, зачмокал губами.

— Свекор, табынцы! — предупредила Кюнбика.

— Экая невидаль! — Азнай-бей попытался выдавить смешок, а сам круто свернул при этом в придорожные кусты. Повозка накренилась, Газиля с ребенком едва не вывалились из нее. Вдобавок захлестали по ним ветви. Малыш громко заплакал.

Съехав в заросшую чилижником яму, повозка остановилась. Теперь с дороги ее не разглядеть, только вот плач ребенка!.. Азнай-бей ожег Газилю взглядом, раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но не сказал. Между тем совсем близко раздался топот копыт, и подъехавший всадник кого-то поприветствовал. А-а, Кюнбика же там... Не успела скрыться или нарочно осталась, чтобы отвлечь внимание чужаков от повозки?

С дороги послышалось:

— Ты кто, красавица? Из какого племени?

— Юрматынская я...

— Выходит, живо племя Юрматы?!

— Атак! Слышишь — дитя плачет? Где дитя голос подает, там, считай, жив и народ.

— Постой-ка, я узнал тебя: ты ведь сноха Азнай-бея?

— И я тебя узнала... Свекор, радуйся! Прошлогодний унгар приехал!

7

Если законы ордена доминиканцев и монастырские правила исходили, как утверждалось, от Бога, то монах Юлиан порой переступал установления царя небесного, но в то же время, разделяя с людьми их горести, претерпевая страдания ради них, душой приближался к Иисусу Христу, и может быть, преуспел в этом более, чем иные его современники, именовавшиеся святыми.

Юлиан — не святой, он совершил непростительный для монаха грех, однако грех этот поднял его на духовную высоту отцовства. Вот он ласкает маленького человечка, к рождению которого и сам причастен, — то подкинет его, то, посадив на колени, похлопывает по спине. И рассказывает о том, что видел, что слышал на пути к нему.

Газиля шьет штанишки сыну, не поднимая глаз на Юлиана с радостно смеющимся Кутлусурой. Так ей удобней. А то, как взглянет на счастливое личико сына, мысли

путаются. Скоро ночь, а еще не выяснилось, как стелить постель, одну на двоих или врозь. Неотвратим вопрос об Искандере — должна обдумать ответ...

Кюнбика, вымыв посуду, занялась приборкой, снует туда-сюда, то из юрты, то в юрту. Она в этом ауле за старшую байбисю, уже достаточно умудрена жизнью, и не секрет для нее, какие мысли вшивает Газиля в швы маленьких штанишек. Сразу же по возвращении в аул Кюнбика велела поставить еще одну юрту и теперь поглядывает на Газилю с лукавой улыбкой: мол, думай не думай — участь женщины предопределена, ничего другого тебе, глупенькая, не остается, как зачать от своего унгара второго пискуна.

Азнай-бей слушает гостя с должным для хозяина юрты вниманием. Белые брови старика нахмурены, нависли над глазами, и веки почти смежены, будто не желает канбаба видеть то, что вырисовывается в будущем. Он и так больше всех здесь знает.

Слушает Азнай-бей и одновременно думает о жизни, о ее коварстве. Одарит она недолгой радостью, а потом заставляет платить за это долгими днями горести. Полоса белая, полоса черная... Опять белая и опять черная... Лишь тот, кто обладает умом и терпением, кто безошибочно выбирает верный путь, может преодолеть эти полосы более или менее благополучно. Но кто же наделен и умом, и терпением, и безошибочным чутьем? Да не обидятся мужчины на правду, ответ таков: длинноволосое пугливое существо с глазами на мокром месте — женщина. Да-да, тайны жизнестойкости скрыты в ее сердце, житейская мудрость гнездится в ее вшивой подчас голове. Нет еды — она из-под земли достанет, накормит детей и мужа. Бросовые лоскуты превращаются в ее руках в одежду, в покрытие для жилища. В этом отношении мужчина, способный, не охнув, приподнять плечом коня или одним ударом кулака свалить быка, не может соперничать с женщиной. Даже в возрасте, когда борода твоя становится белее инея, перед женщиной ты — ребенок. Жить племени или исчезнуть с лица земли — зависит прежде всего от женщин.

Вот он, Азнай, облеченный званиями бея и кан-бабы, — сколько он дум передумал, стараясь уберечь племя от разразившейся над миром грозой! Не уберег. Одному это было не под силу, обратился к мудрости таких его светочей, как Бушман, Кулгали. Вместе прикидывали, что делать, и вроде бы к верным решениям пришли. Разве ре-

шение противостоять беде сообща было ошибочным? А все же не уберег...

Ты, унгар, продолжай свой рассказ, лаская ребенка, — Азнай-бей махнул рукой не для того, чтобы прервать твою речь, это он с досады на самого себя махнул. Ты говорн, говори, хотя проку от слов немного, нногда и вовсе никакого проку нет. Вон сколько в прошлом году было разговоров и переговоров, а ныне от всего этого одни воспоминания остались. Когда по его, Азная, предложению, приютили меркетинцев, тоже немало слов было наговорено, большей частью похвальных: благое, мол, дело сделали, всем на пользу, само время велит друг за друга держаться, парную упряжку усталость не берет н все такое прочее. Показалн татары, какова она, «польза»!

При сложившнхся тогда обстоятельствах Искандер, взяв на себя сбор рассеянных остатков племени н предводнтельство, поступил правильно. А кан-баба не сумел обуздать свой нрав, побороть злость. Правда, и приговор, вынесенный ему Бушманом вкупе с Искандером, трудно назвать умным. Нельзя, конечно, оставлять дурное дело безнаказанным, но в данном случае лучшнм наказаннем была бы смерть. Оскорбленная душа мстительна, на почве униження может взрастн лншь ненавнсть. Так оно и получилось. Низко пали мужчнны, разрозненные враждой, и пока они посылали друг в друга ядовнтые стрелы злословня, снова подннмали голову затанвшиеся в сердцах страх и отчаяние. Не оснлил Искандер тяжесть, именуемую ответственностью, подсекла его растерянность, ибо настоящнм предводителем с бухты-барахты не станешь, надо готовнться к этому смолоду...

Куда, однако, тянется нить размышлений Азнай-бея? Да к женщннам же. Мужчины суетятся, не зная, что делать, а они, женщины, тем временем, пусть н маленькнми шажками, натаптывают тропку в будущее. Чуть свет спешат они кто в степь к загону, где стоит скот, кто в лес, кто к ступке, кто к котлу. Корот ли женщина варит, ягоды лн сушит впрок, луковицы саранкн выкапывает или обмолачнвает лебеду — одна у всех думка: не оголадали бы зимой детн! Большннство из ннх лншилось мужей. А Кюнбнка по милостн татар осталась н бездетной. Чувствует она себя матерью всех детей племенн, ради ннх хлопочет — вяжет сетн, чтобы наловнть н навялить побольше рыбы, прнучает женщнн к рыболовству, на иную, случается, прнкрикнет, да еще как: «У тебя что — руки к заднице прилиплн?! Пошевеливайся!»

Ты, унгар, рассказывай, рассказывай!.. Одурачили, значит, Шайбани-хана. Ловко вокруг пальца обвели. Только не подумали, чем это кончится. А кончится тем, что нагрянут татары сюда. Мстить. И не станут разбираться, табынец ты или нет — всю страну потопчут... Так уж у нас, у мужчин, получается: нацеливаемся на победы, да нарываемся на беды. Женщины, что ни говори, дальновидней нас. И хитрей. Но хитрость эта — во благо, без нее, может, и дети бы не рождались, жизнь бы угасла... Кюнбика велела поставить еще одну юрту и вон как хитро на тебя с Газилей поглядывает! Ты, унгар, ее жаркого румянца не замечаешь, а Азнай-бей все видит, все понимает. Ежели Газиля затяжелела от Искандера и потому не пойдет спать в ту юрту, место рядом с тобой не будет пусто— вот что означает румянец Кюнбики. Раньше Азнай-бей даже за нескромный взгляд на постороннего мужчину так оттаскал бы сноху за косу, что от ее визга все собаки кинулись бы врассыпную. А сегодня... Сегодня установлениям шариата он предпочтет закон лучистого Тенгри, по которому любое жизнетворящее начало священно. Смирит отцовское сердце ради завтрашнего дня племени.

К мужчинам мудрость приходит с запозданием. В последние дни Азнай-бей много дум передумал и сделал открытие. Сводится оно к очень простой мысли: если хочешь, чтобы племя твое жило вечно, позаботься о женщинах. По меньшей мере, не унижай их. От них, прежде всего, от них зависит будущее. И сабли, вскинутые против врага, и самые умные речи, произносимые на самых важных собраниях, — всего лишь подспорье в деле, что вершат они, женщины.

Да, запоздало прозрение. Успеет ли Азнай-бей внушить то, к чему пришел, наследнику своему — юноше, которому предстоит стать новым кан-бабой? Кто он, этот юноша, где он?..

Над горами и речными долинами, над юрматынской землей полыхает вечерняя заря. Будто отсвечиваются в небесах реки крови, льющейся там, где проходит татарское войско, будто ложатся на облака отблески далеких пожарищ. Скоро сквозь красноту заката проглянут звезды— глаза надежды, взирающей на разоренный, объятый горем мир.

Недолго пробудет Юлиан у юрматынцев — звезды заторопят его и укажут путь в края, где поднялись мокши и эрзя, не пожелавшие жить под пятой Батыя. Он должен увидеть все своими глазами и сообщить об увиденном в

Великую Унгарию — это, как он полагает, поможет его стране лучше подготовиться к отражению вражеского нашествия *.

Сидящие в юрте об этом еще не догадываются, это им и в голову не приходит. Через открытую дверь они смотрят на багровый небосклон, и каждый думает о своем, у каждого своя забота.

...А я, пытаясь разгадать секрет долговечности их мыслей, в общем-то обыденных, но тем не менее дошедших до нас, снова заглядываю в знакомую юрту. Простенькое жилище. Не похоже оно на раззолоченные, овеянные славой шатры, скажем, Искандера Двурогого, то есть Александра Македонского, или того же хана Батыя, нисколько не похоже. Да ведь и хозяева несравнимы. Кто те и кто эти! Те стремились подстелить себе под ноги весь мир, стремления этих не заходили столь далеко и направлены были совсем в другую сторону. Про тех слагали песни, сочиняли легенды, писали книги, а про этих?.. Ладно, Юлиан оставил нам путевые заметки и письма; ладно, Азнай-бей немного разбирался в древних письменах и арабской письменности, — остальные-то ни буковки не знали. И все-таки наряду со знаменитейшими завоевателями, великими полководцами в нашу сегодняшнюю жизнь, в наше сознание вошли и они. Едва в одном уголке сознания шевельнется Батый или там Хромой Тимур, как в другом уголке вскакивают с места юлианы, азнаи, кюнбики... Живут они в каждом из нас, оберегая в человеке человека.

Не будь их, наверно, не было бы и нас.

Часть пятая

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ

Это же чудо, воистину чудо! Там, где совсем недавно летовали кипчаки, где паслись, перетекая из ложка в ложок, стада и сломя голову, будто бы не слыша тревожного ржанья матерей, носились жеребята, со сказочной быстротой возник сказочной красоты город — Золотой Сарай. На берегу Большой Идели поставили крытое золотом мраморное здание — дворец хана Батыя. Сначала насыпали на этом месте высокий земляной холм, одновременно под-

* В одиом из подлиииых писем моиаха Юлиана содержится сообщеиие о мордовском киязе, который «с иебольшим числом своих людей укрылся в укреплеином месте, решив сражаться, пока достанет сил». *(Прим. автора).*

возя камни из порушенных стен мечетей Бухары, Самарканда, Ургенча. Румийцами, руководившими стройкой, местный камень был отвергнут как мягкий и неказистый, они потребовали белый мрамор, и вон откуда его доставили! Возили мрамор также из Крыма. А толстенные сосновые бревна изготовили на берегах Сулмана и сплавили в плотах. Бушман-бей своими глазами плоты эти видел — и пропустил. Потому что воевал с вооруженными отрядами татар, а не с плотогонами. Да если б еще знал, куда гонят лес и для чего!..

Сам Аллах, что ли, помогал Батыю? Или же, напротив, Иблис? Это же надо — за столь короткое время на пустом месте поставить такой город! Сколько в нем одних лишь златоверхих дворцов! У каждого Чингизова отпрыска — свой дворец. А помимо дворцов — мечети, церкви, молельни. И все — каменные, с желтизной позолоты. Где еще так близко соседствуют храмы враждующих меж собой вер? Невиданно это и неслыханно. Тут ныне всемирный центр притяжения. Снующие по реке парусники и гребные суда и суденышки притянуты им. С четырех сторон света спешат к нему караваны. Едут князья, послы, батыры, купцы. Плетутся привязанные к длинным арканам рабы. Одни — чтобы восславить Батыя и поживиться чем-нибудь около него, другие — чтобы избежать немедленной смерти. Хваткой удава обладает этот монгол, кое в чем даже своего великого деда превзошел. Ни в уме, ни в воинственности, ни в жестокости он не уступает Чингизхану, а вот построить город, кажется, надумал первым— до этого города лишь разрушали.

Ладья, в которой сидел Бушман-бей, до самого Золотого Сарая не доплыла. Опасно, кто-нибудь может узнать предводителя непокорных кипчаков. Даже издали смотреть на небывалый город страшновато — он всем своим видом угрожает, кричит беззвучно: видишь, сколь я богат и могуществен, сложи поскорей оружие, склони голову, иначе!.. Егеты-гребцы слышат этот крик. Попялив глаза на золотые крыши, ослепительно сияющие в лучах предзакатного солнца, они оборачиваются к бею. «Там нас ждет смерть, зачем мы приплыли сюда?» — читается в их взглядах. Бушман-бей не может ответить им, потому что и сам точно не знает, зачем предпринял путешествие к столице Батыя. Может быть, просто затем, чтобы удовлетворить свое любопытство? Человеку это свойственно. Или затем, чтобы отчетливей представлять себе силу того, с кем воюет уже несколько лет? Батыру это необходимо.

Знающие люди говорят, что Батый строил свою столицу по образцу Куябы — Киева на языке урусов, Хирманкеба по-монгольски. Должно быть, верно говорят. Куяба издавна считалась самым красивым городом урусов. Молва утверждала также, что она неприступна, но это — лишь пыль в глаза. Разве в те годы, когда между урусами и кипчаками проползла змея вражды, улицы Куябы не унавоживались кипчакскими конями? Вот и Батый ее взял. И начисто разорил, с землей сровнял. Перед тем он разорил многие другие города урусов, но Куябу особо запомнил.

Хотя полмира именует теперь Батыя «Ослепительным», для Бушман-бея он — ненавистный «мешок коварства». Тем не менее две заслуги за ним бей признает. Первая — крепко щелкнул Беле Четвертому по носу, обобрал его до нитки. Вторая — построил удивительный город.

Достоверно известно, что «Ослепительный» живет в Золотом Сарае лишь в пору зимних холодов, а с наступлением весны перебирается на другую сторону Большой Идели, на яйляу. Стоянку его называют и Белым престолом, и Белой ордой, потому что ставятся там только белые шелковые шатры, отобранные у Белы Четвертого. Бушман-бей тех шатров не видел и не увидит, однако свидетельства очевидцев доставляют ему удовольствие. Один злодей побил другого злодея — очень хорошо!

Королю унгаров Бушман-бей никогда не доверял. Правда, после встречи с монахом Юлианом, приглушившей недоверие, он предусматривал возможность перекочевки к берегам Дуная — в случае, конечно, такой нужды. Даже пытался установить через Юлиана связь с Белой Четвертым, и монах привез слова привета от короля, якобы выразившего готовность предоставить кипчакам приют на своей земле. Хан Котян и вовсе прилип к нему, каждый год ездил в Эстергом, его гонцы беспрерывно сновали по дороге на унгарскую столицу. В конце концов, когда стало ясно, что татары захватят владения урусов и кипчаков, пришла весть об уходе хана в Великую Унгарию. Обитателей сорока тысяч юрт, четыре тумена воинов увел он с собой. Унгары, обрадованные приумножением противостоящих татарской угрозе сил, торжественно встретили хана на границе страны, сам король приехал встречать.

Но тут выяснилось главное условие породнения — переход кипчаков в католичество. Узнав об этом, многие кипчаки повернули обратно. Армаи Котяна накинулись на них сзади, а спереди ударили татары. Лишь малой части

строптивцев удалось прорваться к Бушман-бею. Егетов бей принял в свое войско, остальных отправил к башкортам. Теперь на Урале насчитывается девять кипчакских родов, чей клич — «туксуба!».

Кипчаков, ушедших в Великую Унгарию, там за одну ночь — да-да, всего лишь за одну ночь! — свели на нет. Унгарские магнаты, испугавшись, что Бела Четвертый с помощью хана Котяна чрезмерно усилит королевскую власть, устроили в Пеште дикую резню. Король не остановил своих, больше того — самолично участвовал в ночной бойне. До Бушман-бея дошли слухи, будто Бела Четвертный убил Котяна собственной рукой. Вполне возможно. Клятвопреступники особо кровожадны и особо усердны в таких делах — стараются убрать всех, кто может потом кинуть им в лицо обвинение в преступлении.

Вскоре на Великую Унгарию ринулись татары. Хваленое войско Белы Четвертого, хотя и превосходило их численностью, не устояло. Сражение продолжал, запершись в крепостях, простой люд. Возглавили его и вооружили служители церкви. Говорят, среди защитников Эстергома было много монахов. Бушман-бей полагает, что и Юлиан погиб, сражаясь. Такие люди не бросают свой народ в беде, как бросил король... Вот когда пригодились бы сорок тысяч воинов Котяна! Может быть, Бела Четвертый, сбежавший на какой-то островок в море, кусал себе локти, но его страна, казна, белые шатры уже достались Батыю.

Теперь число истинных кипчаков на белом свете сильно убавилось. Тех, кто служит Батыю, Бушман-бей в счет не берет. Пресмыкаться перед лютым врагом родного народа! Разве это не позорнейший вид рабства? Какое потомство ждать от добровольных рабов? Будущее кипчаков — в людях, ставящих превыше всего независимость. Такие люди есть — не только на Урале, но и в кое-каких уголках Дешты-кипчака. Нужен хороший вожак, чтобы собрать их всех вместе, сбить в один косяк. Сам Бушманбей не может это сделать. Нет, не потому, что сил и умения не хватит. Слишком намозолил он глаза татарам. Давно уже был приговорен к смерти за повешенного Батыева гонца. И после этого так досаждал захватчикам, что они, даже содрав живьем с него кожу, не утолят жажду мести. Сколько мелких татарских отрядов превратились в пищу для воронья, напоровшись на устроенные им засады! Он же, отыскав булгарских батыров Баяна и Яку, уговорил их начать засадную войну. Баскаки ныне предпочитают не соваться в те края.

Охотятся татары на Бушман-бея, давно охотятся. Когда-нибудь и схватят. Нельзя допустить, чтобы заодно перебили всех вольных кипчаков. Упаси Аллах! Потому-то бей не хочет брать на себя обязанности вожака. Он должен держаться как бы в сторонке. Если умрет, впитав в кровь молодых отвагу и стойкость в борьбе за свободу, можно считать его долг исполненным. Бушман-бей намерен возвысить Беркута, пусть он станет вожаком-объединителем. Бейство, правда, унаследуют его, Бушмана, сыновья. Но им не удержать в руках все кипчакские роды. Санкем-батыр стар, да и смолоду умом особо не блистал. Одна надежда — Беркут. Бей еще ранней весной отослал его на Урал с пустячным поручением. Пусть люди не видят их вместе, пусть не связывают имя молодого батыра с именем Бушман-бея.

Сколько еще ему, Бушману, осталось жить? Говорят, человек, чувствующий приближение смерти, сам не ведает, что делает. Вот совершил он путешествие, посмотрел на Золотой Сарай — какая была в этом необходимость?.. А-а, ни к чему теперь объяснения!

— Поворачивайте обратно! — велел бей гребцам.

Если б в городе узнали, что Бушман-бей, ярый враг татар, набравший в свое войско отчаяннейших егетов, приплыл взлянуть на Золотой Сарай и уплыл обратно, поднялся бы, конечно, немалый шум. «Куда смотрели? Почему пропустили?» — и полетели бы головы. «Почему не схватили?» — и опять — головы с плеч. Целый тумен, право, кинули бы вдогон. Но Бушмана представляют себе только на коне, на суше, а он, одевшись под купца-уруса, сел в ладью, тем и выиграл.

— Шевелись веселей! Нас свои дворцы ждут!

Много у бея «дворцов» — мест, где он делал передышку или живет, затаившись, некоторое время. «Дворцом» может послужить и островок посреди Большой Идели, и лесная глухомань, и ущелье н горах, и неприметная балка в степи. Долго задерживаться на одном месте нельзя — проиюхают враги и иалетят тучей, глазом моргнуть не успеешь. Бушмана выручает уменье путать след. Даст Аллах, погуляет еще он по родной земле, напоминая захватчикам, кто иа ией хозяин!

— Эй, егет, ты юрматыиец, что ли?

— Да, бей-агай! Как ты узнал?

— Так ты же юрматынскую песню иамурлыкиваешь. Давно в моем войске?

— Третий год уже, с тех пор, как из татарского войска смылся.

— Из родных краев вестей не получал?

— Нет, бей-агай, к сожаленню, не получал.

— В тяжелом положенни Юрматы. Народу там совсем мало осталось, почтн однн старнки и женщины. Азнайбей сильно сдал, хвор, только потому н держнтся на ногах, что сменнть его некому... Короче говоря, собнрайся в дорогу, егет! Я принял решение всех юрматынцев, что под моей рукой, домой отправнть...

Пожалуй, это — самое умное мое решение за последнне днн, думал Бушман-бей, глядя на усердно работающего веслом егета. Всегда он так старается нлн взбодрился, услышав о возвращенни домой? Да, надо отпустить юрматынцев. И людей нз другнх племен башкортов — тоже! Онн достаточно закалены и полны ненавнстн к захватчикам, так что н у себя там не будут сидеть сложа руки. Станут надежной опорой для Беркута. Невесть как дела тут, у Большой Идели, обернутся, татары могут всех перебнть. Тьфу-тьфу, убереги нас, Аллах, от этого!..

В такие вот думы погрузнлся Бушман-бей после того, как увндел Золотой Сарай. С одной стороны, как это нн горько, убедился он в неодолимости врага, с другой — стремление действовать протнв него решительней превратнлось в жгучую, лнщающую сна страсть.

* * *

Прошло еще какое-то время, и в один нз дней в летней ставке Батыя — Белой орде поднялся шум-гам. Вернее, шум возник в шатре велнкого хана, в остальных шатрах лишь покачивалн головамн, цокали языками да шепотом сообщали новость тем, кто не успел ее услышать: Бушман-бей, этот коварный кнпчак.. .Да-да, этот возмутнтель спокойствия, который тщнтся встать в отваге и величин вровень с самнм Ослепнтельным, дошел до предела наглости — разгромил алай, возвращавшийся с богатой добычей и плененными урусамн. Что было потом? Ну, ясно — что... Как всегда, отпустил пленников, добычу забрал себе. Оставшнмся в жнвых воннам набил в шаровары конского навозу. Что может быть срамнее для истннного монгола?! И это не все. Отрезал у ннх ушн и, сказав: «Передайте от меня привет вашему велнкому хану!» — тоже отпустнл. А эти-то! Осмелились явиться сюда, рассказать о своем позоре! Лечь бы им там и умереть! Все равно нх ждет смерть...

Новости одна хлеще другой будоражилн в этот день Белую орду.

— Главный палач вызван к Ослепительному!

— Опозорившнмся сломают хребты!

— Менгу-хан выступает в поход с двумя туменамн войска! Для поимки Бушман-бея.

— Подсечем кипчаков под корень, чтоб и духу от них в Белой орде не осталось! Таково повеление великого хана. Готовьтесь к охоте!..

Крики посыльных, скрипучие звуки зурн, грохот барабанов... Едва тумены Менгу-хана спустились к реке, в Белой орде началась кровавая заваруха. Если татарин замахивался на кипчака саблей, тот отвечал дубинкой. Встречь волосяному аркану с петлей летело копье. Падали шатры, метались кони, волоча сбитых с седел хозяев. Объятые ужасом женщины н дети не знали, куда бежать, где спрятаться. Кипчаки, сумев объединиться, сами перешли в наступление. Лишь после того, как Менгу-хан вернул несколько алаев и кипчаков оттеснили от ставки, удалось установить порядок. Такнм образом, уже начало охоты на Бушман-бея обернулось войной со всеми кипчаками.

Было хорошо известно, что Бушман-бей держится близ Большой Идели, устранвая нападения как на суше, так и на воде, нагоняя ужас на всех, кто держит путь в Золотой Сарай или из Золотого Сарая. Часть своего войска Менгу-хан посадил в разновеликие лодки, двести лодок одновременно вспороли гладь реки, и вода вскипела под ударами весел. По обоим берегам двинулись конные алаи, прочесывая каждый лесочек, проверяя каждую впадинку и каждый бугорок на своем путн. Давно Золотой Сарай не посылал против кого-либо такую силу — ведь ее достаточно было, чтобы разгромить небольшое царство. Менгу-хан, кроме понмкн Бушман-бея, должен навечно вселить страх н покорность в души тех, кто еще не примирился с татарским владычеством, и он сделает это!

Вести, распространенные кипчаками, избежавшими гибелн прн резне в Белой орде, можно уподобить набату нли черным дымам сигнальных костров: спасайтесь, Менгу-хан идет! Менгу-хан охотится на Бушман-бея!.. Обитатели летних стоянок брызнули прочь от берегов Большой Идели, не успев погасить огни мирных очагов. Рыбаки спешили затащить свои лодки и сетн в густые камышовые заросли. У самого Бушман-бея вести эти вызвали усмешку — вот мол, наконец, и с нами началн считаться. Он распорядился, во-первых, не спускать глаз с туменов Менгу-хана, во-вторых, устроить в удобном месте засаду.

Укол из засады на огромиое татарское войско особого впечатления не произвел, оно продолжало продвигаться вверх по реке. Расстояние меж иим и местом, где стоял со своими егетами Бушмаи-бей, быстро сокращалось. Все же было еще у бея время, чтобы оторваться от карателей, уйти куда-нибудь в леса, исчезнуть там. Но ему, похоже, хотелось поиграть в жмурки с аигелом смерти Газраилом. Наверно, что-нибудь придумал, только ие говорит нам, рассуждали меж собой егеты. И себя, и нас погубит, шептались сотники. Между тем грозящее катастрофой столкиовение неотвратимо приближалось.

Бушман-бей все видел, все слышал. Видел и пути выхода из создавшегося положеиия, замыслов тоже хватало, надо было только на чем-то остановиться. От иамерения встретиться с Менгу-хаиом лицом к лицу ои сразу же отказался. Превосходство и в числеииости, и в вооружении — на сторойе врага, сшибиться с ним влобовую — значит, зря пожертвовать множеством жизней. Потери, даже оправдаииые, горьки, в особеииости жаль молодых воинов — они должиы вериуться в свои обескровленные роды, восстановить нарушеииую связь поколений. Рассеяться, сохраиить жизни и в удобный момеит собраться вновь — вот, пожалуй, самое умное из всего, что можно придумать...

Придя к такому решению, бей истомился в ожидании вечера. Когда смерклось и ииже по течеиию реки замерцали бесчисленные костры, извещая о том, что татарское войско встало на ночлег, он последиий раз собрал всех своих воииов вместе. Сотни стояли полукругом, воииы воззрились на своего сардара в иадежде накоиец-то услышать иечто решающее. Бей сначала безмолвио проехал вдоль строя сотеи, жестом вызывая в отдельиый строй тех своих соратииков, которых зиал давно, затем, выехав иа середииу, объявил:

— С теми, кого отобрал, я остаюсь здесь, чтобы сбить со следа татарских собак. Вы сейчас же разъедетесь, кому куда направиться — юзбаши знают. Это ие бегство от опасности, а всего лишь мера для сохраиения наших сил. Вы должиы затаиться и ждать. В свой срок, получив весть от меия, вы снова примчитесь ко мие...

Воины замерли, поражеииые услышаииым. Бушманбей, еще раз окинув взглядом их иедвижные ряды, добавил:

— Если долго ие будет вызова от меия, считайте, что я приказал вам вернуться в родиые края. Я сказал все. Счастливого всем пути!

Помня о суровом нраве бея, все тут же пришли в движение. Сотня за сотней бесшумно уходили в степь. Оставшиеся, напротив, старались побольше нашуметь, побольше развести костров: обратите, дескать, внимание — мы тут и не боимся вас. Эта простенькая военная уловка, хотя и применяется тысячи лет подряд, довольно часто дает нужный результат. Но на сей раз она, кажется, насторожила татар. Где-то в отдалении поднялся шум, донеслись конское ржанье, яростные крики. Соратники бея, наставив уши на шум, пытались определить, что произошло и что должны предпринять они сами.

— Выходит, не спят татары!..

— Должно быть, выслали конный разъезд, и наши наткнулись на него.

— Ладно, если сумеют ускользнуть...

Дело оказалось серьезней, чем предположили: ушедшая последней сотня подверглась нападению, потеряла многих егетов, но прорваться в степь не смогла. Помотались туда-сюда — везде татары. Когда это стало очевидным, повернули обратно. Вернулись не с пустыми руками, приволокли двух пленников. Может быть, бей пожелает допросить их?

— Выясните сами, хорошо ли охраняются их лодки. Впрочем, что могут знать эти твари! — махнул рукой бей и приказал быстренько связать несколько плотов.

Воины, хотя и не поняли его намерений, тут же принялись за работу. Валили высокие, стройные сосны, быстренько стаскивали их, очистив от сучьев, в воду, стягивали волосяными веревками. Если люди работают дружно, и дело спорится. Вот уже начали заводить на плоты коней и укладывать их там. Замысел бея прояснился, поэтому дело пошло еще веселей. Съестные припасы и оружие погрузили в лодки. Перед этим бей созвал юзбашей и унбашей, коротко посовещался с ними.

В предутренней темноте плоты и лодки кипчаков, прижимаясь к крутому берегу, приблизились к татарскому лагерю. Ни звука, ни всплеска — сама река, будто Бушман-бей заключил соглашение с нею, несла людей туда, куда им было нужно.

Пропустив плоты вперед, лодочники осторожно погребли к пологому берегу, где отдыхал Менгу-хан. Десятки воинов беззвучно, как тени, скользнули в воду, а вскоре опять закипела работа, на первый взгляд, довольно странная: перерезав причальные концы, кипчаки отталкивали подальше от берега, на течение, стоявшие на мелководье лод-

жи татар. А когда вражеские дозорные учуяли неладное и подняли тревогу, кипчаки, уже не таясь, кинулись пробивать днища вытянутых на гальку лодок покрупнее. Хруст, грохот, крики... Кому-то из татар пришло в голову запалить костер, нашлись последователи. Но вдруг они сообразили, что при свете костров сами стали удобными мишенями для стрел и камней из пращей. И стрелы, и камни не замедлили посыпаться на них.

Пока татары очухались, кипчаков и след простыл. Лишь кто-то крикнул язвительно чуть ли не с середины реки:

— Эй вы, татарские собаки, погоняйтесь теперь за собственными хвостами!

Потерявший более половины лодок Менгу-хан несколько дней не трогался с места. Не только его нойоны и батыры, но и простые армаи не привыкли к пешему передвижению. Пришлось вязать плоты, приводить в плавучее состояние поврежденные лодки. Откуда-то пригнали табун — часть армаев, пересев на коней, присоединилась к береговому войску.

В скорой поимке Бушман-бея хан не сомневался. Куда он теперь денется? Едва приткнется к берегу — угодит в ловушку. А тот плыл и плыл вниз по течению, при случае обирая торговцев, направлявшихся в Золотой Сарай. Казалось, бей и не думает расставаться с рекой, но в одну из ночей он вдруг исчез. Рано утром «глаза и уши» Менгу-хана наткнулись на берегу на догоравшие остатки лодок и плотов и по многочисленным конским следам определили, что хитрый кипчак ушел в степные просторы.

— Чтоб ему с коня свалиться и шею сломать! — пожелал один из разведчиков.

— Насчет его шеи не знаю, а вот нам шеи точно свернут! — отозвался другой. — Хан не простит, что упустили...

— А может, и нам, пока живы, того?..

— Я и говорю!..

Одним словом, вслед за Бушман-беем с его ватагой исчез и передовой алай ханского берегового войска. Поплатились за это другие. Менгу-хан рассвирепел. Остаться ни с чем, когда добыча, можно сказать, была уже в его руках! Если дойдет до Батыя, в каком положении он окажется! «Ослепительный», недолго думая, пошлет другого хана, — иди, скажет, поймай дерзкого кипчака, Менгу, скажет, ни на что, кроме как доить кобылиц, не годится. Этот бурдюк с кумысом, посмеется Батый, забыл заветы нашего великого деда, иначе знал бы, как заставить войско пошевеливаться...

Мысли Менгу-хана метались, а глаза его метали молнии. Чем больше угодивших под горячую руку уплывало со сломанными хребтами по реке, тем больший страх овладевал войском. «Глаза и уши» хана выбивались из сил, пытаясь установить местонахождение Бушман-бея. Наконец, услышав, что в полуденной стороне бродит какой-то алай, Менгу-хан совсем уж было собрался двинуться туда, но остановила его весть с противоположной стороны. Там был схвачен человек из мокшей. Не выдержав пыток, он признался, что послан своим князем для встречи с Бушман-беем, и назвал место, где бей должен ждать его. Менгу-хан, не колеблясь, ткнул рукой на север.

Бушман-бей со своим сильно поубавившимся войском вновь повернул к Большой Идели. Он чувствовал, что балуется со смертью, прямо-таки дергает Газраиля за полу — мол, не забыл ли ты обо мне? Да разве ж тот забудет!.. Но азарт часто берет верх над страхом смерти. Бушман-бей хотел показать всему свету дурость внуков Чингизхана. Пусть все увидят, пусть услышат, что Менгу-хан со своим двадцатитысячным войском бессилен против горстки храбрецов!..

Опять началась игра в кошки-мышки. Бушман-бей то садился в лодку, то вскакивал на коня и, умчавшись в степь, пропадал там на несколько дней, а потом вдруг оказывался за спиной своих преследователей или наскакивал на них сбоку, чтобы, устроив переполох, снова исчезнуть, затаиться...

Хорошо известно, что Бушман-бей был суров по отношению к женщинам, к воинским делам их и близко не подпускал. Но вот он почему-то изменил своим правилам. Всякие по этому поводу строились потом догадки, однако убедительного объяснения никто не нашел. Одно бесспорно: когда он последний раз вернулся к Большой Идели, в его войске была какая-то старуха. Встретилась она, якобы, случайно, и бей из жалости взял ее с собой. Бытует и такое утверждение: будто бы в девичестве была она рабыней бея, вскружила тогда ему голову. Разного рода предположений поныне можно услышать множество, не будем на них останавливаться, нам достаточно знать, что явилось причиной несчастья.

По преданию, Бушман-бей со своими егетами остановился на ночлег на одном из островов посредине Большой Идели, а та старуха каким-то образом осталась на берегу. Подъехавшим верховым татарам она кивком указала на остров, затем сдернула с головы ложные волосы и обернулась девушкой...

Старик-йырау, то-есть сказитель, прибредший к юрматынцам несколько лет спустя, представил все это иначе. Его песнь утверждала, что старуха отстала на берегу, заблудившись. Татары подвергли бедняжку пытке, поставили босиком на горячие угли, и она не выдержала боли, закричала, глядя в сторону острова: «Спасайтесь! Отомстите за меня!»

Татары быстренько окружили остров. И начался там жестокий бой. Пролилось столько крови, что вода в реке покраснела. Все егеты Бушман-бея полегли, а сам он, потеряв сознание, угодил в руки татар.

Важный, будто гусак по весне, Менгу-хан торжественно доставил пленника в Золотой Сарай. В изодранной, испятнанной засохшей кровью одежде Бушман-бей предстал перед Батыем. «Склони голову! На колени!» — крикнул Менгу-хан. «Я же не верблюд вроде тебя, чтобы опускаться на колени!» — засмеялся Бушман-бей. Один из нойонов, считавшийся самым сильным из монголов, разъярившись, выхватил саблю и рассек гордого кипчакского батыра надвое...

К этому надо добавить, что среди тех, кто слушал печальную песнь сказителя, рядом с крайне одряхлевшим и ослепшим Азнай-беем сидел десятилетний Кутлусура — сын унгарского монаха Юлиана и служанки Газили, будущий кан-баба племени Юрматы.

СПУСТЯ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Говоря о попытке внуков Чингизхана достичь «Последнего моря», обычно ограничиваются обрисовкой кровавых событий в странах Европы, о том же, что татаро-монголы разорили Афганистан, Иран, государства Закавказья и, пройдя через Багдадский халифат, дошли до Сирии, упоминают редко. А ведь тут Хулагу-хан создал пятый улус громадной монгольской империи и объявил себя его правителем — ильханом. Это был умный, жестокий и алчный правитель, умело разжигавший межрелигиозную рознь с тем, чтобы ослабив своих противников, держать их в узде. Завладев богатством багдадского халифа, достойным сказок «Тысячи и одной ночи», Хулагу-хан узнал, что Сирия с Египтом еще богаче, и вознамерился присоединить их к своему улусу.

В ту пору Сирия зависела от Египта, а трон египетского султана был в руках мамелюков. В год Петуха

(1260) войско Хулагу-хана, ведомое монголом Китбугу, который поклонялся пророку Гайсе, то есть Иисусу Христу, вторглось в Сирию. Против него выступило войско мамелюков во главе с Бейбарсом, кипчаком по происхождению. Если верить писаниям древних историков, первое сражение выиграл Китбугу. Вскоре сражение повторилось близ города Эйн-Джелута. На сей раз верх взял Бейбарс. Он наголову разбил татар, захватил много пленных и богатую добычу, после чего в народе стали именовать его Абу-Футухом — Отцом победы.

Но речь сейчас не о нем, вернее, не только о нем. С Эйн-Джелутским сражением связан весьма интересный для нас эпизод. Следя за ходом битвы, Бейбарс обратил внимание на то, что один пожилой воин все время вертится около молодого мамелюка, стараясь уберечь его от вражеских сабель и копий. Возможно, этот штришок битвы был бы забыт сардаро́м, поглощенным куда более важными заботами, но, устроив смотр оставшимся в живых, он опять увидел тех двоих вместе и приказал привести их в свой шатер.

— Кто вы? Отец с сыном? Почему все время держитесь вместе, будто связанные? — спросил Бейбарс.

А те, представ перед прославленным сардаром и услышав вопрос, заданный чересчур уж властным голосом, должно быть, немного растерялись. Переглянувшись меж собой, они безмолвно переминались с ноги на ногу.

— Говори ты! — велел Бейбарс старшему.

— Великий эмир должен бы помнить нас, — проговорил тот. — Я — Гильман-батыр, проделавший в поисках этого егета очень долгий путь. Ради него я продал самого себя, стал мамелюком, и тогда уже объяснил тебе, кто мы...

— Плохо, выходит, объяснил, раз я не запомнил. Расскажи о себе и о нем так, чтобы запомнилось.

— Э, великий эмир, если я примусь рассказывать обо всем, что мы пережили, у тебя ни времени, ни терпения не хватит.

— Ты начни, а там посмотрим, — сказал Бейбарс, жестом велев Гильману с Гильметдином сесть. Перед ними тут же было выставлено угощение — знатное питье и фрукты.

Гильман-батыр приступил к рассказу. Не избегая подробностей, он поведал о племени Юрматы, о рождении мальчика с печатью высших сил, о нападении на племя татаро-монгольского войска, угнавшего в рабство многих

юрматынских женщин и детей. Рассказывая о том, как он, расставшись с Азнай-беем, два года добирался до Египта, где, наконец, отыскал Гильметдина, Гильман-батыр настолько разволновался, что у него у самого на глаза навернулись слезы. Бейбарс тоже расчувствовался и, чтобы приближенные не заметили его минутной слабости, сидел низко опустив голову. Да и на всех слушателей рассказ батыра произвел тяжелое впечатление. Некоторое время в шатре царило молчание.

— Непонятно, почему ты, узнав, что не сможешь вернуть мальчика в свое племя, все-таки остался здесь. Ведь вырваться из мамелюкства невозможно, теперь ты в этом, наверно, убедился. На что надеялся? На чудо? — спросил Бейбарс.

— Я и сейчас верю, что мы вернемся на родную землю. Я остался здесь, стал мамелюком для того, чтобы Гильметдин помнил о ней, не забыл свой язык, — ответил Гильман-батыр и добавил: — Юрматы ждет нас.

— Великий эмир властен отпустить нас, — сказал не проронивший до сих пор ни слова Гильметдин.

И оба они, Гильметдин и Гильман-батыр, с надеждой воззрились на сардара. А тот, вдруг переменившись в лице, закричал по-кипчакски:

— Есть ли у вас хоть по капле ума?! Разве не видите, что мир — на краю гибели, не понимаете, что отпустить вас — значит, обречь на верную смерть? Думаете, мне не хочется вернуться на родную землю? Я ведь тоже родился в долине Ак-Идели! Если б можно было туда прорваться, я двинулся бы со всем своим войском!..

В голосе Бейбарса прозвучала горечь. Видно, рассказ батыра, напомнив о далекой родине, задел душевную рану сардара, всколыхнул тоску, оттого он и рассердился.

— Не все ли равно, где бьешь татарских собак? Вот очистим мир от них — тогда, с соизволения Аллаха, вместе и вернемся, — сказал он уже помягче.

Юрматынцы сидели, боясь пошевелиться, — угасшая было надежда вновь воспламенилась в их сердцах. Бейбарс, глянув на них, усмехнулся:

— Я вас разлучу. Гильметдин должен овладеть искусством побеждать, должен ожесточить свою душу, закалить волю! Твоя опека, батыр, расслабляет его... Будешь моим телохранителем! — Это относилось к Гильметдину. — А ты вернешься на остров обучать маленьких мамелюков! — приказал сардар Гильман-батыру.

Кто в Египте в ту пору мог бы возразить Бейбарсу?

Разве только султан, да и то вряд ли, ибо сидевший на троне мамелюк, давний сотрапезник сардара, чересчур увлекшись любовными играми в гареме отправленного им самим к праотцам законного султана Салиха Аюпа, сильно пошатнул свое здоровье и, чувствуя немощь, страшился Бейбарса.

После сражения под Эйн-Джелутом самозваный султан повелел приготовиться в столице к торжественной встрече победителей, замыслив при этом убийство Бейбарса. Возвращаясь в Каир, Бейбарс узнал, что его ждет, но чувств своих не выдавал, держался спокойно. Когда он, осыпаемый поздравлениями, отвечая приветствующему его народу легкими поклонами, ехал в сопровождении телохранителей по улицам столицы, всем было ясно, куда направляется герой: конечно же, ко дворцу султана, дорога славы ведет лишь туда, и там победителя уже ждут.

Там Бейбарса действительно ждали. На дворцовой площади перед пышной свитой стоял сам султан, приготовивший под видом почестей смерть. Бейбарс, сойдя с коня, неторопливо пошагал к нему; приблизившись, вдруг рванулся вперед и всадил в шею султана выхваченный на бегу нож. Ха-а-ай, до чего же ослабили несчастного любовные утехи: дернулся раз-другой и испустил дух. Труп тут же куда-то уволокли. А Бейбарса подняли на руки, и над площадью прозвучало:

— Да здравствует султан Бейбарс! Живи тысячу лет. Абу-Футух!

Гильметдин опустил взятый наизготовку лук и присоединил свой голос к крику толпы. То же сделали остальные телохранители. Крик разносился все дальше и дальше.

— Да здравствует!..

— Живи тысячу лет!..

Так Гильметдин попал с поля битвы во дворец султана, а вскоре был назначен начальником личной охраны Бейбарса. Новый султан никуда без него не выезжал, в тайных делах прибегал к его помощи. Немало походов совершили они вместе — и против армаев безбородого хана, как называли татар, и против желтоволосых, голубоглазых завоевателей — крестоносцев. Последние по существу действовали заодно с татарами, захватили многие окраинные египетские города и крепости. Отбив крепость Мансур, султан Бейбарс начал оттеснять крестоносцев за пределы своих владений. Гильметдин ни на шаг не отставал от своего повелителя, наблюдая за ним, набирался

ума-разума, и в его душе зарождалось стремление к самостоятельным действиям, большим делам.

В Каир они неизменно возвращались победителями. Вернувшись, устраивали шумные празднества. Вино, как говорится, текло рекой, а на берегах этой реки танцевали обнаженные девушки. Комнаты дворца превращались в обители любви. Не только Гильметдину, но и простым телохранителям перепадала доля всеобщего веселья. Правда, счастливый смех временами прерывался грубой бранью, раздавался сабельный звон, кто-то падал, сраженный точным ударом, его уволакивали за ноги, и место, где пролилась кровь, засыпали чистым песком. Вино продолжало течь рекою...

Но и самый долгий праздник в конце концов завершался, и Гильметдин, загрустив, с нетерпением ждал, когда Бейбарс позовет его: султан в такие дни тоже грустит и посылает главного своего телохранителя в школу мамелюков за Гильман-батыром. Запершись втроем, они предаются воспоминаниям о родине. Гильман-батыр рассказывает об Урале, об Ак-Идели и обитающих там племенах. На глаза слушателей порой набегают слезы. Бейбарс, жестом прервав батыра, погружается в раздумье, затем как бы сам для себя роняет:

— Нет, нельзя! Пока не получится...

В один из приездов Гильман-батыр сообщил, что школа мамелюков пополнилась новыми воспитанниками, что есть среди них и дети из страны башкортов. Новость взволновала Бейбарса, он решил посетить остров, где располагалась школа, повидать тех детей.

Султан допустил неосторожность, собравшись в плавание без надлежащей охраны и напомнив своему окружению, что и сам он — бывший мамелюк. Перед отплытием в многозначительном переглядывании великого везира с кадием, верховным судьей, Гильметдин уловил нечто недоброе, некое тайное намерение. В свою очередь и он с Гильман-батыром переглянулись, объяснились без слов. Зоркий Бейбарс заметил это и кивком дал знать, что понял их.

Гильметдин почтительно усадил везира с кадием в отдельную лодку. В пути случилось несчастье, неподалеку от острова лодка перевернулась. Высокочтимые сановники плавать не умели, спасти их не удалось. Султан, сойдя на берег, сотворил молитву — попросил Всевышнего устроить души утопших в раю и направился в школу. Когда он знакомился с будущими мамелюками, ни малейшего

признака печали на лице его не было. Особенно ласково и долго султан разговаривал с детьми из страны башкортов, выспрашивал, как кого зовут, кто из какого племени. Но слишком еще малы были его собеседники, а в плен, должно быть, угодили совсем несмышленышами, да и в пути порядком натерпелись — на вопросы отвечали несмело, путались, старались спрятаться друг за дружку.

— Будь рядом с ними! Напоминай о родной стороне!..— сказал Бейбарс Гильман-батыру.

В скором времени их встречи, совместные мечтания о возвращении в родные края, попытки восстановить в памяти родные напевы, сама радость общения стали представляться чем-то вроде сладостного сна. Снова усилили натиск татары и крестоносцы. Схватка следовала за схваткой. У Бейбарса, а значит, и у Гильметдина не то что с Гильман-батыром встретиться — наведаться в Каир подолгу не было возможности.

Наконец, и это вроде минуло. Но в самый разгар празднеств по случаю новых побед Бейбарс загадочным образом исчез. То ли его, убив, бросили в Нил, то ли заточили в темницу, где он сгнил заживо, — тайна эта так и осталась нераскрытой.

Наверно, убили бы и Гильметдина, но он в те дни находился в другом городе, куда был послан по какому-то важному делу. Узнав о дворцовом перевороте, в столицу он, конечно, не вернулся. Какое-то время жил, затаившись, потом сумел собрать сохранивших верность ему мамелюков, начал подготовку к захвату Каира. Попробуй в таких условиях выяснить участь Бейбарса! И Гильман-батыр пока что был забыт. Собери войско, вооружи его, одень-обуй, накорми, отбейся от сторонников нового султана, подумай, как отбиться или уклониться от схватки в следующий раз... Забот у Гильметдина хватало. Рядом с Бейбарсом он успел познать вкус власти, изучил пути к ней и уже не мог представить себя в положении рядового мамелюка.

Брать штурмом дворец султана, убивать кого-то, чтобы сесть на трон, ему не пришлось — на трон его позвали. С севера на египетские владения опять наступали крестоносцы, с востока наседали татары, а очередной самозванец, сидевший на троне, погряз в пьянстве и разврате. Тогда-то вспомнили о Гильметдине, объявленном разбойником и проклятом во всех мечетях Каира. Вспомнили, что он учился у Бейбарса, перенял искусство сражаться и побеждать. И прислали гонца, призывая его в Каир.

Гоица Гильметдин завернул обратно без какого-либо ответа. Тогда прибыло к нему целое посольство. Были в том посольстве саиовники и муллы, были и мамелюки, иекогда ходившие в одной невольничьей связке с Гильметдииом, а в последиее время обитавшие во дворце султаиа. Изгибаясь в поклонах, будто молоденькие наложницы, перебивая друг друга, оии сообщили, что трон свободен, и просили Гильметдииа стать султаном.

— Никто после достославиого Бейбарса еще не показал себя достойным зваиия султана. Будете называть меня эмиром, — ответил им Гильметдин.

Указав место, где должно собраться войско, сам он прямиком отправился туда. Не заглянул в Каир, не испытал удовольствия посидеть на ожидавшем его троие.

Некоторое время спустя под Альбостаном Гильметдии разгромил татар, затем повел войско против желтоволосых завоевателей с изображением Иисуса Христа на знамеиах, отбил у иих несколько приморских крепостей, — в связи с этим его стали имеиовать Гильметдином Саиджаром, то есть Гильметдином — Покорителем крепостей.

Одиажды в период затишья между схватками, обходя свое отдыхающее войско, эмир Гильметдии Санджар услышал родиую с детства речь и подошел к кучке молодых мамелюков. Те вскочили. Эмир, разрешив им сесть, и сам присел рядом на корточки.

— Узнаете меия, земляки? — спросил ои.

— Как не узнать! Узнаем! — наперебой отвечали мамелюки.

— Ты был с султаиом Бейбарсом, когда ои разговаривал с иами на острове, — напомиил один из них.

— Верно! Сколько времени с тех пор прошло! Вы уже стали иастоящими воинами... А где Гильман-батыр, почему он не с вами?

— Умер Гильмаи-батыр... — сказал мамелюк, напомнивший о давией встрече.

— Еще в прошлом году, — уточнил другой.

— Мы не дали бросить его в море, похороиили по-иашему, — похвалился третий.

Долго молчал Гильметдин Саиджар, оглушенный этим сообщением. Пал бы на песок пустыии, завыл с горя, но что позволеио простому смертному — ие позволено эмиру. Много чего ему не позволено... Умер Гильман-батыр, а он не был рядом с ним даже в смертный час. Честно говоря, и вспоминал о ием редко. Ухитрился забыть... Забыть о человеке, который ради твоего спасеиия преодолел

такие расстояния! О человеке, который сам себя продал в рабство, чтобы оказаться рядом с тобой, избавить тебя от мук одиночества, заботиться о тебе, ограждать от новых бед! О человеке, который воспитал тебя! Это же он твердил тебе о твоих корнях. Он помог сохранить в памяти слова «Урал-тау», «башкорт», «Юрматы»... И вот его нет! Ты осиротел. Осиротели егеты, ждущие сейчас, что ты скажешь...

Эмир поднялся.

— Вставайте, земляки! Отныне мы всегда должны быть вместе, — сказал он. И, поглядывая то на егетов-башкортов, то на своих телохранителей, добавил: — Отныне мое имя — Гильметдин Санджар аль-Башкорди. Пусть мир знает, откуда я родом, чей сын!..

Под этим именем он вошел в историю. Нам известно, что эмир Гильметдин Санджар аль-Башкорди правил Египтом около двух десятилетий. Предсказания Азнайбея сбылись не полностью: мальчик, отмеченный печатью Тенгри, стал предводителем, но не в своей стране. Жаль.

1987—1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литературно-художественное издание

РАФИКОВ Булат Загреевич

В ОЖИДАНИИ КОНЦА СВЕТА

Историческое повествование

Роман

Перевод с башкирского

Редактор *Н. Грахов*
Художник *А. Мухтаруллин*
Художественный редактор *Р. Рамазанов*
Технический редактор *З. Чингизова*
Корректоры *В. Яппарова, Л. Семенова*

Сдано в набор 08.09.95. Подписано к печати 15.04.96. Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$.
Бумага № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Усл.-кр. отт. 17,85. Учетн.-издат. л. 18,44. Тираж 7000 экз. Заказ № 96.
Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

В 1996 году Башкирское издательство «Китап» готовит к выпуску следующие книги:

Валиди А. З. **Воспоминания**, кн. 2 — На рус. яз.

Данное издание — продолжение «Воспоминаний», вышедших в 1993 году. В книге описываются события, начиная с среднеазиатского периода жизни А. З. Валиди. Издание представляет огромный интерес для тех, кто изучает жизненный путь и творчество Ахмета Заки Валиди.

Подлубный О. И богом забытые. На рус. яз.

Автор повести — участник войны в Афганистане — смело и честно рассказывает о судьбах воинов-афганцев. Главными героями являются солдаты — уроженцы Башкортостана, прошедшие через тяжелые бои, плен, пытки, сохранившие истинные высоты духовности и чести.

5p